

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**
**ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»**
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
кафедра истории и теории государства и права

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

**МАТЕРИАЛЫ VI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ**

(11 НОЯБРЯ 2021 г.)

г. Симферополь 2021

**«Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества»:
Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным
участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. -
Симферополь: «КФУ им. В.И. Вернадского», 2021. – 377 с.**

Настоящий сборник составлен по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества», состоявшейся 11 ноября 2021 г. в г. Симферополе. В материалах нашли отражение актуальные вопросы трансформации правовых систем в мире, тенденций и перспектив развития правовых институтов в РФ и зарубежных странах в условиях цифровизации общества и др. Были рассмотрены проблемные аспекты российского и зарубежного права, проанализированы вопросы юридической практики и правовых технологии в юридической науке, а также в условиях современного государства.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Право и правовая система в эпоху цифровизации

Филонов А.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ КАК ФАКТОР МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ НАРУШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА.....	11
Ларичев А.А. ИНДЕКС ЛОКАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОГО АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ.....	14
Гарчева Л.П. ЦИФРОВАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК УГРОЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ.....	17
Чеботарева Г.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	22
Чхутиашвили Л.В., Чхутиашвили Н.В. ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА - СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ.....	25
Гаврилова В.Д. РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	28
Голикова В.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	30
Иванцова Ю.Г. КОРПОРАТИВНЫЕ НОРМЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	33
Казанцева Е.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	37
Казанцева Е.В., Казанцев А.Ю. К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	41
Кобелева Л.С., Черных А.Б. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВООБРАЗОВАНИЯ И СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	44
Кошман В.А. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ESG ИНВЕСТИЦИЙ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ ЗЕЛЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	47

Лазарева О.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	50
Морару Е.Ф. ПРАВО И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	53
Цындра В.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ.....	58
Блашкова Л.Л. КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ ПРИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	61
Кудряшова Е.Н. ОБ ОБЩИХ ПРАВИЛАХ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ.....	65
Ивлева В.С. ЕДИНЫЙ ПОРТАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ – РЕАЛИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (АНАЛИЗ И СТАТИСТИКА).....	68
Нор К.Е. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН КАК УЧАСТНИКОВ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	71
Кадомский А.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	74
Клубенко В.С. ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	77
Алехин П.В. ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА.....	83
Ахременко А.С. УЧАСТИЕ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ.....	86
Баторова С.В. РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ КАК ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА ГОСУДАРСТВА.....	89
Власова О.В., Гечханова А.А. ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	93
Гайдаров А.Д. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	96
Елькина А.С. К ПРОБЛЕМЕ УПРАЗДНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РФ ДО 2023 ГОДА.....	100

Жук А.П. ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	104
Зарубин Д.В. ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.....	107
Лялюшкина К.Р. LEGALTECH – ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ.....	110
Лукаш Д.Я. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА.....	113
Стома В.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СРЕДСТВ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ.....	116
Меграбян К.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ.....	119
Муромцев Д.А. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПРОБЛЕМА КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	122
Неведомский С.Е. О ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ.....	126
Несмачная П.В. ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	134
Пронина В.В. ЭТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	137
Семцова С.И. РОБОТЫ СРЕДИ НАС ИЛИ К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ (ИИ) ГРАЖДАНСТВА.....	142
Титова А.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ.....	145
Хадускина В.В. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	148
Шилова А.Д. ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ.....	151

Юрченко С.А. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	155
--	------------

СЕКЦИЯ 2. Трансформация конституционного права и избирательного процесса в условиях цифровой реальности

Виноградов В.А. ОБЩЕСТВЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ВЫБОРАМИ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2021 ГОДА.....	161
Сибилева А. Ю. ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	164
Анохин А.Н. ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	169
Волошина Е.Р. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	173
Денифостова Е.И. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, ПОПЫТКИ И УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ЭЛЕКТРОННОМУ ГОЛОСОВАНИЮ.....	178
Зырянов А.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	183
Ибрагимов О.А. ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	186
Майорова В.М. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОТДЕЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РФ.....	189
Нешенко Я.Д. РАЗВИТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	194
Полгар М.А. УЧАСТИЕ НАРОДА В КОНСТИТУЦИОННОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	198

Полякова А.С. СПЕЦИФИКА И МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....201

Ульянов А.Ю. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....204

СЕКЦИЯ 3. Права человека и цифровые права как новое поколение прав в цифровую эпоху

Евтушенко И.И. О СООТНОШЕНИИ «ЦИФРОВОГО ПРАВА» И «ЦИФРОВЫХ ПРАВ» В ФИНАНСОВОМ, ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ.....208

Кузьмин А.В., Коваленко Е.А. ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ПО СТ. 141.1 ГК РФ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕВОСТРЕБОВАННОСТЬ.....211

Шармоянц А.Н. О ПОКОЛЕНИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ.....214

Дмитриенко А.Я. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ.....218

Анциферова Э.Ю. ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ И УБЕЖДЕНИЙ.....222

Емельяненко А.В. ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА И ЦИФРОВЫМИ ПРАВАМИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ.....223

Спиваченко Д.В. ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....227

СЕКЦИЯ 4. Использование цифровых технологий в отраслях права в РФ и за рубежом: традиции и инновации

Горбенко Т.В., Гусев А.В. ДИСТАНЦИОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ.....231

Скобелев В.П. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ.....239

Бахриева З.Р., Павленко И.Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА БРОНИРОВАНИЯ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ.....	242
Заброда Д.Г., Цындря В.Н. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВНЕДРЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ.....	246
Заброда Д.Г. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ.....	251
Клименко Е.П. ЦИФРОВИЗАЦИЯ В МОРСКОМ ПРАВЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ.....	255
Солдатова Л. В. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	258
Лескина Э.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	261
Радковская М.-А.Ю., Шкурова П.Д. К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ.....	264
Скворцова О.В., Елисеева А.Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ.....	267
Шинкарук Д.А. О ПРОБЛЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	270
Прудникова Т.А. МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	273
Березюк Л.А. РАЗНОВИДНОСТИ РАБОТЫ ПО ВЫЗОВУ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	276
Кошкин А.С. ЦИФРОВЫЕ БЛИЗНЕЦЫ КАК МЕТОД ОПТИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИКИ ПРИ МОРСКИХ ФРАХТОВЫХ ПЕРЕВОЗКАХ.....	280
Буйнов Д.О. ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	283
Киров А.А. СПЕЦИФИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО СУДОХОДСТВА.....	287
Айжарова Р.В. СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В АДМИНИСТРАТИВНО ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ.....	290

Азарова А.С., Гейченко Д.А. ЦИФРОВОЕ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР.....	293
Сибилев Я. И. ЭЛЕКТРОННЫЕ ПЛАТЕЖНЫЕ СРЕДСТВА В РОССИИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА.....	296
Глинда А.И. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	300
Бальский А.В. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДАЖИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	303
Басырова З.Р. РОЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ.....	306
Гиниятуллина Р.Р., Калинина А.В., Посталюк М.К. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: МАШИНОЧИТАЕМОЕ ПРАВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ.....	309
Зотова А.А. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	311
Киндеева А.А. МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ С ЦЕЛЬЮ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА.....	315
Крылова В.В. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ МОТ В СФЕРЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	318
Куцык В.П. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	321
Логвенчева А.О. НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА.....	324
Лузгин И.И., Середа А.Е. ПЕРСПЕКТИВЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОМПЬЮТЕРНОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ.....	327
Мелентьева В.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ.....	330
Мургазаева А. А. ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ.....	333

Фролова О.В. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА.....	337
Поляков А.А., Мишустина С.В. К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО НАЛОГА.....	341
Подзюев А.И. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ.....	344
Смирнова А.Г. К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ.....	348
Тенюта Е.С. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ОСНОВАНИЯ» И «УСЛОВИЯ» ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ).....	352
Цгоева А.В. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЮРИДИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	356
Шутьева А.О. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	359
Шалберкина М.Н. ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ.....	364

СЕКЦИЯ 5. Развитие юридического образования в условиях цифровизации.

Концепция Distant & Digital

Васильев С.А. ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ХОДЕ РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ.....	368
Дорохова Н.А. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОНЛАЙН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	371
Залоило М.А. КОНЦЕПЦИЯ DISTANT & DIGITAL.....	374

СЕКЦИЯ 1

Право и правовая система в эпоху цифровизации

Филонов А.В.

д.ю.н., профессор

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Россия, Симферополь.

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ КАК ФАКТОР МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ
НАРУШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: Рассмотрен вопрос о роли цифровизации правосудия в системе мер обеспечения прав и свобод человека. Выделены риски в области нарушения прав и свобод человека, минимизация которых возможна с использованием современных цифровых технологий при отправлении правосудия. Высказаны предложения по их минимизации.

Abstract: The issue of the role of digitalization of justice in the system of measures to ensure human rights and freedoms is considered. Risks in the field of violation of human rights and freedoms are highlighted, the minimization of which is possible with the use of modern digital technologies in the administration of justice. Suggestions for their minimization are made.

Важнейшей задачей современного российского государства является создание условий для обеспечения прав и свобод человека от угроз их нарушения, усугубляющихся внешними и внутренними кризисными явлениями.

В 2020-2021 годах одним из факторов, оказавших существенное негативное влияние на сферу обеспечения прав и свобод человека в современном мире и России, стала пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19), унесшая, только в нашей стране более, 245,6 тыс. человеческих жизней (по состоянию на 06.11.2021 г.) [1]

В связи с этим, международными организациями и национальными государственными органами активизировано применение комплекса мер, направленных на стабилизацию эпидемиологической обстановки, снижения рисков заражения граждан, исключая массовость пребывания лиц в общественных местах (в том числе и в органах судебной власти), оказание помощи лицам, относящимся к уязвимым и маломобильным

категориям, обеспечением нормального функционирования всех органов государственной власти, в том числе и судебной власти.

В частности, специалистами ООН отмечено, что пандемия серьезно сказалась на функционировании систем правосудия, повышая риск отсутствия функционирующего, доступного и независимого правосудия [2].

В свою очередь, оценивая эффективность функционирования российской судебной системы в 2020 году, В. Путин указал, что она «...показала способность быстро адаптироваться к совершенно новым условиям...», а суды, невзирая на риски, связанные с эпидемией, «...с максимальной отдачей работали, защищая права граждан, интересы общества и государства». Более того, число дел, рассмотренных в прошлом году, увеличилось на 3 млн. 920 тыс. (среди которых более 2 млн. – гражданских), 99% их них рассмотрено с соблюдением процессуальных сроков [3].

Стабильности функционирования судебной власти способствовало и использование современных информационно-телекоммуникационных технологий, как средства обеспечения доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений.

Внедрение таких технологий осуществляется в течении последних 20-ти лет: начиная с 2000-х годов в рамках экспериментального использования средств удаленной видеосвязи до электронного режима разрешения дел арбитражного судопроизводства, полной автоматизации производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, фиксируемых средствами видеofиксации, работающими в автоматическом режиме, использования веб-видеоконференцсвязи в судебном процессе и внедрении электронного судебного и служебного документооборота.

Особому риску в период карантина подвержены следующие группы прав и свобод человека в области правосудия, обеспечивающие: доступ к правосудию (непосредственной подачи заявлений и предоставления процессуальных документов в судебные инстанции, получения письменных почтовых уведомлений (повесток), копий решений и др.; участия в заседаниях судебных и других юрисдикционных органов, изучения материалов дел и др.); права граждан, относящиеся к инклюзивным группам (в первую очередь, лиц с дополнительными потребностями, обусловленными инвалидностью, маломобильных граждан); права лиц, находящихся в местах принудительной изоляции (в местах лишения свобод и отбывания уголовного или административного наказания); защиту участников судопроизводства (допуска защитника или адвоката к общению с задержанными, арестованными, осужденными, в изучении и представлении доказательств, личном изучении

материалов дел); процессуальных прав и принципов в ходе рассмотрения различных категорий дел, в том числе и на обжалование решений юрисдикционных органов (например, принципов публичности, непосредственности изучения доказательств, соблюдения процессуальных сроков).

С целью минимизации рисков нарушения прав и свобод человека в ходе отправления правосудия предлагается:

1) дополнить законодательные акты нормами, которые: легитимизируют использование информационно-телекоммуникационных технологий в различных юрисдикционных процессах, права и обязанности судей, должностных лиц и других участников судопроизводства по использованию цифровых средств, а также ограничивающих возможность для злоупотребления соответствующими правами;

2) разработать доступные для пользователей электронные формы процессуальных документов (заявлений, ходатайств, их образцов и т.п.), максимально упростив их заполнение и направление в судебный (юрисдикционный) орган, в том числе с учетом потребностей лиц с ограниченными возможностями (например, инвалидов), иностранцев и др.;

3) оснастить суды и другие юрисдикционные органы необходимой компьютерной техникой, другим оборудованием, позволяющим обеспечить: качественную видеоконференцсвязь, в том числе и с использованием современных телекоммуникационных систем, подключение общественности, быстрый обмен данными между участниками процесса, защиту информации, полученной в электронной форме, быстрый доступ к открытым ресурсам судов и органов юрисдикции, информационное взаимодействие и обмен данными;

4) ввести в штат органов юрисдикции сотрудников, обеспечивающих техническое сопровождение рассмотрения соответствующих дел.

5) обеспечить формирование компетенций у судей, должностных лиц, рассматривающих дела различных категорий, технического персонала, необходимых для использования информационно-телекоммуникационных технологий, включив их в программы высшего профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации;

б) провести широкую разъяснительную работу среди населения, направленную на активизацию применения электронных способов участия в судопроизводстве.

Подытоживая, отметим, что внедрение цифровых технологий в судопроизводстве позволит более полно и оперативно защищать, и реализовывать имеющиеся у граждан права и свободы в судебном и внесудебном порядке, в том числе и в условиях карантина, срок

окончания которого не определён. Следует признать, что условиями активизации этих процессов является техническое и информационное оснащение юрисдикционных органов и признание обществом необратимости использования цифровых технологий для минимизации рисков нарушения прав и свобод человека.

Список использованных источников:

1. Пандемия коронавируса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/novyj-koronavirus-v-kitae.html>.
2. Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19), ее последствия и связанные с ней проблемы для независимого правосудия: Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Диего Гарсии-Саяна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://independence-judges-lawyers.org/wp-content/uploads/2021/06/A_HRC_47_35_Russian.pdf
3. Совещание судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов (09.02.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64980>.

Ларичев А.А.

д.ю.н., профессор

НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва.

ИНДЕКС ЛОКАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОГО АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ

Аннотация. В докладе описывается методология и результаты расчета индекса локальной автономии для России в ходе реализации международного научного проекта под эгидой Европейской комиссии в 2021 году. Индекс локальной автономии продолжает традиции сходных механизмов количественного измерения общественных явлений и процессов. В ходе подготовки индекса активно применялись цифровые инструменты расчета.

Итоги расчета индекса в разрезе временного периода с 1990 по 2020 г. применительно к России показывают устойчивую тенденцию отрицательной его динамики.

В сочетании с низкими показателями эффективного управления на местах в последние десятилетия, указанные результаты важно учитывать в контексте текущей реформы публичной власти, которая, по мнению ее идеологов должна привести к

повышению эффективности местного самоуправления за счет формального демонтажа его автономии.

Annotation. The report describes methodology and results of the calculation of the local autonomy index for Russia during the implementation of an international research project under the auspices of the European Commission in 2021. The local autonomy index continues the tradition of similar mechanisms for the quantitative measurement of social phenomena and processes. During the preparation of the index, digital calculation tools were actively used.

The results of calculating the index for the time period from 1990 to 2020 in relation to Russia show a stable trend of its negative dynamics.

In combination with low indicators of effective local governance in recent decades, it is important to take these results into account in the context of the current reform of public power, which, according to its ideologists, should lead to an increase in the effectiveness of local government through formal dismantling of its autonomy.

Научная оценка любого общественного явления или процесса является непростой задачей для исследователя – в ходе ее необходимо сохранять безусловную и бескомпромиссную объективность. Это особенно сложно в рамках социальных наук, где методы качественного анализа, за редким исключением, преобладают над количественными инструментами. При этом качественный анализ, к какой бы объективности он не стремился, предполагает допущения, связанные с идеями и установками, определяемыми мировоззрением исследователя. Оценочное суждение, не подкрепленное эмпирическими данными, основано на весьма зыбкой почве, поэтому в сфере социальных наук, равно как и в других научных сферах, сочетание качественного и количественного анализа следует приветствовать. Кроме того, запрос на количественное измерение социальных процессов в мире растет [1] - это обусловлено и популярностью идеологии «нового публичного менеджмента», одним из принципов которого является ориентирование на результат [2].

В контексте отмеченного выше сочетания методов, определенным трендом в сфере социальных наук становится искусственное внедрение количественного подхода в качественный анализ. Речь идет о создании так называемых «индексов» общественных явлений, определяемых за счет агрегирования отдельных индикаторов. Расчет соответствующих индикаторов в последние десятилетия становится весьма популярным: его ведут как научно-аналитические подразделения крупных компаний и НКО, так и научные и образовательные организации по всему миру. Среди наиболее известных индексов – Freedom House Index, Corruption Perception Index (Transparency International), Governance and Institutional Quality by the World Bank (WB), Democracy Barometer, и другие.

При расчете индексов активно используются цифровые инструменты - от обычных компьютерных офисных приложений типа Excel до специальных расчетных матриц, разрабатываемых для определения конкретного индекса.

Индекс локальной автономии был впервые представлен Еврокомиссией в 2015 году, как результат экспертного анализа данных за 1990-2014 годы по 39 странам, включая прежде всего страны Евросоюза. В основу расчета индекса были положены 11 индикаторов, определяющих качество автономии локального самоуправления. Авторы индекса, считая локальную автономию сущностной основой муниципальных институтов, разделяют функциональный подход к ее концептуальному содержанию. Они ретранслируют ее определение в качестве «возможности органов местного самоуправления самостоятельно формировать набор местных услуг и соответствующее им муниципальное налогообложение» [3, р. 229], [4, р. 3]. Содержание локальной автономии, однако, дополняется правовыми, политическими и организационными аспектами, добавляемыми в методику расчета соответствующего индекса [4, р. 4].

В рамках второго этапа подсчета индекса локальной автономии в 2021 году список анализируемых стран был существенно расширен. Туда были включены не только государства, входящие в ЕС, но также государства-члены ОЭСР и ряд стран за пределами двух этих категорий, включая Россию.

Расчет индекса проводился с помощью специальных матриц, подготовленных для Excel. В таблицы индикаторов вводились соответствующие значения, которые затем агрегировались с помощью формул расчета.

Поскольку для России индекс ранее не рассчитывался, то анализ индикаторов проводился начиная с 1990 года (для стран, по которым индекс ранее рассчитывался, анализ охватывал временной период с 2014 по 2020 гг.).

Проект по расчету индекса локальной автономии 2021 г., выполняемый экспертами в различных странах мира пока находится в стадии финализации, и результаты по всем участвовавшим в нем странам будут опубликованы позднее. Однако если сопоставлять полученные значения индекса локальной автономии для России с показателями индекса других государств, полученного в 2015 году, то уже очевидно, что при общем среднем значении российского индекса в районе 12 баллов он более чем в два раза ниже, чем средний показатель для государств Европейского Союза, и сопоставим со значением индекса в таких странах как Молдова (12), Украина (16,6) и Турция (16,5).

Для сегодняшнего положения дел в муниципальной сфере это безусловно важно – за громкими заявлениями об эволюции местного самоуправления, теперь уже в контексте реформы по созданию «единой публичной власти», призванной через централизацию

повысить эффективность решения местных вопросов, скрывается не всегда приятная для инициаторов реформы правда – локальная автономия, признаваемая в развитых государствах важнейшим элементом эффективного управления на местах, в России последовательно ограничивалась десятилетиями. При этом об эффективности местного самоуправления в России, как известно, говорить не приходится. Так будет ли какой-либо положительный результат от теперь уже фактически формального демонтажа автономии муниципальных институтов? Индекс локальной автономии, как лакмусовая бумажка происходящих процессов, не может дать прямого ответа на этот вопрос, но возможно заставит задуматься над этим вопросом.

Внедрение количественного подхода в качественный анализ общественных явлений и процессов позволяет трезво взглянуть на их функционирование и динамику развития. Полезным, в этом контексте, является и применение цифровых инструментов, позволяющих эффективно рассчитывать индексы на основе внедрения количественного подхода.

Список использованных источников:

1. Cartwright N., Stegenga J. A Theory of Evidence for Evidence-based Policy// Proceedings of the British Academy. 2011. Vol. 171. P. 291–322;
2. Schouten J., van Beers W. Result-oriented Management. Zaltbommel, The Netherlands: Thema, 2009;
3. Goldsmith, M. Autonomy and City Limits // Theories of Urban Politics /Judge D., Stocker G., Wollmann H. London: Sage, 1995. P. 228–252;
4. Ladner A., Keuffer N. Creating an Index of Local Autonomy – Theoretical, Conceptual, and Empirical Issues // Regional & Federal Studies. 2018. Vol. 31. No. 2. P. 209-234.

Гарчева Л.П.

д.и.н., профессор

ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь.

ЦИФРОВАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК УГРОЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Аннотация. В статье дана характеристика категории дезинформации, как средства нарушения прав человека, и отмечены концептуальные проблемы, которые она создает. Указывается, что многие онлайн платформы способствуют распространению дезинформации и риторики ненависти беспрецедентного масштаба и с невиданной

скоростью. В результате дезинформации люди подвергаются риску введения в заблуждение или манипулирования сознанием. Отмечается, что в последние годы Интернет компании превратились в инструмент предвыборной дезинформации, что подрывает веру в демократию. Анализируется деятельность международных органов по организации противодействия угрозам дезинформации, а также меры реагирования на вызовы дезинформации, предпринятые Российской Федерацией. Проанализированы способы противодействия дезинформации.

Annotation. The article describes the category of disinformation as an instrument of violating human rights, and notes the conceptual problems that disinformation leads to. It is pointed out that many online platforms are contributing to the spread of disinformation and hate speech on an unprecedented scale and at an unprecedented rate. As a result of disinformation, people are at risk of being misled or mind-manipulated. It is noted that in recent years, Internet companies have turned into a tool of electoral disinformation, which undermines faith in democracy. The activity of international organizations in preventing the threats of disinformation is analyzed, as well as measures of response to the challenges of disinformation undertaken by the Russian Federation. The ways of countering disinformation are analyzed.

Дезинформация, как доказуемо ложная или вводящая в заблуждение информация, создаваемая, представляемая или распространяемая в целях получения материальной выгоды или намеренного обмана общественности, подрывает доверие граждан к учреждениям и СМИ, дестабилизирует демократические процедуры и может причинить общественный вред. Как инструмент политического влияния дезинформация не нова. Тысячелетиями она используется, чтобы «выигрывать войны, продвигать политические амбиции, мстить за недовольство, причинять вред тем, кто уязвим, и получать финансовую прибыль» [1].

В современном мире, в связи с широчайшим использованием цифровых технологий, создание и распространение ложной информации происходит в невиданных ранее объемах и с многократно увеличившейся скоростью распространения на огромные территории, охватывая широчайшие слои населения. Новые технологии, особенно цифровые, расширили свой охват через онлайн-среду, облегчают возможность подделывать и имитировать легитимные новостные бренды, чтобы мошенничество выглядело как подлинная новость. Цифровая дезинформация рискует затмить роль журналистики. «Сейчас опасность заключается в развитии "гонки вооружений" национальной и международной дезинформации, которая распространяется через партизанские "новостные" организации и каналы социальных сетей, загрязняя информационную среду» [4]. Использование фейковых новостей и дезинформации в Интернете представляет серьезную угрозу безопасности для

общества. В сочетании с политическими, социальными и экономическими злоупотреблениями в реальном мире дезинформация в сети вызывает серьезные последствия для демократии и прав человека.

Негативные последствия дезинформации представляют для общества глобальную проблему, затрагивающую все страны и почти все сферы общественной жизни. Силы, стоящие за дезинформацией, стремятся убедить широкую аудиторию в истинности ложных утверждений, поставить под сомнение статус достоверной информации, производимой профессиональными медиа. Граждане становятся мишенью массовых кампаний по дезинформации в Интернете с целью дискредитации и делегитимации выборов. Вмешиваясь в формирование мнений, дезинформация снижает явку избирателей, усиливает преимущества или недостатки определенных партий и кандидатов, разжигает ненависть и снижает доверие к демократическим институтам. Нацеленная на женщин и маргинализованные группы, дезинформация эксплуатирует и усугубляет существующие социальные разногласия и заставляет замолчать оппозицию.

С наступлением эры цифровизации проблемы борьбы с дезинформацией заняли существенное место в деятельности как международных организаций, так и национальных институций. 22 июля 2000 г. главами государств и правительств «Группы восьми» была принята Окинавская Хартия глобального информационного общества, 23 ноября 2001 г. государствами — членами Совета Европы принята Будапештская Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации. В деятельности ООН следует выделить Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве, Глобальный форум по обмену опытом в области компьютерных технологий, Глобальную комиссию по стабильности в киберпространстве и Контракт по Интернету [3].

Активную работу в этом направлении ведет Европейский Союз. В 2015 году была разработана Стратегия кибербезопасности ЕС. В 2016 году принят Кодекс поведения (практик) по противодействию незаконным высказываниям, разжигающим ненависть в Интернете, а в 2018 году — Совместное коммюнике о повышении устойчивости и наращивании потенциала для борьбы с гибридными угрозами. Весной 2018 года Еврокомиссия представила ряд мер противодействию фейкам, определила стратегию борьбы с дезинформацией в интернете, поддержку независимой сети экспертов по проверке данных и механизмы содействия развитию качественной журналистики. В 2020 году был принят План действий ЕС по правам человека и демократии на 2020-2024 годы, на основании которого были определены приоритеты и дальнейшие шаги в области прав человека и демократии, предложены конкретные меры по борьбе с дезинформацией, среди которых создание Системы раннего предупреждения и тщательный мониторинг реализации Кодекса

практик в отношении дезинформации, подписанного интернет-компаниями. План действий также предполагает увеличение предназначенных для этого финансовых ресурсов и ужесточение требований к онлайн-платформам относительно распространения дезинформации, внедряя строгий мониторинг и надзор [5].

26 мая 2021 г. Европейская комиссия обнародовала план по усилению Кодекса практик в отношении дезинформации. В своих рекомендациях Еврокомиссия призывает платформы и создателей онлайн-рекламы «блокировать аккаунты, с которых поступает дезинформация, и отправлять в бан тех, кто регулярно размещает оказавшийся ложным контент. Еврокомиссия также рекомендует социальным сетям увеличить прозрачность политической рекламы, в частности соответствующим образом помечать платный контент и давать возможность пользователям видеть, кто предоставил эту рекламу» [6].

Россия также в этом плане не является исключением. В сфере информационных технологий в Российской Федерации уже принят ряд нормативных правовых актов: базовый Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В его развитие принят ряд законодательных актов в сфере информационных технологий: Федеральные законы от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и др. Нормы, запрещающие распространение и создание фейковых новостей, появились также благодаря принятию в марте 2019 года Федеральных законов: № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», и № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Проблема распространения дезинформации требует поиска способов противодействовать ей. По мнению Лизы Реппелл, специалиста по глобальным социальным сетям и дезинформации Международного фонда избирательных систем, «одной из альтернатив могла быть регулирующая позиция... и наказание за вредные действия; хотя это могло привести к неоправданным ограничениям свободы выражения мнения. Другой — противопоставить дезинформации ее противоположность: подробные, своевременные и правдивые объяснения...» (8).

Как показывает практика, сильным противоядием от дезинформации являются активное гражданское общество и независимая журналистика. Э. Студдарт считает, что гражданское общество играет две важнейшие роли в противодействии дезинформации: первая - это «пропаганда продемократической политики, которая защищает и способствует

целостности информации, включая равную ценность и равные права на объединение для маргинализованных групп, участие которых виновные в дезинформации часто стремятся подорвать», и вторая - это «обеспечение того, чтобы меры реагирования на дезинформацию, информационные операции и другие информационные нарушения не ограничивали свободу слова, доступ к информации или политику участия таким образом, чтобы это могло нанести ущерб демократическим процессам и принципам, опять же, с акцентом на то, как ограничения на ассоциации и самовыражение часто непропорционально влияют на маргинализованные группы» [9] .

Важными орудиями борьбы с дезинформацией являются также свобода выражения мнений, доступ к информации и критическая независимая журналистика — при поддержке открытого и доступного Интернета. «Борьба с дезинформацией не является призывом подавлять плюрализм информации и мнений, а также здоровый политический диалог. Это борьба за факты, потому что без общедоступной, основанной на фактических данных информации, невозможно получить доступ к достоверной, правдивой, поддающейся проверке информации, которая служит демократии [7].

И наконец, беспрецедентным фактором противодействия дезинформации является повышение медиаграмотности и цифровой грамотности среди населения, особенно маргинализованных групп. Государства должны переосмыслить свои меры реагирования на дезинформацию, повышая роль свободных, независимых СМИ, инвестируя в средства массовой информации и цифровую грамотность, расширяя права и возможности отдельных лиц и восстанавливая доверие общества. Информированная аудитория, взаимодействующая с достоверным контентом и делящаяся им, является важным противоядием от распространения дезинформации и некорректной информации.

Список использованных источников:

1. Айрин Хан. Дезинформация и свобода мнений и их свободное выражение.
URL:
https://eos.cartercenter.org/uploads/document_file/path/989/Report_of_the_Special_Rapporteur_on_Disinformation_and_Freedom_of_Opinion_and_Expression_R.pdf
2. Гончаров И. В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений. / И. В. Гончаров. Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – Москва, 2019 № 9. – С. 97-102
3. Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству. Доклад Генерального секретаря ООН. // URL: <https://undocs.org/ru/A/74/821>

4. Журналистика, фейковые новости и дезинформация. ЮНЕСКО. 2018 // URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/book/zhurnalistika_i_dezinformaciya.pdf
5. Еврокомиссия представила план по укреплению демократии в ЕС // URL: <https://www.interfax.ru/world/739790>
6. Еврокомиссия усиливает борьбу с дезинформацией. // URL: http://russian.news.cn/2021-05/27/c_139971599.htm
7. Компромисс: противодействие цифровой дезинформации с учётом свободы выражения мнений. Исследовательский отчёт Комиссии по широкополосной связи "Свобода выражения мнений и борьба с дезинформацией в Интернете" // URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/execsum_foe_disinfo_report_ru.pdf
8. Реппелл Л. Правовые и нормативные меры реагирования на дезинформацию. / Лиза Реппелл. // URL: <https://counteringdisinformation.org/node/2704>
9. Студдарт Э. Создание потенциала гражданского общества для смягчения последствий дезинформации и противодействия ей. // URL: <https://counteringdisinformation.org/node/2690>

Чеботарева Г.В.

д.ю.н., профессор

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация: Рассматривается вопрос увеличения масштабов и разнообразия преступлений, совершаемых в цифровом мире, приводится их классификация и обосновывается необходимость активного международного сотрудничества для противодействия таким преступлениям.

Annotation: The article discusses the issue about the increasing scale and variety of crime in the digital world, the author gives their classification and justifies the need for active international cooperation to counter such crimes.

Развитие цифровизации общества достигло уровня, при котором большинство сфер жизни стало немислимым без использования информационных технологий. В уголовно-правовом смысле это означает, что понятие "преступлений, совершаемых с использованием

информационных технологий" весьма широко, и в той или иной степени включает большую часть предусмотренных УК РФ составов преступлений. По данным МВД России характеристика состояния преступности в России за 2020 год отражает значительный рост числа преступлений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по сравнению с прошлым годом. Их число возросло на 73,4%, в том числе с использованием Интернета – на 91,3%, при помощи средств мобильной связи – на 88,3% [1]. При этом следует обратить внимание, что речь идет только о зарегистрированных преступлениях, в то время как их реальное число очевидно превышает официальную статистику. Таким образом, вместе с развитием информационных технологий и стремлением государства к полной цифровой трансформации всех сфер общественной жизни, цифровой прогресс совершенствует также инструменты для совершения преступлений, увеличивая их количество.

В тоже время подход МВД России к квалификации данных преступлений представляется узким: как правило, министерство относит к таким категориям преступлений мошенничество (ст. 159, ст. 159.3, ст. 159.6 Уголовного кодекса) и кражи (ст. 158 УК РФ), которые совершаются с применением ИТ-технологий. Однако проблема уголовно-правовых угроз с использованием информационных технологий является в значительной степени более масштабной.

В настоящее время существует опыт квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 2001 года [2]. Цель данной Конвенции – раскрытие признаков киберпреступлений в целях их фиксации в законодательстве стран-участниц и организации уголовного преследования киберпреступности странами-участницами Конвенции.

В наиболее общем виде преступлениями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (киберпреступления) можно назвать совокупность противоправных деяний, нарушающих права и свободы граждан и посягающих на их имущественные и неимущественные права, совершаемых злоумышленниками с использованием инструментария современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Рассматриваемая Конвенция стала первым международным нормативным правовым актом, содержащим описание составов преступлений, совершаемых с использованием ИКТ. Так, Конвенция выделяет следующие преступления:

- направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (противозаконный доступ к компьютерным устройствам;

перехват не предназначенных для общего пользования данных; неправомерное искажение или уничтожение данных; создание помех функционированию систем устройств; предоставление в пользование адаптированных для преступных целей устройств, паролей, кодов доступа и т. д.);

- совершаемые с использованием компьютерных средств (подлог данных с использованием ИКТ, мошенничество с использованием ИКТ);
- связанные с распространением запрещённого контента;
- связанные с нарушением авторских прав (неправомерное копирование и распространение информации).

Несмотря на то, что Российская Федерация отказалась от ратификации (принятия) данной Конвенции на основании Распоряжения Президента РФ от 22 марта 2008 г. N 144-рп. на территории России и стран СНГ действует свое Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01 июня 2001 года [3], которым также предусматриваются уголовно-наказуемые составы киберпреступлений и меры международного сотрудничества по совместной борьбе с киберпреступностью.

Таким образом, если в УК РФ выделять преступления, совершаемые с использованием информационных технологий в качестве отдельной группы, можно классифицировать их, в рамках этой группы, следующим образом:

1. Специальные составы главы 28 УК РФ, групповым объектом которых являются отношения в сфере компьютерной информации, то есть преступления, непосредственно посягающие на данную сферу общественных отношений.
2. Преступления, предметом которых в том или ином статусе объекта гражданских правоотношений выступает информация и ее носители (например, преступления, связанные с нарушением режима охраняемых законом тайн, нарушения авторских и смежных прав, неправомерный оборот средств платежей, преступления в сфере оборота порнографии и пр.).
3. Преступления, объективная сторона которых включает действия, связанные с искажением информации (например, фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации и пр.).
4. Преступления, объективная сторона которых включает действия, связанные с передачей и распространением информации (например, клевета, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и пр.).

5. Преступления, способ которых может включать или с обязательностью включает использование информационных технологий (например, мошенничество и его специальные виды и др.).

Выводы. Повсеместная цифровизация общества сопряжена с ростом числа уголовно-правовых рисков практически во всех сферах общественной жизни. Обращает внимание отсутствие у таких преступлений физических государственных границ, что значительно осложняет процесс расследования киберпреступлений. В связи с этим в данной сфере крайне важно наличие эффективных механизмов международного сотрудничества. Поэтому считаем важным и необходимым присоединение Российской Федерации к Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) с целью совершенствования механизма противодействия преступлениям с использованием информационно-коммуникационных технологий и улучшения координации действий между РФ и другими государствами в борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.

Список использованных источников:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года. // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>
2. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // <http://base.garant.ru/4089723/>
3. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01 июня 2001 года // <https://docs.cntd.ru/document/902140948>

Чхутиашвили Л.В.

д.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.

Кутафина (МГЮА)»,

Россия, г. Москва

Чхутиашвили Н.В.

к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.

Кутафина (МГЮА)»,

Россия, г. Москва

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА - СОВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровой валюты как современному вызову цифровой трансформации экономики России, перспективы введения которой сейчас высоки. Введение цифровой валюты имеет ряд особенностей, преимущества введения и риски.

Abstract. The article is devoted to an innovative phenomenon in the Russian economy-the digital ruble, the prospects for the introduction of which are now very high, the introduction of the third type of Russian currency has a number of features discussed in the article, the advantages of the introduction of this type of ruble, etc.

Цифровая валюта является одним из наиболее актуальных явлений в экономике современных стран мира. Разрабатываются различные проекты, позволяющие трансформировать привычные инструменты в совершенно новые передовые механизмы рыночной экономики.

К современным решениям в области экономических отношений следует, безусловно, отнести цифровые валюты. Они обладают рядом преимуществ, которые выделяют их среди других видов валют, позволяют сделать расчёты удобнее и проще, а также дешевле для бизнеса и граждан, помогают ускорять темпы экономического развития. Именно поэтому в Российской Федерации концепция цифровой национальной валюты на данный момент является очень актуальной, особенно если учитывать тот факт, что этот вид рубля ещё не реализован, но активно обсуждается в обществе центральными банками.

По данным Банка России, цифровой рубль будет «дополнительной формой российской национальной валюты и будет эмитироваться Банком России в цифровой форме» [1]. То есть речи о введении принципиально нового средства платежа не идёт.

Цифровой рубль будет эмитироваться Банком России, а значит, и ответственность за него будет нести эмитент - Банк России. Она будет существовать в виде цифрового кода, а храниться будет в специально создаваемом электронном кошельке, в связи с этим проявляется её сходство с безналичными деньгами. Однако данный вид валюты будет иметь уникальный цифровой идентификатор, что сближает её с наличными деньгами.

Возможность внедрения цифровой валюты в России давно рассматривается Банком России. Необходимые подготовительные мероприятия уже проводятся и нацелены не только на минимизацию рисков, но и на создание необходимых условий для поэтапной реализации проекта.

Безусловно, цифровая валюта будет обладать рядом особенностей. Прежде всего, необходимо отметить, что использование национальной цифровой валюты повысит скорость операций на рынке, что особенно важно, поскольку это достоинство называется одним из её главных преимуществ [2].

Введение национальной цифровой валюты сопряжено с двумя группами рисков: технологическими и ликвидности. К технологическим рискам можно отнести, например, трудности с обеспечением функционирования платформ онлайн, а также конфиденциальность в специальных реестрах. Риск ликвидности связан с возникновением ситуации, в которой Банк России не сможет выполнить свои обязательства или не в состоянии будет обеспечить требуемый рост активов. Чтобы этого избежать, Банком России планируется вводить цифровой рубль поэтапно для минимизации рисков разных групп и направленности [3].

Поскольку внедрение цифровой валюты уже происходит во многих странах мира, рациональным будет рассмотреть опыт в данном вопросе. Например, довольно успешным оказался пилотный проект Швеции. Там ввод цифровой кроны показал, что цифровая валюта может быть ещё удобнее в использовании. Как отмечает Риксбанк, введение такого средства платежа позволила помимо прочего снизить траты по платежам и упростить процесс работы с валютой [4]. Китай же активно внедряет цифровую валюту для удобства операций, в частности, в розничном использовании [6].

Таким образом, цифровая валюта – современный вызов цифровой трансформации экономики России. Это: высокая скорость совершения операций, снижение их стоимости, что полезно как бизнесу, так и гражданам, а также высокий уровень безопасности валютных операциям, поскольку цифровая валюта создаётся в виде цифрового кода, который нельзя подделать, а также можно отслеживать по специально присваиваемому номеру. Кроме того, цифровой рубль позволит проводить операции на всей территории России, даже в отдалённых местностях как онлайн, так и офлайн, а конкуренция позволит улучшить качество обслуживания банками своих клиентов и повысить уровень банковского сервиса.

Список использованных источников:

1. Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74662042/>
2. Григорьев В.В. Национальная цифровая валюта как фактор оживления экономики России // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – 12(1). – С. 30-36.
3. Концепция цифрового рубля. Апрель 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

4. Сайт банка «E-krona» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: E-krona | Sveriges Riksbank
5. Bank of England statement on Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bankofengland.co.uk/news/2021/april/bank-of-england-statement-on-central-bank-digital-currency>
6. Some thoughts on CBDC operations in China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.centralbanking.com/fintech/cbdc/7511376/some-thoughts-on-cbdc-operations-in-china>

Гаврилова В.Д.

к.э.н., доцент

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»,

Россия, г. Волгоград

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВОВОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы регламентации общечеловеческих ценностей в правовом регулировании информационных процессов. Автор рассматривает проблемы, возникающие в связи с использованием новых технологий, неоднозначную оценку феномена цифрового общества и необходимость новых, основанных на общечеловеческих ценностях концепций правового регулирования общественных отношений, связанных с информационными процессами.

Annotation. The article deals with the problems of regulation of universal values in the legal regulation of information processes. The author examines the problems arising in connection with the use of new technologies, the ambiguous assessment of the phenomenon of digital society and the need for new concepts of legal regulation of public relations related to information processes based on universal values.

В 21 веке вопросы цифровой трансформации всех сфер общественной жизни стали значимыми благодаря стремительному росту информационно-сетевых сервисов и цифровых технологий. В данных условиях неизбежно возникает противоречие между традиционными этапами деятельности человека, основанными на «пошаговом» достижении определенных целей, и высокой скоростью изменений в современном мире, вследствие которой человек не

успевают полностью и своевременно осмыслить новейшие события и явления, в связи с чем проблемы сохранения базовых ценностей и принципов человеческой жизнедеятельности в эпоху цифровизации в правовой жизни продолжают оставаться актуальными.

Составной частью алгоритма деятельности человека по развитию и укреплению традиционных ценностей должно стать качественно обновленное и унифицированное правовое регулирование. Процесс трансформации «классических» информационных технологий в цифровые технологии имеет самостоятельную ценность. Он означает необходимость правового регулирования внедрения в жизнь человека и общества робототехники и систем искусственного интеллекта, о чем в настоящее время остро дискутируют ученые разных отраслей знания на научных площадках.

Указом Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» № 490 от 10.10.2019 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия). Документом отмечено, что при взаимодействии человека с технологиями искусственного интеллекта требуется введение специализированного нормативного регулирования, основанного на этических стандартах (п.ж п.49) . Правовое регулирование должно быть минимальным или в перспективе достаточным, сбалансированным с моральными требованиями. Однако не понятно, какие решения, принятые искусственным интеллектом, могут ущемлять права и законные интересы граждан, а также не определено, какие из них способны повлиять на функционирование систем безопасности человека, общества и государства (пп.в п. 49 Стратегии) [1]. Так же вряд ли можно согласиться с утверждениями разработчиков Стратегии о процедурах упрощенного тестирования и внедрения в юридическую практику технологий искусственного интеллекта.

Рассмотрим данный аспект на примере теоретической концепции так называемого «цифрового правоприменения», в основе которой лежит логическое программирование (введение фактических обстоятельств дела и принятие решения по делу как «доказывание теоремы») и программирование с ограничениями как локальный предел цифровизации [2, с. 621]. Робот может выполнить юридическую квалификацию дела, однако в рамках программирования с ограничениями человек вправе не согласиться с полученными выводами, рассмотреть дело еще раз и прийти к иным решениям. На наш взгляд, только человек способен принять судебное решение с учетом всех особенностей, которые робот мог не учесть при вводе фактических обстоятельств дела, и с учетом оценки ситуации, основанной на «традиционных ценностях», что будет способствовать соблюдению общеправовых принципов (гуманизма, справедливости и пр.). Итак, возможное применение программирования с ограничениями и внедрение автоматизированных систем в

юридическую практику нуждается в регламентации на законодательном уровне. Должен быть установлен четкий порядок, основанный на этических стандартах: новые цифровые «ценности» должны имплементироваться в современное общество в той мере, в какой они не вытесняют охраняемые правом традиционные человеческие ценности [3, с.625]. Окончательное решение должно оставаться за человеком как носителем (в традиционном гуманистическом понимании) исторически сложившихся и проверенных временем ценностей, который самостоятельно принимает необходимые жизненные решения и формирует свое жизненное пространство на началах нравственности и уважения к себе подобным.

Подход, основанный на этических стандартах, должен применяться при правовом регулировании робототехники, где искусственный интеллект используется в качестве обязательного элемента. Распоряжением Правительства РФ № 2129-р от 19.08.2020 утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года. Концепция провозглашает человеко-ориентированную и риск-ориентированную модели взаимоотношения человека и роботизированной техники при введении экспериментальных правовых режимов[4].

Таким образом, представляется необходимым усовершенствовать правовое регулирование процесса цифровизации и четко разделить позитивные моменты развития цифрового общества, которые необходимо соотнести и приспособить к традиционным ценностям, и негативные моменты, которых надо избегать, минимизировать их влияние с целью сохранения жизнеспособности традиционных ценностей.

Список использованных источников:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 [электронный ресурс] // Портал kremlin.ru. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/3>
2. Гаврилова Ю.А. Проблема смысла права в цифровом обществе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 608-628
3. Гаврилова Ю.А. Проблема смысла права в цифровом обществе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 608-628.
4. Распоряжением Правительства РФ № 2129-р от 19.08.2020 [электронный ресурс] // Портал <https://base.garant.ru/>. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/74560628/>

Голикова В.В.

к.ю.н., доцент

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
Россия, г. Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: На сегодняшний день в условиях цифровизации исследованию электронных документов и использованию программных средств, при производстве судебных экономических экспертиз не уделено должного внимания. Электронные документы, так же как и бумажные содержат экономически значимую информацию, в которых удостоверяются, или излагаются имеющие для дела обстоятельства и факты. В этой связи, при расследовании преступлений в сфере экономики возможно исследование электронных документов в рамках судебных экономических экспертиз. Также на сегодняшний день, при производстве судебных бухгалтерских и налоговых экспертиз широко применяется моделирование, в том числе и компьютерное, позволяющее осуществлять обработку учетной информации содержащейся в документах, при помощи компьютерной программы для ведения бухгалтерского и налогового учета.

Annotation: To date, in the context of digitalization, the study of electronic documents and the use of software in the production of forensic economic examinations have not received due attention. Electronic documents, as well as paper documents, contain economically significant information in which they are certified or set forth the circumstances and facts relevant for the case. In this regard, when investigating crimes in the economic sphere, it is possible to study electronic documents within the framework of forensic economic examinations. Also today, in the production of forensic accounting and tax examinations, modeling is widely used, including computer modeling, which allows the processing of accounting information contained in documents using a computer program for accounting and tax accounting.

Необходимость в использовании специальных экономических знаний возникает, когда требуется установить наличие или отсутствие искаженных данных в документах учёта. С целью выявления искаженных данных в документах учета эксперт должен обладать специальными экономическими знаниями в области бухгалтерского учета и норм различных отраслей законодательства, например налогового или трудового. Однако для дачи полного и всестороннего заключения сведущему лицу необходимо правильно выбрать направление исследования, методы, приемы и программные средства.

Большая часть экономических экспертиз основывается на методе моделирования. Например, экспертами может быть применен метод моделирования с целью определения сумм налоговых вычетов для дальнейшего их сопоставления с данными налоговых деклараций за определенный период с итоговыми суммами налоговых вычетов по данным книги покупок за тот же период. Итоговые показатели книги покупок используются по итогам налогового периода при составлении налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость, следовательно, суммы налоговых вычетов по данным книги покупок должны совпадать с суммами налоговых вычетов по данным налоговых деклараций.

Эксперт, решая поставленную перед ним задачу, при использовании метода моделирования может построить гипотетическую модель, к примеру, схемы уклонения от уплаты налогов и страховых взносов, смоделировать внесение искажений в документы, что позволит ему определить достаточность и доброкачественность объектов для ответа на поставленные вопросы. Эксперту, чтобы ответить на вопрос о том, какая сумма налога на добавленную стоимость подлежит уплате за исследуемый период, рекомендуется в данном случае использовать метод компьютерного моделирования. При решении экспертной задачи — определении величины налоговой базы и налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость — из предоставленных на исследование первичных документов бухгалтерского учёта должна быть извлечена необходимая учётная информация и на ее основе построена модель учёта, характеризующая обязательства налогоплательщика по исчислению и уплате налогов в бюджет. В этом случае эксперт применяет метод моделирования учетных процессов, ссылаясь на представленные документы, заключающийся в обработке документов учёта, при помощи программы для ведения бухгалтерского учёта, например «1С: Бухгалтерия предприятия» [1, с. 157].

Сущность данного метода с применением программы ведения бухгалтерского учета заключается в том, что учётная информация из документов переносится в базу данных компьютерной программы бухгалтерского учета путём составления хозяйственных операций, бухгалтерских проводок и далее обрабатывается с применением возможностей этой программы. Результаты компьютерного моделирования учетных документов в заключении эксперта могут быть оформлены как приложение в виде документов бухгалтерского учета, например регистров (карточки по счетам, оборотно-сальдовые ведомости, книга покупок, книга продаж и др.).

В процессе планомерного перехода к цифровой экономике, на предприятиях широко используется и электронный документооборот. Электронный документ - это любой документ, который представлен в электронном виде, в том числе это может быть скан-образ документа, файл в формате jpeg. При производстве судебных экономических экспертиз

возможно исследование электронных документов, так как основополагающее значение при производстве исследования имеет экономически значимая информация о состоянии имущества и обязательств организации, а не сам материальный носитель на котором эта информация отражена. При этом необходимо отметить, что юридическую значимость электронному документу придает электронная подпись, которая является его реквизитом. Особый информационный элемент учетных данных – реквизит документа, а именно самостоятельная смысловая его часть, искажение значения которой меняет содержание документа. Система реквизитов служит информационной базой для решения экспертных задач о наличии (отсутствии) искажения учетных данных. Законодательством установлены обязательные требования, предъявляемые к первичным учетным документам и регистрам учёта, в том числе и к электронным. Первичные учетные документы в электронном виде могут подтверждать доходы и расходы для целей бухгалтерского и налогового учёта в случаях, когда информация в электронной форме, подписанная электронной подписью, по правилам Федерального закона «Об электронной подписи» № 63-ФЗ от 06.04.2011г. признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью [1, с. 17].

Электронные документы имеют юридическую силу, применяются для подтверждения фактов хозяйственной жизни организации, являются основанием для расчета налогов, поэтому могут быть подвергнуты исследованию при производстве экономических экспертиз.

Список использованных источников:

1. Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза. Учебник. Издательство Проспект, г. Москва, 2021г. 208с.

Иванцова Ю.Г.

к.ю.н., доцент

Институт повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

Республика Беларусь, г. Гродно.

КОРПОРАТИВНЫЕ НОРМЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются особенности корпоративного регулирования информационных отношений в отдельных общностях, выделенных по субъекту социального

управления (на примере хозяйственной организации рассмотрены корпоративные нормы, образующиеся в ее деятельности) и по сфере деятельности (выделены и рассмотрены отдельные корпоративные нормы в образовательной деятельности).

Annotation. The article analyzes the features of corporate regulation of information relations in individual communities, distinguished by the subject of social management (on the example of an economic organization, the corporate norms formed in its activities are considered) and by the field of activity (individual corporate norms in educational activities are highlighted and considered).

Социальное регулирование общественных отношений, в т.ч. и информационных, осуществляется с помощью сложной совокупности множества норм, среди которых ученые называют «корпоративные нормы» [1, с. 19]. Данный вид социальных регуляторов «включает в себя разнообразные по содержанию и форме существования правила поведения общего характера» [2, с. 11]. При этом, корпоративные нормы принимаются «негосударственными организациями: партиями, профсоюзами, различного рода другими общественными объединениями, акционерными обществами, компаниями, кооперативами и т. д.» [3, с. 329]. Отметим, что сегодня принято говорить о корпоративном регулировании в различных системах и подсистемах, которые могут быть условно обособлены по субъекту социального управления и по сфере деятельности.

1. На примере хозяйственной организации, как субъекта социального управления, рассмотрим корпоративные нормы, образующиеся в ее деятельности. Корпоративные нормы в хозяйственном обществе могут создаваться в обязательном порядке (при оговорке об этом в нормах законодательства) и по собственному волеизъявлению субъекта хозяйствования. В то же время, государственные органы могут иметь отношение к их появлению еще и путем издания, например, «типового положения» [1, с. 23]. Не вдаваясь в полемику ученых и законодателя относительно разграничения локальных и корпоративных норм, отметим, что и те, и другие «оформляются в виде письменных нормативных актов» [1, с. 21–22]. Н.В. Сильченко отмечает, что «локальные нормативные правовые акты, принимаемые в соответствующей структуре, должны быть, во-первых, зарегистрированы в самой данной структуре, а во-вторых, они должны быть зарегистрированы и в вышестоящем для данных структур органе государства, естественно, если таковые существуют. Регистрация таких актов должна сопровождаться их обязательной экспертизой в юридических структурах (управлениях, отделах, службах) соответствующих органов» [4, с. 205]. Считаем, что такой же порядок принятия, регистрации и осуществления юридической экспертизы должен быть реализован и для корпоративных норм. Итак, приведем пример корпоративных правовых

норм, имеющих формальный характер, а именно:

1) *нормы, реализующие конституционное право на информацию*. Например, в ст. 14 Закона Республики Беларусь № 2020-ХІІ от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах» (далее – Закон № 2020-ХІІ) закреплена императивная норма о том, что устав хозяйственного общества должен содержать «порядок и объем предоставления участникам информации о хозяйственном обществе» [5]. Особенности доступа участников хозяйственного общества к информации регламентируются отдельными статьями Закона № 2020-ХІІ, положениями приказа Министерства финансов Республики Беларусь от 18 августа 2007 г. № 293 «О применении Свода правил корпоративного поведения» (далее – приказ № 293), а в самом хозяйственном обществе – путем закрепления в корпоративных нормах. Например, в приказе № 293 указано, что рекомендуется разработать и утвердить нормативный акт, который бы содержал особенности обеспечения доступа к информации, правила и подходы к раскрытию информации и т.п. [6] (например, Положение об информационной политике);

2) *нормы, о порядке использования электронной или иной связи, информационных сетей (систем) или программно-аппаратных средств и информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ)*. Такой порядок законодатель рекомендует обозначить в уставе хозяйственного общества [5];

3) *нормы о защите конфиденциальной или иной неравнодоступной информации* (коммерческая, служебная и др. виды охраняемой законом тайны). К примеру, исходя из ст. 7 Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» хозяйственные общества обладают правом самостоятельного установления режима обращения информации с ограниченным доступом, которая имеет коммерческую ценность. При этом такие корпоративные нормы должны соответствовать действующему законодательству (например, ст. 88 Закона № 2020-ХІІ, пп. 7, 14, 17, 21 приказа № 293). Так, из пп. 21, 22 приказа № 293 следует, что обществу рекомендуется разработать по данному вопросу следующие акты, утверждаемые руководителем общества: Положение об информации, составляющей коммерческую или служебную тайну, определяющий «перечень такой информации об обществе, порядок ее защиты, а также порядок доступа к ней» [6]; Правила доступа и обеспечения конфиденциальности инсайдерской информации и т.п. [6]. Лица, которые индивидуально ознакомлены с вышеуказанными актами уведомляются также о видах юридической ответственности за нарушение соответствующих норм, при этом, хозяйственное общество может применять и собственные санкции.

2. По сфере деятельности выделим и рассмотрим отдельные корпоративные нормы в образовательной деятельности. Сегодня, в связи со сложной эпидемиологической ситуацией, достаточно широко апробирована дистанционная (электронная) форма получения

образования. Наряду с этим все еще отсутствует нормативный правовой акт, комплексно регулирующий порядок и особенности данного вида (формы) образования. Белорусский законодатель лишь упоминает, что дистанционная форма выступает отдельным «видом заочной формы получения образования» (п. 2 ч. 3 ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании). В то же время, указание на дистанционную форму получения образования наблюдается только в рекомендательных и модельных актах (например, решение Совета глав правительств СНГ от 22 ноября 2007 г. «О Концепции развития дистанционного обучения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств»; модельный закон «О дистанционном обучении в государствах–участниках СНГ» (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 36-5 от 16 мая 2011 г.) и т.п.). Поэтому именно в этой сфере особое место занимают корпоративные нормы. К примеру, на базе Института повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (далее – институт) действуют корпоративные нормы в области:

– *использования ИКТ в образовательном процессе* (например, порядок организации образовательного процесса в дистанционной форме получения образования отображен в Положении о дистанционном обучении);

– *разработки и регистрации педагогическим работником информационных ресурсов* (например, в институте существуют правила разработки и регистрации электронных учебно-методических пособий) и т.п.

Подводя итог, отметим следующее. Корпоративные нормы в информационной сфере – социальные нормы, принятые с целью регулирования информационных отношений в области реализации конституционного права на информацию, порядка использования электронной или иной связи, информационных сетей (систем), ИКТ, разработки информационных ресурсов, защиты конфиденциальной или иной неравнодоступной информации и пр., в пределах отдельного субъекта социального управления или сферы деятельности путем персонифицированного ознакомления с ними лиц, которым они адресованы. Необходимость и порядок принятия корпоративных норм в информационной сфере обычно определяется в соответствии с нормами информационного законодательства.

Список использованных источников:

1. Бибило, В. Н. Теория и история права, судостройства и уголовного процесса : сб. науч. статей / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2020. – 510 с.
2. Сильченко, Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы / Н. В. Сильченко // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 5–15.

3. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрайт-М, 2002. – 432 с.

4. Сильченко, Н. В. Источники права: сб. науч. статей / Н. В. Сильченко. – Минск : Право и экономика, 2021. – 294 с.

5. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закона Респ. Беларусь, № 2020-ХП, 9 дек. 1992 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. О применении Свода правил корпоративного поведения [Электронный ресурс] : приказ Министерства финансов Респ. Беларусь, 18 авг. 2007 г., № 293 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Казанцева Е.В.

кандидат юридических наук,

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Симферополь.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: статья посвящена исследованию законодательного закрепления дефиниций «цифровое пространство» и предоставление «услуг дистанционным способом» в национальном законодательстве. Указано на разность использования анализируемых дефиниций в отраслевом законодательстве, на пробелы правового регулирования услуги в целом, и услуги предоставляемой дистанционным способом в законодательстве, в том числе на пути их устранения.

Annotation: the article is devoted to the study of the legislative consolidation of the definitions of "digital space" and the provision of "remote services" in national legislation. It is pointed out the difference in the use of the analyzed definitions in the industry legislation, the gaps in the legal regulation of the service as a whole, and the service provided remotely in the legislation, including on the way to eliminate them

Большинство учёных изучающих становление и развитие «цифровизации» указывают на тот факт, что ее процесс начался с возникновения в 1981 году персонального компьютера,

а вот само понятие в научных трудах появляется только в 1995 году. Анализируя научные труды, посвященные цифровизации нашего общества, следует отметить, что сегодня существует плюрализм таких дефиниций как «цифровизация», «цифровое пространство», «цифровая экономика» и так далее. К тому же, большинство авторов указывают на их отсутствие в законодательстве России, с чем нельзя согласиться, так как, к примеру, дефиниция «цифровая экономика» закреплена в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг., «цифровое право» – в Гражданском кодексе РФ, а «цифровая валюта» – в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Считаем, что такие дефиниции как «цифровизации» и «цифровое пространство» не могут быть даны законодателем так как, во-первых, они являются обобщающими понятиями или родовыми и связанными с дефинициями: «цифровая экономика», «цифровое право», «цифровая валюта», «сеть интернет» и тому подобные, которые являются видовыми понятиями. Во-вторых, трактовка дефиниции в узком понимании не позволит раскрыть ее, а в широком – будет слишком «громоздкой», что в свою очередь затруднит ее понимания гражданами, и прежде всего теми которые не имеют достаточно уровня познаний в используемой сфере правоотношений. К тому же не следует забывать, что каждая из указанных дефиниций характеризуются, и соответственно ограничивается, сферой научной направленности.

Начиная с 2020 года, происходит стремительное развитие цифрового пространства, основной причиной которого называют вспышку коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» или «COVID-19», которая начала свое «шествие» по всему миру с декабря 2019 года и продолжается и сегодня. С целью предотвращения распространения COVID-19 России, как многие другие государства, ограничили передвижения человека не только по территории страны, но и между странами [1, с. 211-213]. Запреты в передвижении и массовая самоизоляция вызвали не только остановку предпринимательской деятельности, но и, соответственно, снижение роста экономики всех государств. Однако есть и положительная сторона в ограничении человека в передвижении – это стремительное развитие правоотношений с использованием сети Интернет, и прежде всего, следует вести речь о дистанционной электронной торговли.

Совместно с дистанционной торговлей стремительно развивается и предоставление услуг дистанционным способом. Услуга – это объект гражданских прав, который лишь только назван в гражданском законодательстве как объект, при этом его понятие не раскрыто (ст. 128 ГК РФ), за исключением понятия договора возмездного оказания услуги (ст. 779 ГК РФ). При этом правоотношений, где объектом является услуга, множество, в том числе и в

цифровом пространстве. Считаем, что услуга это действия исполнителя по выполнению определенного задания заказчика и не имеющее материальный результат.

В гражданском законодательстве выделяют три группы обязательств по оказанию услуг, это: услуги фактического характера (к примеру, услуги связи и информации, обучение), услуги юридического характера (к примеру, консультационные, правовые) и услуги денежно-кредитного характера (к примеру, банковские, страховые). Изучив которые отметим, что не все виды услуг могут быть предоставлены дистанционным способом. На наш взгляд, к услугам, предоставляемым дистанционным способом, можно отнести: банковские, юридические, консультационные, информационные, страховые услуги, услуги по предоставлению образования, а также услуги, предоставляемые государственными и муниципальными органами.

Проведенный анализ законодательства, регулирующего предоставление услуг, в том числе дистанционным способом, с учетом тематики нашего исследование, позволяет сделать некоторые обобщения:

1) Перечень видов услуг, предоставляемых в нашем обществе, содержится только в гражданском законодательстве (п. 2 ст. 779 ГК РФ), при этом он является примерным или открытым.

2) Практически каждый вид услуг регулируется специальным законодательством. При этом перечень нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление той или иной услуги большой, к примеру, в сфере предоставления обучения сегодня действует свыше семидесяти нормативно-правовых актов, в банковской сфере около пятидесяти, а в страховой деятельности чуть больше семидесяти пяти [2; 3].

3) Анализируя предоставление государственных и муниципальных услуг дистанционным способом, следует отметить, что законодатель называет это способ «услугой в электронной форме», указав в Федеральном законе от 27.07.2010 № 210-ФЗ требования к организации ее предоставления.

4) На сегодня в гражданском законодательстве отсутствует понятие «услуга дистанционным способом» или «предоставление услуги дистанционным способом», отсутствует также и понятие «услуга в электронной форме». При этом и гражданское законодательство, и законодательство в сфере защиты прав потребителей содержит термин «дистанционный способ продажи товаров». В специальном законодательстве используются разные понятия, к примеру, в законодательстве регулирующим страховую деятельность речь идет о предоставлении права на заключения договора страхования в электронной форме. А законодательство об образовании использует термины «электронное обучение», а также «дистанционные образовательные технологии», при этом указывает, что под ними следует

понимать. Что касается банковской сферы, то в нормативно-правовых актах содержится понятие «Интернет-банкинга», а вот его понимание и применение закреплено в служебной документации. Следует обратить внимание на налоговое законодательство, которое с 2017 года, предусмотрело толкование дефиниции «оказание услуг в электронной форме» (через сеть «Интернет»), в том числе закрепило закрытый перечень указанных услуг (ст. 174.2 НК РФ) [4]. Однако особенности оказания услуг в электронной форме, относятся только лишь к услугам, которые оказывают иностранные организации. Возникает вопрос, можно ли использовать указанную дефиницию и перечень услуг в регулировании правоотношений между субъектами России? На наш взгляд, законодателю необходимо систематизировать действующее законодательство по регулированию предоставления услуг дистанционным способом и издать, к примеру, правила предоставления указанных услуг.

Ввиду изложенного выше возникает вопрос: что вернее «электронная форма предоставления услуги» или «предоставление услуги дистанционным способом»? Форма – это внешнее выражение правоотношений, к примеру, согласно ст. 162 ГК РФ, сделки, в которых стороной является юридическое лицо, должны быть заключены в письменной форме (к примеру, услуги в банковской, страховой сфере, услуги по предоставлению образования и так далее). Под способом следует понимать совокупность приемов достижения определенных результатов, потому считаем, что правильнее вести речь о предоставлении услуги дистанционным способом.

Подводя итог, можем констатировать что, не смотря на стремительное развитие применение в обществе предоставление услуг дистанционным способом, его законодательная база не содержит норм, которые регулировали бы указанные правоотношения. При этом остаются без должного внимания, со стороны законодателя, и вопросы защиты граждан от правонарушений в сфере оказания услуг дистанционным способом. Несомненно, что законодателю поспеть за столь стремительным развитием цифрового пространства крайне сложно, однако считаем, что необходимость в разработке и принятии минимум общих норм, регулирующих предоставления услуг дистанционным способом или услуг в электронной форме крайне необходима. Что в свою очередь позволит, гражданам чувствовать себя защищенным вступая в обязательство по предоставлению услуг дистанционным способом, а соответствующим правоохранительным органам выработать действующие направления по защите прав и свобод граждан в цифровом пространстве.

Список использованных источников:

1. Казанцева Е.В. Правовое регулирование ограничения свободы передвижения в период распространения COVID-19 / Е.В. Казанцева // Ученые записки Крымского

федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73).
№ 1. – С. 229-230

2. URL: <https://edu.garant.ru/education/law/>

3. URL: https://old.cbr.ru/finmarket/common_inf/legals_insurance/

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

Казанцева Е.В.

кандидат юридических наук

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Симферополь.*

Казанцев А.Ю.

*КрФ ФГБОУВО «РГУП»,
Россия, г. Симферополь.*

К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: авторами проанализировано становление и развитие законодательства Российской Федерации по внедрению искусственного интеллекта в регулировании правоотношений субъектов на территории России, в том числе в современной судебной системе. Предложено авторское определение дефиниции «искусственного интеллекта судебной системы», а также выделены основные направления его использования в деятельности судебных органов

Annotation: the authors analyzed the formation and development of the legislation of the Russian Federation on the introduction of artificial intelligence in the regulation of legal relations of subjects in Russia, including in the modern judicial system. The author's definition of the definition of "artificial intelligence of the judicial system" is proposed, and the main directions of its use in the activities of judicial bodies are highlighted

Ученые, которые занимаются изучением развития технологий искусственного интеллекта, отмечают тот факт что, несмотря на появление первой дефиниции «искусственного интеллекта» в 1956 году (ее озвучил американский ученый Д. Маккарти),

он [искусственный интеллект] является абсолютным новшеством, а в виду постоянных трансформаций нашего общества, недостаточно изученным даже на современном этапе.

Первое легальное определение «искусственного интеллекта», в законодательстве России, закреплено в Национальной стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 гг. и определено как: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека ... и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1]. Анализируя законодательство по становлению и развитию искусственного интеллекта в России, можем отметить, что «первыми шагами» законодателя в этом направлении было создание в 2008 году Правительственной комиссия по транспорту и связи, которая в 2018 году была реорганизована в Правительственную комиссию по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности [2]. Среди основных направлений работы Комиссии, с учетом тематики нашего исследования, необходимо выделить развитие цифровой экономики и информационных технологий, а также повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг, предоставляемых субъектам правоотношений с помощью информационных технологий. Как уже отмечалось в июле 2020 года, закреплены национальные цели развития России до 2030 г., среди которых указана и «цифровая трансформация» страны.

Неоспорим тот, факт, что с развитием цифрового пространства, не только в России, но и во всем мире, сферы применения искусственного интеллекта расширяются, в каждой из которых, реализуются абсолютно разные и индивидуальные подходы и принципы, к примеру, в сфере транспорта – это обеспечение безопасности движения транспортных средств, планирование движения транспорта и предотвращение столкновений, фиксация нарушения правил дорожного движения и так далее; в сфере финансовых услуг – предотвращение мошенничества, в частности, анализ данных; в сфере образования – проектирование индивидуальных программ обучения, разработка курсов языкового обучения, разработка и внедрение новых методов дистанционного обучения; в сфере здравоохранения – обработка и анализ медицинских данных и изображений, рекомендации по постановке диагноза пациентам и тактика ведения их лечения; в правоохранительной сфере – предупреждения правонарушений, совершенствование раскрытия и расследования правонарушений. Не стала исключением и сфера правосудия.

Анализируя правовое регулирование внедрение искусственного интеллекта в деятельность современной судебной системы России, прежде всего, следует начать с внедрения информатизации и автоматизации судебной системы России в конце 2001 года, и

лишь только в 2012 году была создана и внедрена Государственной автоматизированной системы России «Правосудие» [3]. Сегодня это система обеспечивает информационную и технологическую поддержку судопроизводства нашей страны, которая позволяет в считанные минуты получить информацию о любом зарегистрированном деле, в любом уголке России, в том числе эта система обеспечивает постоянный контроль за соблюдением прав и свобод человека в судебном производстве.

В апреле 2017 года вводится особый порядок подачи документов в суд посредством информационно-телекоммуникационной системы сети Интернет (в форме электронных документов). А уже в декабре 2017 года предусмотрено право выполнять в форме электронного документа такие судебные акты как заочное решение и особое мнение судьи.

Считаем, что и постановления мировых судей может быть выполнено в форме электронных документов, к примеру, за нарушения правил ПДД, но при условии, что есть неоспоримый, подтвержденный факт (фото-, видео фиксацией) совершения правонарушения. Также считаем, что в будущем возможно применение искусственного интеллекта при рассмотрении дел о нарушении правил ПДД, но, только в том случае, если в законодательстве будет закреплён четкий перечень видов нарушений правил (к примеру, пересечение сплошной линии разметки), и, соответственно, единый вид наказания (к примеру, штраф и только в твердой, а не альтернативной, сумме (две тысячи рублей)).

21 апреля 2020 года Верховный Суд Российской Федерации впервые в судебной системе провел судебные заседания по шести делам в режиме видео-конференц-связи или ВКС (информация об этом была размещена на официальном сайте ВС РФ). Такой формат судебного заседания был вызван ведением в стране ограничений в передвижении граждан из-за возникновения и распространения коронавирусной инфекция (2019-nCoV) или «COVID-19», которая признана, в России и во всем мире, инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих. Проведя заседания в режиме ВКС, Верховный Суд РФ рекомендовал всем судам на территории страны, использовать ВКС в качестве предпочтительного и возможного формата проведения судебных заседаний, и не только в период ограничений. Внедрение режима ВКС, для проведения судебных заседаний, потребовало от работников судебной системы дополнительно осваивать информационные системы или повышать свою квалификацию в управлении режимом ВКС, с учетом применения современных технологий. При этом отметим, что согласно приказу Судебного департамента при ВС РФ от 28.12.2015 № 401, утвержден порядок проведения судебных заседаний в режиме ВКС, суды могли бы использовать в своей деятельности режим ВКС начиная с 2016 года, однако, как мы наблюдаем, только пандемия ускорила процесс применения ВКС в судебных заседаниях.

Считаем, что применения режима ВКС в судебной системе, является положительным моментом для большинства его участников, так как повышает уровень реализации их прав на судебную защиту, к примеру, возможность личного участия в процессе граждан с ограниченными возможностями здоровья, а также возможность экономии денежных средств, ввиду отсутствия необходимости прибывать на судебное заседание. Отсутствие необходимости «этапирования» обвиняемых из мест их содержания на судебное заседание является экономией бюджетных средств, что также указывает на положительную сторону в проведении судебных заседаний в режиме ВКС.

Подводя итог, можем отметить, что, во-первых, сегодня искусственный интеллект в судебной системе России применяется и регулируется правовыми актами; во-вторых, под искусственным интеллектом следует понимать «способность компьютера или иной цифровой машины выполнять задачи в регулировании правоотношений между представителями судебной системы с одной стороны и участниками судебного процесса с другой стороны»; в-третьих, можно выделить три основных направления деятельности судебной системы применения искусственного интеллекта это: делопроизводство; проведение судебных заседаний и оформление таких судебных актов как заочное решение и особое мнение.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
2. Постановление Правительства РФ от 07.09.2018 № 1065 (ред. от 24.07.2021) «О Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
3. Распоряжение Правительства РФ от 2 мая 2012 г. № 681-р // Собрании законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2498

Кобелева Л.С.

к.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский Университет Технологий Управления и Экономики

Россия, г. Санкт-Петербург

Черных А.Б.

к.с.н., доцент

Санкт-Петербургский Университет Технологий Управления и Экономики

Россия, г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВООБРАЗОВАНИЯ И СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: Становится очевидным, что складывается новая нормативная система, которая займет свое место в существующей модели социального регулирования. Цифровые технологии изменяют образ права, повлияют на регулятивный потенциал и эффективность, открывая или блокируя его действие в новых измерениях социальной реальности. Причем, векторы и пределы таких изменений на данный момент до конца остаются не ясны. Возможны три варианта развития сложившейся ситуации: один из них - право трансформируется в иной социальный регулятор, допуская появление программного кода или некой гибридной формы; другой, - право сохранит свои субстанциональные признаки и будет мирно сосуществовать с программным кодом; и третий, - появится новая нормативная система, которая займет свое место в существующей модели социального регулирования.

Resume: It becomes obvious that a new regulatory system is emerging, which will take its place in the existing model of social regulation. Digital technologies will change the image of law, affect the regulatory potential and efficiency, opening or blocking its action in new dimensions of social reality. Moreover, the vectors and limits of such changes at the moment are not completely clear. There are three possible scenarios for the development of the current situation: one of them - the law is transformed into a different social regulator, allowing the appearance of a program code or some kind of hybrid form; another, - the law will retain its substantial characteristics and will peacefully coexist with the program code; and third, a new regulatory system will emerge, which will take its place in the existing model of social regulation.

Сегодня, в период трансформации роли международно-правовых регуляторов, возможность регулирования многих общественных отношений в пределах юрисдикции национального государства становится весьма относительной, борьба за потребителей приобретает международный характер. Для того, чтобы адекватно отражать динамику

развития современной правовой сферы, необходимо регулировать едва ли не весь спектр отношений, связанных с цифровизацией.

К 2030 году правительством РФ намечена реализация Программы «цифровой экономики» [1], которая призвана обеспечить национальную безопасность России. Одна из задач этой Программы - создание и развитие цифровой среды, в которой цифровые технологии изменят привычный нам образ права. Анализ процессов цифровизации позволит спрогнозировать изменение механизма правообразования существующей модели социального регулирования и возможную коррекцию границ известных социальных регуляторов, а также образование в ней ниши, которую займет программный код как система методов и технологий компьютерной обработки юридической информации, которые используются для поддержки принятия решений в правоприменительной практике.

Цифровизация не только позволяет автоматизировать и ускорить бизнес-процессы, но и влечет за собой глубинные перемены в существующей модели социального регулирования. На данный момент, возможны три варианта развития сложившейся ситуации: Один из них - право трансформируется в качественно иной социальный регулятор, допуская появление программного кода обработки юридической информации или некой гибридной формы с традиционными методами обработки юридической информации. Другой - право сохранит свои субстанциональные признаки и будет мирно сосуществовать с программным кодом. И третий - появится новая нормативная система, которая займет свое место в существующей модели социального регулирования наряду с правом, моралью, религией [2].

Синергетические процессы в информационной сфере являются объектами научных исследований не только в области права, но и в других направлениях науки: социологии, философии, информатики, экономики и др. Это связано с использованием новых технологий обработки информации, развитием и обеспечением информационной безопасности, а также с использованием алгоритмов регулирования соответствующих общественных отношений. Уже сегодня искусственный интеллект способен решать несложные стандартизированные юридические задачи (функционирует, например, портал «idontray.com»). Возможны ситуации, когда цифровые технологии практически готовы конкурировать с «живым юристом» в совершении простых юридических действий [3].

В глобальном информационном обществе в эпоху развития инновационных технологий и связанных с ними вызовов и угроз информационной безопасности неизбежно возникают новые общественные отношения, которые требуют развития правового регулирования и определенной трансформации системы права. Планирование развития нормативного регулирования цифровой среды в рамках цифровой экономики и его реализация свидетельствуют, что в сложившейся ситуации появилась необходимость

урегулировать на уровне федерального законодательства как общие вопросы, затрагивающие все цифровые технологии, так и отдельные технологии.

Сегодня юридическая наука пока не выработала выверенных правовых решений, алгоритмов, инструментов регулирования, преодоления рисков процессов цифровизации права в качестве достойных ответов вызовам в целях обеспечения национальных интересов общества и государства [4].

На современном этапе развития «цифровой цивилизации» право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим адаптацию экономики, управления и других сегментов социального бытия к новым условиям, но и объектом воздействия цифровизации. Технологический прорыв, в новой «цифровой» реальности, не имеющей аналогов в истории человечества, диктует необходимость существенных изменений в различных сферах общественной жизни.

Список использованных источников:

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года"
2. Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : коллективная монография в 2 т. / под ред. Н.Н. Ковалёвой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020, 460 с., Т 1., С. 253.
3. Залоило М В. Шулятьев И. А. Право в условиях цифровой реальности (Обзор XIII Международной школы-практикума молодых ученых - юристов) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti-obzor-xiii-mezhdunarodnoy-shkoly-praktikuma-molodyh-uchenyh-yuristov>
4. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Государство и право в современном мире: Проблемы теории и истории. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-pered-vyzovami-tsifrovoy-realnosti>

Кошман В.А.

кандидат юридических наук,

КрФ ФГБОУ ВО «РГУП»

Россия, г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ESG ИНВЕСТИЦИЙ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ ЗЕЛЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В современном мире все больше возникает проблем. Ответом на это является концепция устойчивого развития. Благодаря частной инициативе произошла трансформация инвестирования благодаря привязке к целям ESG. Однако в силу отсутствия регулирования это привело к ряду проблем.

Annotation. There are rising number of problems in the modern world. Conception of sustainable development is the answer for this. Investment was transformed by private initiative by linking it to ESG goals. But because of absence of regulation this caused some problems.

Одной из основных проблем современности является устойчивое повышение средней температуры на территории всего земного шара. Вызовы, связанные с последствиями этой проблемы сподвигли лидеров стран подписать Парижское соглашение 2015 года об полном устранении выбросов парниковых газов в атмосферу, а также стали включать в актуальную повестку план устойчивого развития ООН. Однако на данный момент действия государств являются недостаточными для полной реализации политики, а целый ряд стран, до недавнего времени и Россия, относились скептически либо негативно к данной проблеме. Ответом на это стало активное развитие частной инициативы со стороны крупных финансовых институтов и инвестиционных фондов, которое выразилось в определении фреймворка ESG – environment, society, governance. Оно выразилось в активном направлении средств в те сферы деятельности и поддержка таких инициатив, которые соответствуют 17 целям устойчивого развития ООН. Данная деятельность, в сочетании с продвижением климатической повестки, привела к взрывному росту объемов капитала, вложенного в данное направление – на 2021 год идет речь о цифре в 35 триллионов долларов.

Деятельность по управлению потоками частных финансов неразрывно связана с развитием информационных технологий, а потому увеличение уровня осведомленности о проектах в рамках устойчивого развития привлекает внимание инвесторов со всего мира. Исключением не стала и Россия, не смотря на низкий уровень участия населения, чему во многом способствовало развитие открытых цифровых платформ на базе Московской фондовой биржи при сотрудничестве с рядом проектом вроде Тинькофф инвестиции. Поэтому по мере развития этого рынка, и в отечественном законодательстве назревает необходимость регулирования критериев, которые позволяют соотнести тот или иной проект с фреймворком ESG.

На данный момент основными направлениями инвестиционной активности в ESG являются: 1) зеленые облигации, то есть долговые бумаги, деньги от которых идут на покрытие проектов, связанных с задачами устойчивого развития; 2) ESG облигации другого типа, связанные с задачами в области решения социальных проблем и решения вопросов управления; 3) облигации перехода, связанные с финансированием задач перехода на новые типы ведения бизнеса либо же достижения определенных задач вроде уменьшения выбросов; 4) наиболее активно растущий рынок – ESG деривативы, в том числе деривативы, связанные с выполнением задач устойчивого развития, кредитные дефолтные своп индексы, связанные со сложным сочетанием инструментов по страховке от банкротства в случаях, связанных с невыполнением целей устойчивого развития, биржевые инвестиционные фонды, связанные на основании индексов активов, связанных с ESG и деривативы, связанные с продажей квот на выбросы парниковых газов. [1, 3]

Как мы можем увидеть из данного перечисления – количество финансовых инструментов ограничивается только фантазией участников финансового рынка. На данный момент возникла проблема соотнесения типов активов с фреймворком ESG для этого ряд инвестиционных фондов, банков и рейтинговых агентств разработали собственные индексы, на основании которых оценивается каждый конкретный класс актива и рейтинг фирмы, связанный с выполнением ею целей устойчивого развития, а также сопутствующих рисков. Такое многообразие представляет собой проблему: по оценкам группы исследователей уровень корреляции между индексами составляет от 0,38 до 0,71 [4]. Так как сами инвесторы неспособны чаще всего в полной мере оценить соотношение рисков, то они полагаются на данные индексы.

В виду того, что именно ЕС является основным локомотивом зеленого энергоперехода, то единственные действующие правила в данной области были разработаны на уровне органов управления данной организации. На данный момент в комплексе ими являются правило 2019/2088 от 27 ноября 2019 года и руководство по климатическим рискам и рискам, связанным с окружающей средой Европейского Центробанка.

В частности, оно закрепляет в ч. 1 ст. 10 требование по размещению всеми фирмами-участниками финансового рынка, за исключением тех, что имеют не более трех человек персонала по найму или на основании трудового договора, полной информации по поводу методик расчета индексов и полной отчетности о выполнении целей устойчивого развития на их вебсайте в максимально четкой и доступной форме в наиболее доступной части. Также в п.17 ч.2 дается определение устойчивого инвестирования, однако его критерии крайне широки, потому понятие необходимо рассматривать в совокупности руководством ЕЦБ.

Таким образом, необходимо учитывать, что это только вопрос времени, когда придет необходимость законодательного регулирования данного вопроса в РФ. Для решения задачи необходимо учитывать опыт ЕС, в тоже время наиболее предпочтительным было бы инициирование вопроса о критериях на уровне отдельного международного договора в рамках работы ООН.

Список использованных источников:

1. Greg Ritchie and John Ainger Exotic World of ESG Derivatives Triggers Warning From Regulator [Электронный ресурс] // Bloomberg, 2021 URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-18/esg-derivatives-draw-greenwashing-warning-from-markets-watchdog>
2. Guide on climate-related and environmental risks Supervisory expectations relating to risk management and disclosure// European Central Bank, November 2020.
3. Jacqueline Poh, ESG Debt: A User's Guide to Ever-Growing Menu of Bonds And Loans, [Электронный ресурс] // Bloomberg, 2019 URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-10-16/esg-debt-a-user-s-guide-to-ever-growing-menu-of-bonds-and-loans>
4. Lopez, C., O. Contreras, and J. Bendix, "ESG Ratings: The Road Ahead", Milken Institute, November 2020
5. Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector // Official Journal of the European Union, 09.12.2019.

Лазарева О.В.

к.ю.н., доцент

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Российская Федерация, г. Саратов.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Увеличение объема правовой и иной информации, появление цифровой реальности являются определенным вызовом, стоящим перед каждым государством. Вызов состоит в способности государства с помощью права учитывать современное состояние общественных отношений, выявлять тенденции их развития, закреплять

соответствующие правовые средства, а также определять приоритеты стратегического плана на перспективу и контролировать выполнение комплекса намеченных мероприятий. Такие меры необходимы для того, чтобы в условиях цифровизации минимизировать возможные риски, связанные с обеспечением национальной безопасности, укреплением законности и правопорядка. Применение цифровых технологий в различных сферах общественной жизни обуславливает трансформацию права, т.е. коренные изменения его содержания, формы, структуры и механизма функционирования.

Abstract. The increase in the volume of legal and other information, the emergence of digital reality are a certain challenge facing every state. The challenge is the ability of the state to take into account the current state of public relations with the help of the law, to identify trends in their development, to fix the appropriate legal means, as well as to determine the priorities of the strategic plan for the future and to monitor the implementation of a set of planned measures. Such measures are necessary in order to minimize possible risks associated with ensuring national security, strengthening the rule of law and the rule of law in the conditions of digitalization. The use of digital technologies in various spheres of public life causes the transformation of law, i.e. fundamental changes in its content, form, structure and mechanism of functioning.

Последние годы перевод права в цифру стал предметом научных дискуссий ученых и практиков во всем мире. Возникли вопросы, связанные с возможностями такого перехода, пределами и рисками использования цифровых технологий, преимуществами и недостатками трансформации права в условиях цифровизации, дальнейшими перспективами развития права в цифровой реальности. Попытки найти исчерпывающие ответы на данные вопросы – важная стратегическая задача каждого государства.

В процессе становления цифровой модели информационного общества российское право претерпевает коренные изменения, касающиеся его содержания и формы, структуры и механизма функционирования. Сфера правового регулирования «становится мультисодержательной: в ее пределах не просто возникают новые отношения, но существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи» [1, 96]. Наблюдаются также изменения в сфере реализации права, связанные с использованием цифровых технологий [2, 12]. Такие технологии «открывают возможности как для ускорения процессов создания правовых норм, так и для применения их в реальной жизни» [4, 42]. Происходит становление «права второго модерна» [3]. Проанализируем возможности и перспективы цифрового развития российского права на примере технологий машиночитаемого права.

Согласно утвержденной Концепции развития технологий машиночитаемого права, оно представляет собой определенный набор правовых норм, изложенных на формальном языке, и технологий – «инструментов применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения» [5]. Сам формальный язык – язык программирования, разметки или самостоятельно созданный язык включает набор символов и правил, которые определяют множество допустимых слов, а также правил по их толкованию применительно к определенной области. Посредством этих технологий планируется перевод нормативно-правовых актов в компьютерный код.

Возможности цифровизации российского права по направлению развития технологий машиночитаемого права обусловлены: во-первых, повышением качества правового материала (правовых норм) путем устранения его противоречивости и удобства пользования им на практике государственными и муниципальными органами, должностными лицами, предпринимателями, гражданами; во-вторых, построением цифровой экономики, которая в настоящее время является основным направлением развития российского государства; в-третьих, придание правовым нормам все более формализованного вида, стимулированием развития цифровых технологий путем оценки рисков их применения и разработки эффективных механизмов защиты; в-четвертых, национальным и международным положительным опытом применения технологий машиночитаемого права (автоматизация права в пределах отдельных бизнес-проектов в России, модернизация судебной системы путем внедрения «умных судов» в Китае, автоматический анализ законодательства органов исполнительной власти и наличие разработанных видов программного обеспечения в США, автоматизированная информационная система «Зандылык» в Казахстане); в-пятых, конкуренцией государств за лидирующие позиции в цифровой реальности.

Перспективы цифровизации российского права по направлению развития технологий машиночитаемого права: 1) широкое их применение во всех отраслях законодательства Российской Федерации; 2) преобладание машиночитаемых норм, изложенных на формальном языке, над нормами, изложенными на естественном языке, в количественном выражении. Причем вторые будут иметь производное значение, а именно изложение норм формального языка на естественном языке; 3) машиночитаемые нормы и нормы, написанные на естественном языке, будут вступать в силу одновременно на всей территории государства, и иметь равную юридическую силу; 4) применение искусственного интеллекта в законодательной и правоприменительной деятельности ведущее к сокращению участия в ней человека.

В заключение необходимо определить проблемы, которые будут решать в ближайшем будущем юристы и программисты, переводя право в машиночитаемый вид. Это выбор пути формирования машиночитаемого права, адаптация правовых норм к трансформации, определение вида формального языка, пределов его использования, так как не все нормы права могут быть изложены в машиночитаемом виде, обеспечение контроля над соответствием машиночитаемых норм нормам, изложенным на естественном языке.

Список использованных источников:

1. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
2. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
3. Аверьянов М.А., Баранова О.В., Кочетова Е.Ю., Сиваков Р.Л. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. № 11. С. 42–49.
4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstvapriznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>
5. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сентября 2021 г. № 31) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/

Морару Е.Ф.

к.ю.н., доцент

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Россия, г. Санкт-Петербург

ПРАВО И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В докладе исследуется важнейший вопрос современности – цифровизации. Автор стремится обратить внимание на процесс трансформации права и современных правовых систем, отводя большую роль государству. По мнению автора,

право становится правовой экосистемой, где отражается, прежде всего, воля народа. Автором анонсируется зарождение цифрового права и цифровой правовой экосистемы.

Annotation. The report examines the most important issue of our time - digitalization. The author strives to draw attention to the process of transformation of law and modern legal systems, assigning a large role to the state. According to the author, the law becomes a legal ecosystem, which reflects, first of all, the will of the people. The author announces the emergence of digital law and digital legal ecosystem.

2020 год помог пересмотреть устоявшиеся традиции современной эпохи. Этот год, безусловно, стал переломным для многих наций и сфер человеческой жизни.

Появление новой коронавирусной инфекции (COVID-19) ускорило внедрение цифровых технологий. Цифровая трансформация была определена одной из важных национальных целей в развитии Российской Федерации на период до 2030 года, наряду с сохранением населения, здоровьем и благополучием людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортной и безопасной среды для жизни [1].

Процесс цифровизации все больше и больше проникает в разные отрасли права, во взаимодействие государства и общества. Сегодня мы можем электронно сформировать запрос в тот или иной государственный орган, подать электронное заявление в суд, прокуратуру, получить электронные документы, заверенные электронной цифровой подписью, то есть наладить электронное взаимодействие во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Правительством постоянно ведется законотворческий процесс, принимаются новые законы и вносятся изменения в законы и подзаконные акты, которые призваны отвечать быстро изменяющимися (внешними и внутренними) условиями. Чтобы сделать этот процесс рациональным, более правильным, экономически и юридически оправданным, нужна слаженная работа всего общества и государства.

Среди таких инициатив можно выделить:

- Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[1].
- Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" [2];
- Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" [3];
- Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 N 428 "Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках

федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" [4];

- Паспорт федерального проекта "Цифровые технологии" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9) [5] и другие федеральные проекты.

Сегодня, в эпоху всеобщей цифровизации, мы наблюдаем процесс трансформации современных правовых систем.

Российская Федерация становится во главе стран, на которых сосредоточено пристальное внимание в разрешении актуальных правовых вопросов между обществом и государством. Безусловно, важным инструментом в достижении регулирования общественных прав и обязанностей их участником, как раз и выступает цифровизация. «Цифровизация предполагает формирование некоей информационной системы, обеспечивающей ускоренную обработку информации. В ситуации с правом – информации правовой. Эта информационная система направлена на оптимизацию всего комплекса факторов, связанных с правовой реальностью. Это и концептуальная модель конкретного национального или международного права, это и юридические конструкции, и база юридических фактов, в том числе фактов доказательственного характера» [6].

Право становится правовой экосистемой, включающей в себя множество отраслей права, различных отраслевых законов, сводов, норм и правил, обычаев, но обеспеченных государственным регулированием и контролем.

Правовая экосистема состоит из правовых подсистем, взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих между собой, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны или государства. Мы находимся у истоков зарождения цифрового права и цифровой правовой экосистемы.

Правовую систему сегодня можно определить как сложное комплексное образование [7] и чтобы она «не захлебнулась» во всем своем многообразии правовой документации необходимо руководствоваться следующими составляющими:

- 1) Оптимизация правовой документации. Сделать законы, подзаконные акты, регламенты взаимодействия понятными и четко сформулированными. Зачастую мы видим, как тексты законов состоят из сложных и непонятных фраз, стилистической догмы, которые еще требуют дополнительных разъяснений принимаемыми ведомствами.

- 2) Унификация (шаблонирование). С точки зрения обычной жизнедеятельности общества, его жизнь юридически не сложна. И требуется лишь отладить механизм

взаимодействия по основным направлениям. Имеется ввиду, что ежедневно тысячи людей и организаций обращаются за однообразными операциями, такими как заключение договора купли - продажи транспортного средства, квартиры, открытие бизнеса, покупки долей бизнеса и т.д. Если будут четкие унифицированные документы (шаблоны), то это упростит их взаимодействие между собой и снизит риски юридических споров, а значит и уменьшит нагрузку на судебную систему всего государства.

3) Принцип «единого окна». Зачастую мы сталкиваемся с проблемой и не знаем куда с ней обратиться. Конституцией закреплено, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. Но на практике мы видим, что человек остается один на один со своей проблемой, он вынужден самостоятельно решать свои проблемы, встречая на своем пути и бюрократическую государственную машину и мошеннический рынок услуг. Необходимо сделать принцип «единого окна» с государством, чтобы в любой ситуации гражданин или организация могла найти там опору в решении своей задачи.

4) Обеспечение национальных интересов и безопасности в области цифровизации. Необходимо на законодательном уровне закрепить основные понятия цифровизации, избегая использования иностранных слов и понятий. Ориентация на применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, с целью повышения конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития.

5) Адаптация. Предусмотреть механизмы мгновенного реагирования законодательства на быстро меняющиеся внешние изменения, правовые вехи, соблюдая при этом информационную и юридическую открытость, безопасность.

б) Повышение юридической грамотности общества. Обучение в области права, финансов, электронного взаимодействия гражданина и государства необходимо начинать со школьной скамьи, делая больший упор на практические навыки. В головах подростков необходимо заложить готовый алгоритм действий в различных жизненных ситуациях, при этом донести открытость государства, его не безразличие к проблеме.

Сегодня нам невозможно понять, как повлияет этот прогресс цифровизации на нашу правовую систему и на развитие цифрового правового государства. Правовая система на настоящий момент обладает колоссальным опытом и практикой. Но будет ли достигнута сущность права – *равенство и справедливость*, будет зависеть от избранных методов и путей достижения этого баланса интересов.

В тоже время, цифровизация не только расширяет горизонты свобод граждан, путем достижения своих целей путем экономии времени, экономии затрат (материальных,

трудовых), но и ущемляет права некоторых категорий граждан, которые не могут развиваться вместе с миром, которые не владеют технологиями, знаниями, достаточными для реализации своих прав и свобод. По факту мы уже видим нарушение «баланса права». Когда одни субъекты права имеют преимущественное положение по отношению к другим. Так не должно быть в современном правовом государстве.

Цифровизация создала по сути, дополнительную отрасль права. Формируется цифровое право. Оно пока не признано в юридической науке, но мы знаем, что регулярно дополняются законы «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ [8], «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ [9] и другие. В правовой системе образуется новое цифровое право, которое тесно соприкасается с финансовым правом (более всего затрагивает банковский сектор), гражданским правом (н-р, интеллектуальные права связанные с программным обеспечением), уголовным правом (н-р, появление ст. 159.3 УК РФ Мошенничество с использованием электронных средств платежа [10]). При этом, цифровизация фундаментально не меняет основные принципы права, да и не должна!

В настоящий момент, государство, как никогда сильнее влияет на становление понятийного аппарата в юридической науке, и формирует нынешнее современное понятие права, источников права и правовой системы. Это изменение продиктовано временем, быстро меняющимися стандартами. Развитие национальных программ, программного обеспечения, консолидации баз данных - всё это помогает государству и обществу решать разно уровневые задачи. Задачи в разных материальных отраслях права: гражданском, семейном, трудовом, уголовном и т.д. Проблемы, с которыми сталкивается современное общество, уже более сложны по своей юридической природе, нежели ранее. И именно государство должно определить понятие цифрового права и цифрового правового государства, отрегулировать, систематизировать, сделать его понятным каждому и гарантировать в полной мере права и свободы человека.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года";
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы";
3. Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7);

4. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 N 428 "Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации";
5. Паспорт федерального проекта "Цифровые технологии" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9);
6. Кузьмин А.В. К вопросу о цифровизации права // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы. Сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. 2021. С. 118
7. Напалкова И.Г. Национальные правовые системы: понятие и классификация. "Российский юридический журнал", 2021, N 1
8. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ;
9. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ.

Цындра В.Н.

к.ю.н., доцент

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Россия, г. Симферополь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. Рассмотрена проблематика использования цифровых технологий как средства повышения эффективности исполнения административных наказаний. Выделены тенденции, отражающие трансформацию административно-деликтных отношений в условиях цифровизации. Приведены отдельные результаты использования цифровых технологий для повышения эффективности исполнения административного наказания в виде административного штрафа. Обозначен ряд вопросов, решение которых будет способствовать совершенствованию процесса исполнения административных наказаний путем использования современных информационно-телекоммуникационных систем.

Abstract. The article considers the problem of using digital technologies as a means of increasing the efficiency of the execution of administrative punishments. The trends reflecting the transformation of administrative and tort relations in the context of digitalization are highlighted. Some results of the use of digital technologies to improve the efficiency of the execution of an administrative penalty in the form of an administrative fine are presented. A number of issues are identified, the solution of which will contribute to the improvement of the process of execution of administrative punishments through the use of modern information and telecommunication systems.

Последнее десятилетие для Российской Федерации ознаменовано реформирования всех сфер общественной жизни, в первую очередь, обеспечивающих реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Одной составляющей трансформации отношений между государством и гражданами является внедрение современных информационных технологий, значительно облегчающих коммуникацию между властью и личностью, интеграцию экономики в мировое экономическое пространство, осуществление государством сервисной и правоохранительной функций.

Данные процессы сопровождаются приведением отечественного законодательства в соответствие с потребностями общественного развития и постоянно совершенствующимися возможностями информационно-телекоммуникационных систем (далее – ИТКС).

Проведенный анализ научных публикаций и правоприменительной практики к тенденциям, отражающим изменения в административно-деликтных отношениях, позволяет отнести: увеличение числа составов административных правонарушений, совершаемых в сфере ИТКС или с их использованием, требующих применения современных технических средств доказывания; фактическое существования электронного производства по делам об отдельных административных правонарушениях (например, фиксируемых работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки); активизация применения видео-конференц-связи для получения, исследования доказательств в судебном заседании, а также осуществления других процессуальных действий; внедрение в повседневную деятельность должностных лиц органов административной юрисдикции технических средств для фиксации события административного правонарушения, производимых процессуальных действий, получения и исследования доказательств; использование персональных мобильных средств связи для извещения лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении; наличие упрощенного порядка исполнения административного штрафа с использованием электронной формы его оплаты; наличие авторизованного доступа к данным о лицах, которым назначены некоторые

«длящиеся» административные наказания и принудительные меры, как результат административной ответственности (например, реестр дисквалифицированных лиц, список лиц, которым назначен административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, банк данных исполнительных производств, реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия) и др.

В контексте цифровизации исполнения административных наказаний наиболее полно возможности ИТКС реализуются в процессе исполнения административных штрафов. Например, в 2020 году по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения исполнено 148,5 млн наказаний в виде административного штрафа (90,1%); добровольном порядке исполнено 139,6 млн. (80%), из них около трех четвертей (73%) уплачено в срок до 20 суток со дня вынесения постановления. При этом, взыскиваемость штрафов за самое распространенное административное правонарушение – превышение установленной скорости движения (85% от правонарушений выявленные системами фото-видео фиксации) – составила 90,7% [1, с.32].

Высокий уровень взыскиваемости штрафов обусловлен как свойствами этого наказания и возможностями современной системы электронной платежей в Российской Федерации, так и применением различных цифровых, в первую очередь государственных, информационных платформ (например, сервисов Госуслуг, Федеральной налоговой службы, ГИБДД МВД России, Федерально службы судебных приставов и др.), позволяющих оперативно уведомлять граждан о привлечении их к административной ответственности, разъясняющих порядок оплаты штрафа и последствиях в случае нарушения срока исполнения данного наказания, обеспечивающих простоту оплаты штрафа, упрощающих оформление платежных документов и их предоставления в органы, принявшие решение о наложении административного наказания.

В тоже время, внедрение современных цифровых технологий в практику исполнения административных наказаний, еще отстает от потребностей правоприменительной практики. По нашему мнению требуют дополнительного урегулирования на уровне федерального законодательства: порядок направления копии постановления (постановления в виде электронного документа) о назначении административного наказания в виде предупреждения, уведомления лица об уклонении лица, лишенного специального права от сдачи соответствующего удостоверения (специального распоряжения), о дисквалификации, истечении срока лишения специального права (других наказаний, исполняемых в течении определённого периода) через государственные информационные платформы, а также посредством, предоставленного гражданином (юридическим лицом) электронного почтового

ресурса; установление возможности автоматического взыскания административного штрафа за счет средств, имеющихся на банковских счетах лица, привлекаемого к административной ответственности; использования систем видео-конференц-связи для решения вопроса о приостановлении или прекращении судьей исполнения постановления об административном аресте; порядок размещения сведений о лицах, которым назначено административное наказание, в открытом доступе с использованием ИТКС «Интернет»; процедуры электронного обжалования постановлений о назначении административных наказаний другими, кроме суда, должностными лицами.

Решение обозначенных выше вопросов является актуальным в контексте рассмотрения проекта Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в котором определен и порядок исполнения административных наказаний [2].

Таким образом, использование ИТКС для повышения эффективности исполнения административных наказаний требует обновления положений административно-деликтного законодательства, разработки и внедрения межведомственных электронных ресурсов, переоснащения органов административной юрисдикции современной техникой и программным обеспечением, высокоскоростными и безопасными каналами связи, совершенствования подготовки лиц, реализующих административно-юрисдикционные полномочия, а также создания условий для изменения восприятия гражданами цифровых инноваций в производстве по делам об административных правонарушениях.

Список использованных источников:

1. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021, 75 с. С.32.
2. Процессуальный Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проект [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202006/17/РКоАП_RF_cOq.pdf

Блашкова Л.Л.

Старший преподаватель

Юридический Институт Югорского Государственного Университета

Россия, г. Ханты-Мансийск

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ ПРИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: Вопросы цифровизации управления государством, являются весьма актуальными. В статье рассматриваются проблемы коррупционных рисков при данных процессах. Автор приходит к выводу, что цифровизация не является основным механизмом борьбы с коррупцией, которая требует комплексных решений.

Abstract: The issues of digitalization of public administration are very relevant. The article examines the problems of corruption risks in these processes. The author concludes that digitalization is not the main mechanism of combating corruption, which requires comprehensive solutions that combine technological measures with socio-economic and civil legal methods of impact.

Признанным фактом является неотвратимость цифровизации общества, управления правительством и государством. Преступность является актуальной социальной проблемой, в свою очередь коррупционная преступность это реальная угроза национальной безопасности.

По мнению большинства исследователей, внедрение информационно-коммуникационных технологий позитивно сказывается на борьбе с коррупцией, приводя к ее снижению, являясь мощным фактором противодействия коррупции. Глава Сбербанка Герман Греф и вовсе объявил, что цифровизация является единственным способом борьбы с коррупцией в России. Активное ее развитие и повсеместное внедрение в деятельность приведет к тому, что «коррупция начнет исчезать как явление».[1]

Действительно, цифровые технологии делают возможным сделать государственное управление открытым и публичным, усилить контроль за доходами и расходами должностных лиц, минимизировать личные контакты с чиновниками. Цифровые услуги позволяют превратить социальные услуги в общедоступные для всех слоев населения и бизнеса, установив также над этими процессами строгий общественный контроль.

Вместе с тем с приведенной позицией можно согласиться частично. На сегодняшний день наблюдается цифровая трансформация общества, требующая постоянного нормативного сопровождения. Внедрение информационно коммуникационных технологий (далее ИКТ) направленно прежде всего на искоренение низовой или бытовой коррупции, а также частично среднеуровневой.[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с.160]

Коррупция, как явление социальное, развивается вместе с нашим обществом, приобретая новые формы и используя весь спектр самых современных инструментов.

Особую опасность этому явлению придает его всепроникающий характер, и способность стремительно самосовершенствоваться, адаптируясь под изменения внешних условий. ИКТ уже сегодня используются коррумпированными должностными лицами «сливающими» личные данные граждан, другую конфиденциальную информацию, вносящими сбои и программные ошибки в электронные документы, что порождает новые сферы коррупции, облегчает финансовую теневилизацию коррупции, выводит ее на новый уровень.

На современном этапе цифровой трансформации общества, уже проявились коррупционные риски:

- Так, большие денежные вливания в цифровизацию в разных сферах, зачастую, приводят к росту коррупции. Так это происходит в электронных закупках.

Например, в июле 2020 Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело против заместителя гендиректора «Почты России» по информационным технологиям и развитию цифровых сервисов по ч.3 ст.286 УК РФ, ему вменяется, что он, выйдя за пределы своих полномочий, заключил дополнительное соглашение к государственному контракту, десятикратно занизив сумму штрафа подрядчиков «Почты России», за ненадлежащее исполнение ранее заключенных с ними договоров. Контракт, который лежит в основе дела, касается технической поддержки и техобслуживания программно-аппаратных комплексов и контрольно-кассовой техники, поставленных для нужд «Почты России» в 2018 году. Вменяемый ущерб более 67,5 млн руб.[2] В Мещанском районном суде г. Москвы находится на рассмотрении уголовное дело, в отношении начальника управления связи департамента информационных технологий связи и защиты информации МВД России, который обвиняется в совершении преступления предусмотренного ч.3 ст. 285 УК РФ - о злоупотреблении полномочиями при закупке МВД компьютеров, сумма вменяемого ущерба превышает 350 мил. рублей.[4]

— технология blockchain – являясь действительно техническим прорывом, дает возможность существования криптовалютных транзакций, которые могут быть использованы при коррупционных преступлениях. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта представляют на сегодняшний день полноценную альтернативу имуществу, традиционным имущественным правам, в т.ч. материальным и безналичным средствам осуществления расчетов. Поэтому перечисленные цифровые средства следует признать в качестве предмета любого коррупционного преступления. Все чаще криптовалюта фигурирует в уголовных делах в качестве взятки. Так, 26.02.2021 года приговором Второго Западного окружного военного суда два бывших сотрудника 7-го отдела ФСБ РФ признаны виновными в получении взятки биткоинами в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ). Размер взятки составил 1 мил. долларов.[5]

На сегодня нельзя обеспечить и гарантировать полностью защиту цифровым технологиям от нападений хакеров. Государство должно продумать надежные стандарты безопасности ИКТ. Это требует регулярного обновления технологий. Лица, контролируемые цифровые технологии, также подвержены коррупционным рискам, поскольку имеют профессиональные знания и возможности для «обмана» цифровых программ, что приводит к уходу от ответственности, в том числе и уголовной.

Таким образом, цифровизация не является основным механизмом борьбы с коррупцией, которая требует комплексных решений, сочетающих технологические меры с социально-экономическими и гражданско-правовыми методами воздействия. К аналогичному выводу приходят и зарубежные исследователи использования цифровых и информационных технологий в борьбе с коррупцией.[6] Новые явления в преступности вызванные цифровизацией требуют детального правового исследования, совершенствования правовых норм, что понимается и правительством России. Так, в августе 2021 года в России принят Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы.[8] Документ включает в себя ряд поручений для ведомств, в том числе ежегодный сводный аналитический отчет о новых формах проявления коррупции, связанных с использованием цифровых технологий, предложения по совершенствованию правового законодательства, направленного на выявление и пресечение преступлений коррупционной направленности.

Список использованных источников:

1. Грэф Г. Цифровизация — единственный способ борьбы с коррупцией. URL: [https:// www.vestifinance.ru/articles/113176](https://www.vestifinance.ru/articles/113176)
2. Овчинников А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски. Журнал российского права. 2019. № 11. С. 158-170
3. Замдиректора «Почты России» подозревают в превышении должностных полномочий. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4417066>
4. Подсудимый Всеволод Опанасенко: Поставленное в МВД оборудование было лучше заявленного в техническом задании ведомства. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2020-07-13_v_meshchanskom_sude_stolitsy
5. Суд вынес приговор следователю ФСБ и его экс-подчиненному, вымогавшим \$1 млн биткоинами. URL: <https://www.bfm.ru/news/465993>
6. См.: Andersen T. B. E-Government as an anti-corruption strategy // Information Economics and Policy, 21(3), 201—210. URL: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2008.11.003>

7. Nasr G. Elbahnasawy. E-Government, Internet Adoption, and Corruption: An Empirical Investigation // World Development. 2014. Vol. 57. P. 114—126. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.12.005>

8. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы” URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/>

Кудряшова Е.Н.

научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации
Национальный центр правовой информации Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск

ОБ ОБЩИХ ПРАВИЛАХ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Аннотация. Проводится сравнение актов, которые закрепляют правила правоприменительной и правотворческой техники в Республики Беларусь, обнаруживаются общие правила юридической техники, обязательность использования которых нормативно закреплена и для актов применения права, и для нормативных правовых актов. Предлагается создать в будущем единый нормативный правовой акт, содержащий унифицированные правила подготовки как нормативных правовых актов, так и актов применения права.

Annotation. A comparison is made of acts that enshrine the rules of law enforcement and law-making techniques in the Republic of Belarus; general rules of legal techniques are found, the obligatory use of which is normatively fixed both for acts of application of law and for normative legal acts. It is proposed to create in the future a unified normative legal act containing unified rules for the preparation of both normative legal acts and acts of application of law.

В настоящее время наибольшая часть принятых в Республике Беларусь на республиканском уровне правовых актов и методических материалов юридико-технического содержания касается в первую очередь нормативных правовых актов. Однако в не меньшей степени, чем нормативные правовые акты, в совершенствовании нуждаются акты применения права. Правила их создания частично закреплены в действующем законодательстве, но основная часть разработана преимущественно юридической наукой [1].

Безусловно, правила создания актов применения права будут отличаться с учетом специфики того или иного акта применения права. Несмотря на их многочисленность, особенностей подготовки различных видов, имеются общие, единые правила правоприменительной техники, использовать которые необходимо при создании разных актов применения права. В русле изучения вопроса о правовом закреплении правоприменительной техники важным обстоятельством является то, что техника правоприменительных актов по многим признакам едина с техникой подготовки нормативных правовых актов, и при принятии актов применения права могут быть использованы средства и приемы правотворческой техники. Все-таки акты применения права, равно как и нормативные правовые акты, как правило, представляют собой письменные документы, носят государственно-властный характер и обладают юридической силой (порождает определенные правовые последствия).

Для подтверждения схожести правил правоприменительной техники с правилами правотворческой техники рассмотрим положения Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 января 2009 г. № 4 (далее – Инструкция по делопроизводству), и Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА). В указанных актах имеются практически идентичные правила юридической техники, относящиеся соответственно к ряду актов применения права и к нормативным правовым актам.

Так, в соответствии с п. 67 Инструкции по делопроизводству, «текст документа должен быть достоверным, объективным, *максимально кратким* с сохранением полноты информации и *точности ее изложения*, не допускать различных толкований» [2]. В свою очередь, абзацем третьим п. 1 ст. 28 Закона о НПА установлено правило *краткости и точности изложения* нормативных правовых предписаний [3].

Правила юридической техники, касающиеся языка изложения правового акта, также схожи: по Инструкции по делопроизводству, «текст документа излагается *простым и ясным языком*, с соблюдением норм *официально-делового стиля* литературного языка» (п. 68) [2], а в Законе о НПА находим следующие формулировки: «*ясность, простота* и доступность языка изложения нормативного правового акта, исключающие различное толкование его нормативных правовых предписаний, отсутствие внутренних противоречий» (абзац третий п. 1 ст. 28); «нормативный правовой акт излагается *ясным, простым* и доступным языком с использованием юридической терминологии и соблюдением норм белорусского и (или) русского языков, *в том числе официально-делового стиля*» (п. 1 ст. 29) [3].

Схожи в рассматриваемых нормативных правовых актах и правила, касающиеся терминологии. В п. 71 Инструкции по делопроизводству находим: «В документах применяют термины и определения, установленные действующими стандартами и *терминологическими словарями*» [2]. В то же время в Законе о НПА требование сформулировано следующим образом: «при подготовке проектов нормативных правовых актов используются *юридические словари государственных информационно-правовых ресурсов*, распространяемых (предоставляемых) Национальным центром правовой информации, иные информационно-правовые ресурсы» (часть вторая п. 2 ст. 30) [3]. Подобные аналогии можно привести и в отношении других средств юридической техники – стиля правового акта, реквизитов и др.

Кроме того, анализируя параллельное действие двух основных актов о правоприменительной технике и правотворческой технике, мы можем наблюдать и некоторые противоречия и сложности в их реализации. Так, абзацем седьмым п. 1 ст. 28 Закона о НПА предусмотрено, что при подготовке проектов нормативных правовых актов применяются требования законодательства в сфере архивного дела и делопроизводства (в том числе Инструкции по делопроизводству), если они не противоречат Закону о НПА. В то же время Инструкция по делопроизводству содержит ответные положения, в соответствии с которыми, например, реквизиты в нормативных правовых актах должны оформляться в соответствии с Законом о НПА (в частности, в отношении дат (п. 46), грифов утверждения и согласования (пп. 52 и 59) и др.). Наряду с этим из сферы действия Закона о НПА, изложенной в ст. 1, следует, что Закон распространяется лишь на подготовку нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) нормотворческими органами (должностными лицами). Но субъекты хозяйствования, практически все из которых ведут работу с организационно-распорядительной документацией, не являются нормотворческими органами, поэтому требования нормотворческой техники не будут распространяться на создаваемые ими документы. А значит, становятся несколько непонятны отсылки в Инструкции по делопроизводству к нормам Закона о НПА 2018, а в Законе о НПА – указание на соблюдение в том числе законодательства в сфере архивного дела и делопроизводства.

Таким образом, при сравнении ряда требований, содержащихся в нормативных правовых актах, выполняющих на сегодняшний день ведущие роли в правовом закреплении правил правоприменительной техники и правотворческой техники, – Инструкции по делопроизводству и Законе о НПА – выявлено, что в различных источниках находят отражение нормативно закрепленные правила юридической техники, практически дословно изложенные в отношении актов применения права и нормативных правовых актов. Кроме этого, требуют дополнительного рассмотрения и переосмысления вопросы

соотношения между собой норм Закона о НПА и Инструкции по делопроизводству в части, связанной с отсылками на положения друг друга (с учетом сфер действия данных актов).

В связи с вышеизложенным видится перспективным направлением действий законодателя создание единого нормативного правового акта, который вобрал бы в себя унифицированные правила подготовки и нормативных правовых актов, и актов применения права.

Список использованных источников:

1. Сильченко, Н. В. Источники права: сб. науч. статей [Электронный ресурс] / Н. В. Сильченко. – Минск : Право и экономика, 2021. – 294 с. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46710772_94053323.pdf. – Дата доступа: 01.11.2021.

2. Инструкция по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь, 19 янв. 2009 г., № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>. – Дата доступа : 01.11.2021.

Ивлева В.С.

ассистент кафедры земельного права и экологических экспертиз

Красноярский государственный аграрный университет,

Россия, г. Красноярск

ЕДИНЫЙ ПОРТАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ – РЕАЛИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (АНАЛИЗ И СТАТИСТИКА)

Аннотация: В данной статье проводится анализ предоставления государственных и муниципальных услуг с применением Единого портала государственных и муниципальных услуг gosuslugi.ru. Автор подчеркивает необходимость развития коммуникаций в этой сфере с учетом формируемой культуры реализации пользователями ресурсов Единого портала.

Annotation: This article analyzes the provision of state and municipal services using the single portal of state and municipal services gosuslugi.ru. The author emphasizes the need to

develop communications in this area, taking into account the culture formed by the users of the resources of the Single Portal.

Исследование различных явлений в целях формирования и получения новых знаний может базироваться на системном подходе, в рамках которого особое место занимает метод моделирования управленческих отношений. При этом применение новых информационных технологий увеличивает не только возможности моделируемых систем, но и позволяет участвовать большому числу граждан в их реализации. К одной из таких сложных систем, реализуемых в сфере управления можно отнести Единый портал государственных и муниципальных услуг. С помощью представленной системы можно получить услугу, необходимую информацию и сведения, а также осуществить эффективное претворение прав и интересов граждан в правовой жизни.

Представленная модель как проект была запущена в 2009 году. По итогам 2020 года количество зарегистрированных пользователей на портале Госуслуг превысило 78 млн граждан. Что составляет около 2/3 населения старше 14 лет. За прошлый год количество граждан, воспользовавшихся сервисами Единого портала составило 56 млн человек, а обращений к portalу за прошлый год превысило 1,5 млрд (Рис. 1) [1].

Рисунок 1: Минцифры России – анализ пользования порталом Госуслуги в 2020 году.

Единый портал государственных и муниципальных услуг является федеральной государственной информационной системой, обеспечивающей предоставление государственных и муниципальных услуг [2]. На портале можно получить следующие социально значимые услуги: замена паспорта гражданина РФ, получение загранпаспорта,

отслеживание информации по судебным, налоговым задолженностям и штрафам, регистрация транспортных средств, а так же замена водительского удостоверения, запись на прием к врачу или вызов врача на дом, запись ребенка в детский сад и т.д.

При анализе официального сайта «gosuslugi.ru» рассмотрен «Народный рейтинг государственных услуг». (Рис. 2) [3].

Рисунок 2: Народный рейтинг государственных услуг

госуслуги		Услуги	Оплата	Поддержка	🔍	Личный кабинет
Место	Название услуги	Средняя оценка		Количество оценок		
1	 Получение разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия либо оружия ограниченного поражения	4,74 ↓	4,75	★★★★★	4035	
2	 Замена водительского удостоверения при смене данных владельца, утрате или непригодности	4,69 ↓	4,7	★★★★★	8904	
3	 Получение СТС, ПТС или регистрационных знаков взамен утраченных или непригодных для использования	4,69 ↑	4,66	★★★★★	7550	
4	Регистрация нового транспортного средства, ранее не зарегистрированного в ГИБДД	4,66 ↑	4,65	★★★★★	53435	
5	Продление разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия либо оружия ограниченного поражения	4,65 ↓	4,67	★★★★★	7430	

Таким образом, в России наблюдается позитивный сдвиг в развитии предоставления электронных государственных услуг для граждан. Статистическая информация является важным инструментом контроля потребностей населения и формирования культуры коммуницирования с органами власти, что обеспечивает наиболее полную реализацию общественных инициатив и защиту конституционных прав граждан [4, с. С. 101-106].

В силу этого можно указать на следующие функции, реализуемые в рамках портала Госуслуг. Такими функциями выступают: регулятивная, информационно-аналитическая, охранительная, политическая, экономическая, контрольная, коммуникативная и социальная.

В итоге, в силу поступательного и масштабного развития информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности населения, формируются новые тенденции способы и формы взаимодействия государства и населения. В связи с этим исследование в области государственных электронных услуг является весьма перспективным и востребованным.

Список использованных источников:

1. Количество граждан, которые воспользовались сервисами единого портала Госуслуг в 2020 году, составило 56 млн человек. Официальный сайт «Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации»: [сайт]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/>.– Текст: электронный.

2. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 210-ФЗ: (ред. от 02.07.2021) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/>. – Текст: электронный.

3. Народный рейтинг государственных услуг. Официальный сайт «Государственные услуги»: [сайт]. – URL: <https://www.gosuslugi.ru/rating>. – Текст: электронный.

4. Тепляшин, И.В. Реализация общественных инициатив в конституционной сфере: использование информационно-телекоммуникационных средств / И.В. Тепляшин // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции (20-21 сентября 2019 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. – Электрон. дан. Красноярск: общественный комитет по защите прав человека, 2019. – С. 101-106.

Нор К.Е.

ассистент кафедры теории и истории государства и права

Красноярский государственный аграрный университет,

Россия, г. Красноярск

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН КАК УЧАСТНИКОВ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: Проблема правовой культуры становится наиболее востребованной и актуальной в условиях интенсивного участия граждан в информационно-телекоммуникационных отношениях, использования соответствующих технологических средств. При этом современное общество характеризуется реальными трансформациями правовой жизни, что влияет на новые правила правового взаимодействия. В статье подчеркивается, что активное развитие в современном мире сетевых сообществ, социальных сетей, интернет-форумов обеспечивают современному обществу выход на совершенно новый уровень коммуникации, что не может отразиться на правовой культуре субъектов складывающихся отношений.

Annotation: The problem of legal culture is becoming the most popular and relevant in the context of intensive participation of citizens in information and telecommunication relations, the use of appropriate technological means. At the same time, modern society is characterized by real transformations of legal life, which affects the new rules of legal interaction. The article emphasizes that the active development in the modern world of network communities, social networks, Internet

forums provide modern society with access to a completely new level of communication, which cannot affect the legal culture of the subjects of emerging relations.

Для современного государства актуальным является вопрос о формировании и развитии новых правовых идей и стремлений граждан, обеспечивающих внедрение в правовую жизнь инноваций и организационно-правовых новшеств, с одновременным сохранением базовых ценностей. Современная действительность характеризуется колоссальным ростом объема информации, обуславливающим необходимость создания информационно-телекоммуникационной инфраструктуры [1, с. 86].

Сегодня продолжается исследование правовой культуры, как в продолжение советской традиции, так и в связи с новыми вызовами: широкой рецепцией западных правовых норм и институтов, увеличением масштабов интеграции технологий и инноваций в правовых отношениях, изменением отношения личности к действующим до недавнего времени ценностям. Распространенным мнением среди ученых является понимание правовой культуры как накопленного в результате развития человеческого общества правового опыта, который сам по себе представляет определенную ценность и детерминирует «качество» правовой жизни в реальной действительности. Правовая культура сохраняет характерные для данного общества правовые ориентации, убеждения, ценности, образцы юридически значимого поведения, правовые традиции в деятельности граждан, но также позволяет сопровождать новые формы и сферы правового регулирования устанавливает обновлённую модель взаимоотношений субъектов общественной жизни с правом, законами, другими юридическими феноменами [2, с. 27-28].

Особый интерес вызывает исследование проблем трансформации правовой культуры в условиях участия граждан в информационно-телекоммуникационных отношениях. Различные информационно-коммуникативные технологии как основа развития информационного общества оказывают значительное влияние на изменения в системе правовой культуры [3, с. 59], влияя на следующие ее составляющие.

Во-первых, правовая культура участников информационных отношений состоит из знаний в информационной сфере, умений и навыков в контексте реализации своих прав и свобод через коммуникационные и технические системы. Здесь человек знакомится с исходными правилами поведения, информационными системами и правилами распространения информации.

Во-вторых, в правовой культуре присутствуют стиль и соответствующая модель поведения, которая отличается своей системностью, дисциплинированностью и высоким уровнем последовательности в выполнении конкретных действий. Например, при обращении

в орган власти через официальный сайт «Государственные услуги» гражданин действует в рамках конкретных правил, что является технически сложным и одновременно удобным для пользователя.

В-третьих, это результаты такой правовой деятельности, при которых человек достаточно оперативно и с наименьшими затратами получает качественный результат (документ, услугу). Именно здесь происходит проявление правовой культуры гражданина в правовой действительности [4, с. 19]. Примером может служить голосование в удаленном режиме, приобретение специальных прав и гарантий, изменение правового статуса, получение государственной услуги и т.д.

В-четвертых, гражданин как пользователь информационных ресурсов не только приобретает новые знания и умения, но и создает свой индивидуальный продукт интеллектуальной работы, включающий в себя алгоритм поведения в удаленном от органа управления режиме, оптимальную модель поиска и получения информации, систему терминов и знаков, а также иные технико-информационные средства, с помощью которых личность встраивается в информационно-телекоммуникационные отношения. Данные категории пользователь расставляет в определенной последовательности, придает, соответственно, каждой ранг и статус.

В-пятых, у пользователя электронными ресурсами формируется соответствующее правосознание, выраженное в устойчивом положительном и возможно оценочно-практическом отношении к получаемому опыту, а также к информационно-телекоммуникационным технологиям в целом. Таким образом граждане получают определенную уверенность и решимость в вопросе реализации общественных инициатив с помощью интернет-ресурсов [5, с. 72].

В итоге следует признать необратимый характер развития и усложнения средств, форм и процедуры использования со стороны граждан возможности информационных инноваций. Тем не менее, такое направление модернизации публичной сферы способно обеспечить эффективную реализацию прав граждан, участия общества в публичном управлении, где особое место может быть отведено правовой культуре человека как активного участника информационно-коммуникационных отношений.

Список использованных источников:

1. Хабриева, Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85-102.
2. Семитко, А.П. Культура права и общее благо / А.П. Семитко // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 25-33.

3. Фатьянов, В.М. Роль сетевых коммуникаций в процессе формирования правовой культуры современной российской молодежи / В.М. Фатьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 58-60.

4. Богатова, Е.В. Внешнее проявление правовой культуры: основные формы и методика установления / Е.В. Богатова // Теория государства и права. 2018. № 4. С. 18-23.

5. Тепляшин, И.В., Бахмутов Ю.С. Эффективность рассмотрения государственными органами общественных инициатив граждан, направленных посредством интернет-ресурсов / И.В. Тепляшин, Ю.С. Бахмутов // Право и образование. 2017. № 7. С. 71-80.

Кадомский А.И.

*Специалист УМВД России по Тамбовской области,
Российская Федерация, г. Тамбов*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье разбирается понятие «информационная среда», ее развитие на территории Российской Федерации, основные законы и нормативно-правовые акты, регулирующие информационно-правовое поле в России. Дополнительно рассматриваются слабые стороны имеющегося подхода к цифровизации общества в РФ и перспективы его развития.

Abstract. The article deals with the concept of «information environment», its development on the territory of the Russian Federation, the main laws and regulations governing the information and legal field in Russia. Additionally, the weaknesses of the existing approach to the digitalization of society in the Russian Federation and the prospects for its development are considered.

Обращаясь к понятию «информационная среда», важно начать с понимания таких терминов как «информационная политика» и «информационно-правовой механизм». Данная категория в сфере права была сформирована Федеральным законом от 4 июля 1996 года № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене». Согласно первому разделу утвержденной президентом РФ «Доктрины информационной безопасности России», это понятие интерпретируется как «комплекс информационной инфраструктуры и субъектов, занимающихся сбором, формированием, распространением и использованием информации» [1]. На актуальное состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации может влиять информационная сфера,

как системообразующий фактор в жизни общества. Взаимодействие субъектов информационного права нуждается в регулировании сразу в нескольких секторах информационной отрасли.

«Информационная сфера может быть как естественной, так и искусственной», как указывается в законе об информации. Матрица отношений информационного права первоначально разделила информационную сферу на пять основных предметных областей, включая область создания и распространения исходной и производной информации. Здесь учитываются такие вещи, как создание информационных ресурсов, подготовка информационных продуктов и оказание информационных услуг. Инструменты и механизмы информационной безопасности применяются различных областях. Анализ показывает, что количество этих сфер растет с каждым годом, и что они совпадают с предметной областью самого закона об информации. Все активнее реализуются информационные права и свободы человека, а также интересы общества и государства в информационной сфере.

Системы коммуникации, СМИ, электронный документооборот, системы электронной торговли, госзакупок, архивные и библиотечные дела, таможенное декларирование и оформление, ведение бизнеса с использованием информационных технологий – это только некоторые из тех сфер, где происходит активная цифровизация работы [2, с. 147].

Информационную сферу можно рассматривать как «среду информационных технологий, в которой субъекты реализуют свои потребности и возможности в отношении информации и информационных систем». На всю информационную сферу любого общества влияет наличие законов об информации, которые регулируют создание, распространение, преобразование и потребление информации. На их основе осуществляют деятельность, решающую конкретные информационные проблемы в правовой системе общества, включая сам механизм правового регулирования в этой сфере. Норма информационного права, в отличие от социальной нормы, имеет свои особенности, одной из которых является то, что она независима: «в соответствии с волей государства, эти нормы призваны регулировать определенный тип взаимодействий в обществе - информационные отношения» [3, с. 433].

В любой стране закон об информации всегда готовится и издается с разрешения государства и может быть выражен в юридически установленной или общепризнанной форме. Конституция Российской Федерации, Указы Президента, Федеральные законы, Постановления правительства и т.д. - вот некоторые формы права, которые регулируют информационно-правовое поле в России. «Создание реальных условий для защиты прав правообладателей информационной продукции, подготовка и усовершенствование федеральных и региональных систем и сетей, обеспечение их совместимости и взаимодействия в едином информационном пространстве Российской Федерации» - вот

некоторые из направлений информационно-правовой деятельности. К ним же относятся обеспечение национальной безопасности в сфере ИТ, создание условий для эффективного предоставления информации гражданам.

Для всех сегодня информация является основой жизни и повседневной деятельности. «Деятельность субъектов информационных отношений основана на новых, ранее неизвестных концепциях юридической науки, без применения которых Россия не сможет нормально взаимодействовать с глобальными международными структурами. Интересы государства и личности должны учитываться при осуществлении правовой и информационной деятельности государственных органов, организаций, граждан и других субъектов» [4, с. 227] В процессе правоприменения выявляются информационные и другие правонарушения, нарушители привлекаются к ответственности на основании действующего законодательства, а правоохранительные органы должны своевременно пресекать нарушения. Информационно-правовая деятельность различных субъектов права в исследуемой области часто осуществляется на основе международных договоров и национального законодательства [5].

Для этого необходимо на законодательном уровне закреплять такие блоки информационных отношений, как электронная коммерция, правовое регулирование Интернета, защита авторских и смежных прав на информационную продукцию и т.д. Информационное право, в связи с этим, должно стать одной из важнейших частей глобального информационного общества и демократического государства, основанного на главенстве закона.

Вместе с этим необходимо создать рыночные условия, благоприятные для оказания услуг связи населению. Например, простой доступ в сеть в социальных и общественных организациях. Улучшение доступа к сети имеет важное значение в части городских, сельских и большинстве отдаленных регионах. Нужно уделять особое внимание нуждам людей с меньшей социальной защитой, людей с ограниченными возможностями и пожилым гражданам, а также осуществлять меры по предоставлению им более легкого доступа к информации. Вопросы и особенности предмета информации должны быть приняты во внимание в целях содействия дальнейшему развитию «удобных для пользователя технологий», включая мобильный доступ к Интернету, а также более широкое использование свободного, общедоступного обмена информацией и т.д. Можно будет по-новому взглянуть на современное понятие информации и права, осуществлять различные виды информационно-правового воздействия на общество, регулировать отношения в сфере связи и массовых коммуникаций на основе новейших достижений.

Список использованных источников:

1. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»
2. Газетов В. Служба PR в вооруженных силах США // Власть. - 2009. – № 7. - С. 146-149.
3. Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические Науки. – 2017. – № 38 – С.430-445.
4. Михнев И.П., Айвазян А.Г., Серкина Е.П. Правовое регулирование деятельности в сфере информационной безопасности в Российской Федерации: достижения, проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 6. – С. 227-233.
5. Федеральный закон от 04.07.1996 года № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис»

Клубенко В.С.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент А.Б. Адельсеитова
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Россия, г. Симферополь

**ПРАВOTВOPЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА**

Аннотация: В статье исследован вопрос цифровизации правотворческого процесса, обозначены положительные аспекты и рассмотрены проблемы внедрения цифровых технологий в сферу правотворчества. На основании изученной научной литературы, действующего федерального и регионального законодательства обозначено, что необходимо не только разработать нормативно-правовую основу, но и определить пределы внедрения цифровизации в правотворческий процесс.

Abstract: The article examines the issue of digitalization of the law-making process, identifies positive aspects and considers the problems of introducing digital technologies into the field of law-making. Based on the studied scientific literature, the current federal and regional

legislation, it is indicated that it is necessary not only to develop a regulatory framework, but also to determine the limits of the introduction of digitalization in the law-making process.

В преддверии Четвертой промышленной революции все сферы жизни общества претерпевают изменения, ввиду увеличения объема информации и возможностью её пользоваться непрерывно через сеть Интернет. Другими словами, цифровые технологии проникают во все сферы деятельности [1, с.33].

Как следствие, в сфере правового регулирования появляются отношения, субъектами которых становятся виртуальные или «цифровые личности», отношения, связанные с юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве, с применением робототехники, а также возникающие в связи с реализацией прав человека в виртуальном («цифровом») пространстве и по поводу нетипичных объектов (например, криптовалюты, биткойны, токены, блокчейн, краудфандинг и др.) [2, с.6-7].

Однако такое стремительное развитие в сфере цифровизации общества приводит к тому, что устаревшее законодательство не содержит нормы права, необходимые для урегулирования вновь возникших отношений.

Вместе с тем, по мере развития общественных отношений, перед государством возникает задача реализовать необходимые функции посредством форм, в частности правотворчества, с целью предотвращения отставания в правовом регулировании возникших общественных отношений в результате цифровизации путем создания законов, нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу.

Следует отметить, что процесс формирования цифровой основы правотворчества способствует снижению барьера между обществом и государством [3, с.140], что в условиях развития демократического общества является достаточно весомым фактором для обеспечения взаимодействия общества и государства.

На данном историческом этапе, цифровизация права включена государством в число приоритетов правовой политики. Для достижения поставленной цели реализуются государственные программы, в том числе: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», Государственная программа «Информационное общество».

Кроме того, Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. №203 утверждена Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы, определяющая цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики,

обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [4].

Так, например, на территории Республики Крым принято Постановление Совета министров Республики Крым от 20.08.2021 № 487 «Об утверждении стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Крым», из содержания которого следует, что стратегия будет способствовать повышению уровня жизни, эффективности государственного управления, в том числе повышению уровня удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и иных услуг и функций за счет повышения их доступности и качества оказания, а также за счет сокращения потерь времени гражданами при их получении [5].

Следовательно, для проведения данных мероприятий законодателю необходимо будет разработать определенную законодательную основу.

Таким образом, цифровизация общества и государства приводит к изменениям в процессах управления, в частности затрагивает процесс правотворчества, состоящий из таких стадий как: правотворческая инициатива; подготовка проекта нормативного правового акта; обсуждение и согласование проекта нормативного правового акта; принятие нормативного правового акта; опубликование и вступление в силу нормативного правового акта, результатом которых является принятие нового правового акта [6, с.22].

А.А. Арнаутова, приводя мнения зарубежных ученых, отметила, что цифровые технологии применимы на таких этапах законотворческой деятельности как: сбор общественного мнения через онлайн-форумы; разработка законопроектов с помощью онлайн-механизмов; координация онлайн-консультаций по законопроектам; онлайн-голосование по предлагаемым законопроектам; предоставление онлайн-доступа к действующему законодательству и обеспечение толкования действующего законодательства.

Так, например, в Великобритании правительственный веб-сайт epetitions.gov.uk при соблюдении определенных условий, предлагает гражданам создавать петиции по любому вопросу. В России на основании реализации проекта «Российская общественная инициатива», на сайте гражданами размещаются инициативы и проводятся голосования по ним [7, с.36].

В настоящий момент на сайте Государственного Совета Республики Крым размещена информация о республиканском конкурсе «Моя законодательная инициатива. Крым», в рамках которого, Крымчанам в возрасте от 14 до 25 лет предложено в конкурсную комиссию на электронный адрес направить свои идеи по совершенствованию правового поля региона в восьми направлениях: экономика, молодежная политика, образование, государственное управление, энергетика и других [8].

Таким образом, органы государственной власти получают возможность на сбор общественного мнения не только через веб-сайты, но в результате проведения конкурса, размещенного на сайте государственного, муниципального или иного органа.

Кроме того, право в условиях развития цифровых технологий становится более доступным, в частности из цифровых источников, участники общественных отношений узнают о правилах, которые они должны придерживаться, а также о нормах права, являющихся результатом правотворчества и закрепленных в нормативных правовых актах, которые в последующем публикуются и размещаются на сайтах государственных органов, что способствует открытости правотворческого процесса, а также открытости и доступности информации о деятельности органов власти и должностных лиц [9, с.233].

На сайте Государственного Совета Республики Крым содержится информация не только о законопроектах и их состоянии, но и о проектах нормативных правовых и иных актов ГС РК, а как следствие, общество имеет возможность ознакомиться и обсудить данные правовые акты. Также общественное обсуждение может проводиться и в иных формах: общественное обсуждение в сети Интернет, публичные слушания, общественная экспертиза проекта, осуществляемая Общественной палатой [10, с.143].

Так, например, на сайте Общественной палаты Республики Крым, как одного из институтов гражданского общества, созданного с целью обеспечения взаимодействия власти и жителей региона, в свободном доступе для граждан содержится информация о их возможностях и о том, что задача данного института заключается в обеспечении открытого и гласного общественного обсуждения наиболее важных вопросов экономического, социального и культурного развития, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, защиты прав и свобод граждан, демократических принципов развития гражданского общества с выработкой в последующем соответствующих рекомендаций органам государственной власти и органам местного самоуправления.

Вместе с тем, достаточно часто в VK, Instagram население пишет свои комментарии под размещенной информацией в ленте новостей, в том числе о проектах или уже принятых правовых актах на территории.

Кроме того, необходимо отметить, что внедрение цифровых технологий в правотворческий процесс положительно влияет на аспект системности права, то есть его упорядочение, систематизацию, устранение пробелов и противоречий. В настоящее время, существуют справочно-правовые системы по законодательству такие как Гарант, Консультант Плюс, однако следует помнить, что в оцифрованных законах и иных нормативно-правовых актах, загруженных в данные системы, могут содержаться ошибки в отличие от официально опубликованных.

Однако негативным моментом является то, что с помощью цифровых и сетевых инструментов современная цивилизация создала средства и способы тотального контроля за человеческой личностью. Использование электронной почты, переписка в WhatsApp, Viber, фотографии в Instagram, в Контакте приводит к тому, что информацией может воспользоваться не только сам пользователь, но и лицо, имеющее иные негативные намерения [11, с.30].

Таким образом, органам, осуществляемым правотворческий процесс, необходимо исследовать все риски широкого распространения цифровых технологий в разных сферах общественной жизни [12, с.32-33], определить все допустимые пределы цифровизации, с учетом гарантий и полного соблюдения прав и свобод граждан в эпоху цифровизации.

На наш взгляд, использование правовых систем в качестве искусственного интеллекта, способствует упрощению в установлении устаревших законов и нормативно правовых актов, то есть с помощью современных цифровых технологий, осуществление правотворческой деятельности становится более оперативным. Вместе с тем, это не обозначает, что искусственный интеллект должен совсем вытеснить деятельность человека, так как только человек обладает разумом, может анализировать и логически рассуждать.

Другими словами, использование информационных технологий, искусственного интеллекта в сфере правотворчества позволит более эффективно решать однотипные, шаблонные задачи, оптимизировать процесс подготовки правовых документов и сосредоточиться субъектам правотворчества на более важных вопросах [13, с.26].

С учетом вышеизложенного, считаем, что развитие процесса цифровизации в обществе безусловно влияет на содержание и характер правотворческой деятельности. Развитие технологий способствует упорядочению и систематизации правотворческой деятельности, обеспечивает её доступность, открытость, а как следствие, повышает уровень демократичности и гласности правотворческой деятельности, позволяет каждому гражданину обратиться к электронным источникам информации на сайтах органов государственной власти, что приводит к взаимодействию государства и гражданина, способствуя эффективному осуществлению правотворческой деятельности.

В свою очередь, перед законодателем стоит задача не только привести в соответствие и урегулировать новые отношения, развивающиеся в эпоху цифровизации, но и установить пределы внедрения цифровизации в правотворческий процесс ввиду того, что безграничная цифровизация общественных отношений может содержать как положительные аспекты, так и привести к росту таких видов преступлений как: компьютерная преступность, мошенничество с криптовалютой, взлом банковских карт, электронных счетов и др. Законодатель должен осуществлять опережающее правотворчество, учесть все

положительные и отрицательные факторы цифровой трансформации с целью обеспечения порядка и общественной безопасности общества, а также недопущения нарушения прав и свобод граждан.

Список использованных источников:

1. Арнаутова А.А. Цифровизация правотворческой деятельности // Электронный научный журнал «Век качества». 2019. №2. – с.33 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2019/219003.pdf>
2. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // «Журнал российского права», № 1, январь 2018 г. – с.6-7 [Электронный ресурс]. – URL: internet.garant.ru. - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
3. Залоило М.В. Некоторые вопросы цифровизации процедур оценки проектов нормативных правовых актов. - с.140 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>
4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [Электронный ресурс]. – URL: internet.garant.ru. - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
5. Постановление Совета министров Республики Крым от 20 августа 2021 г. № 487 «Об утверждении стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Крым» [Электронный ресурс]. – URL: internet.garant.ru. - Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
6. Каменская Е.В. Развитие правотворческого процесса в условиях цифровизации общества и государства. - с.22 [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestnik-muiv.ru>
7. Арнаутова А.А. Цифровизация правотворческой деятельности // Электронный научный журнал «Век качества». 2019. №2. – с.36 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2019/219003.pdf>
8. Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым [Электронный ресурс]. – URL: <http://crimea.gov.ru/mprk/0103193/051020202>
9. Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018, 34 (44). - с.233 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>
10. Залоило М.В. Некоторые вопросы цифровизации процедур оценки проектов нормативных правовых актов. - с.143 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>

11. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. - с.30 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.asu.ru/files>
12. Гайворонская В.Г., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект. - с.32-33 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>
13. Каменская Е.В. Развитие правотворческого процесса в условиях цифровизации общества и государства. - с.26 [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestnik-muiv.ru>

Алехин П.В.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Дехтярь И.Н.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

Россия, г. Саратов

**ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И
ГОСУДАРСТВА**

Аннотация: в данной работе подчёркивается проблема отсутствия нормативного закрепления понятия «общественный порядок», анализируются исследования правоведов по данному вопросу и предлагается авторское определение названного понятия.

Abstract: This paper emphasizes the problem of the lack of normative definition of the public order, analyzes the research of legal scholars on this issue and proposes the author's definition of the named concept.

Россия продолжает движение на пути становления правового государства. Значительный акцент в последние годы делается на воспитании правосознания граждан, однако несовершенство правовой системы формирует области неопределённости, в границах которых правоприменение затруднено.

Такого рода несовершенства часто выражаются в понятийных пробелах отдельных властных актов и даже их системы. В рамках данной работы видится необходимым обратить внимание на понятие общественного порядка, поскольку оно всё ещё не имеет нормативного закрепления, хотя на данный термин производятся ссылки конституционных, административных и уголовных норм. Тенденции развития общественных отношений,

глобальная их цифровизация являются факторами, обуславливающими особую значимость разработки нормативного определения общественного порядка с учетом современных условий взаимодействия общества и государства.

Статья 114 Конституции РФ возлагает на Правительство РФ обязанность по обеспечению общественного порядка. В свою очередь, статья 132 Конституции РФ указывает на самостоятельную деятельность органов местного самоуправления по обеспечению общественного порядка. Однако законы «О полиции», «Об участии граждан в охране общественного порядка» и ряд других актов, прямо ссылающихся на данный термин, не раскрывают его содержания.

Наибольшую опасность в этом плане представляет неопределённость карательного законодательства, которое содержит прямые запреты и значительные санкции. Охране общественного порядка посвящены глава 20 КоАП РФ и раздел IX УК РФ, причём статьи 20.1 и 20.2.2 КоАП, а также статья 213 УК РФ предусматривают нарушение общественного порядка в качестве обязательного последствие указанных в них деяний, что фактически ведёт к непредсказуемости границ запрета в случае несовпадения представления об общественном порядке гражданина и правоприменителя.

Таким образом, эффективная реализация норм права, а также осознанное соблюдение правовых ограничений представляются затруднительными при отсутствии в законе разъяснения содержания понятия «общественный порядок».

При устранении указанного несовершенства в целях соблюдения высокого уровня законотворческой техники уполномоченным лицам следует опираться на доктринальные разработки теории права и актуальное состояние общества.

Исследование трудов учёных позволяет сделать вывод о существовании в теории широкого и узкого понимания общественного порядка. Под первым подразумевается вся совокупность нормальных социальных отношений внутри государства. Данный взгляд не подходит для нормативного закрепления в силу своей абстрактности, которая не отвечает критерию точности. Говоря об общественном порядке в узком смысле слова, необходимо обратиться к мнению ряда авторов, которые прорабатывали данную проблему ранее.

М.И. Еропкин выделяет в качестве существенного признака границы действие общественного порядка, а именно общественные места [1, с.15]. Несмотря на отсутствие в законе однозначного определения таких мест, разумно будет согласиться с тем, что в узком смысле слова общественный порядок подразумевает взаимодействие лиц на общедоступной территории. Такое ограничение имеет смысл, поскольку речь идёт не о простом подчинении закону, но о соблюдении ряда культурных норм, чего невозможно требовать в рамках частной жизни, но допустимо обеспечивать при взаимодействии различных людей на

открытой для каждой территории. Причём в контексте цифровизации современного общества, действие общественного порядка следует распространить и на взаимодействия в сети Интернет.

Современная исследовательница А.Г. Коротких утверждает, что общественный порядок должен регулироваться на основе социальных установок общества в совокупности с нормами права [3, с. 170-171]. Учитывая, что ядром общественного порядка является правопорядок, утверждение о нормативном регулировании общественного порядка закономерно [4, с.173]. В тоже время, очевидно, что одних лишь норм права недостаточно для регулирования общественных отношений.

В другом своём определении общественного порядка А.Г. Коротких отмечает, что наравне с нормами права общественный порядок регулируют нормы морали, традиции и даже религиозные правила [2, с. 39]. Данный подход представляется неприемлемым в силу отсутствия единства традиций, морали и религиозных воззрений многонационального народа России. Перефразируя Ленина следует задаться вопросом: «Может ли быть общественный порядок калужским или казанским?». Такое разделение не отвечает целям поддержания спокойного общения граждан разных взглядов и традиций на территории общественных мест. Невозможность подобного деления устанавливается и тем фактом, что граждане со всех регионов России находятся в едином информационном пространстве сети Интернет.

Потому общественный порядок должен иметь общероссийский характер, не умаляющий значение местных традиций. И единственные социальные нормы, которые едины для каждого – это идеи гуманизма. Часть из них закреплена в первых двух главах конституции, остальные тоже присутствуют в нашей культуре.

Таким образом видится возможным сформулировать следующее определение. Общественный порядок – это система социальных отношений, складывающаяся между людьми в общественных местах и в сети Интернет, основанная на взаимном уважении и терпимости, урегулированная нормами права и общепризнанными принципами гуманизма, функционирующая для свободной реализации прав и законных интересов индивидов и общества в целом.

Сохраняя признаки абстрактности, это определение позволяет правоприменителю обосновывать свои решения, опираясь на общечеловеческие ценности, закреплённые в Конституции и международных актах РФ. При этом не приходится говорить о совпадении общественного порядка с правопорядком, так как идеалы гуманизма лежат в основе современной морали и культуры, имея двойственный социально-правовой характер.

Список использованных источников:

1. Еропкин М.И. Сущность и содержание общественного порядка // Проблемы теории и практики административной ответственности: сб. науч. трудов. М., 1983. 15 с.
2. Коротких А.Г. К дискуссии о понятии «общественный порядок»: проблемы применения в административном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. Серия: Право. № 2(25). С. 159-171.
3. Рихард А.А. Правопорядок как ядро общественного порядка // Социально-экономическое развитие общества: история и современность. Двенадцатые Ямбургские чтения: материалы международной научно-практической конференции. Кингисеппский филиал Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. 2017. С. 170-173.
4. Коротких А.Г. О сути и значении понятий «Общественный порядок» и «Общественная безопасность» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. №3. С. 37-42.

Ахременко А.С.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Тепляшин И.В.

Сибирский федеральный университет,

Россия, г. Красноярск

**УЧАСТИЕ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА В
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ**

Аннотация: на современном этапе развития происходит деформация общества как во взаимодействии региональных и федеральных органов государственной власти, так и в информационно-коммуникационных технологиях, которые играют ключевую роль в коммуникации указанных органов между собой. В статье рассматриваются положительные моменты использования цифровых технологий на примере взаимодействия высшего должностного лица субъекта с Государственным советом России.

Abstract: at the present stage of development, society is deformed both in the interaction of regional and federal government bodies, and in information and communication technologies, which play a key role in the contact of these bodies among themselves. The article discusses the positive aspects of the use of digital technologies on the example of the interaction of the highest official of the subject with the State Council of Russia.

Задаваясь вопросом об участии высшего должностного лица (Далее – ВДЛ) субъекта РФ в деятельности федеральных органов власти, стоит упомянуть Государственный совет (Далее – Госсовет), статус которого недавно впервые был закреплён на уровне Конституции РФ, хотя историю свою он начал задолго до этого. В послании Президента РФ к Федеральному Собранию в 2020 году говорится о том, что: «... у каждого субъекта Федерации есть свои особенности, проблемы, свой опыт. Всё это, безусловно, надо учитывать». Далее говорится о необходимости существенно увеличить роль ВДЛ в деятельности по выработке и принятии решений на федеральном уровне и делается указание на то, что статус и роль Госсовета необходимо закрепить на уровне Конституции РФ, так как он показал за все годы себя с хорошей стороны [1]. С таким закреплением он приобрёл новое значение: стал обязательным, не просто «совещательным», а «конституционным» органом, наконец его статус регулируется федеральным законом, а не положением, утверждённым указом Президента РФ.

Обязательность данного органа с его составом в лице ВДЛ, возможно, позволит тщательнее прорабатывать проблемы субъектов, ведь взаимодействие их с федеральными органами выступает одной из основных функций. Но есть ли практический смысл вхождения данной категории лиц в Госсовет или всё это лишь номинально? Так, на одном из заседаний Госсовета председателем было высказано о необходимости расширения формата обмена опытом и компетенциями и о налаживании прямого взаимодействия региональных команд [2]. В современных реалиях такого рода обмен информацией стал гораздо удобнее с повсеместным введением практически во все сферы нашей жизни информационно-коммуникационных технологий, которые открывают для нас принципиально новые способы взаимодействия друг с другом. Опыт с COVID-19 показал, что дистанционно можно работать эффективнее, используя при этом достижения передовых цифровых технологий. Такое взаимодействие является более оперативным и выгодным: общаться можно из любого уголка страны, тем самым стирая географические границы (например, используя видеоконференции, которые активно реализуют руководители субъектов федерации). Положительным является и то, что с содержанием заседаний Госсовета всегда можно ознакомиться в режиме онлайн, что позволяет гражданам быть в курсе обсуждаемых вопросов. Это хорошо в плане повышения уровня правовой грамотности населения, увеличения степени их информированности о правовых процессах, происходящих в нашей стране, участия граждан в управленческих мероприятиях демократического характера [3, с. 102-104]. Такие правовые технологии делают публичную власть более прозрачной для населения страны, соответственно повышают уровень авторитетности публичной власти.

Но несмотря на то, что Госсовет во взаимодействии с ВДЛ субъекта РФ имеет огромный практический потенциал, и возможно в ближайшем будущем данному органу будет предоставлено право законодательной инициативы для того, чтобы претворять свои стратегические идеи в жизнь, а удобство использования современных цифровых технологий в их взаимодействии с организационно-правовыми ресурсами каждого субъекта России, будут способствовать учету интересов региональной и муниципальной властей. В свою очередь, укрупнение «вертикали власти» за счет местного самоуправления, которая теперь выступает частью единой системы публичной власти (и в будущем может стать одним из уровней государственной власти [4, с. 15]); сама концепция федеральных округов с контролем полпредов за исполнением распоряжений главы РФ на территории округа и соответственно за деятельностью органов субъекта РФ; тенденция «назначения» ВДЛ – всё свидетельствует о том, что власть вероятно концентрируется в руках федеративного центра. Теряют ли при этом субъекты ту самостоятельность, которая изначально закладывалась в принципе федерализма в нашем государстве? Здесь можно говорить о формировании новой модели участия ВДЛ в выработке и принятии решений на федеральном уровне. Так, М. В. Емельянова указывает, что Президент РФ выступает «Центром верховной власти». Наш случай не исключение, ведь глава государства формирует данный орган и одновременно является его председателем, а также решает другие организационные вопросы, в т. ч. вопросы о вхождении в Госсовет иных лиц. Обращается внимание на моноцентризм власти, который как «принцип организации любой системы проявляется ... через требование единства публичной власти» [5, с. 48].

В современных условиях проводимая на уровне федерации политика, направленная на имплементацию региональных органов в единую систему публичной власти, будет так же реализовываться на уровне субъектов с участием муниципальной власти, а новые информационно-коммуникационные технологии позволят это делать оперативнее и выгоднее, снижая определённые издержки. И уже сегодня можно наблюдать совершенствование публичного управления, повышение уровня прозрачности власти, и соответственно доверия к ней со стороны граждан. Однако ВДЛ субъекта РФ в данном случае могут делиться своими проблемами и наработками, но это не означает, что они будут полностью «услышаны» в ходе заседаний. Решения подписывает Президент РФ как председатель Госсовета, именно глава государства определяет деятельность указанного органа и выступает основным субъектом реализации федеративной политики.

В итоге можно говорить о том, что развитие института участия высшего должностного лица субъекта России в деятельности федеральных структур имеет

поступательное развитие и отражает положительную роль современных конституционных реформ.

Список использованных источников:

1. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства: послание Президента РФ от 15.01.2020 г. б/н. – Доступ из Официального интернет–портала правовой информации. – Текст: электронный.
2. Совместное заседание Президиума Госсовета и Агентства стратегических инициатив // Новости, Выступления и стенограммы, Государственный совет. 2021. – Доступ из Официальное интернет-представительство Президента России. – Текст: электронный.
3. Тепляшин, И.В. Реализация общественных инициатив в конституционной сфере: использование информационно-телекоммуникационных средств / И.В. Тепляшин // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции (20–21 сентября 2019 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. – Электрон. дан. Красноярск: общественный комитет по защите прав человека, 2019. – С. 101–106.
4. Пешин, Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: новая (старая) модель соотношения государственной и муниципальной формы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 10–15.
5. Емельянов, М. В. Тектоника власти: монография / М.В. Емельянов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2019. - 256 с.

Баторова С.В.

Научный руководитель: ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Налетова М. М.

ФГБОУ ВО «БГУ им. Д. Банзарова»,

Россия, г. Улан-Удэ

РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ КАК ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА ГОСУДАРСТВА

Аннотация: стремительное развитие современных технологий опережают уровень развития их правового регулирования. В связи с этим были введены регуляторные песочницы. В статье исследуется необходимость введения регуляторных песочниц в сфере цифровых инноваций.

Abstract: the rapid development of modern technologies outstrip the level of development of their legal regulation. In this regard, experimental legal regimes were introduced. The article explores the need to introduce regulatory sandboxes in the field of digital innovation.

На сегодняшний день цифровые инновации, которые активно внедряются в нашу жизнь, являются одной из причин соперничества между странами, поскольку наличие в государстве высокоразвитых цифровых технологий (например, искусственный интеллект) влияет на положение стран в международном рейтинге. Однако стремительно развивающиеся технологические процессы приводят к тому, что появляются сложности в их правовой регламентации.

В связи с тем, что законодательство не успевает за развитием технологий, иными словами, в отсутствии их правового регулирования, в качестве средства продвижения инноваций, улучшения конкуренции и расширения доступа к финансовым услугам в некоторых государствах стали использоваться такие механизмы, как регуляторные песочницы - экспериментальные правовые режимы (далее - ЭПР).

В соответствии со ст. 2 ФЗ от 31.07.2020 №258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее - ФЗ №258) экспериментальный правовой режим - применение специального регулирования в отношении участников ЭПР в рамках определенного промежутка времени по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций [1].

Принятие ФЗ №258 было важным для поддержания российского инновационного бизнеса. Он позволяет установить на определенной территории специальный правовой режим. Специальное регулирование подразумевает собой такой способ, с помощью которого можно не применять нормы общего регулирования. Сюда можно отнести лицензирование, аккредитацию и т.п. [2; с. 47]. Но оно не может распространяться на правоотношения, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью, а также с возможностью угрозы нанесения вреда обществу и государству. Так, участвующая компания может справиться с нормативными сложностями при использовании высокотехнологичных разработок на рынке. Таким образом, ЭПР дают возможность испытать новые технологии, не рискуя нарушить закон, и распространяются на новые или усовершенствованные товары, услуги, процессы, работы, методы продаж, организационные методы в сферах медицины, сельского хозяйства, финансового сектора, промышленности и т.п.

Постановлением Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 установлен перечень технологий, которые могут применяться в рамках ЭПР в сфере цифровых инноваций.

Например, к ним относятся технологии работы с Big Data, нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта и т.д. [3].

Необходимость введения регуляторных песочниц состоит в том, что они направлены на сокращение рисков при реализации проектов, совершенствование государственного управления (например, предоставление государственных услуг), установление связи между субъектами экономических отношений, улучшение качества товаров, работ и услуг, а также их доступность, развитие предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и пр.

Регуляторные песочницы впервые были применены в Великобритании в 2016 г. На сегодняшний день их используют Китай, Сингапур, Австралия, Канада, США, ОАЭ, Швейцария и др., включая Россию. В 2018 г. Центральный Банк Российской Федерации первым применил механизм регуляторной песочницы. Она была создана для моделирования, пилотирования процессов новых финансовых сервисов и технологий в специальных условиях. Для их применения требуется внести изменения в правовое регулирование [4]. В частности, новым финансовым продуктом выступает исполнение операций в банках с помощью удаленного управления полномочиями по счетам корпоративных клиентов (ПАО Сбербанк) [5; с. 37].

На сегодняшний день в Минэкономразвития России разрабатывается проект эксперимента по созданию программы на основе искусственного интеллекта, помогающая врачам назначать лечение пациентам [6]. Также в активной разработке находится процесс запуска в Томской области экспериментального правового режима в сфере использования беспилотных авиационных систем. В связи с применением специального регулирования на территории Томской области могут быть изменены некоторые положения Воздушного кодекса РФ в течение срока действия эксперимента [7].

При неизвестности эффективности решения без проведения эксперимента, могут применяться ЭПР. С помощью них инновационные идеи сначала воплощаются в жизнь в ограниченной среде [8; с. 265]. Их внедрение является важным решением государства в условиях цифровизации общества, поскольку искусственный интеллект еще не является полностью безопасным. К примерам причинения ущерба искусственным интеллектом можно отнести действия беспилотных автомобилей. Известны несчастные случаи, когда при их запуске, в результате неправильного определения ситуации искусственным интеллектом погибли люди.

Таким образом, процесс быстрого создания цифровых технологий способствовал принятию государством соответствующих мер в виде внедрения регуляторных песочниц, т.к. представлялось невозможным разработать всеохватывающий законодательный акт. К тому

же, статус государства на международной арене зависит от развития его IT-сектора, а благодаря цифровым песочницам введение новых технологий в практику теперь стало легче, поскольку из-за отсутствия правового регулирования, а вследствие этого и невозможность проведения экспериментов инвестировать в цифровые технологии было невыгодным.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Российская газета № 173(8227), 06.08.2020.
2. Носкова Ю. Б. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций как способ интеграции национальной экономики Российской Федерации в мировое экономическое пространство / Ю. Б. Носкова // European and Asian Law Review. - 2020. - №1. - С. 43-50.
3. Постановлением Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 ноября 2020 г. №44, ст. 7003.
4. Регулятивная «песочница» // Банк России [Электронный ресурс] — https://cbr.ru/fintech/regulatory_sandbox/
5. Громова Е. А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) / Е. А. Громова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2019. - №3. - С. 36-40.
6. МЭР собирает предложения для проработки экспериментального правового режима в медицине // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] — https://www.economy.gov.ru/material/news/mer_sobiraet_predlozheniya_dlya_prorabotki_eksperimentalnogo_pravovogo_rezhima_v_medicine.html
7. В России впервые протестировали систему запуска большегрузных дронов перед стартом ЭПР в Томской области // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] — https://www.economy.gov.ru/material/news/v_rossii_vpervye_protetirovali_sistemu_zapuska_bolshegruznyh_dronov_pered_startom_epr_v_tomskoy_oblasti.html
8. Куклина Е. А. «Регулятивные песочницы» как эффективный механизм реализации цифровой повестки / Е. А. Куклина // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. - 2019. - С. 265-268.

Власова О.В., Гечханова А.А.

Научный руководитель: к.ю.н., Дехтярь И. Н.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

Россия, г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в процессе цифровой трансформации государственного управления, а также представлен анализ причин их возникновения. Авторами были предложены возможные пути устранения данных пробелов, что поспособствовало бы усовершенствованию и развитию направлений для создания цифрового общества.

Annotation. The article discusses some of the problems that arise in the process of digital transformation of public administration, and also provides an analysis of the causes of their occurrence. The authors proposed possible ways to eliminate these gaps, which would contribute to the improvement and development of directions for creating a digital society.

В настоящее время процесс развития новых технологий в различных сферах общественной жизни достиг значимых высот. Цифровые технологии не могли не затронуть также сферу государственного управления. Большим толчком на пути трансформации государства в цифровую платформу послужила программа «Информационное общество», которая была утверждена Правительством РФ в 2014 году [1]. Цифровизация является современным трендом развития экономики и общества для улучшения жизни населения и различных сфер жизнедеятельности [2, с.54].

В рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление» одной из главных задач является стимулирование граждан в получении государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг [3]. Благодаря внедрению информационных технологий множество функций государственного управления стали более эффективны для реализации судебного контроля, контроля исполнительных органов государственной власти и предоставлению государственных услуг и т.д. [4, с.139]. Например, с появлением системы распознавания лиц, установленной во многих общественных местах, увеличилось количество раскрытых преступлений таких, как кража велосипедов или колясок.

Однако некоторые проблемы при развитии технологий в сфере государственного управления являются актуальными и на данный момент.

Одной из таких проблем является недостаточная согласованность процессов цифровизации на федеральном и региональном уровнях. Отсутствие необходимой информации от федеральных органов исполнительной власти по направлению развития цифровой трансформации приводит к неравномерному развитию разных регионов в данной сфере, что оказывает влияние на эффективность работы региональных органов власти. Процесс цифровизации относится ко всем субъектам государства, а значит, необходима разработка и доведение до региональных органов власти методических материалов путем организации мероприятий в рамках цифрового государственного управления.

Еще одной важной проблемой является неподготовленность технологического оснащения и оборудования, что обуславливает низкую работоспособность и эффективность государственных органов. Ярким примером данной проблемы послужила ситуация неготовности электронного портала «Государственные услуги» в период режима самоизоляции весной 2020 года. После объявления президента о выплатах на детей, 11 мая портал Госуслуг не смог справиться с нагрузкой и был временно недоступен. На сервис одновременно обратились более ста тысяч граждан, а количество электронных заявлений превысило 2 млн. Такие же сбои происходят и в личном кабинете на сайте Федеральной налоговой службы, особенно в приближении срока уплаты налога на имущество, транспорт или землю [5, с.147]. Необходимо подчеркнуть, что из-за данных сбоев, гражданам наносится не только административный ущерб, но в некоторых случаях штрафы или пени за задолженность. Данная проблема особенно актуальна в период пандемии, когда просто необходимо электронное взаимодействие граждан и государственных органов. Эффективным решением может послужить объединение и взаимодействие информационных систем, что позволит сократить государственные расходы на поддержание их работы и увеличить количество материальных и финансовых ресурсов для поддержания и обеспечения эффективного функционирования этих технологий.

Немаловажной проблемой является неравенство граждан в доступе к цифровым технологиям и услугам. В настоящее время остаются населенные пункты без доступа к Интернету, что создает техническую проблему недоступности сервисов. Также не все граждане в связи с особенностями здоровья могут приспособиться к процессу цифровизации. Для решения этой проблемы государству необходимо преодолеть цифровой разрыв между различными социальными группами, а также требуется создание инклюзивной среды, которая бы предусматривала доступ для людей с особыми потребностями, или предложить разработку альтернативных вариантов доступа к цифровым сервисам.

В развитии цифровизации одним из важнейших и сложно регулируемых вопросов остается информационная безопасность. Решение данной проблемы может послужить переход государственных структур на российское программное обеспечение, что, в свою очередь, предотвратит вмешательство в государственные данные со стороны других государств.

Также препятствием должному развитию цифровизации служит низкий уровень современных цифровых компетенций и профессиональной квалификации госслужащих. Каждому государственному служащему необходимо обладать более обширными компетенциями и навыками, потому что цифровизация затрагивает все структуры государственных органов. Для повышения их уровня квалификации нужна разработка и проведение повсеместного обучения данным компетенциям.

Подводя итог вышесказанному, стоит подчеркнуть, что цифровизация государственного управления одна из важнейших задач нашего государства, однако проблемы, возникающие на этапе ее развития, затрудняют данный процесс и требуют незамедлительного решения. Поэтому государству необходимо принятие своевременных и эффективных управленческих решений для совершенствования системы государственного управления в рамках цифровой трансформации.

Список использованных источников:

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 (ред. от 23.05.2019 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть II), ст. 2159.
2. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46-63.
3. Паспорт федерального проекта "Цифровое государственное управление" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 г. № 9) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Щукина Т.В. Административное усмотрение и его проявление в административных процедурах: новые трансформации в условиях цифрового государства и информационного общества // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 137-141.

5. Скидан А.В., Чипига Ю.А. Новые тренды высшего образования в условиях цифровой трансформации // В сборнике: Молодежная инициатива – 2020. Материалы Городской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 146-149.

Гайдаров А.Д.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Адельсеитова А. Б.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Работа посвящена анализу современного законодательства РФ, касающегося цифровых финансовых активов и криптовалют. Автор рассматривает современное состояние законодательства в сфере цифровой экономики, в частности ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». На основе анализа законодательства РФ были получены знания о его несовершенствах в сфере регулирования цифровых финансовых активов и сформированы на их основе цели дальнейшего развития правового регулирования в этой области.

Annotation. The work is devoted to the analysis of modern legislation of the Russian Federation on digital financial assets and crypto currencies. The author considers the current state of legislation in the field of digital economy, in particular the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". On the basis of the analysis of the legislation of the Russian Federation the knowledge of its imperfections in the regulation of digital financial assets was obtained and the goals of further development of legal regulation in this area were formed on their basis.

Долгое время правовые отношения, связанные с криптовалютой, в РФ были проблемной сферой, т.к. с конца первого десятилетия XXI в. общественные отношения, связанные с ней, уже существовали в нашем государстве, а нормативно-правовых актов, регулировавших их, ещё не было. В связи с этим законодатель в 2018 году проявил инициативу с желанием восполнить пробел в законодательстве, что вылилось в принятие законопроекта, который на данный момент регулирует правоотношения, связанные с криптовалютой. Так как активность использования криптовалют в нашей стране, как и во

всём мире, с каждым годом растёт, а в законодательстве РФ до сих пор существуют пробелы и недочёты, касающиеся их, тема нашей работы остаётся актуальной по сей день.

Прежде всего, следует разобраться, что такое криптовалюта, как это явление появилось, развивалось и каково её нынешнее состояние. Для этого раскроем основные понятия и термины, знание которых необходимо для понимания работы криптовалют.

Впервые термин «криптографическая валюта» был употреблён в СМИ в статье публициста Энди Гринберга, вышедшей в журнале «Форбс» [1]. В этой статье автор кратко описывает ситуацию, сложившуюся на тот момент с ещё совсем молодой системой «Биткоин», его разработчиками и тенденциями рынка цифровых валют того времени. Говоря просто, биткоин – это совокупность инструментов для хранения и передачи цифровой валюты (в данном случае одноимённой валюты биткоин), защищённая шифрованием и основанная на системе блокчейна.

Блокчейн – это система хранения и передачи информации о различного рода транзакциях со всевозможными видами активов, основанная на принципах анонимности (т.к. информация хранится и обновляется на тысячах носителях одновременно а цепь блоков (различных записей) связана с огромным количеством компьютеров по всему миру, проследить реальный «физический» путь активов невозможно, что и позволяет поддерживать анонимность), защищённости (информация защищена не только описанными выше способами, но и шифрованием, специальными криптографическими кодами-ключами к кошелькам, узнать которые практически невозможно, также к аспектам защиты данных в системе блокчейн можно отнести возможность хранения своих кошельков и ключей от них полностью офлайн) и вознаграждения участников за их труд (это происходит в процессе «майнинга», то есть работе оборудования, направленной на решения задач блокчейна, в результате которой исполнитель производит единицу валюты).

Биткоин не первая в своём роде валюта, пытавшаяся реализовать все необходимые для корректной работы принципы. Начиная с 1990 года энтузиасты пытались использовать криптографию и интернет для проведения экономических сделок. Первой такой попыткой была система DigiCash Дэвида Чома, пионера в области использования криптографии на нужды простых людей. Таких попыток было много, но во всех были недостатки, что и не позволяло им выйти за пределы узкого круга пользователей. Поэтому мы и можем говорить о феномене биткоина как о крупном событии в мире технологий, которое со временем коснётся очень большого пласта населения всех развитых стран мира.

Создатель биткоина известен под псевдонимом Сатоши Накомото (его личность до сих пор покрыта завесой тайны; доподлинно неизвестно, один ли это человек или группа

разработчиков). Феномен биктоина дал толчок развитию криптовалют, росту их популярности. В настоящее время все описанные выше термины на слуху у многих, большое количество людей, привлечённые выгодами криптовалют, начинают интересоваться их возможностями. Эта популярность, в свою очередь, привлекла внимание государственных структур многих стран. К середине второго десятилетия XXI века проблема законодательного регулирования криптовалют стояла уже довольно остро.

Краткую сводку о правовом регулировании криптовалют на ноябрь 2017 года предоставила компания KPMG в своём «Обзоре законодательного регулирования криптовалют в отдельных государствах» [2]. На тот момент к вопросу регулирования криптовалют в разных государствах относились по-разному, но, обобщая, можно сказать, что за исключением нескольких государств криптовалюту на тот момент не рассматривали как приоритетное направление развития экономического и правового регулирования. С тех пор многое изменилось: множество государств признали криптовалюту как средство платежа наравне с иностранной валютой (Швейцария, Доклад Федерального совета о виртуальных валютах в ответ на постулаты Шваба (13.3687) и Вайбеля (13.4070) от 25 июня 2014 года) или как «частные деньги», используемые для осуществления клиринговых операций (Германия, Письмо Федерального Министра Финансов от 14.05.2018 г.), или в другой форме. Сальвадор впервые в мире признал биткоин официальной валютой, платёжным средством наравне с долларами США (Закон Республики Сальвадор «О Биткоинах» от 9.06.2021 г.)

Как было указано выше, в Российской Федерации принят закон от 31. 07. 2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

Приведём перечень основных положений закона:

- введено понятие «цифровых финансовых активов», в соответствии с пунктом 2 ст. 1 цифровой финансовый актив – это «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов»

- к видам цифровых финансовых активов законодатель относит криптовалюту (множество эмитентов/майнеров) и токены (один эмитент);

- цифровые финансовые активы приравниваются к имуществу граждан;

- цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории РФ (это важная норма, значительно ограничивающая функционал криптовалют);

- цифровые финансовые активы могут быть предметом товарно-денежного обмена, токены быть обменены на деньги;

- вводятся условия выпуска цифровых финансовых активов, обязанности эмитентов и пользователей-владельцев активов;

В пояснительной записке к законопроекту были описаны цели введения этого закона, к ним законодатель отнёс «законодательное закрепление в российском правовом поле определений наиболее широко распространенных в настоящее время финансовых активов, создаваемых и/или выпускаемых с использованием цифровых финансовых технологий...а также создание правовых условий для привлечения российскими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями инвестиций путем выпуска токенов, являющихся одним из видов цифровых финансовых активов» [4].

Принятие закона о цифровых финансовых активов стал первым этапом достижения полного регулирования сферы цифровой экономики в РФ. Законопроект находился в разработке более двух лет, за это время претерпел значительные изменения в лучшую сторону, в том числе благодаря участию экспертов в области цифровой экономики и криптовалюты [5].

Россия занимает второе место по проценту населения, владеющих криптовалютой [6], и второе место в мире по объёмам майнинга основной криптовалюты – биткоина [7]. Это означает, что перспективы развития экономики, в том числе за счёт сделок с криптовалютой, большие, но этому могут помешать недостатки рассмотренного выше закона. Главным из них можно назвать невозможность использования цифровых финансовых активов как средства платежа в отношениях с российскими резидентами. Поэтому, по нашему мнению, законодателю следует рассмотреть вопрос введения такой возможности в закон «О цифровых финансовых активах».

Эксперты также считают, что закон не лишён недостатков, но на данный момент является оптимальным решением в сфере развития цифровой экономики России. Плохим примером регулирования в этой сфере может служить законодательство Китая, в котором с недавнего времени появились нормы, вводящие запрет на криптовалютные транзакции и майнинг (как считается, для того, чтобы подготовить бурно развивающийся рынок к выпуску государственной цифровой валюты). В отличие от Китая, правительство США наоборот принимает активное участие в разработке программ регулирования сферы криптовалют с целью защиты прав потребителей цифровых экономических услуг, что в ближайшем будущем привлечёт новых инвесторов. В этом направлении стоит развиваться и российскому законодательству.

Список использованной литературы:

1. Гринберг Э. Криптографическая валюта / Э. Гринберг. – Текст : электронный // Форбс [сайт]. – URL: <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html?sh=5f960174353e>
2. Обзор законодательного регулирования криптовалют в отдельных государствах / Текст : электронный // KPMG [сайт]. – URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/11/ru-ru-cryptocurrency-legislative-regulation-worldwide-november-2017-upd.pdf>
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 г. – . – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. – Текст: электронный.
4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Законопроект № 419059-7. – . – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>. – Текст : электронный.
5. Пресс-релиз о позиции РАКИБ по поправкам в законодательство внесённым в комитет по финансовому рынку государственной думы РФ / Текст : электронный // РАКИБ [сайт]. – URL: <http://racib.com/press-reliz-o-poziczii-rakib-po-popravkam-k-zakonu-o-czifrovyix-finansovyix-aktivax>.
6. Анализ внедрения и владения криптовалютой в странах мира / Текст : электронный // Triple A [сайт]. – URL: https://triple-a.io/crypto-ownership/?utm_source=ixbtcom.
7. Карта майнинга биткоина в странах мира от Кембриджского центра альтернативных финансов / Текст : электронный // University of Cambridge, Judge Business School [сайт]. – URL: <https://www.jbs.cam.ac.uk/insight/2021/new-data-reveals-timeline-of-chinas-bitcoin-mining-exodus/>

Елькина А.С.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сибилева А.Ю.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», \

Россия, г. Симферополь

К ПРОБЛЕМЕ УПРАЗДНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РФ ДО 2023 ГОДА

Аннотация: в работе поднимается вопрос о целесообразности упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Рассмотрены различные точки зрения по

данному вопросу, а также представлен логически обоснованный вывод о негативных последствиях принятых нововведений.

Abstract: the paper raises the question of the expediency of abolishing the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation. Various points of view on this issue are considered, and a logically justified conclusion about the negative consequences of the adopted innovations is presented.

Судебная система Российской Федерации (далее – РФ) прошла длительный период становления и реформаций, в результате которых сформировалась иерархично выстроенная, многоуровневая структура органов правосудия. В настоящее время, суды классифицируются в зависимости от характера своей юрисдикции: суды общей юрисдикции, арбитражные суды, конституционные, а также на основании своей принадлежности: федеральные суды и суды субъектов РФ. К последним до недавнего времени относились мировые судьи и конституционные (уставные) суды. Однако Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. N 7-ФКЗ "О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы", вступивший в силу 19 декабря 2020 г., за исключением пунктов 1, 2, 4 и 6 статьи 2, вступающих в силу с 1 января 2023 г., закрепляет принадлежность мировых судей к числу судов общей юрисдикции, а также упраздняет конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Положения указанного нормативно-правового акта вносят весьма фундаментальные изменения в российскую судебную систему, что не могло не повлиять на появление различного рода дискуссий относительно справедливости позиции законодателя по данному вопросу. Выбранная нами тема для анализа представляет не только научный, но и практический интерес, так как даже малейшее реформирование структуры органов правосудия влечет за собой целую цепочку изменений в работе всех органов судебной власти, что, в свою очередь, и обуславливает актуальность проведенного исследования.

В доктринальных источниках права встречается две основные позиции по данному вопросу. Согласно одной из них, упразднение конституционных судов субъектов является ожидаемым решением законодателя и не понесет негативного воздействия на эффективность судебной деятельности. Приверженцы иного взгляда полагают, что такие радикальные изменения наоборот послужат причиной ухудшения работы судов [1, с. 103] и повышения числа вынесения неправомερных решений.

Для определения истинности одной из указанных теорий необходимо рассмотреть аргументы, приводимую в пользу каждой из них более подробно.

Во-первых, обосновывая отсутствие потребности в конституционных судах, чаще всего упоминают о малом количестве рассматриваемых ими дел. По нашему мнению, это обусловлено отсутствием понимания предназначения конституционных судов в государственной системе, и, следовательно, цели их существования. Речь идет не только об их роли в качестве элемента системы сдержек и противовесов, что само по себе чрезвычайно важно, но и о подходе к оценке нормативных актов, который осуществляется на совершенно ином уровне, нежели судами общей юрисдикции.

Тяжело не согласиться с мнением И.М. Евлоева, который в своих трудах указывает: «Мерилем оценки в конституционном правосудии выступают не столько писанные нормы, сколько некие высшие эталоны, фундаментальные принципы, и прежде всего принцип справедливости. Это позволяет конституционным судам находить выходы из тупиковых ситуаций, обусловленных отсутствием в законодательстве прямых норм, позволяющих принять справедливое решение и, как следствие, приводящих к отказу в удовлетворении требований судами общей юрисдикции» [2, с. 146]. Тем самым, рассмотренный выше аргумент, приведенный в пользу упразднения уставных судов, представляется достаточно спорным.

Во-вторых, часть исследователей апеллирует тем, что объем полномочий рассматриваемого вида судов был достаточно невелик, а также отсутствовало четкое разграничение полномочий с судами общей юрисдикции и Конституционным Судом РФ, что нередко приводило к принятию диаметрально противоположных решений перечисленными органами. [3, с. 18].

В данном случае, речь идет не о соблюдении принципа единообразия применения законодательства, а о необходимости принятия законодателем самой идеи регионального конституционного правосудия и ее закрепления в законодательных актах с детальным определением полномочий конституционных судов, разграничением компетенции между разными судами и обеспечением учета судебных актов другими видами судов.

В-третьих, необходимость упразднения конституционных (уставных) судов объяснялась нехваткой возможности в финансировании. По нашему мнению, экономия государственных средств обусловлена скорее отсутствием воли законодателя, нежели реальной необходимостью принятия столь радикальных мер. Так, например, перераспределение финансов можно было осуществить путем осуществления полномочий судей на непостоянной основе, как это реализовано в конституционных судах большинства земель Германии [4, с. 142], либо создания экстерриториальных конституционных судов (например, на территории федерального округа) [5, с. 59-60]. Вообще опыт ФРГ по данному вопросу видится достаточно ценным и достойным к заимствованию: в течении года

количество рассмотренных дел в таких судах доходит до тысячи [6, С. 56]. Таким образом, в очередной раз подтверждается позиция, согласно которой упразднение уставных судов обусловлено отсутствием воли законодателя, а не реальной необходимостью.

Переходя к рассмотрению негативных последних внесенных изменений отметим, что еще в 2019 году говорили о эффективной практике конституционных судов субъектов РФ в области защиты законных прав и интересов граждан, а также о некоторых аспектах демократизации государственной системы благодаря их функционированию [7, с. 62]. Еще на тот период теории о ликвидации уже допускались, но прогнозировалось, что это будет осуществляться не в форсированном темпе, а постепенно в целях осторожности. Однако этого не произошло и многие опасения подтвердились. На наш взгляд, наибольший вред выразился в отсутствии возможности у граждан защищать и восстанавливать свои права в законном порядке через конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Рассмотрим практически пример. ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» содержит норму, согласно которой уставные суды субъектов больше не могут принимать дела к производству в связи с их ликвидацией до 2023 года. Так, гражданин К. обратился в Уставный Суд г. Москвы с требованием признать не соответствующим Уставу города Москвы статью 8 Закона города Москвы от 17 мая 2017 года № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве» [8, с. 6]. Судом было отказано в принятии обращения к производству на основании ч. 4 ст. 5 ФКЗ №7-ФКЗ. При этом, К. не может обратиться в городской суд, так как вопросы конституционности нормативно-правовых актов не относятся к полномочиям судов общей юрисдикции. Более того, жалоба в Конституционный Суд РФ также не увенчалась успехом, так как данный орган не вправе пересматривать решения конституционных (уставных) судов. Таким образом, К. лишен возможности восстановить свои законные права на внутригосударственном уровне, в связи с отсутствием должного законодательного регулирования деятельности уставных судов в процессе их ликвидации.

В заключение, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, по нашему мнению, упразднение уставных судов было обусловлено отсутствием воли законодателя в их развитии, а не реальной необходимостью. Данные поправки не только противоречат вектору государственной политики в области демократизации, но и прямо способствуют тому, что граждане на данный момент лишены права защиты своих интересов путем подачи жалоб в конституционной (уставной) суд субъекта, так как при принятии решения об их ликвидации, законодателем не была сконструирована дальнейшая модель правового регулирования в процессе упразднения.

Список использованных источников:

1. Худолей К. М. НЕКОТОРЫЕ СОЖАЛЕНИЯ О ЛИКВИДАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РФ // Ex jure. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-sozhaleniya-o-likvidatsii-konstitutsionnyh-ustavnyh-sudov-subektov-rf>
2. Евлоев И. М. ЛИКВИДАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РФ: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ ОШИБКА? // Актуальные проблемы российского права. 2020. №10 (119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-konstitutsionnyh-ustavnyh-sudov-subektov-rf-zakonomernost-ili-oshibka>
3. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Регулирование и защита прав человека и гражданина в России: проблема разграничения правотворческих полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 17—27 ; Несмеянова С. Э. Разграничение компетенции между судами // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 17—19.
4. Авакьян С. А. Юбилей Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые итоги и размышления // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 2—4 ; Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2018. С. 142.
5. Черкасов К. В. Органы конституционной юстиции на уровне федерального округа: перспективы становления // Российская юстиция. 2007. № 1. С. 59—60.
6. Кистринова О. В. Региональные органы судебного конституционного контроля: опыт России и Германии // Российский судья. 2017. № 10. С. 55—58.
7. Колесников Д. А. Роль практики конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в защите и развитии социальных прав человека и гражданина // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 60—68.
8. Фактические обстоятельства (фабула) дела «Золотой ключик» или дело о реновации // Институт права и публичной политики и Венецианская комиссия Совета Европы / Хрустальная фемида. 2021-2022. С. 1 – 14.

Жук А.П.

Научный руководитель: к.ю.н., Климова Д.В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Россия, г. Симферополь

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. Статья посвящена обзору организационно-правовых мер обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, которые применяются в Китае, а также оценке перспектив использования зарубежного опыта в национальной правовой системе.

Annotation. The article is devoted to an overview of organizational and legal measures to ensure the information security of minors that are used in China, as well as an assessment of the prospects for using foreign experience in the national legal system.

XXI век - век информационных технологий. В условиях цифровой трансформации общества происходит изменение мышления, мировоззрения человека. Новые технологические возможности сопряжены с появлением целого ряда угроз. Ежедневно на просторах интернета размещается информация, пропагандирующая разжигание межнациональной и религиозной розни, терроризма и иных негативных явлений, которые влияют на психику человека. В силу жизненного опыта взрослые люди в большинстве случаев способны оценить потенциальную опасность данных, размещенных в глобальной сети. Особое негативное проявление эта информация оказывает на несовершеннолетних, так как они в большинстве случаев неспособны грамотно оценить возможный ущерб.

Нельзя не отметить, что в 2020 году продолжился рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологии или в сфере компьютерной информации (+73,4%, всего 510 396 преступлений) [1]. Данная тенденция на сегодняшний день приобретает устойчивый характер и отражает особенности изменений жизнедеятельности, когда повсеместно внедряются новые информационные технологии, развивается цифровая грамотность, организационные, предпринимательские, образовательные и др. процессы интегрируются в он-лайн режим.

В связи с чем перед государством встаёт вопрос «Как эффективно обеспечить информационную безопасность несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества?». Эта проблема актуальна сегодня для всех современных стран.

Для того, чтобы обеспечить информационную безопасность, законодатели ведут активную борьбу с вредным для детской психики контентом. Распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних, противоправные действия в отношении детей, сопровождающиеся насилием и жестоким отношением, представляют

особую угрозу для государства. Каждая страна создаёт свою нормативно-правовую базу, позволяющую обеспечить информационную безопасность в сети лиц, не достигших совершеннолетия.

Наиболее реакционную политику в этой сфере проводят власти Китая. Страна с передовой экономикой, высоким уровнем производства информационных технологий полностью контролирует сведения, поступающие на общественное обозрение. Согласно Закону «О защите несовершеннолетних» ответственность за нарушения прав детей несут не только киберпреступники [4]. Обеспечение интересов лиц, не достигших совершеннолетия – одна из задач производителей и продавцов сетевых товаров. Законодательство обязывает их устанавливать на каждом техническом устройстве онлайн-программы, способные ликвидировать распространение вредной информации.

Кроме того, в Китае на просторах интернета полностью запрещена анонимность. С 1 декабря 2019 года в Китайской народной республике ужесточили возможность беспрепятственного выхода в глобальную сеть. Для того, чтобы воспользоваться интернет-услугами необходимо пройти обязательное визуальное распознавание личности. Нововведения связаны с обеспечением и защитой прав всех категорий населения в киберпространстве и борьбой с телефонным мошенничеством [4].

Китайским министерством культуры и туризма был наложен запрет на доступ несовершеннолетних к сети в общественных местах, который вступил в действие в январе 2020 года. Помимо этого для несовершеннолетних вводится практически комендантский час. Всем, кто моложе 18 лет, будет запрещено играть в компьютерные игры между десятью вечера и восемью утра. Кроме того, они смогут это делать лишь полтора часа в сутки в будни и не более трех часов в день в выходные [3].

Следует отметить, что жителям Китая также был ограничен доступ к некоторым интернет – сервисам, пользующимися популярностью в Европейских странах. «Великий китайский файрвол»- система фильтрации и блокировок, оградила китайцев от Google, Facebook, YouTube и многих других зарубежных площадок [2, с. 204].

Таким образом, все меры, которые предпринимаются в Китае, направлены на защиту физического и ментального здоровья несовершеннолетнего. Для ликвидации незаконного пользования информационной сетью, власти сотрудничают с полицией. Это взаимодействие позволит создать систему проверки личности для игровых платформ.

Проанализировав зарубежный опыт, можно прийти к выводу, что на территории России также можно рассмотреть ряд аналогичных проектов, способных ограничить доступ несовершеннолетних к сайтам, наносящим ущерб их нравственному и психическому развитию.

В частности, создать для лиц, не достигших совершеннолетия, отдельный интернет - портал. Чтобы ограничить круг лиц, необходимо ввести своеобразный пропускной режим, осуществляемый при помощи идентификации пользователя. Интернет-портал должен содержать специальную социальную сеть, с помощью которой можно поддерживать общение с другими пользователями; поисковик, для получения необходимой информации; перечень научных, художественных и иных не запрещённых материалов. Реализация этих предложений должна быть осуществлена на федеральном уровне, что позволит официально закрепить положения в нормативных правовых актах.

Список использованных источников:

1. Комплексный анализ состояния преступности в РФ по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции ее развития //Аналитический обзор// ФГКУ «ВНИИ МВД России. 2021. - 72 с.

2. Лексютина Я. В. Политика китайского руководства в вопросах контроля и регулирования Интернета / Я. В. Лексютина // Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45. – № 1. – С. 202-212.

3. В Китае запретили онлайн-сервисы, которые вызывают у детей зависимость [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/t/524060/>

Почему анонимность в Китае больше невозможна [Электронный ресурс] - Режим доступа: [-https://news.rambler.ru/other/42988885-pochemu-anonimnost-v-kitae-bolshe-nevozmozhna/](https://news.rambler.ru/other/42988885-pochemu-anonimnost-v-kitae-bolshe-nevozmozhna/)

Зарубин Д.В.

Научный руководитель: д.ю.н., доцент Давлетгильдеев Р.Ш.
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Российская Федерация, Казань

ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема низкой цифровой компетенции граждан, переведенных на дистанционную работу в Европейском союзе и Российской Федерации в связи с глобальным распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Анализируются правовые акты Европейского союза и Российской Федерации, а также

публикации Объединенного исследовательского центра Еврокомиссии (JRC) по данному вопросу. На основе рассмотренного опыта Европейского союза предлагается внесение некоторых изменений в право Российской Федерации.

Abstract. The article deals with the problem of low digital competence of citizens transferred to remote work in the European Union and the Russian Federation due to the global spread of the COVID-19 coronavirus infection. Legal acts of the European Union and the Russian Federation, as well as publications of the Joint Research Center of the European Commission (JRC) on this issue are analyzed. Based on the reviewed experience of the European Union, it is proposed to introduce some changes to the law of the Russian Federation.

Распространение коронавирусной инфекции придало мощное ускорение внедрению цифровых технологий в трудовые отношения и массовому переходу граждан на дистанционную работу во всем мире, в том числе и в нашей стране. 11 ноября 2020 года заместитель Министра труда и социальной защиты Российской Федерации Е.В. Мухтиярова отметила: «В прошлом году в это время 30 тысяч граждан у нас работали дистанционно. Сейчас, в текущем моменте, по состоянию на вчера, 3,5 миллиона граждан Российской Федерации работают в таком формате. В разгар пандемии численность таких граждан, таких работников у нас доходила до 5,5 миллионов человек» [1].

Одной из проблем, с которой столкнулась Российская Федерация в связи с неотложным и массовым переводом работников на дистанционный формат исполнения трудовых обязанностей, стало отсутствие (частичная недостаточность) у работников цифровых навыков, необходимых для осуществления ими трудовых функций. По данным исследования, проведенного Аналитическим центром НАФИ: «Только 27% россиян – каждый четвертый – обладают высоким уровнем цифровой грамотности. Из-за недостаточного уровня знаний и навыков в сфере цифровых технологий многие люди и организации оказались не готовы к работе в дистанционном формате в условиях самоизоляции» [2].

Подобная трудность возникла и в Европейском союзе. Как сообщает Объединенный исследовательский центр Еврокомиссии (далее – JRC): «Пандемия COVID-19 обострила эти проблемы [низкой цифровой компетенции работников], особенно в тех государствах-членах, где фирмы обычно предлагают ограниченные возможности обучения цифровым навыкам» [3].

Стоит отметить, что законодательство Европейского союза, регулирующее дистанционный труд, в целом было довольно детально разработано до начала глобального распространения коронавирусной инфекции COVID-19, в свою очередь, в научной

литературе отмечается существенное отставание законодательства Российской Федерации от законодательства Европейского союза в этой сфере [4].

Общие подходы правового регулирования дистанционного труда в Европейском союзе закреплены Рамочным соглашением о телеработе от 16 июля 2002 года (Framework Agreement on Telework). Статьей 10 данного документа закреплена необходимость прохождения дистанционным работником соответствующего обучения, ориентированного на предоставленное ему техническое оборудование. В 2017 году JRC была опубликована Концепция цифровых компетенций граждан (DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens), предусматривающая ключевые навыки в 5 областях цифровых компетенций, а также 8 уровней владения ими. В 2020 году JRC была опубликована Система оценивания цифровых компетенций (DigCompSat: A Self-reflection Tool for DigComp), позволяющая определить уровень цифровой компетенции у гражданина по трем элементам – знания, навыки и осознание.

Правовому регулированию дистанционного труда в Российской Федерации посвящена глава 49.1 Трудового кодекса РФ. Федеральным законом от 08.12.2020 г. № 407-ФЗ данная глава была существенно изменена и дополнена новыми положениями, в том числе нормой, согласно которой работодатель при необходимости проводит обучение работника применению оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств. Представляется, что данное правовое положение может не оказать ожидаемого положительного влияния на развитие цифровых компетенций у дистанционных работников. Во-первых, обобщенная формулировка «при необходимости» не дает четких критериев и оснований для принятия решения работодателем о проведении (непроведении) специального обучения цифровым навыкам дистанционного работника. Во-вторых, данное положение не определяет конкретный перечень необходимых цифровых компетенций, необходимых дистанционному работнику для осуществления той или иной трудовой функции.

В этой связи, основываясь на положительном опыте правового регулирования дистанционного труда в Европейском союзе, предлагается закрепить на законодательном уровне безусловную необходимость обучения работодателем дистанционного работника цифровым навыкам, требующимся для исполнения трудовых обязанностей. Также представляется необходимой разработка классификации базовых цифровых компетенций дистанционных работников, а также подготовка рекомендаций по оцениванию уровня их освоения. Использование названных предложений улучшит цифровые навыки и грамотность дистанционных работников, а также внесет определенное единообразие в практику

специального обучения цифровым компетенциям, что, в конечном итоге, повысит эффективность дистанционного труда в Российской Федерации.

В заключении, стоит отметить, что наличие специальной главы в Трудовом кодексе Российской Федерации, посвященной правовому регулированию труда дистанционных работников, является безусловным прогрессом в развитии удаленных форм занятости в нашем государстве, а также создает «основу для дальнейшего совершенствования трудового права в указанном направлении» [5].

Список использованных источников:

1. Выступление заместителя Министра труда и социальной защиты Российской Федерации Е.В. Мухтияровой на сессии «Рынок труда 2035. Сервисы для граждан и бизнеса» // Агентство стратегических инициатив. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2qRUinfyHKM>.
2. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/>.
3. Telework in the EU before and after the COVID-19: where we were, where we head to // The European Commission's science and knowledge service. Joint Research Centre. URL: https://ec.europa.eu/jrc/sites/default/files/jrc120945_policy_brief_-_covid_and_telework_final.pdf.
4. Кожевников О.А., Чудиновских М.В. Регулирование труда дистанционных работников в России и зарубежом / О.В. Кожевников, М.В. Чудиновских // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 11. Вып. 3, 2020. С. 571.
5. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики: Монография (Васильева Ю.В., Шуралева С.В., Браун Е.А.) (науч. ред. Ю.В. Васильева) («ПГНИУ», 2016) // СПС КонсультантПлюс.

Лялюшкина К.Р.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Голубева Л.А.

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий,

Россия, г. Гатчина

LEGALTECH – ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье представлена общая характеристика таких понятий, как LegalTech & LawTech. В результате проведенного анализа были выявлены актуальные проблемы, препятствующие акселерации российского сегмента юридических технологий.

Обобщен практический опыт внедрения продукции сервиса LegalTech в России и выявлены существующие преимущества автоматизации юридических процессов.

Annotation. The article gives a general description of such concepts as LegalTech & LawTech. As a result of the performed analysis, actual problems that hinder the acceleration of the Russian segment of legal technologies were identified. The practical experience of introducing the products of the LegalTech service in Russia is summarized and the existing advantages of automating legal processes are identified.

XXI век – век цифровизации. Технологии постепенно внедряются во все сферы жизни и заменяют человеческий труд, упрощая, тем самым, выполнение работы. Юридическая среда не стала исключением.

На сегодняшний день по всей России и за рубежом создаются специальные платформы, выпускающие продукт для автоматизации оказания и получения юридических услуг. LegalTech & LawTech – это инструменты, облегчающие решение возникших вопросов в правовой отрасли [1, с. 5–6]. Разница между представленными сервисами в том, что LegalTech – это технологии, используемые профессиональными юристами для оптимизации своей работы, в то время как LawTech – это программное обеспечение, предназначенное для клиентов, действующее без непосредственного обращения к специалисту [2].

На территории Российской Федерации расположено более 100 компаний, выпускающих продукцию LegalTech. Каждая из них специализируется на конкретно поставленной задаче. По данным PwC Legal около 20 проектов было создано для автоматизации работы юридических фирм, приблизительно 30 программ помогают дистанционно оказывать юридическую поддержку [3], большую популярность получили сервисы справочно-правовых систем, занимающиеся сбором информации о контрагентах [4], составлением конструктора договоров «с учетом действующего законодательства» [5], подбором судебной практики на основе имеющихся у клиента документов [6] и т.д.

Сервис PLATFORMA – ведущий проект LegalTech в России – онлайн-программа, производящая финансирование судебных вопросов за счет инвестирования. Клиенту полностью покрывают судебные издержки, и, в случае победы третьей стороны, а именно инвестор, получает процент от присужденной истцу компенсации [7]. Аналогом такого сервиса является американский продукт – Legalist, запущенный в 2016 году. Стартап получил свое развитие на основе передовых технологий и финансирования ведущими венчурными инвесторами из Силиконовой долины [8].

В настоящее время российский сегмент LegalTech акселерирует значительно медленнее, чем на зарубежном рынке. В 2017 году состоялся первый в России LegalTech-

хакатон, организатором которого выступила команда Moscow Legal Hackers. На данном мероприятии международное сообщество IT-разработчиков, опытных юристов, а также венчурных инвесторов и предпринимателей пришли к консенсусу о существующих в России барьерах, препятствующих диверсификации искусственного интеллекта в юридической сфере. По этому вопросу высказались такие специалисты, как Ирина Цветкова – основатель сервиса PLATFORMA, Алина Акиншина – исполнительный директор ООО «Онлайн патент», Никита Куликов – учредитель АНО «Право роботов» и другие. По их мнению, общей проблемой для всех российских стартапов в сфере юридических технологий является консервативность участников рынка, а именно их неготовность к внедрению продукции, основанной на базе искусственного интеллекта. Для российского менталитета доверие к живому человеку с высокой вероятностью привычнее, чем к электронному инструменту.

Второй ключевой проблемой служит отсутствие законодательства. Изменение нормативной базы предполагает имплементацию машиночитаемого права, представляющего собой написание каждой нормы права в виде алгоритма на языке программирования, вследствие чего данный подход может привести к полной автоматизации права. Такая работа по «рерайтингу» права уже производится некоторыми странами-участницами Европейского союза, а также США и Великобританией. Россия находится в самом начале пути. На практике машиночитаемость предполагает, помимо кодирования всех действующих нормативно-правовых актов, общедоступность активов органов государственной власти. Примером может послужить «Закон об открытых данных правительства», подписанный Президентом США 14 января 2019 года. Данный закон был опубликован в качестве II раздела «Закона об основах политики, опирающихся на доказательства» [9]. На сегодняшний день наша страна еще не готова к таким изменениям.

Внедрение информационных технологий в юридическую отрасль обеспечит автоматизацию большей части юридических процессов. LegalTech имеет ряд преимуществ, среди которых можно выделить такие, как исключение «человеческого фактора» и снижение возможных ошибок, оперативную обработку данных, ускоренную правовую экспертизу проектов, снижение стоимости юридических услуг. Для самих юристов работа станет более простой, поскольку основную часть – принимать запросы, анализировать большие массивы данных и документов, собирать информацию, заниматься конструированием документов и так далее – будет выполнять искусственный интеллект.

Таким образом, цифровой трансформации подвергаются все развитые страны мира [10, с. 11]. Технологии искусственного интеллекта адаптируются во все сферы жизни, в том числе и в правовую среду. LegalTech – это новый подход к модернизации юридических процессов, к улучшению качества обслуживания и оказанию услуг, к становлению права

доступным для всех нуждающихся. В настоящее время LegalTech является молодой индустрией в России, однако уже сегодня насчитывается свыше 10 организаций, поддерживающих перспективные проекты: «Опора для IT», AddVenture, Skolkovo LegalTech, Moscow LegalTech, Legal Geek Moscow, Moscow Legal Hackers и другие. Инвестиционные взносы на развитие зарождающихся проектов с каждым годом растут, в настоящее время объем рынка юридических технологий составляет около 400 млн. долларов, что позволяет прогнозировать скорый скачок популяризации стартапов LegalTech-разработок.

Список используемых источников:

1. Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий: LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 3–11. [Электронный ресурс] URL: <https://rozhkova.com/pdf/2020-3.pdf>
2. Legaltech vs Lawtech. What is the difference between legaltech and lawtech? Is there one and does it matter? // LAWTOMATED. URL: <https://lawtomated.com/legaltech-vs-lawtech-what-is-the-difference-between-legaltech-and-lawtech-is-there-one-and-does-it-matter/>
3. Карта LegalTech России. URL: <https://www.pwc.ru/ru/services/pwc-legal-tech-map-ru.pdf>
4. Сервис «Экспресс-проверка» от СПС «Гарант» URL: <http://www.aero.garant.ru/ep/>
5. Сервис «Конструктор договоров» от СПС «Консультант Плюс» URL: <http://www.consultant.ru/about/kd/>
6. Сервис «Сутяжник» от СПС «Гарант» URL: http://sutyazhnik.garant.ru/?utm_source=aero&utm_medium=banner&utm_content=363*257&utm_campaign=sutyazhnik
7. Сервис по финансированию судебных вопросов «PLATFORMA» URL: <https://platforma-online.ru/>
8. Litigation finance company “Legalist” URL: <https://www.legalist.com/>
9. Foundations for Evidence-Based Policymaking Act, FEBP - H.R.4174 — 115th Congress (2017-2018) URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4174/text>
10. Голубева Л.А., Рудомётов С.С. Тенденции развития механизма государства в условиях информационного общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. Том 8. С. 26-32.

Лукаш Д.Я.

научный руководитель: Миронова О.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Симферополь

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с нормативно-правовой основой функционирования органов внутренних дел в сфере обеспечения прав и свобод человека. Определено, что направления по совершенствованию структуры и функционирования органов внутренних дел условно можно разделить на две группы – общие и частные.

Annotation. The article discusses problematic issues related to the regulatory framework of the functioning of the internal affairs bodies in the field of ensuring human rights and freedoms. It has been determined that the directions for improving the structure and functioning of the internal affairs bodies can be conditionally divided into two groups - general and private.

Развитие государства и общественных отношений в нем, порождает необходимость усовершенствования как структуры органов внутренних дел, так и нормативно-правовой базы регулирующей сферу обеспечения прав и свобод человека в РФ. Актуальность вопроса модернизирования системы органов внутренних дел обусловлена, на наш взгляд, рядом факторов. Одним из самых важных, по нашему мнению, является пандемией COVID – 19 ставшая катализатором цифровизации общественных отношений. Не смотря на переход к электронному государству, органы внутренних дел остаются связующим звеном в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ. Ряд социологических исследований показал, что с каждым годом рост позитивных оценок граждан о деятельности ОВД увеличивается. Так, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. зафиксирован рост показателя оценки уровня эффективности деятельности органов внутренних дел (с 42,2% до 45,7%), в том числе и в вопросах нормативно-правового регулирования деятельности системы органов внутренних дел (с 41,9% до 45,2%). Таким образом, в условиях сложившейся обстановки органы внутренних дел смогли на качественно высоком уровне реализовывать свою основную функцию – обеспечение защиты прав и свобод человека.

Следует отметить, что в последние годы в системе органов исполнительной власти проведен ряд мероприятий, направленных на улучшение качества их функционирования. Не исключением стали и органы внутренних дел. Среди знаковых новаций стала отменена

системы двойного подчинения, проведена оптимизация управленческой деятельности, органы, дублирующие функции были ликвидированы, а также откорректированы важнейшие задачи органов внутренних дел. Нормативно – правовые акты приведены в единую систему, исключая конкуренцию нормативных актов.

Несмотря на все вышеупомянутые проведенные мероприятия, процесс, направленный на улучшение качества функционирования органов внутренних дел, а также нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность указанных органов в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина не завершен и требует оптимизации к современным условиям. Для эффективного анализа основных направлений данного процесса следует разделить их на общие и частные. К общим относятся те, которые требуют комплексного проведения мероприятий с одновременным увеличением ресурсов достижения цели, соответственно их реализация имеет долгосрочный характер. Объектом общих направлений выступает, в целом, функционирование системы органов внутренних дел. Частные направления имеют своей целью улучшение работы отдельных подразделений или их первоочередных задач. Одним из основных общих направлений выступает реализация принципа открытости, закрепленный в ст. 8 ФЗ от 07.02.2011 N 3-ФЗ "О полиции" [1]. Данное направление включает в себя усовершенствование процесса взаимодействия между подразделениями системы МВД в целом, а также с иными органами государственной власти. Так же сегодня существует проблема нормативно-правового определения процессуального статуса руководителя территориального органа по отношению к следственным отделам (управлениям), которые входят в структуру территориального органа [2].

Следующим важным направлением является ликвидация (уменьшение) некомплекта сотрудников и повышение уровня их профессиональной пригодности. Безусловным направлением в данном вопросе является и формирование высокоморального облика сотрудника органов внутренних дел и привитие уважения со стороны общества к данному статусу.

К частным направлениям следует отнести, например, регулирование статуса участковых уполномоченных полиции, которые являются основным связующим звеном между правоохранительными органами и гражданами. Одним из важных мероприятий, направленных на повышение престижности профессии и ликвидации некомплекта в подразделениях выступает своевременная реализация нормативно закрепленной социальной гарантии для сотрудников данных подразделений – предоставление служебных жилых помещений.

Таким образом, направления по совершенствованию структуры и функционирования органов внутренних дел условно можно разделить на две группы – общие и частные.

Важным направлением является, и систематизация действующих нормативных актов различных государственных органов с целью устранения коллизий, а также проблема закрепления процессуального статуса руководителя территориального органа.

Список использованных источников:

1. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021) URL:<https://internet.garant.ru/#/document/12182530/paragraph/30828/>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) URL:<https://internet.garant.ru/#/document/12125178/paragraph/53424899/>

Стома В.С.

научный руководитель: к.ю.н., доцент Тепляшин И.В.
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
Россия, г. Красноярск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СРЕДСТВ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В работе исследованы направления развития информационно-коммуникационных средств в деятельность органов государственной власти. Подчеркивается, что использование данных средств в деятельности органов государственной власти направлено главным образом на усиление результативности механизма государственного управления с помощью информационной инфраструктуры, взаимодействие между государственными органами, населением и организациями в рамках предоставления государственных услуг.

Annotation. The work investigated the directions of development of information and communication means in the activities of state authorities. It is emphasized that the use of these funds in the activities of state authorities is aimed mainly at strengthening the effectiveness of the public administration mechanism through information infrastructure, interaction between state bodies, the population and organizations in the provision of public services.

Системный подход к определению информационно-коммуникационных средств учитывает структуру, в которую входят средства связи, программный комплекс, средства мультимедиа. Имеет место аппаратных и программных средств.

Органы государственной власти в своей профессиональной деятельности используют следующие информационно-коммуникационные средства:

- в области разработки и подготовки документации, для подготовки которой применяются текстовые процессоры;
- в финансовой области, где применяются различные бухгалтерские системы, к примеру, 1С-Бухгалтерия и др.;
- в научной области, где применяются математические пакеты программ, посредством которых возможно документы, совмещающие текст и расчеты, а также чертежи;
- в географической области, в которой посредством геоинформационных систем предоставляется возможность хранить информацию, привязанную к географической карте местности (района, города, государства). Так, геоинформационная система какого-либо региона содержит сведения, которые являются необходимыми для энергетиков, связистов, медицинских служб, полиции, пожарной службы и пр.

Одна из важнейших задач цифровой трансформации органов государственного управления – устранение потенциальных межведомственных препятствий в информационном обмене. Только так можно добиться системности в управленческом процессе.

Следовательно, активное внедрение информационно-коммуникационных средств в деятельность органов государственной власти выступает в качестве основополагающего направления повышения эффективности работы государственного аппарата. В данной связи следует уделять внимание межведомственному электронному документообороту, оказанию населению электронных государственных услуг. Внедрение информационного обеспечения в государственное управление обеспечивает снижение временных потерь, улучшение качества выполняемого задания.

В целом, межведомственное взаимодействие на основе информационного обеспечения, создание реестров государственных услуг, наличие межмуниципальных информационных систем и баз данных, свободный доступ общественности к информации о текущей деятельности органов власти и госуслугам, – все эти новации, основанные на информационном обеспечении, стали следствием формирования в стране инфраструктуры «электронного правительства» (или «компактного государства») – системы интерактивного

общения государства и граждан при помощи информационно-коммуникационных технологий [1, с. 210].

В целях повышения эффективности мероприятий по применению информационно-коммуникационных технологий в работе федеральных органов исполнительной власти принято Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 N 1646 [2].

При применении информационно-коммуникационных средств можно вести речь о существенном повышении эффективности работы государственных органов, что выражается в следующем: упрощение сбора, обработки, передачи и обмена различными информационными ресурсами, такими как данные, знания, информация, необходимая для выполнения различных процессов; предоставление доступа пользователям, уполномоченным на различные типы данных, независимо от физического места хранения данных; оптимизация процессов анализа и принятия решений руководителями различных уровней управления; повышение автоматизации процессов и ограничение (или устранение) роли человека в них; позволяет легко контролировать ход всего процесса и его отдельных элементов и этапов; упрощение внесения изменений в управленческий процесс; улучшение процессов межведомственного общения [3, с. 217].

Использование информационно-коммуникационных средств в функционировании органов государственной власти является необходимым в целях оптимизации системы государственного управления, что позволяет повысить эффективность управления: оптимальное использование информационных технологий позволит повысить эффективность процессов государственного управления как на федеральном, так и на уровне субъектов. Кроме того, данные средства являются важнейшей правовой технологией, обеспечивающей коммуникационную связь государственной власти с народом и реализацию общественных инициатив в конституционной сфере [4, с. 102-105].

Применение технологий информационного обеспечения в современных условиях трудно переоценить, в том числе, этой сфере особое значение придается на государственном уровне при формировании политики государственного управления, регулирования и контроля. Эти сферы затрагивают практически все аспекты деятельности государственных органов при взаимодействии с населением, но при развитии этих коммуникации растет и число возникающих проблем.

В заключение следует отметить, что информационно-коммуникационные средства в деятельности государственной власти обеспечивает улучшение качества государственного управления, являясь основной задачей в развитии социальной сферы и в процессах взаимодействия народа и органов управления, позволяет устранить негативное взаимодействие органов управления и народа, а также детально проводить контроль за

процессами в соответствующих сферах, получать полную и объективную информацию о проблемах населения, о работе органов государственной власти.

Список использованных источников:

1. Ефимова Я.Е. Государственное и муниципальное управление в цифровую эпоху // В сборнике: Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. - Иркутск, 2021. С. 209-212.

2. Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 N 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 42 (ч. III). Ст. 6612.

3. Турпалова М.С.А., Хайдаров И.И. Информационные технологии // В сборнике: Информационные технологии в образовании. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Махачкала, 2020. С. 216-220.

4. Тепляшин, И.В. Реализация общественных инициатив в конституционной сфере: использование информационно-телекоммуникационных средств / И.В. Тепляшин // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции (20-21 сентября 2019 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. – Электрон. дан. Красноярск: общественный комитет по защите прав человека, 2019. – С. 101-106.

Меграбян К.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Дехтярь И.Н.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

Россия, г. Саратов

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены актуальные тенденции цифровизации государственного управления с точки зрения возможности их применения на практике, а также рисков возникновения проблематики по отдельной категории управления в сфере правового администрирования. Автором уделяется особое внимание цифровизации в

деятельности государственных органов (на примере таможи) и возможности реализации цифровизации в современной политике управления.

Abstract: this article examines the current trends in the digitalization of public administration from the point of view of the possibility of their application in practice, as well as the risks of problems arising in a separate category of management in the field of legal administration. The authors pay special attention to digitalization in the activities of state bodies (on the example of customs) and the possibility of implementing digitalization policy in modern management policy.

На сегодняшний день различные сферы жизни человека массово охватила тенденция к цифровизации. Под цифровизацией следует понимать внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни общества, с целью повышения их качества. Данный процесс непосредственно оказывает влияние на жизнь граждан. Например, благодаря цифровым технологиям увеличивается сфера реализации права на доступ к информации. В результате чего возникает необходимость в цифровом государственном управлении, ведь реализация данного права налагает на государство обязанность по его обеспечению.

В настоящее время сформирована национальная программа «Цифровая экономика РФ» до 2024 г [1]. В этой программе реализуется направление «Цифровое государственное управление», которое нацелено на предоставление гражданам государственных и муниципальных услуг в цифровом виде. В качестве примера реализации данной программы, можно рассмотреть административные процедуры автоматизированного или автоматического государственного контроля и надзора.

В настоящее время цифровизация сферы государственного управления воплощается в автоматизации государственного контроля на основе применения риск-ориентированного подхода. Предлагаю рассмотреть данные процессы в практике реализации таможенного контроля. Этот вид государственного контроля прошел несколько этапов развития под воздействием информационных технологий. Среди них можно выделить формирование электронного документооборота, внедрение электронного таможенного декларирования, создание и развитие институтов предварительного информирования, автоматической регистрации таможенной декларации, автоматического выпуска товаров [2, с. 29].

Последний этап позволяет говорить о качественно новом подходе к контрольно-надзорной деятельности таможенных органов. Основой автоматического выпуска товаров является модернизированная система управления рисками. Федеральная таможенная служба планомерно формирует систему электронных таможен, создает и развивает единый механизм прослеживаемости товаров и настраивает каналы межведомственного

электронного взаимодействия [3, с. 250]. Предполагается, что это приводит к снижению административной нагрузки на субъекты проверок, т.к. часть необходимой от них информации будет поступать автоматически. Также стоит отметить, что в рамках данной технологии принятие решения о выпуске товаров производится информационной системой таможенных органов без участия должностного лица, что делает эту технологию максимально быстрой и прозрачной. Средние сроки автоматического выпуска товаров составляют 4-5 минут.

Преимущества цифровизации государственного управления очевидны. Одно из главных преимуществ, как показывает пример, является ускорение и упрощение административных процедур. Так же стоит отметить снижение коррупционных рисков.

Но не стоит забывать, что новые возможности предполагают новые риски и угрозы. Административно-правовые отношения в условиях цифровой реальности столкнулись с проблемой обеспечения информационной безопасности. Ни для кого не секрет, что чем важнее информация, тем надежнее ее нужно защищать. Сложность данного процесса заключается в огромных массивах такой информации. В административно-правовых отношениях речь идет одновременно о защите информации, связанной с интересами личности, и сведений, отражающих публичные (государственные и иные) интересы.

Другой проблемой является необходимость конкретизировать универсальные права человека, закрепленные в конституции на каждом этапе развития государства. Это означает, что конституционные права граждан должны быть в административно-процедурном отношении обеспечены в условиях новой, цифровой реальности.

Все перечисленные проблемы говорят о том, что цифровизация государственного управления должна проходить постепенно.

Резюмируя, важно отметить, что применение цифровых технологий при осуществлении государственного управления, является неотъемлемым атрибутом современного государства. Это требует развития соответствующих правовых основ. Ведь цифровая трансформация меняет сам подход в организации государственного управления, т.к. происходит качественное его изменение.

Список использованных источников:

1. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>
2. Административное право : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Н. Ф. Попова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 341 с. — (Серия : Бакалавр. Прикладной курс).

3. Административное право. Курс лекций. Учебное пособие для вузов / Под ред. Э.Г. Липатова, С.Е. Чаннова. М., 2006. – 600 с.

Муромцев Д.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Никитин П.В.

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),

Россия, г. Москва.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПРОБЛЕМА КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В данной научной статье автор попытался разобраться в понятийном аппарате цифровой экономики и киберпреступности. Выделяет преимущества и недостатки цифровой экономики в современном мире. Автор приводит примеры экономических компьютерных преступлений, а также сосредоточивает внимание на саммите Путина и Байдена по вопросам урегулирования киберпреступности в мире, в том числе и в России. Предлагает ряд рекомендаций по снижению уровня киберпреступности в России с целью дальнейшего развития и усовершенствования цифровой экономики.

Annotation. In this scientific article, the author tried to understand the conceptual apparatus of the digital economy and cybercrime. Highlights the advantages and disadvantages of the digital economy in the modern world. The author gives examples of economic computer crimes, and also focuses on the Putin-Biden summit on the settlement of cybercrime in the world, including in Russia. He offers a number of recommendations to reduce the level of cybercrime in Russia in order to further develop and improve the digital economy.

Тема цифровой экономики в XXI веке является одной из самых интересующих и новых явлений как для всего человечества, так и для России. На сегодняшний день остаётся актуальным вопрос связи и влияния цифровой экономики в сфере киберпреступности.

Человек на протяжении всего существования, как известно, прошёл три сложных этапа в своём развитии: традиционный, индустриальный и постиндустриальный. Традиционный этап характеризуется, например, преобладанием ручного труда и сельского хозяйства; индустриальный этап характеризуется доминированием промышленности. А вот в последний постиндустриальный этап на данный момент перешли самые развитые страны мира, которые характеризуются доминированием в экономике сферы услуг и появлением информационных технологий. Именно поэтому цифровая экономика является составной

частью постиндустриального общества. В связи с этим жить людям стало гораздо легче, ведь появляется новое общество - общество потребления.

Термин «цифровая экономика» (digital economy) впервые был введён в научный оборот не так уж давно. Николас Негропонт, американский ученый из Массачусетского университета, в 1995 году для разъяснения коллегам преимуществ новой экономики в сравнении со старой в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий использовал новое понятие «цифровая экономика». Если предположить, что в то время для людей цифровая экономика считалась некой, так сказать, «невообразимым», то на сегодняшний день, из-за быстрого своего усовершенствования, играет огромную и важную роль в экономике.

Среди учёных возник дискуссионный вопрос об определении понятия «цифровая экономика». Например, доктор экономических наук, профессор РАН В. Иванов утверждает, что «цифровая экономика — это виртуальная сфера, дополняющая нашу реальность» [1]. К примеру, деньги, они же появились в реальности, а в дальнейшем, когда люди изобрели компьютерные технологии, то есть виртуальную сферу, стали дополнять реальность.

Александра Энговатова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики инноваций экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, — даёт своё определение: «Цифровая экономика — это экономика, основанная на новых методах генерирования, обработки, хранения, передачи данных, а также цифровых компьютерных технологиях» [1].

Официально закреплённое определение к понятию «цифровая экономика» даётся в «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017-2030 годы»: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [2].

На основании изложенных определений, допускается возможность прийти к общему выводу об определении понятия цифровой экономики. Таким образом, цифровая экономика – это деятельность, непосредственно связанная с развитием цифровых компьютерных технологий, в которую входят электронные платежи, интернет торговля, электронная коммерция, интернет - реклама и др.

Как любая иная деятельность, так и цифровая экономика обладает своими преимуществами и недостатками. Если говорить со стороны преимуществ, то стоит выделить, что благодаря развитию цифровых технологий, а особенно в экономике, ощутимо

заметно рост производительности труда; увеличение конкурентоспособности между различными компаниями; снижение издержек производства; появление новых рабочих мест и многое другое. Но вот недостатки и её последствия слишком ужасающие для уровня жизни людей. Например, изменение в моделях поведения производителей и потребителей; риск нарушения права на неприкосновенность частной жизни; риск киберугроз (киберпреступности), связанный с проблемой защиты безопасности персональных данных и др.

Государство терпит огромные убытки от киберпреступлений. Стоит отметить, что «потери экономики страны [в 2019 году] составили около 2,5 трлн рублей», — цитирует ТАСС топ-менеджера, который добавил, что к концу 2021 года эти потери могут вырасти в два раза [3]. Статистика экономических потерь за 2020 год до сих пор подсчитывается.

Ярким и незабываемым примером киберпреступления можно считать хакерскую группу Carberg. Весной 2014 года двоих из организаторов группы Carberg приговорили к пяти и восьми годам лишения свободы. Их жертвами стали более тысячи российских граждан, а общая сумма хищений составила около \$10 млн, это при том, что доказать удалось далеко не все эпизоды. Как стало известно, хакеры создавали бот-сеть с использованием банковского трояна Carberg. Вирус попадал в компьютеры пользователей при посещении зараженных сайтов, среди которых были популярные финансовые порталы. Специальная программа-загрузчик определяла тип системы дистанционного банкинга, используемой на компьютере, и подбирала подходящий модуль вируса [4].

На данном примере заметно, что развитие цифровой экономики приводит к проблеме возрастания преступлений, которые в свою очередь совершенствуются за счет цифровизации общества.

По всему видимому, в число наиболее тяжких и вредоносных экономических преступлений для государства смело можно назвать киберпреступность, потому что она охватывает не только проблемы информационной безопасности, но и производственного, военно-промышленного комплекса, инфраструктурного жизнеобеспечения и др.

В научном сообществе нет однозначного ответа на определение понятия киберпреступности, и до сих пор ведутся многочисленные дискуссии о значении данного юридического понятия.

Так, например, Т.М. Лопатина, доктор юридических наук, профессор, считает, что под компьютерной преступностью (или киберпреступностью) следует понимать «совокупность совершенных на определенной территории за конкретный период преступлений (лиц, их совершивших), непосредственно посягающих на отношения по сбору, обработке, накоплению, хранению, поиску и распространению компьютерной информации, а также

преступлений, совершенных с использованием компьютера в целях извлечения материальной выгоды или иной личной заинтересованности» [5, с. 39].

Россия и на международном уровне пытается урегулировать малоизученную проблему киберпреступности. 16 июня 2021 года в Женеве впервые лично встретились президент России Владимир Путин и президент США Джо Байден. К моменту проведения саммита были сформированы конкретные предложения по сотрудничеству в киберпространстве. Основные предложения России изложены в сентябрьском заявлении Владимира Путина. Согласно документу, программа восстановления сотрудничества должна включать четыре пункта: возобновление межведомственного диалога, поддержание работы каналов связи по связанным с ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) вопросам, разработку соглашения о предотвращении инцидентов в киберпространстве, обмен гарантиями невмешательства во внутренние дела. Наконец, документ содержал ещё одно предложение, адресованное всем государствам, — принять политическое обязательство не применять первыми ИКТ против друг друга.

Со стороны США на повестку саммита выдвигались два пункта. Во-первых, Дж. Байден призывал Россию активнее бороться с киберпреступностью. Во-вторых, президент США предложил договориться о том, что критическая инфраструктура не должна становиться мишенью для кибератак [6].

Таким образом, хотелось бы предложить собственное определение к понятию «киберпреступности», например, как совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или сетей, направленные на извлечение материальной выгоды или иной личной заинтересованности.

Государство борется всеми силами с киберпреступностью так, например, в 2017 году в уголовном кодексе РФ от 13.06.1994 № 63-ФЗ выделили в отдельную строку «совершенные с помощью компьютерных технологий общественно опасные деяния». Трудность заключается в том, что тяжело обнаружить совершённые противоправные деяния и лиц причастных к ним, если они связаны были с использованием электронной информации, ведь киберпреступность не имеет государственных границ.

На основании всего вышеизложенного, хотелось бы предложить ряд рекомендации с целью повышения развития цифровой экономики, но с уменьшением статистики в совершении киберпреступлений. Во-первых, ввести изменения в общую часть уголовного кодекса РФ, а именно дать полное и развёрнутое определение к понятию «киберпреступление», чтобы точно разобраться что же это такое и за что она будет считаться преступлением. Во-вторых, принять новый Федеральный закон «О борьбе с киберпреступлениями», где в качестве мер наказания, помимо лишения или ограничения

свободы и штрафов, также будет выделено полная конфискация всего имущества лица, совершившего преступление. В-третьих, считаю, что стоит ужесточить меры по противодействию с киберпреступлением, например, изменить в ч.4 ст. 272 УК РФ «наказываются лишением свободы на срок до семи лет» на «наказываются лишением свободы на срок до десяти лет». Было бы разумно также, если считать, что во 2-ом пункте примечания «крупным ущербом в статьях настоящей главы признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей» изменить на «крупным ущербом в статьях настоящей главы признается ущерб, сумма которого превышает пятьсот тысяч рублей».

Существует вероятность, что если сократить киберпреступность в государстве, то цифровая экономика сможет развиваться гораздо быстрыми темпами, чем при её наличии.

Данные рекомендации приведены с целью показать способы борьбы с компьютерной преступностью и дать более правильный путь для правоохранительных органов в решении проблемы развития цифровой экономики в РФ.

Список использованных источников:

1. Цифровая экономика: как специалисты сегодня понимают этот термин // Россия сегодня: сайт. – Режим доступа: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>. -Загл. с экрана.
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // Рос. газ. – 2017. – 10 октября.
3. Оценены потери российской экономики от киберпреступности // Росбалт: сайт. - Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/06/18/1849615.html>. -Загл. с экрана.
4. Кража на расстоянии: как хакеры похищают деньги у банков // Forbes: сайт. - Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy/igroki/266277-krazha-na-rasstoyanii-kak-khakery-rokhhishchayut-dengi-u-bankov>. -Загл. с экрана.
5. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Т.М. Лопатина. — М., 2007. — 418 с.
6. Киберсаммит Путина и Байдена // Российский совет по международным делам: сайт. - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kibersammit-putina-i-baydena/>. -Загл. с экрана.

Неведомский С.Е.

Научный руководитель: Старший преподаватель Ковалева А.В.

Юридический институт СФУ,

О ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: Данная статья посвящена характеристике участия прокурора в арбитражном процессе, включая понятие, особенности, полномочия прокурора, основания его участия в арбитражном процессе. Статья обращается к действующему арбитражному процессуальному законодательству России, анализируя которое можно увидеть характерные черты данного правового явления. Кроме этого, автор статьи указывает на проблемы участия прокурора в арбитражном процессе.

Abstract: This article is devoted to the characteristics of the participation of the prosecutor in the arbitration process, including the concept, features, powers of the prosecutor, the grounds for his participation in the arbitration process. The article refers to the current arbitration procedural legislation of Russia, analyzing which you can see the characteristic features of this legal phenomenon. In addition, the author of the article points out the problems of the participation of the prosecutor in the arbitration process.

Настоящее исследование посвящено актуальной и значимой теме - участию прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами РФ. Обыденное представление о прокуратуре – это мнение о превалировании в ее деятельности уголовно-правовых направлений. Однако, прокуратура Российской Федерации всегда была многофункциональным органом. Прокурор – это не только обвинитель, его роль значительно шире.

Участие прокурора в арбитражном процессе – одно из важнейших направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации. Правовые возможности прокурора, а также его правовой статус в ходе рассмотрения арбитражным судом дел, отведенных к его компетенции, определены статьей 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1].

Пункт 3 статьи 52 АПК РФ устанавливает правило о том, что прокурор, обратившийся в арбитражный суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца. Однако, обращает внимание формулировка законодателя, в которой им не используется понятие «все права», как это сделано в статье 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2]. Так, в пункте 2 статьи 45 ГПК РФ прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением установленного перечня.

Сравнение редакций статей двух нормативных правовых документов показывает, что норма ГПК РФ дает более четкое и однозначное правовое регулирование. АПК РФ в этом случае предполагает необходимость обращения к другим правовым нормам.

Кроме того, статья 52 АПК РФ очерчивает круг дел, по которым прокурор может обратиться в арбитражный суд с иском (заявлением). И опять норма закона устанавливает перечень дел, который не является закрытым. Иными федеральными законами этот перечень дополнен.

Итак, в соответствии с положениями АПК РФ прокурор может обратиться в арбитражный суд, ставя в основу обращения заявляемое требование. Такими требованиями могут быть:

1) оспаривание нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления (далее – органы публичной власти), затрагивающих права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

2) признание недействительными сделок, совершенных органами публичной власти, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований;

3) применение последствий недействительности ничтожной сделки, совершенной органами публичной власти, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований;

4) истребование государственного и муниципального имущества из чужого незаконного владения.

Приведенный в законе перечень случаев обращения прокурора в арбитражный суд позволяет сказать, что основной целью обращения прокурора в арбитражный суд является защита публичных интересов в экономической деятельности. Однако, в отношении второго из названных требований следует сделать несколько замечаний.

Так, признание недействительными сделок совершенных публичными образованиями, как полномочие прокурора в арбитражном процессе, оставляет вопрос о том, вправе ли он оспаривать сделки публично-правовых компаний и государственных корпораций. Для ответа

на данный вопрос следует уточнить, могут ли они быть отнесены к тем субъектам, которые поименованы в данном положении АПК РФ.

Итак, публично-правовой компанией является унитарная некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией в порядке, установленном законом, наделенная функциями и полномочиями публично-правового характера и осуществляющая свою деятельность в интересах государства и общества [3].

Имущество публично-правовой компании формируется за счет имущественного взноса Российской Федерации, имущества, полученного в порядке правопреемства в результате преобразования юридических лиц в публично-правовую компанию, добровольных имущественных взносов, доходов, полученных публично-правовой компанией от осуществления своей деятельности, и иных не запрещенных законодательством Российской Федерации поступлений.

Таким образом, доля участия Российской Федерации в публично-правовых компаниях есть, в связи с чем есть основания утверждать, что сделки публично-правовых компаний подпадают под возможность их обжалования.

Что касается государственных корпораций, то в данном случае под этим юридическим лицом понимается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона [4]. Таким образом, высказанная позиция о возможности включения сделок публичных образований под действие данного пункта АПК РФ, распространяется и на государственные корпорации.

Однако, высказанное мнение лишь мнение автора настоящего исследования, в силу чего закрепление данных положений, как минимум, в акте высшего судебного органа, позволило бы такому мнению приобрести обязательную силу для судебных органов и привести к единообразию судебной практики.

Кроме того, прокурор участвует в делах об административных правонарушениях в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [5]. В рамках него он вправе возбуждать дела об административных правонарушениях в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по определенным составам правонарушений, а также оспаривать решения административных органов о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [6].

Также правом прокурора является обращение в суд с иском о ликвидации юридического лица вследствие неоднократного или грубого нарушения этим юридическим

лицом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, а также с требованием о сносе самовольной постройки в целях защиты публичных интересов. В качестве причин предоставления прокурору данных прав в литературе называются защита публичных интересов [7, с. 116-122].

Изучение действующего законодательства также показывает, что в соответствии с Законом РФ от 07.07.1993 № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» прокурор также вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением:

- о запрете неправомерного использования организацией в своем наименовании словосочетания «торгово-промышленная палата», «торговая палата» или «промышленная палата»;

- о ликвидации торгово-промышленной палаты, члены торгово-промышленной палаты, вышедшей из Торгово-промышленной палаты РФ или исключенной из ее членов, не приняли решение о реорганизации или ликвидации такой торгово-промышленной палаты.

Последние два полномочия не являются исключительными полномочиями прокурора, ими наделены и некоторые другие субъекты.

Несмотря на то, что АПК РФ приравнивает прокурора к истцам, в литературе отмечается, что он «особый истец», поскольку участником спорного материального правоотношения он не является [8, с. 122-132]. Эта особенность в любом случае предполагает, что статус прокурора как истца отличается от статуса действительно истца. Так, к прокурору не может быть предъявлен встречный иск. Интерес прокурора к возбуждению дела в арбитражном суде обусловлен необходимостью защиты публично-правовых интересов.

Как видно из проведенного выше анализа о полномочиях прокурора в арбитражном процессе, они закреплены в различных нормативных правовых актах, что свидетельствует об отсутствии единого понимания и подхода к разрешению этой проблемы.

Избежать этого возможно, если законодательно закрепить понятие публичного интереса, подлежащего защите прокурором в арбитражном суде.

Приведенный анализ оснований участия прокурора в арбитражном процессе позволяет классифицировать их в соответствии с интересами, которые защищает прокурор:

- интересы неопределенного круга лиц в сфере интеллектуальной деятельности;
- интересы предпринимательских структур, которые нарушены действиями государства в лице его органов и органами местного самоуправления;
- интересы государства и местного самоуправления.

Закон предусматривает две формы участия прокурора в арбитражном процессе. Первая форма – инициативная. В рамках данной формы прокурор самостоятельно

возбуждает процесс путем подачи иска (заявления) от своего имени. Вторая форма предполагает вступление в процесс, который уже инициирован другими лицами.

Процессуально прокурор, как участник арбитражного процесса, обладает определенными преимуществами, процессуальными льготами. Помимо невозможности подачи к нему встречного иска, о чем было сказано выше, он также в соответствии с ч. 5 ст. 4 АПК РФ вправе не соблюдать претензионный порядок. Закон не требует от него соблюдения данного правила, но и не запрещает ему выполнить определенные досудебные действия.

Кроме того, прокурор освобожден от уплаты государственной пошлины, что вполне оправдано. Однако, статья 52 АПК РФ не устанавливает данного правила. Отметим, что ГПК РФ устанавливает положение, в соответствии с которым прокурор освобожден от обязанности по уплате судебных расходов.

Данное же положение продублировано в положениях Налогового кодекса Российской Федерации, а именно в статье 333.37 НК РФ, в связи с чем непонятно по какой причине ГПК РФ устанавливает правило об освобождении прокурора от судебных расходов, а АПК РФ обходит этот вопрос стороной, «полагаясь» на действие иных правовых актов [9].

Также закон не предусматривает возможность отвода или самоотвода прокурора в арбитражном процессе.

Проведем классификацию процессуальных прав и обязанностей прокурора в арбитражном процессе, разбив их на три группы:

- права и обязанности, общие для всех лиц, участвующих в деле. С учетом, что, вступая в дело или инициируя его, прокурор является лицом, участвующим в деле. Этот перечень прав включает в себя право знакомиться с материалами дела, делать выписки с них, заявлять отводы, представлять доказательства и т.д.;

- второй вид прав связан с правом прокурора поддерживать свои требования в ходе процесса. Его права в отношении заявленного материального требования аналогичны правам истца – изменить предмет или основание иска, увеличить или уменьшить размер требования, отказать от иска – с той лишь особенностью, что суд не прекратит производство по делу, если прокурор отказался от иска, но наряду с ним в процессе участвует материальный истец, который настаивает на продолжении рассмотрения иска;

- полномочия, связанные с участием прокурора в примирительных процедурах. Так, в соответствии с абз. 4 п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» дело, производство по которому возбуждено на основании заявления прокурора, может быть окончено заключением мирового соглашения при условии участия в нем всех заинтересованных лиц, в том числе прокурора [6]. Данное положение, высказанное ВАС РФ вызывает обоснованные

сомнения, поскольку прокурор стороной процесса не является, не имеет материальной заинтересованности в исходе дел нет, в связи с чем участие его в подписании мирового соглашения является спорным вопросом;

- полномочия прокурора, связанные с осуществлением им прав в целях обеспечения законности при вступлении в уже начавшийся процесс. Прямая формулировка закона в этом случае звучит следующим образом: «с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности».

Включение законодателем данного положения вызывает споры в научной литературе, поскольку ее направленность не вполне понятна. Более того, оспаривается и критикуется сама возможность вступления прокурора в уже начавшийся процесс, поскольку ряд исследователей усматривает в этом нарушение принципа состязательности и равноправия сторон, с чем есть все основания согласиться [10]. При этом, устанавливая возможность вступления в дело прокурора, закон не устанавливает конкретных целей его участия в нем, например, для дачи заключения по делу.

Аналогичной позиции придерживается и Концепция единого ГПК РФ, которая устанавливает недопустимость конкурирования прокурора с судом.

Спорным, широко обсуждаемым и проблемным вопросом правоприменительной практики по участию прокурора в арбитражном процессе является вопрос о возможности обращения прокурора в защиту интересов неопределенного круга лиц, который был бы подведомственным арбитражному суду.

В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 11) специально обращено внимание на то, что прокурор вправе обратиться в арбитражный суд по делам, указанным в ч. 1 ст. 52 Кодекса (п. 10 Постановления № 11) [11]. Еще более категорично сформулирована позиция по вопросу применения указанной выше нормы в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 августа 2002 г. № 38-15-02 «О некоторых вопросах участия прокуроров в арбитражном процессе, связанных с принятием и введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», в п. 1 которого подчеркивается, что «указанный в ч. 1 ст. 52 АПК РФ перечень исков и заявлений расширительному толкованию не подлежит» [12].

А приведенные выше положения ст. 52 АПК РФ не закрепляют за прокурором полномочий на предъявление в арбитражном суде в интересах неопределенного круга лиц исков, предмет которых не соответствует содержанию дел, указанных в данной статье АПК РФ.

И в заключении рассмотрим некоторые проблемные аспекты порядка обжалования прокурором судебных актов в арбитражном процессе.

Так, Постановление № 11 говорит о том, что при обращении прокурора в арбитражный суд по вышеуказанным категориям дел он пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца. По указанным делам он вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле.

Если же он не участвовал в рассмотрении дела в суде первой инстанции по делам, перечень которых устанавливается в части 1 статьи 52 АПК РФ, он вправе вступить в дело при его рассмотрении судом апелляционной или кассационной инстанции, подать апелляционную или кассационную жалобу.

В вопросах обжалования в кассационном порядке высшая судебная инстанция не устанавливает обязательности участия прокурора в предыдущих инстанциях, устанавливая в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» правило о том, что по делам, отнесенным к полномочиям прокурора, он наделен правом обжалования решения арбитражного суда, постановления арбитражного суда апелляционной инстанции по делу о привлечении к административной ответственности, по делу об оспаривании постановления административного органа о привлечении к административной ответственности в кассационном порядке независимо от их участия в рассмотрении дела в арбитражном суде первой и апелляционной инстанций [13].

Подводя итоги исследованию вопросов участия прокурора в арбитражном процессе, следует отметить востребованность и актуальность данного института.

Однако, нормы АПК РФ, а также положения других нормативных правовых актов требуют совершенствования и доработки. Направлениями такой доработки может стать разработка следующих вопросов:

- легального закрепления понятия «публичный интерес» применительно к участию прокурора в арбитражном процессе;
- конкретизация процессуальных прав и обязанностей прокурора в арбитражном процессе, особенно при вступлении его в уже начавшийся процесс.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. –2002. - № 30. – Ст. 3012.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. – 2002. - № 46. – Ст. 4532.
3. О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ // СЗ РФ. - 2016. - № 27 (Часть I). - Ст. 4169.
4. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - № 3. - Ст. 145.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. – 2002. - № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
6. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе: Пост. Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 15 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 5.
7. Магомедова М.А., Оздемиров М.Р. Участие прокурора в арбитражном процессе – история и современность // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. - № 2. – С. 116-122.
8. Отческа Т.И. Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2018. - № 2 (87). – С. 122-132.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. – 2000. - № 32. – Ст. 3340.
10. Изотова Л.Н. Отдельные процессуальные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 12. – С. 11-15.
11. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Пост. Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 // Вестник ВАС РФ. – 2003. – № 2.
12. О некоторых вопросах участия прокуроров в арбитражном процессе, связанных с принятием и введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Инф. письмо Генпрокуратуры РФ № 38-15-02 от 22 августа 2002 г. // Документ официально не публиковался. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
13. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции: Пост. Пленума ВС РФ от 30 июня 2020 г. № 13 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 9.

Несмачная П.В.

Научный руководитель: преподаватель кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Привалов Сергей Александрович
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Искусственный интеллект как технология будущего активно внедряется во все сферы жизни общества. И чем сложнее становится внутренне устройство юнитов искусственного интеллекта, тем больше они начинают походить на людей, и соответственно тем больше возникает вопросов о наделении их правосубъектностью.

Annotation. Artificial intelligence as a technology of the future is being actively introduced into all spheres of society. And the more complicated the internal structure of artificial intelligence units becomes, the more they begin to resemble people, and accordingly, the more questions arise about giving them legal personality.

В настоящее время технологии развиваются очень стремительно, и если только недавно «самостоятельно» мыслящие машины считали научной фантастикой, то сейчас они уже являются нашей реальностью. В техническом понимании искусственный интеллект (artificial intelligence) представляет собой автоматическое программное управление, при котором алгоритмы не задаются оператором заранее, а создаются внутри системы самостоятельно на основе кодированных описаний различного вида целей, представлений о действиях и информационной базы о внешнем окружении [1]. Технология искусственного интеллекта является весьма перспективной, она потенциально применима во многих сферах общественных отношений. Так как данное явление получает все большее распространение, то возникает необходимость его правового регулирования. На сегодняшний день законодатели и научные деятели разных стран озвучивают различные точки зрения по поводу правосубъектности искусственного интеллекта, однако они едины в том, что теория права отстает от интенсивно развивающихся технологий и данную проблему необходимо решать.

В общем понимании правосубъектность – это способность осуществлять права и выполнять обязанности, а также нести ответственность. Тим Малган в своих работах выделяет четыре основных подхода к определению правосубъектности юнитов искусственного интеллекта с точки зрения права:

- концепция исключительной правосубъектности («exclusivism»), согласно которой только биологические человеческие существа могут выступать как субъекты или лица с самостоятельной правосубъектностью

- концепция минимальной инклюзивности («minimal inclusivism»), согласно которой цифровое существо может быть автономным агентом, но не правоспособным агентом или лицом с самостоятельной правосубъектностью;
- концепция умеренной инклюзивности («moderate inclusivism»), согласно которой цифровое существо может быть автономным агентом или правоспособным агентом, но не лицом с самостоятельной правосубъектностью;
- концепция полной инклюзивности («extreme inclusivism»), согласно которой цифровое существо может быть лицом с самостоятельной правосубъектностью, наделенным правами человека и имеющим значимые интересы [2].

На данном этапе развития технологий системы, оснащенные искусственным интеллектом, все еще не являются автономными и не обладают сознанием и самосознанием, поэтому сейчас еще нельзя говорить о полной инклюзивности искусственного интеллекта, так как программу для «разумных машин» все еще создает человек, и они все еще существуют в зависимости от него. Так же юниты искусственного интеллекта не могут принимать решения, которые носят нравственный и субъективный характер. Соответственно, наделение юнита искусственного интеллекта каким-либо правовым статусом должно быть направлено в первую очередь не на признание автономности и самостоятельности такого юнита и освобождение лиц от ответственности за его действия, а, наоборот, на усиление контроля за взаимодействием человека и машины, чтобы человек не мог утверждать, что автономная система сделала то, что он не мог понять или предвидеть, а также, чтобы незаконное поведение искусственного интеллекта всегда имело следствием человеческую ответственность. В качестве примера законодательного закрепления взаимоотношений человека и искусственного интеллекта может служить опыт Южной Кореи, ученые и законодатели которой, стали первыми, кто указал на необходимость регулирования деятельности создателей роботов и тех, кто их использует. Первым в мире правовым актом, закрепляющим данные положения, является «Корейское право развития искусственного интеллекта роботов» [3, р. 144], основной идеей которого является недопущение использования роботов, для причинения вреда людям.

Таким образом, в настоящее время еще рано говорить о наделении искусственного интеллекта той правосубъектностью, которой обладает человек. Однако нельзя отрицать интенсивные темпы развития данной технологии в мире, возможно в ближайшем будущем «цифровые существа» действительно станут автономными и будут мыслить самостоятельно до такой степени, что потребуются юридическое признание их в качестве «лиц». Но даже в этом случае, при наделении юнитов искусственных интеллектов конституционными правами могут возникнуть проблемы, например, могут ли быть некоторые права применимы к

«разумной машине», такие как свобода труда или право отдых. Также проблемой будет являться определение критериев, по которым юниты будут наделяться соответствующими правами и обязанностями, так как существуют различные виды роботов и систем, наделенных искусственным интеллектом. В любом случае, на наш взгляд, права человека должны стоять выше прав «искусственного разума», ведь правовая система в принципе была создана людьми для защиты интересов людей.

Список использованных источников:

1. Шестак Виктор Анатольевич, Волеводз Александр Григорьевич Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-potrebnosti-pravovogo-obespecheniya-iskusstvennogo-intellekta-vzglyad-iz-rossii> (
2. Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures. [Электронный ресурс] URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10551-018-3887-1.pdf>
3. Kim Yoon-mi. Korea drafts «Robot Ethics Charter» [Электронный ресурс] / Kim Yoon-mi// The Korea Herald. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2020. – URL: <https://link.galegroup.com/apps/doc/A166092392/AONE?u=googlescholar&sid=AONE&xid=340db03e>

Пронина В.В.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Никитин П.В.

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Россия, г. Москва.

ЭТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В данной научной статье автор попытался разобраться в понятии цифровая этика, ее взаимосвязи с правом. Выделяет преимущества и недостатки стремительного темпа развития цифровых технологий. Автор приводит примеры правонарушений в цифровой сфере, обращает внимание на меры, применяемые странами для защиты информационного пространства и граждан в нем. Предлагает ряд рекомендаций по внедрению и дальнейшему правовому регулированию цифровой этики, что будет способствовать обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Annotation. In this scientific article, the author tried to understand the concept of digital ethics, its relationship with law. Highlights the advantages and disadvantages of the rapid pace of development of digital technologies. The author gives examples of offenses in the digital sphere, draws attention to the measures applied by countries to protect the information space and citizens in it. It offers a number of recommendations on the implementation and further legal regulation of digital ethics, which will contribute to ensuring the national security of the Russian Federation.

Человечество за последнее столетие совершило огромный скачок в развитии науки и техники, что повлекло за собой открытие новых просторов для деятельности человека. Внедрение в жизни людей цифровых технологий привело к изменению нравов, всего общества в целом и закономерностей его существования. Меняются и принципы взаимоотношений между государством и гражданином: появляются новые нормативные правовые акты, способы получения медицинской помощи и образования, формы контроля (видеонаблюдение и т.п.), разрабатываются цифровые платформенные решения по масштабному управлению государством и другие. Как верно заметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, возникла новая цифровая реальность, зарождается новое право, «регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [1].

Однако применяемых для адаптации к цифровому обществу, к жизни в государстве с развитой цифровой системой методов не хватает. Из-за слишком стремительного темпа развития цифровых технологий современная правовая система не способна моментально реагировать, поскольку требует принятия продуманных решений, соответственно, совершенствуется значительно медленнее. Это создает определенную проблему: остается множество нерешенных вопросов, уязвимых зон со слабым правовым регулированием.

Нельзя не согласиться с тем фактом, что наступившая цифровая эпоха принесла человечеству огромную пользу. Например, в период пандемии COVID-19 миллиард учеников и студентов закончили учебный год онлайн, что привело бы к коллапсу каких-то десять – пятнадцать лет назад. Кроме того, и такая неотъемлемая часть жизни людей, как медицина, вышла на новый уровень: получила свое развитие цифровая медицина.

Однако технологии, влияющие на жизнь, здоровье и экономическое положение миллионов людей, зачастую внедряются бесконтрольно, без параллельного введения каких-либо правил, ограничений. Это и создает условия для появления неконтролируемой «серой» зоны в цифровом пространстве, где создаются благоприятные условия для неэтичных, но формально законных (не запрещенных законом) действий, которые впоследствии могут вызвать не только недовольство населения, но и иметь серьезные последствия для граждан.

В связи с этим возникает необходимость в раскрытии и изучении такого понятия как цифровая этика:

«Цифровая этика – это область исследований, изучающая то, как технологии формируют и будут определять политическое, социальное и моральное существование людей. Цифровая этика или информационная этика в более широком смысле имеет дело с влиянием цифровых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) на общество и окружающую среду в целом» [2]. Этическая трансформация способна подтолкнуть человека, общество, мир к совершению необдуманных решений, приводящих к катастрофическим последствиям как для индивида или небольшой группы лиц, так и для государства. Поэтому растет количество не только полезных услуг и продуктов, но и утечек, случаев мошенничества в цифровом пространстве, злоупотребления данными. Это нарушает личные права человека, приватность его жизни, возможность контролировать распространение информации о себе, создает риски для национальной безопасности и цифрового суверенитета государства, а также риск зависимости от иностранных технологий и оборудования.

В современном обществе противоречия между правом и этикой и цифровыми новшествами резко обострились, что связано с изменением ценностей общества, его стремлением, в частности с борьбой за информацию. Вследствие этого правовая система, какой бы развитой и совершенной она ни была, в цифровых реалиях действует неэффективно. В цифровом мире можно сделать то, что невозможно в физическом: тотальная слежка, профайлинг и т.д. Кроме того, роботы, глобальные сети помнят все, что приводит к следующим рискам: риск распространения экстремизма, нацизма, дезинформации, монополии на сервис от больших корпораций и др.

Ярким примером одного из рисков является 9 мая 2020 года, когда во время онлайн-шествия «Бессмертного полка» пользователи интернета заметили среди изображений героев-победителей фюрера нацистской Германии Адольфа Гитлера, генерала-предателя Андрея Власова и других нацистских преступников, которые были осуждены Нюрнбергским трибуналом. Информация сразу была передана следователям, которые возбудили дело по статье «Реабилитация нацизма». Благодаря оперативным действиям в цифровой системе удалось быстро вычислить IP-адреса, с которых загружались изображения, найти подозреваемых.

Для решения подобных проблем, которое должно быть своевременного и эффективным на всех уровнях: регулирования, правоприменения, создания инфраструктуры, внедрения культуры работы с данными и т. д., необходимо повышать правовую и нравственную культуру граждан, своевременно отвечать на этические вопросы,

возникающие при использовании цифровых технологий путем создания нормативных, методических документов, описывающих общие принципы разработки и использования цифровых технологий и отдельные правила, обеспечивающие этичность продукта, создание специализированного органа, уполномоченного оказывать помощь в сфере этики и осуществлять надзорную функцию - контроль соблюдения этических принципов при разработке и использовании цифровых технологий.

Не только в России, но и во всем мире на первый план вышли этические проблемы, связанные со слежкой, мошенничеством в цифровой сфере, неравным доступом к технологиям. Правительства стран уделяют особое внимание этике применения цифровых технологий в государственном управлении, созданию документов, руководств и кодексов, наработке практики их использования, стремятся к достижению универсальности нормативного правового регулирования не только на национальном, но и на международном уровне. Так, в Германии при федеральном правительстве работает Комиссия по этике данных. Она разрабатывает этические принципы для защиты личности, сохранения единства общества и развития информационных технологий. В Швеции за внедрением цифровых технологий следит Комитет по технологическим инновациям и этике, в случае необходимости предлагает правительству внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты.

В 2013 году по заказу Евросоюза международная команда ученых разработала и запустила систему ePOOLICE (early Pursuit against Organized crime using envirOnmental scanning, the Law and IntelligenCE systems) [3], предназначенную для сканирования страниц сайтов, электронных переписок, полицейской информации с целью нахождения признаков деятельности организованной преступности и оценивания риска совершения преступления.

В Российской Федерации первым нормативным правовым актом, определяющим основы нормативного регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники, стала Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, где были закреплены основные подходы в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан, обеспечением безопасности личности, общества и государства. В Государственной Думе продолжается рассмотрение законопроектов с целью создания нормативной базы для работы с электронными документами, уточнения процедур идентификации и аутентификации, дистанционного участия в судебном заседании, онлайн-урегулирования споров в досудебном порядке и другие. Данные действия правительства Российской Федерации стали первыми шагами в развитии цифрового пространства, правового регулирования в его рамках.

Поскольку Интернет превратился в основную инфраструктуру социальной коммуникации, и информационные технологии проникли во все сферы жизни без исключения, я считаю необходимым дальнейшее правовое и моральное регулирование этой сферы. Нужно учитывать такие права, как право на свободу мысли, совести, религии, на свободу убеждений и их свободное выражение и многие другие, но уже с учетом новых возможностей, которые используются в цифровом пространстве.

Вот несколько вариантов решения раскрытой проблемы:

Во-первых, внедрение в образовательный процесс предметов, посвященных цифровой культуре, разбору этических вопросов работы с данными в рамках ИТ-образования, чтобы учащиеся школ и ВУЗов знали об этических рисках и последствиях применения цифровых технологий, с раннего возраста осознавали серьезность и важность вопроса. Следовательно, необходимо проведение постоянных занятий по цифровой этике, организация встреч со специалистами в сфере компьютерной безопасности с детьми, подростками.

Во-вторых, следует разработать и внедрить национальное программное обеспечение, которое поможет точнее спрогнозировать поведение людей в сети, выявить потенциальные ошибки в цифровом регулировании, позволит отбирать только правомерную и достоверную информацию перед тем, как она станет общедоступной, избежать правонарушений в данной сфере. Кроме того, отдельное место в жизни людей занимают социальные сети, где граждане публикуют информацию о себе, о своей личной жизни, «тайно» делятся информацией с друзьями, знакомыми. Во избежание частых случаев взлома аккаунтов необходимо усовершенствовать процесс идентификации: производить регистрацию граждан в социальных сетях по паспорту, что будет являться кодом доступа при входе с неизвестного устройства; ввести вход в аккаунт при помощи распознавания лица. Все это поможет в обеспечении международной и национальной информационной безопасности Российской Федерации и ее граждан.

И, в-третьих, необходимо разработать Кодекс цифровой этики, который бы закрепил правила поведения в цифровой сфере не только с правовой, но и с моральной точки зрения. Потому что, на мой взгляд, первостепенным является нравственное воспитание членов цифрового общества, потому что как сказал выдающийся русский поэт и государственный деятель Г.Р. Державин: «Хорошие законы могут исправить заблуждения в душе, счастливо рожденной и невоспитанной; но они не могут добродетелью оплодотворить худое сердце».

Список использованных источников:

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. – № 7578. - 2018. – С. 115.

2. Henshall A. What is digital ethics? // Process.st: сайт. - Режим доступа: <https://www.process.st/digital-ethics/>. -Загл. с экрана.

3. Овчинский В. С. Этика цифровых технологий в полиции // Центр CDTO: сайт. - Режим доступа: https://ethics.cdto.center/7_4. -Загл. с экрана.

Семцова С.И.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Иксанов И.С.

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Россия, г. Москва

РОБОТЫ СРЕДИ НАС ИЛИ К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИБРЕТЕНИЯ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ (ИИ) ГРАЖДАНСТВА

Аннотация: Искусственный интеллект это новая правовая реальность, но можем ли мы говорить о том, что его можно приравнять к живым людям, выдать гражданство, обеспечивать равными с людьми правами, в том числе политическими? Именно над этими вопросами размышляет автор в данной статье. Дается обоснование нецелесообразности приобретения гражданства ИИ на примере подданства Саудовской Аравии, выданного роботу-геноиду Софии.

Abstract: Artificial intelligence is a new legal reality, but can we say that it can be equated with people, issue citizenship, and ensure equal rights with us, including political ones? These are the questions the author ponders over in this article. The substantiation of the inexpediency of acquiring citizenship of AI is given on the example of citizenship of Saudi Arabia, issued to the robot genoid Sophia.

Термин «искусственный интеллект» на данный момент используется в качестве объекта права. Для того, чтобы определить возможность такого объекта в теории приобрести гражданство, обратимся сначала к правовой базе института гражданства как в национальных, так и международной правовой системах. Согласно ст. 3 ФЗ «О гражданстве РФ» гражданство – это «устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей» [1], а также и ответственности, основанной на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека. Из этого легального определения следует, что гражданство является неотъемлемым элементом правового статуса личности. Быть гражданином РФ может любой человек, действия которого не признаются основаниями для отказа в приеме в гражданство. Речь идёт именно о

«человеке» (физическом лице), юридические лица не приобретают гражданство, а регистрируются в органах государственной власти, так же, как и некоторые объекты. Основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации определяются также Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства РФ, утвержденным Указом Президента РФ от 14 ноября 2002 г. № 1325.

Вопросы гражданства РФ также регулируются Конституцией РФ [2] и ратифицированными международными договорами РФ в данной сфере, которые можно разделить на: конвенции, посвященные общим принципам и гарантиям права на гражданство, и международные двусторонние договоры по вопросам двойного гражданства. К числу наиболее значимых международных правовых актов в данной сфере относятся: Международный пакт о гражданских и политических правах; Всеобщая декларация прав человека, ст. 15 которой гласит: «Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство»; а также Конвенция о сокращении безгражданства. Международно-правовая база не даёт оснований полагать, что не человек может получить гражданство государства, как и определённые права и свободы.

Автору представляется юридически некорректным квалифицировать робототехнику или искусственный интеллект в качестве субъекта права, в целом, и в качестве субъекта, обладающего специальной правоспособностью в цифровой среде [3]. Существует мнение, что человек может быть уподоблен компьютеру [4]. Если рассматривать ИИ как некое подобие человека, можно ли его считать субъектом права? 25 октября 2017 года на саммите «Инвестиционная инициатива будущего» в Эр-Рияде роботу-гиноиду Софии, разработанному компанией Hanston Robotics было предоставлено подданство Саудовской Аравии, а, следовательно, все права и свободы, гарантированные подданным этой страны. При этом, Саудовская Аравия стала первой страной, давшей гражданство роботу. Это событие оказалось резонансным, общественность критиковала Саудовскую Аравию за то, что ИИ получил подданство в ускоренном порядке, в то время как тысячи людей, долгое время проживающих на территории государства, не могут этого добиться, а женщины на тот момент правами не обладали, то есть у ИИ больше прав, чем у людей.

Какие именно возможности подданство Саудовской Аравии даёт роботу, представители Королевства не сообщают, из чего можно сделать вывод о том, что данный прецедент был всего лишь пиар акцией, направленной на привлечение внимания к проходящей на тот момент в Саудовской Аравии конференции «Инвестиционная инициатива будущего». В легальном определении искусственного интеллекта указывается, что его действия лишь имитируют действия субъекта права, но не приравниваются к нему, то есть

сама София не является субъектом права и с точки зрения законодательства не могла получить подданство Саудовской Аравии. Если предположить, что ИИ всё же можно рассматривать как субъект права, то прецедент с «Софией» всё равно не соответствует законодательству и не имеет аналогов. Специальный порядок предоставления иностранцам подданства Королевства Саудовская Аравия определён в ст. 16 Положений о гражданстве с поправками, внесенными Королевским указом № 32 от 25 джумады II 1380 года хиджры [5], а также на портале консульского департамента МИД России [6] по вопросам гражданства КСА (информация о ряде условий для предоставления решением министра внутренних дел иностранцу подданства). Проведя анализ, можно предположить, что робот-геноид София (идентифицирует себя как женщину) выполняет ряд условий, но не все, а значит, она не должна была иметь возможности получить подданство саудовской Аравии.

Если понимать под содержанием связи гражданства систему предоставляемых прав и обязанностей, то это логически приводит к отождествлению понятий гражданства и правового статуса (как совокупности его прав, свобод и обязанностей) и, как предпосылки для обладания этими правами [7]. Стоит отметить, что на официальном сайте МИД РФ по вопросам гражданства указано: «получатели услуги – физические лица». Стоит отметить, что уровень развития искусственного интеллекта и робототехники в целом значительно ниже, чем его представляет общественность. На данный момент ИИ ещё не достиг уровня, на котором роботы будут иметь права, осуществлять обязанности и нести ответственность за свои действия. Люди прописывают алгоритмы (последовательность) действий ИИ, задают специальные настройки для их «развития», говорить же о том, что роботы обладают волей и сознанием пока рано. Подводя итог, хотелось бы отметить, что т.к. правоспособность, дееспособность и деликтоспособность являются составляющими правосубъектности, то являются основой правового статуса, как и гражданства, то и предоставлять ИИ возможность приобретать гражданство/подданство является нецелесообразной.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О гражданстве Российской Федерации».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Василевская Л., Подузова Е., Таласов Ф. Цифровизация гражданского оборота проблемы и тенденции развития цивилистическое исследование в 5 томах Том 1. Проспект, 2021. С. 228.

4. Абрамова А.А. Обратимые метафорические модели «Человек – это компьютер» и «Компьютер – это человек» в русской языковой картине мира // Известия АлтГУ. 2012. №2.

5. Генеральная Ассамблея ООН. Совет по правам человека. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору (Саудовская Аравия) от 26 декабря 2018.

6. Саудовская Аравия // Официальный портал консульского департамента МИД России

URL: https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/%D0%A1%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%90%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%8F.aspx

7. Анатолий Семенович Прудников Юридическая природа гражданства: конституционно-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2018. №1.

Титова А.В.

Научный руководитель: Миронова О.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Россия, г. Симферополь

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены формы реализации конституционной гарантии на получение бесплатной юридической помощи в современных условиях цифровизации и пандемии. Обращено внимание на то, что обеспечение указанной гарантии является важным компонентом механизма обеспечения прав человека.

Annotation. The article examines the forms of implementation of the constitutional guarantee for free legal aid in the modern conditions of digitalization and pandemic. Attention is drawn to the fact that the provision of this guarantee is an important component of the mechanism for ensuring human rights.

Юридическая помощь представляет собой деятельность профессиональных юристов, целью которой является содействие как гражданам, так и юридически лицам в решении задач, относящихся к реализации норм права, что выражается в предоставлении юридических услуг.

Одной из гарантий реализации конституционных прав и свобод человека является оказание юридической помощи, которая является важным компонентом механизма

обеспечения прав человека. Это объясняется тем, что существует объективная затрудненность обычного гражданина, который не имеет определенных юридических навыков и знаний, необходимых ему для решения юридических проблем или вопросов, в использовании им правовых средств и методов с целью реализации и защиты своих законных интересов. Именно этот факт создает потребность в оказании помощи со стороны профессионалов-юристов.

Стоит отметить, что право на юридическую помощь является одной из составляющих правового статуса личности. Данное положение закреплено в ст. 48 Конституции РФ [1], которая регламентирует право каждого на получение квалифицированной юридической помощи и является неотчуждаем и не подлежит ограничению.

Однако, в сложившихся на сегодняшний день сложных условиях пандемии и мерах борьбы с ней, реализация данного права для граждан и юридических лиц стала крайне трудной. Обратим внимание, что распространение коронавирусной инфекции повлияло на все сферы жизни общества, что повысило необходимость в оказании высококвалифицированной правовой помощи гражданам и организациям, связанной с урегулированием и решением юридических вопросов. Это объясняет особую актуальность данной темы в настоящий момент.

Распространение COVID-19 потребовало разработки новых подходов в деятельности органов государственной власти всех уровней не только в пределах Российской Федерации, но и во всем мире. Данная ситуация поставила перед обществом и государством ряд задач, которые требуют соблюдения баланса между введениями определенных ограничений и строгим следовании норм Конституции РФ и иных нормативно-правовых актов.

Естественно, в деятельности многих субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь в данный период произошли некоторые изменения. Так, появилась необходимость в отмене или минимизации проведения личных консультаций и личных приемов, которые могут нести большой риск для здоровья населения. При этом необходимо подчеркнуть, что работа в рамках цифровизации не только не прекратилась, но и увеличилась, в связи с тем, что возникла потребность в оказании юридической помощи в дистанционном режиме.

Важное место в решении задач правового информирования населения занимает СМИ-особенно ярко это выражается в условиях самоизоляции, так как социальное дистанцирование привело к резкому скачку медиапотребления обществом. Так, возросло количество электронных запросов посредством сети «Интернет» на бесплатную юридическую помощь. Кроме того, в указанный период возросло количество электронных обращений в различные учреждения, что реализуется путем создания интернет-приемной

или специальной электронной почты. Обращения лиц, поступившие вышеуказанным образом рассматриваются в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2]. Данный способ реализации права на получение бесплатной юридической помощи в условиях пандемии исключает создание угрозы для жизни и здоровья как заявителя, так и лица, оказывающего правовую помощь.

В силу информатизации современного общества радио, телевидение и пресса отошли на второй план, однако для некоторой категории граждан (например, лица пенсионного возраста) данные СМИ являются актуальным источником получения информации, в том числе и правовой.

Также введение режима самоизоляции стал предпосылкой для осуществления юридических консультаций уполномоченными субъектами посредством осуществления телефонных звонков. С данной целью были созданы «горячие линии», где граждане смогут получить ответы на все интересующие правовые вопросы посредством устных консультаций.

На основании всего вышесказанного мы можем констатировать, что сложившаяся ситуация в мире продемонстрировала переход различных сфер жизни в цифровую плоскость. Возникла острая необходимость в организации работы таким образом, чтобы минимизировать вероятность заражения как субъектов оказания юридической помощи, так и граждан, получавших такую помощь, а также в соблюдении баланса между правом на жизнь и охрану здоровья и получением квалифицированной юридической помощи, которые являются фундаментальными конституционными правами человека, не подлежащие отчуждению и ограничению. Перед юристами стоит задача сохранения высокого уровня качества оказываемых юридических услуг и проводимых консультаций в условиях социального дистанцирования.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/52419:1>
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ (с изменениями и дополнениями) URL: <https://internet.garant.ru/#/document/12146661/paragraph/2194/doclist/3413>

Хадускина В.В.

Научный руководитель: Карчевский К.А.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, г. Симферополь*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в тезисах раскрываются актуальные проблемы квалификации преступлений по статье 150 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления). Анализируется действующее законодательство, материалы судебной практики и научные труды. Предлагается внесение изменений в статью 150 УК РФ.

Resume: The report reveals topical problems of qualification of crimes under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation (Involvement of a minor in the commission of a crime). The current legislation, materials of judicial practice and scientific works are analyzed. It is proposed to amend Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation.

В настоящее время преступность несовершеннолетних составляет значительную часть в структуре преступности Российской Федерации. Необходимо отметить, что по состоянию на январь 2021 года каждое двадцать седьмое преступление было совершено несовершеннолетними или при их соучастии [3]. Это связано, в первую очередь, с вовлечением их в совершение преступлений лицами, достигшими возраста 18 лет. Несовершеннолетние, как правило, более подвергнуты влиянию взрослых лиц. Это связано с их особенностями развития, окружением и иными аспектами. Показатель вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность существенным образом возрастает по причинам того, что зачастую лицами, совершающими преступления, выступают несовершеннолетние, не достигшие возраста уголовной ответственности. Совершеннолетние лица, являющиеся организаторами или подстрекателями преступлений, исполнителями которых являются несовершеннолетние, оказывают психологическое влияние на несовершеннолетних путем разъяснений о невозможности привлечения к уголовной ответственности таких лиц в силу не достижения ими возраста уголовной ответственности. Для несовершеннолетних же вовлечение их в совершение преступлений, а также вовлечение в уголовную среду, представляет опасность и влечет возможность причинения вреда их физическому и психическому здоровью.

Средний возраст лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений, составляет 18-24 года. В соответствии со сводными статистическими сведениями о состоянии судимости в России за 2020 год преступления, предусмотренные статьей 150 УК РФ, были совершены 244 лицами в возрасте от 18 до 24 лет, лицами в возрасте от 24 лет до 50 и более в совокупности – 121 преступление [4]. Полагаем, что это связано с тем, что лица данной возрастной категории имеют наибольшее влияние на несовершеннолетних лиц в силу небольшой разницы в возрасте.

Анализируя проблемы противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений, в первую очередь необходимо говорить о латентности данной преступности. Довольно часто при выявлении преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами, остается скрытым факт влияния на несовершеннолетних взрослых лиц.

На несовершеннолетних может оказываться значительное психологическое давление, в связи с чем данные лица могут скрывать факт причастности совершеннолетних лиц к вовлечению в преступную деятельность несовершеннолетних. Соответственно органы предварительного расследования зачастую не производят сбор доказательств виновности совершеннолетних лиц отдельно по статье 150 УК РФ, по причине того, что они сконцентрированы на доказывании по факту совершения данного преступления лишь при установлении факта совместного участия данных лиц с несовершеннолетними в совершении преступления. А факты вовлечения таким образом могут скрываться самими несовершеннолетними или не находить своего подтверждения.

На основе проведенного нами анализа следственно-судебной практики можно выделить:

- Взрослые лица не привлекаются к уголовной ответственности, когда инициатором совершения преступления является несовершеннолетний. Однако квалификация по статье 150 УК РФ необходима, так как лицо способствует совершению преступления путем подыскания способов совершения преступления, а также путем советов и указаний. Соответственно можно полагать, что несовершеннолетнему не удалось бы совершить преступление без помощи лица.

- Квалификация по статье 150 УК РФ также отсутствует, когда между несовершеннолетним и лицом, вовлекающим его в совершение преступления, небольшая разница в возрасте.

- Когда взрослый и несовершеннолетний знакомятся при совершении преступления либо непосредственно перед его совершением (не знают о возрасте друг друга,

при незначительной разнице возраста, что свидетельствует об отсутствии у них предварительного сговора на совершение преступления).

Кроме того, необходимо сказать, что Л.П. Дружинина в своих работах отмечает, что в судебной практике имеются случаи, когда само предложение совершить преступление не расценивалось как вовлечение в силу толкования, которое содержится в п. 42 Постановлении Пленума ВС РФ от 01.02.2011 № 1. Это относится к примерам вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность путем простого предложения об участии в совершении преступления [1, с. 200].

В диспозиции статьи 150 УК РФ указаны варианты вовлечения в совершение преступления одного несовершеннолетнего. Однако нередко лицо вовлекает в совершение преступления несколько несовершеннолетних лиц для того, чтобы совершение предусмотренного преступления было значительно проще осуществить. Совершеннолетнее лицо распределяет роли несовершеннолетних при совершении преступления, определяет степень участия каждого из них, предоставляет в необходимых случаях орудия совершения преступлений и т.д. Соответственно вовлечение нескольких лиц становится более общественно опасным, нежели вовлечение одного несовершеннолетнего. Действующий уголовный закон не содержит такого квалифицирующего признака в статье 150 УК РФ, как вовлечение нескольких несовершеннолетних в совершение преступлений. Предлагается включить такой признак в рассматриваемую статью.

Наличие представленных проблем необходимо рассматривать в аспекте урегулирования уголовно-правовых норм, связанном со степенью общественной опасности деяния, предусмотренного статьей 150 УК РФ. В настоящее время предупреждение преступности несовершеннолетних является важным направлением деятельности правоохранительных органов. Это связано в первую очередь с тем, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики в соответствии с Конституцией РФ. В настоящее время показатель вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность значительно возрастает и при противодействии данной тенденции необходимо учитывать латентность преступности, возраст лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность, а также их взаимоотношения с несовершеннолетними.

Список использованных источников:

1. Дружинина, Л. П. Проблемы квалификации преступлений по статье 150 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления / Л. П. Дружинина // Современные проблемы права: теория и практика : Материалы Всероссийской научно-

практической конференции, Курган, 13 мая 2011 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2011. – С. 198-203.

2. Конищева, Е. М. Проблемы правовой квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / Е. М. Конищева // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 68-7. – С. 24-27.

3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>.

4. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.

Шилова А.Д.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент, Пашнева В.А.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ

Аннотация. В настоящей статье исследуется проблема защиты персональных данных в цифровую эпоху; с точки зрения европейской международной практики и отечественного законодательства анализируется правовая природа и истоки возникновения понятий «цифровые права» и «право на забвение»; обнаруживается ряд противоречий между защитой персональных данных (частным интересом) и публичным интересом (открытость, гласность предоставляемой информации); предлагается дальнейшее совершенствование законодательства в сфере защиты персональных данных, путем нормативного закрепления понятия «права на забвения», а так же возможности введения должности инспектора по защите персональных данных для предотвращения злоупотреблений со стороны недобросовестных участников правоотношений.

Annotation. The problem of personal data protection in digital era is explored in the present paper. The legal nature and origin of concept «digital rights» and «right to be forgotten» are analyzed in terms of international practice and domestic legislation. There are a number of inconsistencies between public interest and personal data protection found in the legislation. It is proposed that further improvement of personal data protection by a clear legislative definition of «right to be forgotten» and establishing a post for inspectors for the protection of personal data. It is part of to prevent abuse of unscrupulous participants in legal relationships.

Современность стремительно развивает информационные технологии и генерирует возникновение новых субъективных прав человека – цифровых прав, к которым в частности относится право на забвение. Однако всеобъемлющая цифровизация создает ряд противоречий между частным (защитой персональных данных) и публичным интересом (открытость, гласность предоставляемой информации). Эти обстоятельства актуализируют необходимость разработки мер по обеспечению защиты персональных данных в сети «Интернет» таких как нормативное закрепление права на забвения, введение должности инспектора по защите персональных данных, для исключения злоупотреблений со стороны недобросовестных участников правоотношений.

Термин «цифровые права» возник недавно в связи с рядом законодательных актов. Так, с 01.10.19 г. в силу вступил ФЗ № 34 (принят ГД 12.03.19 г.), который изменил ч.ч. 1,2 ст. 1124 ч. 3 ГК РФ, итог - закрепление нового объекта гражданских прав – «цифровые права» и легальная дефиниция понятия «цифровые права», в значении: обязательственных и иных прав, отвечающих признакам установленным в законе, условия и содержание которых определяются согласно правилам информационной системы [4]. Правовая природа, этой новой, вводимой категории, в частности определялась в Пояснительной записки проекта ФЗ № 34, где указывалось, что юридическая природа «цифровых прав» (введенная в качестве замены термину «токен») как новой «юридической фикции» близка к правовой природе ценной бумаги» [5]. Заметим, что, международной европейской практикой была выработана, совсем иная трактовка термина «цифровые права», отличная от введенного в отечественную систему права ФЗ №34. Европейская публично-правовая концепция цифровых прав, а так же Internet Rights Charter к базовым цифровым правам человека на сегодняшний день относит, такие права как: право на доступ к интернету, забвение, Интернет-управление, конфиденциальность, наблюдение и шифрование, а так же информированность, защиту, что подкрепляется правом на возможность их реализации [3,9].

В части вопроса возникновения термина «право на забвение» в европейской международной практике, отметим, что впервые данное право упоминается в решении Суда Европейского союза в 2014 году в деле С-131/12 Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костехи Гонсалеса. Этим решением Суда Европейского союза был создан прецедент, предоставивший право физическим лицам на обращение с запросом, например, к таким поисковым системам как «Google», об удалении неточной информации, касающейся сведений о физическом лице из результатов поиска [8]. Правовой основой для решения стала Директива Европейского союза 95/46/ЕС от 24.10.95 г. «О защите прав частных лиц применительно к обработке

персональных данных и о свободном движении таких данных», а так же ст. 7 «Уважение частной и семейной жизни» и 8 «Защита данных личного характера» Хартии Европейского Союза об основных правах»[2].

Позже, в апреле 2016 г. Европейским союзом был принят Общий регламент защиты персональных данных (General Data Protection Regulation), отменивший ранее действующую Директиву Европейского союза 95/46/ЕС, вступивший в силу в мае 2018 г. Он, главным образом, был направлен на усиление и унификацию защиты персональных данных в странах ЕС. В преамбуле 17 «Право на удаление данных (право быть забытым)» Раздела 3 «Уточнение и Удаление данных» Регламента было официально закреплено право на забвение, где декларировалось, что физические лица, в случае наступления одного из указанных в ней оснований вправе требовать от оператора удаления информации об их персональных данных [1]. Впоследствии, аналогичные нормативно правовые акты были приняты в других странах, за пределами ЕС. В частности в РФ, в июле 2015 г., ГД был принят ФЗ № 264, вступивший в силу в январе 2016 г., дополнивший ФЗ №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 10.3. «Обязанности оператора поисковой системы». В законопроекте указанного нормативно-правового акта говорится о его согласованности с решениями аналогичных вопросов в общемировой практики [7]. С этого момента, по требованию физического лица, оператор, был обязан прекратить выдачу сведений нем в поисковой системе Интернет, в случае если, данные сведения являются неактуальными, устаревшими, утратившими свое значение для заявителя. Так же в случае необоснованности отказа в прекращении выдачи ссылок на информацию о физическом лице, оно наделялось правом в судебном порядке посредством подачи искового заявления о прекращении выдачи ссылок на информацию, обжаловать действия оператора [6].

В сфере защиты персональных данных правительством РФ на протяжении длительного времени предпринимало шаги, направленные на их обеспечение. Так, в ноябре 2005 г. ГД был принят ФЗ № 160 «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных». Позже, в июле 2006 г. был принят ФЗ №152 «О персональных данных», с закреплением дефиниция понятия «персональные данные». И наконец, в июле 2013 г. ФЗ № 142 в ГК РФ была введена ст. 152.2. «Охрана частной жизни гражданина», в ч. 4 которой было закреплено прав гражданина на обращение в суд исковым заявлением с требованием об удалении информации о частной жизни, добытой с нарушением действующего закона.

Очевидно, что для дальнейшего совершенствования законодательства РФ в области защиты персональных данных в цифровую эпоху, необходима более детальная проработка

правовой регламентации данной сферы, посредством внесения дополнения в ФЗ №152 «О персональных данных», а так же ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», посредством закрепления понятие «права на забвения» в указанных нормативно-правовых актах, а так же введение должности инспектора по защите персональных данных для предотвращения злоупотреблений со стороны недобросовестных участников правоотношений. Необходимо разрешение противоречий установления приоритета частного или публичного интереса в области осуществления правовой защиты, а также противоречий между защитой персональных данных и свободой, гласностью, открытостью информационно - коммуникационных сетей.

Список использованных источников:

1. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского Парламента и Совета «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46 / ЕС (Общие правила защиты данных)» от 27.04.2016 // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679>. – Режим доступа: свободный.

2. Хартия Европейского Союза «Об основных правах» от 12.12.2007 // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <https://eulaw.ru>. – Режим доступа: свободный.

3. Хартия прав в Интернете Ассоциации прогрессивных коммуникаций от 14.03.2006 // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <https://www.apc.org/en/node/5677/>. – Режим доступа: свободный.

4. «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» № 34-ФЗ от 18.03.2019 [принят Государственной Думой 12 марта 2019 года : Одобрен Советом Федерации 13 марта 2019 года] //Официальный интернет портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru

5. «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» № 424632-7 от 26 марта 2018 //Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

6. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» № 264-ФЗ от 13.07.2015 [принят Государственной Думой 3 июля 2015 года: Одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 года] //Официальный интернет портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru

7. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального

кодекса Российской Федерации» №804132-6 от 29.05.2015 // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

8. Пащенко, И.Ю. Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования/ И.Ю. Пащенко – Текст: электронный// Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016 – № 4 – С. 189-192 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-byt-zabytym-zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt-pravovogo-regulirovaniya>. – Режим доступа: свободный.

9. Рожкова, М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в Российском гражданском праве/ М.А. Рожкова – Текст: электронный// Хозяйство и право. – 2020 – № 10 (525) – С. 3-12 – URL: <https://rozhkova.com/pdf/2020-10.pdf>. – Режим доступа: свободный.

Юрченко С.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сибилева А.Ю.
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена раскрытию ключевых проблем реализации государственного суверенитета в условиях цифровой трансформации. Значительное внимание уделено информационно правовому механизму обеспечения суверенитета государства. А также рассмотрено соотношение государственного и национального суверенитетов в условиях цифровизации.

Annotation. The article is devoted to revealing the key problems of the implementation of state sovereignty in the context of digital transformation. Considerable attention is paid to the information and legal mechanism of ensuring the sovereignty of the state. And also considered the ratio of state and national sovereignty in the context of digitalization.

Изучение трансформации суверенитета государства в условиях цифровизации является актуальной проблемой для научных исследований. Цифровизация основных сфер деятельности государства порождает новые вызовы, угрозы и риски в отношении обеспечения государственного суверенитета.

Процессы глобализации, основанной на информатизации и цифровизации, оказывают серьезное влияние на классическое понимание суверенитета как верховенства государственной власти в рамках физической (географической) территории конкретной страны и ее независимость в рамках международных отношений.

Таким образом, одним из важнейших компонентов государственного суверенитета является его территориальность. Части 1 и 2 ст. 67 Конституции Российской Федерации конкретно обозначают территорию распространения суверенных прав государства [8, ст.67].

Стоит отметить, что в условиях современной глобализации и универсализации нарастает необходимость пересмотра и усиления правовых механизмов гарантии и защиты суверенитета, создание новых механизмов его регулирования, что является наиболее важной проблемой данной темы.

Далее будут подробнее рассмотрены средства обеспечения государственного суверенитета в условиях цифровой трансформации.

В последние годы значительно возрастает значение обеспечения и защиты государственного суверенитета в информационном пространстве. Это делает актуальным его рассмотрение не только как юридического признака государства, но и как элемента системы принципов российского информационного и международного информационного права.

Обеспечение государственного суверенитета в информационном пространстве является системой политических, организационных, правовых, социально-экономических и культурных гарантий его реализации.

Информационно правовой механизм обеспечения государственного суверенитета включает в себя организационные, нормативные, функциональные и инструментально – процедурные элементы, целью работы которых является прогнозирование, а также выявление и предотвращение угроз реализации государственного суверенитета в информационном пространстве.

К организационному элементу относятся соответствующие органы государственной власти, которые осуществляют регулирование информационного пространства, к нормативному – принципы и нормы международного информационного и российского информационного права, к функциональному – информационная функция российского государства и государственная информационная политика, а к инструментально-процедурному соответственно планирование, нормотворчество, правоприменение.

Существует два уровня функционирования информационно правового механизма обеспечения суверенитета государства: международно-правовой и внутригосударственный. Реализация государственного суверенитета происходит посредством информационной функции государства. Стоит определиться с ее значением [5, стр.86].

В современной юридической науке существуют различные подходы к пониманию данной функции. Так, по мнению А.Н. Васениной, информационная функция государства представляет собой «комплексное направление деятельности государственного механизма по обеспечению граждан, их объединений, общества и государства публично значимой информацией посредством ее производства, распространения и контроля в законодательно установленных формах» [5, стр. 86]. В то время как Э.В. Талапина раскрывает содержание информационной функции через определение направлений ее реализации, в том числе создание информации, имеющей государственное значение [5, стр. 86-87].

Таким образом, информационную функцию стоит рассматривать как направление деятельности органов государства по регулированию информационного пространства. Это, прежде всего, законодательное регулирование информационных отношений [4, стр. 51]. Нельзя не отметить, что существует неразрывная связь между реализацией государственного суверенитета в информационном пространстве и информационной функцией государства.

В киберпространстве возникает больше угроз национальным (суверенным) интересам государств, поэтому национального регулирования мало для защиты суверенитета, необходимо осуществлять межгосударственное регулирование. Например, действие ООН или союзов стран со сходными интересами. СНГ является таким союзом [1, стр.230].

В настоящее время действует Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. [7], в рамках которого подготовлена Стратегия сотрудничества в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. [6].

Еще одной проблемой является то, что с помощью цифровых коммуникационных технологий осуществляется целенаправленный подрыв социально-политической стабильности государств, выступающих в качестве геополитических оппонентов.

Такие действия можно рассматривать как вмешательство в суверенные национально информационные пространства и как направления нанесения вреда цифровому суверенитету.

На сегодняшний момент национальный суверенитет государства рассматривается именно в цифровом пространстве, а также играет ключевую роль при обеспечении независимого и успешного развития современных обществ и государств.

При этом, проблема обеспечения цифрового национального суверенитета носит универсальный характер независимо от того в какой сфере жизнедеятельности государств и обществ она рассматривается. Так, отсутствие суверенитета в сфере государственного управления напрямую определяет возможности обеспечения национального суверенитета в политической и социально-экономической областях. Таким

образом, отсутствие суверенитета хотя бы в одной из сфер приводит к десуверенизации всего пространства жизнедеятельности современных обществ и государств [2, стр.6].

По итогам исследования можно сделать вывод о том, что в условиях технологических трансформаций современных государств и обществ сами цифровые технологии и возможности по их использованию становятся важным стратегическим национальным ресурсом. Следовательно, ключевыми задачами любого претендующего на независимость и суверенитет государства в подобных условиях становятся создание, развитие и поддержание функциональности собственных национальных цифровых ресурсов, а также формирование и развитие цифровых компетенций и способностей собственных граждан, а также общественных, социально-экономических, политических, управленческих институтов по применению цифровых технологий в собственных национальных интересах. Например, Российский сегмент сети Интернет является одним из крупнейших в мире. Социальные сети тесно связаны с национальной безопасностью и суверенитетом. С помощью интернет ресурсов страны могут вторгаться в суверенные дела других государств, поэтому важно предпринимать меры по обеспечению безопасности в информационной среде. В России такие меры уже действуют. В 2019 г. был введен новый закон, который создает правовую базу для централизованного управления Интернетом в государственных границах, - Закон о «суверенном Интернете» - неформальное название Федерального закона от 01.05.2019 № 90 – ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10]. Данный закон призван обеспечивать важнейшую правовую базу для создания централизованной системы управления Интернетом со стороны государственной власти.

На данный момент также предпринимаются меры по защите государственного суверенитета. По данным новостного портала РБК, в феврале 2021 года заместитель главы Совета безопасности РФ заявил о готовности России к отключению от глобального интернета. Сейчас в России работают все социальные сети, «но если социальные сети ведут себя недружественным образом, если они не хотят публиковать российскую информацию, если они занимают какую-то недружественную позицию в отношении страны, то у нас есть возможность повлиять на них», - заявляет политик.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что важнейшей стратегией работы «суверенного Интернета» является создание аналогов популярных сервисов. И такие действия уже предпринимаются в России (проводится перезагрузка RuTube, создается собственный интернет).

Также в связи с информатизацией всех сфер жизни общества, возникновением, так называемого, информационного пространства появляются новые меры правового регулирования. Активно развивается тенденция расширения государственного регулирования информационного пространства, увеличение роли информационной функции государства. Это происходит посредством внедрения как внутригосударственных механизмов, так и международно – правового механизма регулирования.

Список использованной литературы:

1. Бурла , В. Цифровизация - фактор трансформации государственного суверенитета как международно-правовой категории в документах ООН и ценности в конституциях государств- членов СНГ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. - №1. – С. 224-232
2. Володенков, С. В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. – 2020. - №4. – С. 3-11
3. Ефремов, А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 1. — С. 201—215.
4. Ефремов, А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. – 2019. – №1. – С. 47- 60
5. Ефремов, А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид.наук / А.А. Ефремов – Москва – 2020. – 418с.
6. Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии сотрудничества государств — участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по ее реализации» // URL://<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT>
7. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. // URL://<http://base.garant.ru/70604710/>
8. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#Ю – 04.07.2020.

9. Красинский, В. В. Защита государственного суверенитета: моногр. / В.В. Красинский. М.: Норма, 2018. С. 69.

10. Федеральный закон от 01.05.2019 №90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/

СЕКЦИЯ 2

Трансформация конституционного права и
избирательного процесса в условиях
цифровой реальности

Виноградов В.А.

д.ю.н., профессор

НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва

**ОБЩЕСТВЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ВЫБОРАМИ В РОССИИ:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2021 ГОДА**

Аннотация: В докладе характеризуются способы применения цифровых технологий в области избирательного права. Проведенный анализ позволил определить основные возможности применения цифровых технологий с точки зрения функциональности и эффективности. При этом исследование было направлено на оценку нормативно-правового закрепления требований по применению цифровых технологий и оценку имеющегося опыта.

В целом тенденция цифровизации в сфере избирательных отношений при проведении выборов как позитивная в силу обеспечения доступа к получению более качественную информацию о процедуре проведения выборов, отслеживании процесса голосования. Однако, при этом необходимо проводить качественную предварительную работу по обоснованию методов и характеристик внедряемой цифровой технологии, а также оценке ее эффективности.

Abstract: The report describes the ways of using digital technologies in the field of electoral law. The analysis made it possible to determine the main possibilities of using digital technologies in terms of functionality and efficiency. At the same time, the study was aimed at assessing the regulatory and legal consolidation of requirements for the use of digital technologies and assessing the existing experience.

In general, the trend of digitalization in the field of electoral relations during elections is positive due to the provision of access to better information about the election procedure, tracking the voting process. However, at the same time, it is necessary to carry out high-quality preliminary work to substantiate the methods and characteristics of the digital technology being introduced, as well as to assess its effectiveness.

Очередной электоральный цикл в условиях пандемии внёс существенные коррективы как в законодательство о выборах, так и в процедуру общественного наблюдения.

Следует говорить о разнонаправленных тенденциях, которые уже сейчас можно констатировать.

Во-первых, увеличение численности наблюдателей.

Так, в 2011 году их число было 260 тыс. человек, в 2016 году – 264 тыс., 2021 г. обещает быть рекордным. Так, Общественная палата уже обучила более 250 тыс. человек (речь идёт и об «общественниках», и о тех, кто пойдёт наблюдателями от партий). Политические партии планируют существенно увеличить число своих наблюдателей. Так, по данным СМИ, речь может идти о 500 тыс. наблюдателей от КПРФ, 97 тыс. – от «Единой России», около 100 тыс. – «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», более 50 тыс. – от ЛДПР.

Следует оговориться, что эксперты отмечают существенное завышение реального числа обученных наблюдателей по оценкам политических партий, но даже при кратном сокращении абсолютных чисел можно говорить о рекордных показателях.

Во-вторых, повышение качества подготовки наблюдателей.

Так, для наблюдателей-общественников была разработана специальная программа подготовки, в которую Высшая школа экономики была активно вовлечена.

22 июля было подписано соглашения о сотрудничестве между факультетом права НИУ ВШЭ и Общественным штабом по наблюдению за выборами в Москве.

Факультет права Высшей школы экономики принял участие в подготовке общественных наблюдателей на выборах в Москве, которые пройдут в сентябре. Преподаватели факультета права ознакомили общественных наблюдателей с изменениями законодательства о выборах, новой формой голосования - дистанционное электронное голосование. Итогом совместной работы стала качественная, основанная на актуальной нормативной базе подготовка большого и профессионального корпуса общественных наблюдателей, представляющих на избирательных участках столицы Общественную палату города Москвы. Более того, наблюдатели также смогут получить помощь и правовую поддержку преподавателей факультета права НИУ ВШЭ в дни голосования посредством обращений через мобильное приложение

Интересно и то, что политические партии помимо традиционных методичек и очного обучения наблюдателей активнее внедряют цифровые решения – например, КПРФ создала цифровую платформу «Красный контроль» с онлайн-обучением и тестированием наблюдателей.

В-третьих, внедрение полноценного института наблюдения за дистанционным электронным голосованием.

Решение подобной задачи на сегодня ни в России, ни за рубежом не является стандартным. В рамках сентябрьского голосования наблюдателями за дистанционным электронным голосованием станут эксперты, так как для такого наблюдения требуется знание информационных технологий (информационных систем, протоколов, математической статистики и пр.). Проблемным в этом аспекте является порядок такого наблюдения и нормативная детализация. В целом в отношении института дистанционного электронного голосования не разрешены многие вопросы, в том числе влияющие на обеспечение соблюдения базовых принципов избирательного права. Видится важным по итогам выборов детализировать правовые нормы и установить исчерпывающим образом порядок такого наблюдения.

В-четвёртых, проблемным является вопрос видеонаблюдения за выборами.

Важно отметить, что с момента его введения на российских выборах не был решён вопрос о юридической значимости записей с таких камер и допустимости их в качестве доказательств в суде. Сформированная судебная практика остаётся неоднозначной.

Новеллой 2021 года явился отказ от онлайн-трансляции для неопределённого круга лиц. Доступ к трансляции будет у избирательных комиссий, политических партий и кандидатов через специализированный служебный портал ЦИК России. Одновременно планируется, что за трансляциями в режиме реального времени можно будет следить в центрах наблюдения при общественных палатах регионов (85 в регионах и один – и на федеральной территории «Сириус»).

Интересен и вызывает беспокойство отказ от сплошной трансляции со всех избирательных участков: из 97 тыс. участков оборудовать камерами для онлайн-трансляций планируется более 50 тыс. участков, то есть чуть более половины.

Связаны эти решения с ограниченным финансированием, с одной стороны, и с длительностью записей – с другой. Трёхдневное голосование требует непрерывного наблюдения.

Примерно на 5,6 тыс. участков установят наблюдение с офлайн-трансляцией и сохранением записей, а более 36,2 тыс. объектов оснастят устройствами с сохранением записей в течение одного года.

По данным ЦИК России, охват избирателей видеонаблюдением составит 98%.

Для политических партий будет выделено не менее пяти аккаунтов для просмотра видеотрансляции при одновременном просмотре данных с четырёх участков. Иными словами, одновременно политическая партия сможет следить всего за 20 участками.

При этом для центров наблюдения количество аккаунтов не ограничено.

По экспертным оценкам, сплошная массовая трансляция стоила бы на 20-30 млрд рублей дороже.

Видится важным в будущем вернуться к практике массовой трансляции со всех избирательных участков в режиме реального времени.

В-пятых, политические факторы и пандемия повлияли на объективное сокращение возможностей приглашения международных наблюдателей.

Так, из-за эпидемиологической ситуации и в связи с рекомендациями Роспотребнадзора был установлен лимит на число наблюдателей от всех структур — 180 человек. По этой причине, в частности, ОБСЕ вовсе не планирует направлять наблюдателей.

Грядущие выборы покажут новые векторы развития общественного наблюдения на выборах, а повышение его эффективности – важная регуляторная и методологическая задача.

Сибилева А.Ю.

к.ю.н., доцент

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной работе рассмотрены особенности такого нового социально - правового явления на сегодняшний день как цифровизация местного самоуправления. Была подтверждена актуальность рассматриваемой проблематики, а также возможность и необходимость сравнительно-правового и аналитического метода регулирования и рассмотрения проблемных вопросов. Реализован комплексный анализ законодательства Российской Федерации в рамках рассматриваемой темы. Была поднята проблема отсутствия фактической обеспеченности техническими инновациями некоторых населенных пунктов, а также возможные причины данного негативного явления. Были предложены меры по решению выше озвученных проблем.

Annotation. This work considers the features of such a new socio-legal phenomenon today as the digitalization of local self-government. The relevance of the issue under consideration was confirmed, as well as the possibility and necessity of a comparative legal and analytical method of regulating and addressing problematic issues. A comprehensive analysis of the legislation of the Russian Federation within the framework of the topic under consideration has been implemented.

The problem of the lack of actual availability of technical innovations in some settlements was raised, as well as the possible causes of this negative phenomenon. Measures were proposed to solve the above-mentioned problems.

XXI век по праву признан эрой цифровых технологий. Ранее непостижимый и, затем, всеобъемлющий процесс компьютеризации социума был смещен на второй план информатизацией, и, на текущий момент, цифровизацией, плотно укоренившейся во всех сферах общественной жизни. Безусловно, данный процесс не обошел стороной и управленческую составляющую жизни общества, породив столь актуальное на сегодняшний день направление в области правовых исследований – цифровизация местного самоуправления. С целью раскрытия сущности рассматриваемого явления, прежде всего, необходимо определить, что под собой подразумевает термин «цифровизация», в том числе, в трудах известных исследователей права.

По мнению Кулагина В.А. «цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни: промышленность, экономику, образование, культуру, обслуживание и т.п.» [8]. Шерстобитов С.П. утверждает, что «цифровизация – процесс перехода предприятия или целой экономической отрасли на новые модели бизнес-процессов, менеджмента и способов производства, основанных на информационных технологиях» [9].

На законодательном уровне понятие впервые нашло закрепление в Стратегии развития информационного общества в России на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [5]. В результате проведенного анализа видится, что цифровая экономика – это системный подход к использованию цифровых ресурсов, внедрение автоматизированных систем управления в среду организации деятельности граждан, обеспечивающую самостоятельное решение населением вопросов местного значения, исходя из интересов всех жителей данной территории.

2020 год ознаменовал себя появлением новой коронавирусной инфекции, более известной, как пандемия COVID-19, ставшей глобальной проблемой всего человечества. Эпидемиологическая ситуация вынудила правительства стран всего мира применять чрезвычайные меры с целью предотвращения распространения инфекции, в частности, объявление карантина, обязательной самоизоляции. Видится, что возложенная

правительством РФ обязанность соблюдения дистанционных ограничений между людьми, пребывание в условиях вынужденной самоизоляции граждан, в совокупности послужили мощным толчком к становлению цифровизации как магистрального направления развития в государственном и муниципальном управлении.

На сегодняшний день правопреемницей данной программы является ныне функционирующая национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», планируемая к реализации на период с октября 2018 года по 2024 год включительно. В рамках рассматриваемой темы интерес представляет не вся программа в целом, а лишь ее отдельный федеральный проект (один из шести): «Цифровое государственное управление». Как следует из паспорта проекта, последний направлен на предоставление гражданам и организациям доступа к приоритетным государственным услугам ...» [6].

Параллельно реализуемому проекту «Цифровое государственное управление» Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации была представлена концепция «Сервисного государства» - версия 2.0. Как уточняется, одним из основных принципов существования цифрового государства является полное отсутствие документов в их физическом облике (на материальных носителях), исключение составляют лишь документы, удостоверяющие личность гражданина [2]. Видятся неоспоримые преимущества данного подхода, среди которых следует отметить упрощение, прежде всего, для самих граждан, процесса взаимодействия с государственными и муниципальными органами.

Говоря о текущих планах в сфере цифровизации, можно сказать, что во многих отраслях будущее уже наступило. Ярким примером являются индивидуальные и коллективные обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления, осуществляемые на текущий момент не только в личном порядке, но и при помощи электронного документооборота. При том, даже способы дистанционной подачи обращений могут кардинально различаться между собой. Удачная, на наш взгляд, классификация таких способов была приведена А.В. Савоськиным. Он выделил четыре пути «электронного взаимодействия»: «Первый ... направление жалобы по электронной почте, второй - направление жалобы посредством электронной приемной официального веб-сайта органа власти в Интернете, третий - через специализированные государственные интернет-порталы, четвертый (и наименее используемый) - направление обращений через специальные электронные терминалы ...» [4, с. 12].

Несмотря на все преимущества электронного документооборота, существуют и определенные недостатки. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 02.05.2006 N 59- «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: «В обращении

гражданин обязан указать свою фамилию, имя, отчество, адрес электронной почты, на который следует отправить ответ, и уведомление о переадресации обращения» [7]. Исходя из смысла рассматриваемого положения у гражданина отсутствует возможность подать обращение (жалобу) анонимно. Считаем, что возможность анонимного обращения должна являться важным преимуществом электронного документооборота перед материальным, т.к. возможны ситуации, когда лицо, по тем либо иным причинам не желает раскрывать свою личность, при этом, остро нуждаясь в помощи и поддержке. В связи с вышеизложенным, видится целесообразным внесение изменений в положения ч. 3 ст. 7 Федерального Закона № 59 касательно общеобязательности предоставления своих персональных данных (фамилия, имя, отчество).

На сегодняшний день электронные обращения граждан в государственные и муниципальные органы не являются единственным дистанционным способом выражения мнения о насущных проблемах. Огромную популярность приобрели различные социальные сети (Вконтакте, Facebook, Одноклассники, Instagram и многие другие), в которых граждане создают множество тематических групп, где и обсуждают волнующие их вопросы. Практически в каждом населенном пункте создана своя группа «Черный список (название города)», в котором местные жители, зачастую, путем прямого обращения к Администрации города, просят провести проверку, отреагировать на нарушения по текущим проблемам. В пользу органов муниципалитета стоит отметить, что последние, в большинстве своем, действительно реагируют на подобные обращения должным образом. Рассматриваемые новые цифровые методики, по общепризнанному мнению, становятся незаменимой действительностью современного мира. Однако, как показал опыт их внедрения, в частности, в период самоизоляции, текущий формат дистанционного порядка взаимодействия граждан с органами власти не только несовершенен, но и, зачастую, невозможен. Российская Федерация является федеративным государством с огромной по площади территорией, в связи с чем неравномерна и обеспеченность граждан технологическими инновациями. Наиболее важный аспект в данном случае – необходимость сохранения принципа доступности реализации местного самоуправления для граждан. Видится, что цель может быть достигнута в двух направлениях.

Первый вариант – использование зарубежного опыта в части технического обеспечения. Показательным в этом вопросе, как видится, является Китай. Так, в 2012 году в Китае являлся план создания проекта «три звена и две платформы» в качестве отправной точки нового этапа реформирования. «В связи с этим необходимо было создать общедоступную широкополосную сеть для школьных коммуникаций, классы с хорошей

материально-технической базой и основу интернет-обучения («три звена»), а также единую платформу государственных услуг («две платформы»)» [3].

Второй вариант - более примитивный, но, при этом, менее затруднительный - учет наличия либо отсутствия доступа к Интернету, а также общего уровня компьютерной грамотности местных жителей всех населенных пунктов РФ. На основе полученных данных необходимо в каждом отдельном случае принимать решение касательно целесообразности перевода граждан при общении с муниципальными органами в режим электронного документооборота и общего цифрового взаимодействия.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) / Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 141.1
2. Концепция «Сервисного государства» - версия 2.0 - [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38530/>
3. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26– 27 сентября 2019 г. [Текст] / А. Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др. ; отв. ред. И. В. Дворецкая ; пер. с кит. Н. С. Кучмы ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».— М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 155 с.
4. Савоськин А.В. Способы подачи электронных обращений в России (проблемы правового регулирования и практики) // Информационное право. 2016. N 3. С. 12 - 16.
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» - [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>
6. Федеральный проект «Цифровое государственное управление // Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 " 16) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/f05d0fbd6790b028a40710fe13b0bdce19c9d024/
7. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» - [Электронный ресурс]. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/c75556cf6fc05793e3c6315a7101fb59e6af9b02/

8. Цифровизация и ее место в современном мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gd.ru/articles/10334-tsifrovizatsiya>

9. Цифровизация экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.samag.ru/uart/more/67>

Анохин А.Н.

к.ю.н., доцент

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь*

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы исследования конституционных основ системы публичной власти в Российской Федерации. Акцент сделан на вопросах организации системы публичной власти в условиях действующей конституционной модели. Показана системообразующая роль Государственного Совета Российской Федерации в строительстве и координации деятельности субъектов системы публичной власти. Подчеркивается интеграционная роль Президента Российской Федерации в механизме данной системы.

Abstract: The article deals with the problems of studying the constitutional foundations of the system of public relations in the Russian Federation. The emphasis is placed on the problem of the organization of the system of public relations in the terms of the current constitutional model in Russia. The study shows the leading role of the State Council of the Russian Federation in the construction and coordination of the activities of the subjects of the public relations system. The integration role of the President of the Russian Federation in this system mechanism is emphasized.

Одним из важнейших достижений Конституции Российской Федерации 1993 года является закрепление институтов народовластия, признание Российского государства в качестве демократического, правового. В рамках выделения видов власти народа, Конституция Российской Федерации закрепляет государственную и муниципальную власть, без их нормативного определения как единой системы публичной власти. Вместе с тем, в юридической литературе активно разрабатывалась концепция публичной власти, ее

понимание как подсистемы единой системы власти народа, куда в качестве системообразующего фактора входит учредительная власть народа, воплощенная в Преамбуле Конституции Российской Федерации и провозглашающая статус государственной и муниципальной власти [1, с.3 – 11; 2, с.82 - 134].

Следует отметить, что в условиях интенсивной цифровизации государства и общества, осознания необходимости создания системы цифрового управления обществом, возникает настоятельная потребность исследования проблем сочетания демократии как власти народа, и использования искусственного интеллекта, в качестве инструмента осуществления власти в форме цифрового воздействия. Суть проблемы состоит в технологических возможностях искусственного интеллекта адекватно воспринимать и реализовывать потенциал действующих институтов власти. Соответственно, основой исследования возможностей цифрового управления обществом выступает научно разработанная и нормативно закреплённая модель системы публичной власти.

Важно указать, что в новой редакции Конституции Российской Федерации [3], были установлены положения, относящиеся к организации и системе публичной власти, ее конкретизации в условиях действующей конституционной модели. Так, в соответствии с пунктом «г» статьи 71 Конституции Российской Федерации сфера организации публичной власти отнесена к ведению Российской Федерации. Это свидетельствует о важности регулирования данных вопросов на общефедеральном уровне и их приоритетности с позиций необходимости усиления тенденций централизации в построении и организации единой системы публичной власти.

Исходя из данной концептуальной логики, непосредственная деятельность по организации публичной власти должна быть передана такому институту государства, который бы интегрировал в себе (замыкал) всю систему государственной власти и в целом государственное управление обществом. Подобную роль в рамках действующей конституционной системы выполняет Президент Российской Федерации - глава государства (пункт 1 статьи 80 Конституции РФ), выступающий в условиях Российского государства объединяющим фактором в формировании и функционировании общей конструкции государственно – организованного общества.

Поэтому в соответствии с пунктом 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации в установленном Конституцией РФ порядке обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Согласно статье 2 Федерального Закона «О Государственном Совете Российской Федерации»[4], под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти

субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и установленного на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно – правового, функционального и финансово – бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально – экономического развития государства.

В научно – практическом Комментарии к Конституции Российской Федерации, под редакцией Председателя Конституционного Суда РФ Зорькина В.Д., подчеркивается, что статья 80 Конституции Российской Федерации возлагает на Президента Российской Федерации ряд функций, доминирующее место в числе которых имеет интеграционная. Указанная функция проявляется в различных аспектах. Во – первых, в самом словосочетании «глава государства» содержится указание на то, что Президент Российской Федерации как неколлегиальный и первый в конституционной системе власти орган олицетворяет единство и целостность Российского государства и политическое единство общества, а его полномочия служат для выражения и обеспечения этого единства. Во – вторых, указанная функция проявляется в том, что Президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Глава государства не только выступает воплощением единства власти, но и выполняет координирующую функцию [4, с.688].

Следовательно, в системе публичной власти Президент Российской Федерации выступает системообразующим фактором, координирующим, стабилизирующим и развивающим систему публичной власти, обеспечивающим ее полноту, единство, целостность. Однако, для успешного осуществления этой деятельности, Президент Российской Федерации должен обладать эффективным вспомогательным механизмом подобного системообразования. В качестве такого механизма конституционно учрежден специальный государственный орган – Государственный Совет Российской Федерации.

В пункте «е 5» статьи 83 Конституции Российской Федерации установлено, что Президент Российской Федерации формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально – экономического развития государства.

Более конкретизировано, целью создания Государственного Совета Российской Федерации является его участие, в пределах компетенции, в разработке стратегических задач

и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации, в формировании государственной политики в области социально – экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, способствованию согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти (статья 3 Закона).

Следовательно, функционально – целевое назначение данного органа состоит в его служебном, по отношению к Президенту Российской Федерации, характере, вспомогательном участии в осуществлении интегративной, координационно – стабилизирующей роли главы государства.

В контексте изложенного, важно подчеркнуть, что строение Государственного Совета Российской Федерации, закрепленное в рассматриваемом Законе, структурно воспроизводит модель системы публичной власти, с указанием в ней системообразующих места и роли Президента Российской Федерации. Согласно статье 7 Закона, в состав Государственного Совета входят Председатель Государственного Совета и члены Государственного Совета. Статья 8 Закона устанавливает, что Председателем Государственного Совета является Президент Российской Федерации. Председатель Государственного Совета: 1)осуществляет руководство деятельностью Государственного Совета; 2)определяет место и время проведения заседаний Государственного Совета и его Президиума; 3)председательствует на заседаниях Государственного Совета и его Президиума; 4)формирует план работы Государственного Совета и повестку дня его очередного заседания; 5)назначает Секретаря Государственного Совета из числа членов Государственного Совета; 6)решает иные вопросы деятельности Государственного Совета.

Статья 9 Закона определяет членов Государственного Совета: Председатель Правительства Российской Федерации, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Государственной Думы Российской Федерации, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). По решению Президента Российской Федерации в состав Государственного Совета могут быть включены представители политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, представители местного самоуправления. По решению Президента Российской Федерации в состав Государственного Совета также могут быть включены иные лица.

Для решения текущих вопросов деятельности Государственного Совета формируется Президиум Государственного Совета. Персональный состав Президиума Государственного Совета определяется Председателем Государственного Совета (пункты 1,2 статьи 10 Закона).

Итак, изложенное свидетельствует, что в Российской Федерации продолжается процесс институционального оформления системы публичной власти. Публичная власть получила развитие именно как системное образование, призванное привести в две подсистемы: государственной власти и муниципальной власти (местного самоуправления) такие общесистемные качества как интегративность, целостность, единство, полноту. Такое преобразование государственной и муниципальной власти в единую публичную власть, может быть обосновано, как уже отмечалось выше, производностью этих видов власти от исходной, единой власти народа России – учредительной власти, воплощенной в Конституции Российской Федерации и способной не только учреждать, но и модифицировать и корректировать различные конституционные положения.

В условиях современной глобальной трансформации (перезагрузки) всех сфер жизнедеятельности, реальных угроз суверенитету народов и государств, возникла настоятельная необходимость концентрации и централизации всего властного потенциала, его мобилизации для эффективного решения и предотвращения возможных негативных вызовов.

Список использованной литературы:

- 1.Анохин А.Н. Методологические основы исследования системы власти народа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. Т.6 (72). №1. – С.3 – 11.
- 2.Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 496с.
- 3.Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва : Проспект, 2020. – 64с.
- 4.Комментарий к Конституции Российской Федерации /под ред. В.Д. Зорькина. – 3 – е изд., пересмотр. – М.: Норма : ИНФРА – М, 2013. – 1040с. .html
- 5.Федеральный Закон от 8 декабря 2020г. №394 – ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» - Российская газета – rg.ru/2020/12/11/gossovet-dok).

Волошина Е.Р.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Адельсеитова А. Б.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского»,

Россия, г.Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы внедрения институтов цифровизации в избирательный процесс. Анализируются правовые проблемы их внедрения как в России, так и в зарубежных странах. Проводится сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта использования новейших технологий в институте выборов.

Annotation. This article discusses the issues of introducing digitalization institutions into the electoral process. Legal problems of their implementation both in Russia and in foreign countries are analyzed. A comparative analysis of domestic and foreign experience of using the latest technologies in the institution of elections is carried out.

Эпоха цифровизации все активнее внедряется в политические процессы. Современные институты конституционного права как в России, так и в зарубежных странах стремительно развиваются. Избирательный процесс, как главный элемент конституционного права, подвергается активному влиянию со стороны цифровых технологий. [1, с. 479]

Избирательный процесс, в целом, представляет собой основные этапы организации и проведения выборов. Институт свободных выборов – это главный элемент демократического государства. Однако в современном мире для того, чтобы в полном объеме обеспечить принципы демократичных выборов, необходимо всецело внедрять продукты цифровизации, т.к. именно они обеспечивают быстроту избирательного процесса. [6, с. 84] Новейшие технологии определяют наиболее благоприятные условия для реализации гражданами своих избирательных прав, а также повышают точность результатов выборов.

В международном сообществе активно используют три группы технологий избирательного процесса: средства дистанционного голосования, комплекс обработки избирательных бюллетеней, а также комплекс для электронного голосования. Таким образом, можно утверждать, что международное сообщество одобрительно относится к внедрению технологий, упрощающих избирательный процесс и повышающих точность его результатов. [5]

Особое внимание хотелось бы уделить опыту более развитых стран. Электронное голосование повсеместно применяется в США, Великобритании, Канаде, Швейцарии и ряде других стран. Однако, в каждом государстве есть свои особенности внедрения

информационных технологий. Так, в Великобритании голосование происходит посредством мобильных телефонов, в США, Канаде и Эстонии голосование происходит с помощью электронных дисков для голосования, в Швейцарии же посредством ID-карт. [4]

Основной проблемой внедрения новейших технологий в избирательный процесс международного сообщества является относительно долгое формирование международных стандартов. Они могут отставать от национального законодательства развитых стран. Однако, на сегодняшний день существует тенденция «мягкого» подхода международных объединений к определению мировых стандартов в области цифровизации избирательного процесса, т.е. международные стандарты на данном этапе и в этой сфере являются более «гибкими». [2, с. 135]

Предлагаем разобрать законодательное закрепление цифровизации избирательного процесса в зарубежных странах. Исторически первым государством, которое применило электронное голосование было США. В 2002 году в США был принят федеральный закон «Help American Vote» («НАВА»). Данный закон предусматривал, что к 2006 году все избирательные участки должны быть переведены на электронную систему голосования. Однако, это не касалось тех штатов, которые голосуют по почте. Несмотря, на выраженные преимущества, многие избиратели настаивали на необходимости наличия бумажного бюллетеня, дабы избежать фальсификации. Также США одними из первых провели интернет-голосование, в рамках федеральной программы Federal Voting Assistance Program. Программа подразумевала проведение предвыборной агитации в сети Интернет. Кроме того, в штате Аризона на основе предложенной федеральной программы были проведены выборы посредством Интернета. Примеру этого штата последовала и Калифорния. На данный момент выборы посредством интернет-голосования сертифицированы в 40 штатах США. Однако, широкой популярности дистанционное голосование не получило, т.к. нет возможности всецело контролировать систему от взломов [4] На сегодняшний день в США действует Национальная служба по избирательному управлению, которая призвана обеспечивать федеральную программу «НАВА», а именно сбор информации и анализа процедур в отношении проведения федеральных выборов, что подкреплено законом о федеральной избирательной кампании от 1971 года. [7] В целом, оценивая правовую регламентацию законодательства США о избирательном процессе, можно говорить о том, что США находятся на этапе совершенствования процесса выборов, повышения его эффективности и внедрения новейших технологий. Национальная служба по избирательному управлению старается наиболее эффективно внедрить цифровизации в избирательный процесс, сохраняя при этом основополагающие принципы демократии.

Отдельное внимание хотелось бы уделить внедрению продуктов цифровизации в институт выборов в России. Такую интеграцию технологий в избирательный процесс в РФ связывают с утверждением государственной автоматизированной информационной системой Российской Федерации «Выборы» (Далее – ГАС «Выборы»), которая была учреждена Указом Президента от 1994 г. Первоначально эта система использовалась для обработки протоколов избирательных комиссий и передачи их в вышестоящие органы, однако на сегодняшний день ГАС «Выборы» используют в качестве нормативного информационного источника для подготовки к выборам. На сегодняшний день правовое положение ГАС «Выборы» и ее ресурсов определено федеральным законодательством Федеральным законом «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы”» от 2003 года, Федеральными законами «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 2006 года, который подразумевает общедоступность информации, возможность обмена информации через электронные носители и в форме электронных документов, и «Об электронной подписи» от 2011, который признает возможность использования электронных подписей, постановлениями Правительства РФ и нормативными правовыми актами ЦИК России. На основании представленных федеральных законов можно сделать вывод о обособленности ГАС «Выборы» от сети Интернет, однако это не значит, что информация, размещенная в системе, недоступна для граждан. Информация, содержащаяся в ГАС «Выборы», в целом может быть размещена на официальных сайтах и порталах, она может включать в себя следующие сведения: информацию о итогах проведения выборов, актов определяющих правовое положение выборов, информацию связанную с деятельностью избирательных комиссий и т.д. [8] Дальнейшее развитие институтов информатизации в избирательном процессе России связано с внедрением комплексов обработки избирательных бюллетеней и комплексов электронного голосования. Порядок их использования регламентируется инструкциями Центральной избирательной комиссии. В значительной степени такие меры освобождают членов избирательной комиссии от ручной работы, что в свою очередь ускоряет избирательный процесс. [3, с. 104, 109] Известен опыт проведения дистанционного голосования в России на выборах депутатов Московской городской думы в 2019 году. Результаты этих выборов носили не только экспериментальный характер, но и практически-юридический, т.к. они обязательны в силу Федерального закона «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» от 2019 года. [3, с. 105, 110]

В России в недавнем времени было проведено масштабное тестирование дистанционного электронного голосования на выборах в Государственную Думу VIII созыва.

Центральной избирательной комиссией была сформирована территориальная избирательная комиссия дистанционного электронного голосования. Экспериментальное внедрение дистанционного электронного голосования проводилось на территории шести субъектах: в Курской области, Мурманской области, Нижегородской области, Ростовской области, Ярославской области, в городе федерального значения Москве и городе федерального значения Севастополе. [9] Однако, по мнению членов территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования, результаты, полученные дистанционным голосованием, были приняты с нарушением принципа тайны голосования и принципа свободы выборов. Принимая во внимание вышеизложенное, для дальнейшего проведения дистанционного голосования необходимо более детальное правовое регулирование и техническое совершенствование средств дистанционного голосования. В целом, законодательство Российской Федерации отражает тенденции развития избирательного процесса, однако внедрение новейших технологий в России находится на стадии эксперимента.

Один из наиболее современных институтов цифровизации в избирательном процессе – это дистанционное голосование. Оно представляет собой специальные средства в сети Интернет, способствующие реализации пассивного избирательного права граждан. [5] Дистанционное голосование является самым современным институтом, поэтому на пути его внедрения встречаются некоторые трудности: невозможность в полном объеме обеспечить тайность голосования и защитить информацию от взломов. Поэтому как в России, так и в зарубежных странах дистанционное голосование не получило широкой распространенности. [1, с. 481]

Проводя параллель между Россией и зарубежными странами в вопросе цифровизации избирательного процесса, можно говорить о том, что новейшие технологии в значительной степени упрощают избирательный процесс, снижают затраты государства на проведение выборов, способствуют эффективной реализации избирательных прав граждан. Но отечественный и зарубежный опыт показывает, что существуют проблемы внедрения новейших технологий в избирательный процесс, что выражено в невозможности на международном уровне унифицировать стандарты использования продуктов информатизации. Также несомненно в зарубежных странах на национальном уровне происходит повышение эффективности новейших технологий, тенденции на защиту персональных данных избирателей и сохранения тайности голосования как путем законодательного закрепления требований, так и использованием обновленных вариантов технологий, в то время как в России использование продуктов цифровизации находится на стадии эксперимента, что подтверждает федеральное законодательство.

Список использованных источников:

1. Берлявский Л. Г. Избирательные права в цифровую эпоху / Л. Г. Берлявский, А. В. Махова // Юридическая техника – 2021. – №15. – С. 478 – 483.
2. Борисов И. Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов / И. Б. Борисов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 1. – С. 124 – 139.
3. Колюшин Е. И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов / Е. И. Колюшин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина – 2019. – №9. – С. 103 – 113.
4. Миков П. В. Цифровизация избирательного процесса // Конгресс ученых-юристов – 2018.
5. Никитина А. Ю. Перспективы инновационной модернизации избирательного процесса / А. Ю. Никитина // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика – 2015. – №17.
6. Фомина М. Г. Избирательный процесс в современной России: политико-правовые алгоритмы формирования / М. Г. Фомина // Среднерусский вестник общественных наук – 2008. – №3(8). – С. 84 – 88.
7. Federal Election Campaign Act : FECA, Pub.L. 92–225, 86, 1971. Stat. 3.
8. Федеральный закон от 10 января 2003 года № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»» // Собрание законодательства РФ. - 13.01.2003. - № 2. - ст. 172.
9. О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года : Постановление Центральной избирательной комиссии от 25 мая 2021 года №7/49-8 // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/documents/2021/05/25/49340.html>
10. Керимханова А. С. Особое мнение о Протоколе территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования об итогах дистанционного электронного голосования // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://cikrf.ru/analog/edinyden-golosovaniya-2021/distantcionnoe-elektronnoe-golosovanie/>

Денифостова Е.И.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сибилева А. Ю.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, ПОПЫТКИ И УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ЭЛЕКТРОННОМУ ГОЛОСОВАНИЮ

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу процесса внедрения дистанционных технологий голосования в избирательный процесс в РФ в целях повышения эффективности обновления выборных органов власти и государственного управления. Проведен анализ сущности электронного голосования и судебной практики, складывающейся в связи с электронным голосованием.

Abstract: This article is devoted to the analysis of the process of introducing remote voting technologies into the electoral process in the Russian Federation in order to improve the efficiency of updating elected authorities and public administration. The analysis of the essence of electronic voting and judicial practice emerging in connection with electronic voting is carried out.

Введение. В последние десятилетия в промышленно развитых странах мира, включая Россию, наблюдается тренд цифровизации экономики, государственного управления и общества в целом. В условиях непрекращающейся пандемии актуальным стало использование современных электронных технологий непосредственно в процессе волеизъявления избирателей. Целью настоящего исследования является выявление возможностей использования дистанционного формата голосования избирателей на основе анализа практики электронного голосования.

Сущность информатизации избирательной системы и электронного голосования. В зарубежных странах (США, ФРГ, Великобритания, Франция, Бразилия и др.) стационарное электронное голосование давно стало привычной процедурой, тогда как дистанционная форма голосования применяется не так часто, как правило, ввиду технической невозможности обеспечить абсолютную информационную безопасность. Единственной страной в мире, где при проведении общенациональных выборов успешно применяется дистанционное электронное голосование, является Эстония [4, с. 479].

Как представляется, тренд цифровизации голосования на выборах имеет объективное основание. ГАС «Выборы» используется в нашей стране с 1996 г. Базируясь на различных программных продуктах, она постоянно развивается, как по содержательному наполнению, так и функционально. При помощи ГАС «Выборы» существенно снизилась необходимость ручного труда при обработке выборной документации. Логичным шагом в дальнейшем представляется использование электронного голосования.

Возможность использования дистанционного электронного голосования в настоящее время предусмотрена п. 14 ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1], согласно которому в случаях, определяемых Центральной избирательной комиссией (ЦИК) избиратели или участники референдума должны иметь возможность проголосовать по почте либо посредством дистанционного электронного голосования. Легальное определение дистанционного электронного голосования вышеуказанным законодательным актом не закреплено, однако, в п. 1.2 Порядка дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19.09.2021 [2] установлено, что под дистанционным электронным голосованием следует понимать голосование без использования изготовленного на бумажном носителе избирательного бюллетеня, с применением специального программного обеспечения, которое установлено на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования, доступ к которому избирателю предоставляется на специальном портале, размещенном в телекоммуникационной сети Интернет.

Общепризнанным преимуществом дистанционных технологий является их максимальная доступность для граждан, электронное голосование подходит даже маломобильным категориям граждан, которые не могут явиться лично на избирательный участок, будучи ограниченными в свободе передвижения в силу состояния здоровья и иных жизненных обстоятельств, в частности, для граждан с ограниченными возможностями здоровья, пенсионеров, лиц, проживающих не по месту постоянного жительства, молодых мам, находящихся в декретном отпуске, и др. Также электронное голосование находит свое применение в условиях расширения антикоронавирусных мер. Электронное голосование экономит время и позволяет избирателю проголосовать из любой точки планеты, когда он располагает компьютером, телефоном и доступом к сети интернет [5, 32].

Впервые в российской выборной практике электронное голосование в порядке эксперимента было проведено в 2019 г. в столице, когда в трех округах г. Москвы были проведены выборы депутатов Московской городской думы (Мосгордума). Спустя год был принят Федеральный закон от 23.05.2020 № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве», которым определен круг полномочий ЦИК России при назначении выборов с использованием электронного голосования [3].

Анализ статистики онлайн-голосования на выборах в Мосгордуму в 2019 году показал, что явка электронных избирателей составила 92,3 %, то есть не проголосовали менее 10% зарегистрировавшихся пользователей. Наблюдения свидетельствуют о том, что процент неявки для дистанционного голосования в среднем не превышает 10%, так согласно

опубликованной статистике, в 2020 году в голосовании по поправкам в Конституцию РФ приняли участие 96,3 % зарегистрированных электронных избирателей, а в выборах муниципальных депутатов в Марьино и Бабушкинском районе столицы — 92 % [6].

С 17 по 19 сентября 2021 г. прошли выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания РФ, также в ряде столичных районов выбирались депутаты Мосгордумы, а в Щукино прошли муниципальные выборы. Одной из доступных избирателям форм голосования вновь стала процедура онлайн-выборов. Согласно сведениям, размещенным на Официальном сайте Мэра Москвы, в настоящее время в столице свыше 4,6 млн. жителей из 12,6 млн. (36,5% населения) оформили полную учетную запись на сайте mos.ru, то есть потенциально они имели возможность участвовать в голосовании в дистанционном формате. Однако, по факту зарегистрировались с данной целью в сентябре 2021 г. 2,3 млн. москвичей, то есть половина обладающих такой возможностью или 18,3% населения мегаполиса [6].

Позитивным моментом является не прекращающееся совершенствование интерфейса портала голосования. К примеру, в программу была включена функция «Отложенное решение», которая позволяет избирателю вернуться к бюллетеню, если в момент голосования, к примеру, он по субъективным или техническим причинам не смог выразить свое волеизъявление. Очевидным плюсом является то, что система электронного голосования адаптирована для голосовых помощников, могут использоваться скринридеры, текст может быть сильно контрастным, что в совокупности позволяет голосовать самостоятельно слабовидящим избирателям.

Новеллой голосования в сентябре 2021 г. стал обновленный сервис для наблюдения за онлайн-голосованием (обзервер), который способствует усилению прозрачности выборных процедур.

Интересным представляется анализ судебной практики по оспариванию правовых актов о дистанционном голосовании и результатов электронного голосования. Она относительно малочисленна и свидетельствует, как представляется, о том, что суды склонны рассматривать такие иски исключительно с формальной стороны. Так, к примеру, анализ Апелляционного определения № 5-АПА19-93 [7], которое было вынесено 6.08.2019 г. Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ, показывает, что апелляционная жалоба Ульяновченко И. В. на решение Московского городского суда об отказе ему в удовлетворении административного иска о признании недействующим решения Московской городской избирательной комиссии от 18.07.2019 г. «Об утверждении Положения о порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» была отклонена исключительно на том

основании, что оспоренное Положение не может затронуть интересы заявителя, поскольку тот зарегистрирован в округе, в котором эксперимент по дистанционному электронному голосованию не проводится. Таким образом, первая и проверочная инстанция просто проверили факт регистрации заявителя по месту жительства, что позволило им не высказываться по существу оспоренного Положения.

Сходный подход наблюдается и в связи с электронным голосованием на выборах в ГД ФС РФ в 17-19.09.2021. Всего в связи с прошедшими выборами представителями КППФ были поданы 30 исков. Пресненским судом 21.10.2021 г. уже были отклонены иски трех кандидатов в депутаты от КППФ А. Гребенника, И. Суханова и В. Рашкина, которые оспаривали итоги дистанционного электронного голосования в Москве, указывая на его непрозрачность. Данные решения пока не опубликованы, однако, известно, что судом были отклонены все вопросы, связанные с особенностями онлайн-голосования, и фактически все свелось к проверке итоговых протоколов, по аналогии с обычным голосованием [8]. То есть, судебной практики, непосредственно касающейся дистанционной формы голосования, на сегодняшний день не сложилось в силу консервативности судебной системы. Эта ситуация может быть преодолена только путем обозначения позиции высшей судебной инстанции по вопросам электронного голосования.

Таким образом, можно сделать вывод, что внедрение дистанционной формы голосования имеет ряд преимуществ, однако, потребуются переосмысление избирательного процесса и создание новых механизмов обеспечения гарантий избирательных прав граждан. Основная проблема на сегодняшний день заключается в гарантированном обеспечении идентификации участников голосования, их анонимности и исключении возможностей как незаконного влияния на волеизъявление избирателя, так и незаконных действий администрации сервера и любых иных лиц. Решением данной проблемы станет улучшение защиты официальных сайтов государства от мошенничества, создание нормативно-правовых актов, где отражены наказания за различные виды нарушений в избирательном процессе, согласно тенденции цифровизации. Развитие цифровых технологий в перспективе способно сделать избирательный процесс более доступным для многих россиян, в то же время электронное голосование на текущем этапе не может рассматриваться в качестве основного или единственного способа волеизъявления граждан.

Список использованных источников:

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.2002 № 24 ст. 2253

2. Постановление ЦИК России от 20.07.2021 № 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) «О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19.09.2021» (Текст постановления официально опубликован не был)// СПС Гарант [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/401580714/>
3. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве: Федеральный закон от 23.05.2020 № 152-ФЗ // СПС Консультант Плюс[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353204/
4. Берлявский Л. Г., Махова А. В. Избирательные права в цифровую эпоху// Юридическая техника, 2021. № 15. – С. 478-483
5. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии //Конституционное и муниципальное право. 2017. №11. С. 31-35.
6. Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс] Режим доступа: mos.ru
7. Апелляционное определение № 5-АПА19-93 от 6.08.2019 // Банк судебных решений ВС РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1798064
8. Корня А. Онлайн-выборы рассудили без подробностей. // Газета коммерсант. № 193. 21.10.2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5041711>

Зырянов А.И.

научный руководитель: Вичева А.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Россия, г. Симферополь

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены положительные и отрицательные аспекты осуществления дистанционного электронного голосования. Проанализированы особенности реализации отдельных принципов избирательного права при использовании исследуемой формы голосования. Выявлена необходимость совершенствования действующего законодательства на предмет соотношения новых форм голосования и принципов избирательного права.

Annotation. The article discusses the positive and negative aspects of remote electronic voting. The peculiarities of the implementation of certain principles of electoral law when using the studied form of voting are analyzed. The necessity of improving the current legislation for the correlation of new forms of voting and the principles of electoral law is revealed.

На современном этапе развития общества все большее количество общественных отношений реализуется с использованием цифровых технологий. Граждане могут получить отдельные услуги через порталы, мобильные сервисы, например, подать заявление на социальные выплаты, записаться на прием к врачу, пройти перепись населения, получить сертификат вакцинации. Цифровизация общественных отношений не обошла стороной институт избирательного права.

Первоначальные основы использования цифровых технологий в избирательном праве России заложены в Указе Президента Российской Федерации от 23 августа 1994 года № 1773 «О разработке и создании государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы». С того времени произошло много изменений, таких как внедрение сканеров и комплексов обработки избирательных бюллетеней, комплексов электронного голосования и наконец - дистанционное электронное голосование (далее ДЭГ).

Анализ практики применения ДЭГ показал, что впервые оно было использовано в России в 2008 году при выборах Собрания депутатов г. Новомосковска Тульской области в форме опроса [1, с. 481]. Его проведение позволило выявить ряд проблем реализации такой формы волеизъявления и наметить пути их устранения. В последние годы ДЭГ использовалось при выборах депутатов Московской городской Думы VII созыва, Общероссийском голосовании по поправкам к Конституции России, при выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва и др. [4, с. 150-151]. Использование дистанционного голосования имеет ряд положительных черт, к которым относится возможность голосования в любой точке планеты с любых цифровых носителей, а также в любое доступное время, предназначенное для голосования; экономия бюджетных средств, предназначенных на финансирование выборов; ускоренный процесс подсчетов голосов; привлечение молодежи к участию в голосовании; охрана здоровья людей во время пандемии. Но выявлены и негативные черты: недоверие к новой системе, т.к. возможна фальсификация результатов голосования лицами, участвующими в разработке цифровых технологий; отсутствие возможности внешнего контроля за процессом проведения голосования и процессом подсчета голосов; сомнение в безопасности самого избирателя, так как в результате голосования, личность избирателя может быть идентифицирована. Поэтому, как

представляется, ДЭГ еще требует не только теоретического осмысления, но отработки на практике проблемных аспектов.

Отдельно следует отметить, что при реализации активного избирательного права с использованием ДЭГ отдельные принципы избирательного права приобретают специфические особенности. Принцип тайного голосования не согласовывается с необходимостью авторизации на сайте дистанционного голосования. Если обратиться к данным, на официальном сайте дистанционного электронного голосования, можно выявить, возможность определения личности, которая проголосовала за ту или иную кандидатуру [5]. При входе на сайт ДЭГ, пользователь, должен пройти авторизацию, подобно авторизации на портале государственных услуг. Пользователь должен ввести свой логин и пароль, который был изначально зарегистрирован. Тем самым, он привязывает свою учётную запись с портала государственных услуг с сайтом ДЭГ. Таким образом, заинтересованные лица могут получить персональные данные об избирателе, тем самым может быть нарушен указанный принцип избирательного права.

Принцип свободного и добровольного голосования также имеет особенности. При проведении ДЭГ может быть оказано давление на самого избирателя. Яркими примерами данных событий, являются действия руководителей бюджетных организаций, который начали использовать административный ресурс, в целях принуждения бюджетников на участие в тестирование ДЭГ [3]. Таким образом, можем говорить о наличии рисков административного и корпоративного давления. Единственной гарантией в целях защиты от давления является отметка, что избиратель действовал осознанно и не находился под давлением третьих лиц.

Принцип равного избирательного права при осуществлении ДЭГ имеет особенности. Так не все граждане могут использовать дистанционное голосование в силу финансового, социального, интеллектуального фактора или просто в силу отсутствия доступа к сети «Интернет» [2, с.67]. Следует также отметить, регионалистическую проблему реализации указанного принципа, т.к. возможность использования ДЭГ была предоставлена в малом количестве субъектов Российской Федерации.

В завершение следует отметить, что система ДЭГ является новым способом прямого волеизъявления народа, которая имеет как положительные, так и отрицательные черты. Основными её целями являются упрощение системы голосования, а также повышение доступности голосования, возможность голосования вне своего избирательного участка, с любого цифрового источника с выходом в Интернет. У данного способа голосования определенно есть будущее, но для этого необходимо, как представляется,

совершенствование правового регулирования на предмет соотношения ДЭГ и принципов избирательного права.

Список использованных источников:

1. Берлявский, Л.Г. Избирательные права в цифровую эпоху / Л.Г. Берлявский, А.В. Махова // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 478–483.
2. Дубровина, Ю.Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан России при применении новых избирательных технологий / Ю.Я. Дубровина // Вестник СГЮА. – 2021. – № 2 (139). – С. 62–69.
3. Заводят в онлайн. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4801907?from=main_2
4. Федоров, В.И. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации / В.И. Федоров, Д.А. Ежов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2021. – № 1. – С. 146–162. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1055>
5. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации URL: <https://vybory.gov.ru/>

Ибрагимов О.А.

Научный руководитель: д.ю.н., доцент И.В. Лексин

Академия управления МВД,

России, г. Москва

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: Цифровизация – тенденция, положившая начало трансформации исполнительной власти во всех государствах. Цифровизация деятельности российских органов исполнительной власти отражается на изменении основополагающих принципов института исполнительной власти, требующих периодического переосмысления. Одним из таких принципов является легитимность, конституционно-правовой анализ, которой представляется в настоящей публикации.

Abstract: Digitalization is a trend that marked the beginning of the transformation of executive power in all states. The digitalization of the activities of Russian executive authorities is reflected in the change in the fundamental principles of the executive power institution, which

require periodic rethinking. One of these principles is legitimacy, the constitutional and legal analysis of which is presented in this publication.

Одной из современных тенденций информатизации общества является цифровизация, охватывающая практически все сферы социального взаимодействия. Одним из измерений цифровизации справедливо считается процесс «оцифровки» отношений между публичной администрацией и населением [1, с. 8]. В России в последнее десятилетие цифровизация получила широкое распространение в системе взаимодействия «гражданин – орган исполнительной власти», что предопределяет необходимость в дальнейшем совершенствовании правового регулирования и настройке устойчивых организационных взаимосвязей. В свою очередь разработка нормативных оснований для правового регулирования цифровизации деятельности органов исполнительной власти требует периодического переосмысления фундаментальных конституционно-правовых принципов организации всего института исполнительной власти.

Одним из важнейших конституционно-правовых принципов организации института исполнительной власти является легитимность. Несмотря на широту употребления среди граждан и должностных лиц органов власти, в официальных информационных источниках и научной литературе понятия «легитимность», российским конституционным законодательством критерии легитимности власти не определяются. В этой связи считаем возможным опереться на научные позиции современных исследователей, высказывающих о легитимности государства, власти в целом и исполнительной власти в частности.

Так, В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев уровень легитимности властвования оценивают в ценностно-нормативной, институционально-политической, формально-юридической, инструментально-технологической, социологической и геополитической проекциях [2, с. 19–20]. Согласно выводам С.И. Носова легитимность власти обуславливается строгим соответствием закона сущности права и одновременно «осознанием того, насколько закон отражает и воспроизводит объективное начало общественной жизни и тем самым признается обществом, а государственная власть получает его доверие и становится легитимной» [3, с. 45]. В.Н. Плигин акцентирует внимание на трех компонентах легитимности государства [4, с. 44–45]:

мнение о легальности, следующее из представлений об обладании государством политической власти и использовании ее в силу законов, правил и обычаев;

мнение об оправданности, выражающееся в соответствии действий власти принципам, идеям и ценностям, разделяемым обществом;

наличие политических актов выражения согласия – признание власти и готовность ей подчиняться.

Согласно утверждению признанного ученого-конституционалиста С.А. Авакьяна, легитимная исполнительная власть должна формироваться на конституционно-правовых нормах, а решения органов исполнительной власти станут нелегитимными без их нормативно-правовой регламентации процессов формирования и функционирования [5, с. 86]. И.А. Полянский, рассуждая об изменениях легитимной основы исполнительной власти в сравнении с советским периодом, опирается на такие конституционные положения как самостоятельность (ст. 10 Конституции Российской Федерации), единая система исполнительной власти, изменения порядка формирования Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти [6, с. 212]. По мнению П. Стилмана легитимность определяется соответствием последствий принимаемых правительством ценностной модели общества [7, с. 40].

Из анализа вышеизложенных научных позиций следует, что легитимность исполнительной власти выражается в двух основных качествах:

1. Как рационально обоснованное доверие граждан к органам исполнительной власти, раскрывающееся через признание и согласие общества с организацией института исполнительной власти. В эпоху широкой информатизации общественного сознания и цифровизации социальных взаимодействий отдельные политические акторы в борьбе за власть используют технологии пропаганды в целях развития представлений об эффективности деятельности исполнительной власти, социальной справедливости, росте благосостояния вопреки фактическому, зачастую неудовлетворительному, положению указанных явлений. По сути такие действия представляют собой попытки сформировать иррациональное доверие граждан к власти, подменяя истинное признание «слепой верой». Доверие граждан в данном контексте несет социологическую окраску, являясь при этом системой «идеалов» гражданина, сопоставляемых с ожидаемыми показателями реальных жизненных условий.

2. Как система идей, сформированных для поддержания собственной стабильности исполнительной власти и закрепления фактического соотношения сил, на которых она основана [8, с. 3]. Здесь смысл легитимности очерчивается конституированием порядка организации института исполнительной власти, сопровождающимся актами легитимирования. Существование самого порядка и подчинение ему большинством населения означает состояние легитимности. Изменение порядка организации Правительства Российской Федерации в 2020 году сопровождалось преобразованием идейных оснований властвования, нашедших поддержку в общероссийском голосовании и принятием новых

нормативных правовых актов, обеспечивших легитимность института исполнительной власти.

В действительности принцип легитимности исполнительной власти напрямую не влияет на процессы цифровизации деятельности ее органов. Однако цифровизация в целом повышает уровень доверия граждан к органам исполнительной власти, изменяя качественную сторону принципа легитимности.

Список использованной литературы:

1. Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах: научно-практическое пособие / Т.И. Чурсина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков, Н.Ю. Трещетенкова; отв. ред. А.Н. Пилипенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2021. 232 с.
2. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография. Ч. 1. М., 2013. 400 с.
3. Носов С.И. Легитимность и легальность как правовые категории // Юрист. 2020. № 8. С. 44–50.
4. Плигин В.Н. Легитимность государства: подходы к пониманию // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 43–47.
5. Современные проблемы организации публичной власти. Монография / Рук. авт. колл. и отв. ред. – д.ю.н., проф. С.А. Авакьян. М., 2014. – 596 с.
6. Полянский И.А. Федерализм и исполнительная власть на современном этапе развития. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02. М., 2002. 287 с.
7. Stilman P.G. The concept of legitimacy // University of Chicago Press Journals. 1974. № 1. Pp. 33–56.
8. Исаев И.А. Легитимность и легальность в конституционном процессе // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.

Майорова В.М.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сибилева А.Ю.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОТДЕЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РФ

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных конституционных прав, которые в большей степени подвержены процессу цифровизации. Значительное внимание уделено таким правам, как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести, а также избирательным правам, праву участия граждан в референдумах и жизни государства в целом.

Annotation. The article is devoted to the analysis of individual constitutional rights that are more susceptible to the digitalization process. Considerable attention is paid to such rights as the right to privacy, personal and family secrets, protection of honor, as well as electoral rights, the right of citizens to participate in referendums and the life of the state as a whole.

В современном мире информационные технологии оказывают огромное влияние на развитие института прав человека, их актуальность стала причиной цифровой революции. Происходит вымещение старого оффлайн-формата жизни: стало возможным получать образование с помощью дистанционного обучения; записаться на прием к врачу, сменить паспорт, оплатить штраф, получить определенную справку – все это в легком доступе у граждан на портале Госуслуг в РФ.

Мир цифровых технологий создает предпосылки для перехода на новую стадию общественной эволюции, где неотъемлемой частью, регулирующей возникающие правоотношения, должно стать цифровое право. Следует отличать такие понятия как цифровизация и цифровые права. Сама сущность цифровых прав заключается в конституционно-правовом регулировании прав и свобод человека с помощью информационных технологий.

Цифровые права, в первую очередь, рассматриваются как объекты гражданского права, что отражает ФЗ от 18.03.2019г. №34 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [6, ст. 1].

В свою очередь, под цифровизацией стоит понимать процесс трансформации конституционных прав человека в целях формирования и развития общества, основанного на использовании технологий успешной адаптации к новой цифровой реальности [10, с. 218].

Итак, поскольку мир цифровых технологий представляет особую форму организации публичной власти, то изучение процессов цифровизации в реализации конституционных прав граждан становится как никогда актуальным [3, с. 102]. Для того, чтобы изучить такое понятие как цифровизация конституционных прав граждан, стоит обратиться к главе 2 Конституции РФ.

Так в ст. 23 Конституции РФ провозглашается принцип неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, защита своей чести и доброго имени. Однако понятие частной жизни до настоящего времени являлось достаточно оценочной категорией [4, ст. 23].

В 1995 году Комитет ООН по правам человека указал Российской Федерации на необходимость создать специальное законодательство, регламентирующее защиту частной жизни, с целью предотвращения нарушения права на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь и посягательств на неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции. Благодаря чему, была скорректирована ст. 150 Гражданского кодекса РФ [1, ст. 150].

Так, конституционные права, закрепленные в ст. 23 Конституции РФ [4, ст. 23], стали неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Для защиты нарушенных нематериальных прав особую роль приобрел суд, который смог признать факт нарушения данных прав и пресечь своим решением правонарушение. Также законодательство предусматривает защиту личных прав и после смерти гражданина РФ другими уполномоченными лицами [1, ст. 150].

Примером нарушения таких прав могут послужить случаи шантажа, когда злоумышленники взламывают сотовые телефоны, личные аккаунты пользователей в сети и тем самым получает доступ к какой-то личной тайне (например, интимные фото). Распространение таких сведений влечет за собой умаление чести и достоинства потерпевшего.

Рассмотрим реализацию активного и пассивного избирательного права в выборах в органы госвласти и органы местного самоуправления, а также право на участие в референдуме (ч.2 ст.32 Конституции РФ) [4, ст. 32]. Частью электронной демократии является цифровизация избирательного права, она предполагает некоторые формы: дистанционное голосование на выборах и референдумах при помощи коммуникационных технологий; использование цифровых технологий для подсчета результатов голосования [3, с. 106].

В России за последние пару лет вошло в практику проводить голосование при помощи дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Так впервые был проведен эксперимент по дистанционному голосованию в Москве на выборах в Мосгордуму в 2019 году. На выборах 2019-2021 столица обеспечила онлайн-голосование москвичей на собственной платформе – mos.ru. Также по данным ТАСС, руководитель департамента информационных технологий Москвы Эдуард Лысенко сообщил, что в проекте бюджета Москвы на три года заложили средства на развитие онлайн-голосования.

Такая цифровизация волеизъявления граждан содержит определенные плюсы: удобство в подсчете бюллетеней, экономия ресурса времени, также в связи с

эпидемиологической обстановкой в стране, дистанционное голосование дает возможность защитить население от распространения COVID-19. Однако законодатель не спешит полностью принять электронную форму голосования, т.к. существует достаточно много дискуссионных аспектов, которые могут нанести ущерб реализации принципов демократического формирования властных полномочий [3, с. 106].

В новом информационном мире невозможно не обратить внимание на правовые отношения в сфере обращений граждан в условиях цифровизации. В данном случае, Интернет становится связующим звеном между властью и народом. Так, в 2015 году 67,11% обращений к Президенту РФ были направлены в виде электронного документа [2].

К способам отправки обращений можно отнести: электронную почту, интернет-приемные на сайтах органов власти и даже специальные электронные терминалы.

С принятием ФЗ №210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [7, ст. 2] конституционное право на обращение приобретает особую форму – «государственная услуга». Однако при этом часть новых, активно используемых видов электронных сообщений все еще находится вне поля правового регулирования [8, с. 45].

На сегодняшний день направить электронные обращения можно на 4 общефедеральных сайтах: единый портал государственных и муниципальных услуг; интернет-портал досудебного обжалования государственных и муниципальных услуг; интернет-портал «Ваш контроль»; сайт «Российская общественная инициатива» [9, с. 85].

Единый портал государственных и муниципальных услуг (Портал госуслуг) стал первым сайтом для обращений граждан, так называемым «первопроходцем» и «экспериментальной площадкой» для электронных обращений [5, с. 130]. Функцией Портала госуслуг является маршрутизация заявления гражданина в определенное ведомство; там можно получить ответ, отследить статус обращения и оценить качество предоставляемой государственной услуги.

Чтобы воспользоваться Порталом досудебного обжалования необходимо использовать данные от Портала госуслуг. Преимуществом Портала является возможность подать жалобу дистанционно, отследить ее процесс рассмотрения и получить ответ.

Портал «Ваш контроль» является подсистемой Информационно-аналитической системы мониторинга качества государственных услуг и дает возможность пользователем размещать текстовые комментарии о качестве оказанных им услуг. На 01.03.16 года на портале «Ваш контроль» было оставлено 40,2 тысячи отзывов и оценено 5,4 миллиона предоставленных услуг [9, с. 88].

Портал «Российская общественная инициатива» предназначен для направления и обработки предложений по вопросам социально-экономического развития страны.

Итак, ст. 33 Конституции РФ в условиях цифровизации реализуется в виде создания и функционирования специальных сайтов для обращений граждан [4, ст. 33].

Любая мощная технология несет за собой за собой определенные риски. В нашем случае, цифровизация приводит к утечке информации в Сети, нарушению права на неприкосновенность частной жизни в информационном поле. Так ложная информация в Интернете может очернить человека перед родственниками, друзьями, коллегами и нанести урон с малоприятными последствиями. Нарушается право частной собственности, т.к. документы со стремительной скоростью подвергаются переводу в онлайн-режим, что влечет за собой возможность утери или подделки электронных документов. Также опасность цифровизации заключается в возможности слежки за гражданами в сети Интернет, подделки голосов на выборах и референдумах.

Попытки минимизировать риски цифровизации в России уже предпринимаются. По данным ФПА, проект концепции «цифрового кодекса» согласован с Правительством и передан в Администрацию Президента РФ. Данный кодекс должен будет определить правила создания и функционирования цифровых сервисов на территории РФ, создать механизмы защиты пользователей коммуникационной сети от некорректного поведения каких-либо сервисов или приложений.

На основании всего вышеизложенного необходимо сделать вывод, что цифровая трансформация конституционных прав неизбежна и развивается со стремительной силой, так как эти права являются базовыми, фундаментальными и распространяются не только на граждан РФ, но также и на других участников всемирного цифрового пространства. Стремительная цифровизация требует осмысления и адекватного подхода к реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон №51-ФЗ: [принят Государственной думой 21 октября 1994 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2015 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер // Официальный сайт Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций. <http://letters.kremlin.ru/digests/158>.

3. Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. – 2019. – №3. – С.99-119.
4. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#Ю – 04.07.2020.
5. Маснева М.Ф., Петрушова М.В. Интернет- порталы электронных государственных услуг // Экономика и предпринимательство. – 2016. – №1. – С. 130-133.
6. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ (последняя редакция): [принят Государственной думой 12 марта 2019 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 №210-ФЗ (последняя редакция): [принят Государственной думой 7 июля 2010 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
8. Савоськин, А.В. Новый подход к системе обращений граждан в Российской Федерации / А.В. Савоськин // Вестн. Урал. Юрид. Ин-та МВД России. – №2. – С. 44-48.
9. Савоськин, А.В. Специализированные официальные сайты в сети Интернет для подачи обращений граждан / А.В. Савоськин // Административное и муниципальное право. – 2017. – №2. – С. 84-94.
10. Стребкова, Е.Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации / Е.Г. Стребкова // С. 217-225.

Нешенко Я.Д.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Плотников А. А.

*Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, г. Архангельск*

РАЗВИТИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: В данной статье рассмотрены основные информационные технологии, применяемые в избирательном процессе Российской Федерации. Проведен анализ внедрения

автоматизированных и электронных систем, исследованы преимущества и недостатки, представлены предложения по улучшению использования технологий.

Annotation: This article discusses the main information technologies used in the electoral process of the Russian Federation. The analysis of the introduction of automated and electronic systems is carried out, the advantages and disadvantages are investigated, proposals for improving the use of technologies are presented.

XXI век - век информационных технологий. Автоматизированные системы внедряют практически во все сферы жизни общества, в том числе в сферу права. Избирательный процесс также получил свое развитие через информационные технологии. На сегодняшний день многие страны стали использовать современные программы на выборах. Российская Федерация активно использует возможности применения электронных технологий в избирательном процессе. Особую актуальность указанная проблематика приобрела в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции.

Технологии используются для создания сайтов политических партий или отдельных кандидатов, сканирования бюллетеней, формирования реестра избирателей, подведения итогов голосования и др.

Одним из первых автоматизированных устройств, используемых на выборах в Российской Федерации, стала Государственная автоматизированная информационная система Российской Федерации «Выборы». Впервые ее применили в 1996 году для передачи информации в вышестоящие избирательные комиссии. Система способна менее чем за сутки подсчитать количество голосов проголосовавших [1, с.453].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим функционирование данной системы, является Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы». Для эксплуатации ГАС «Выборы» создано федеральное государственное казенное учреждение «Федеральный центр информатизации при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации».

Ключевой приоритет системы - отсутствие подключения к сети Интернет, что является главной гарантией безопасности содержащейся и передаваемой информации.

Кроме того, практически на всех избирательных участках применяются Комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ). Основные функции КОИБов:

- прием от избирателей в сканирующее устройство избирательных бюллетеней;
- подсчет числа проголосовавших;
- составление протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования;

- печать на бумажном носителе протокола УИК об итогах голосования;
- распечатка копий протоколов для наблюдателей и иных лиц;
- запись данных протокола об итогах голосования на внешний носитель информации с целью их введения в систему ГАС «Выборы» [2, с.111].

К преимуществам использования автоматизированных систем можно отнести: увеличение скорости обработки информации; сокращение числа членов избирательных комиссий, так как при использовании КОИБов подсчет голосов вручную идет лишь в отдельных случаях (в соответствии со статьей 68 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»); снижение совершения ошибок вследствие человеческого фактора.

Но существуют и недостатки применения современных технологий. Разработка и внедрение техники связано со значительными финансовыми расходами. Кроме того, техника может не распознать голоса избирателей, признать бюллетени недействительными из-за любых следов грязи, нечетко поставленных отметок в бюллетенях, что является нежелательным явлением в условиях «выборной конкуренции». Не исключены и технические проблемы в работе автоматизированных систем: сбои и зависания системы.

Новым этапом избирательного права является дистанционное (электронное) голосование, которое впервые состоялось 8 сентября 2019 года на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва. Проведение первого дистанционного голосования предусматривал Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» [3, с.2].

Данный способ голосования с применением информационных технологий и сети «Интернет» имеет свои преимущества перед традиционным: широкое вовлечение молодежи и избирателей среднего возраста в избирательный процесс, увеличение явки избирателей в силу возможности проголосовать в удобное для него время и в любом месте.

Первым государством, применившим электронное голосование, стала Эстония, в которой с 2015 года дистанционное голосование применяется на постоянной основе. Для реализации своего активного избирательного права гражданин Эстонии устанавливает на свое устройство специальное программное обеспечение (приложение), проходит процедуру аутентификации (с помощью «ID-карты» или «Mobiil-ID», а также PIN-кода). Во Франции процедура электронного голосования проходит также. Электронное голосование было использовано на выборах в национальный парламент. Различия лишь в способе аутентификации личности – во Франции на почту приходил специальный индивидуальный

код. Результаты внедрения электронного голосования в зарубежных странах неоднозначны. С одной стороны, число избирателей, участвующих в электронном голосовании выросло, с другой стороны, зарубежные государства вводят электронное голосование лишь как один из способов голосования [4, с.17].

В России на сегодняшний день сохраняется главная проблема – недоверие многих граждан к электронным технологиям, их привычка в отношении традиционного голосования. Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфилова отмечает, что «пока цифровизация и IT-технологии по многим направлениям опережают массовое общественное сознание» [5]. Но она уверена, что информационные технологии в избирательный процесс необходимо активно внедрять, детально регламентируя процедуру и контроль прохождения дистанционного голосования.

Внедрение технологий в избирательный процесс – один из этапов развития избирательного права в Российской Федерации, который, несомненно, при правильном законодательном закреплении принесет пользу как государству, так и каждому отдельному избирателю.

Список использованных источников:

1. Рыбакова С. В. Перспективы реализации избирательных прав граждан посредством информационных технологий [Электронный ресурс] / С. В. Рыбакова // тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. – 2020. – С. 451-455 – Электрон. журн. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44223281>, доступ из НЭБ «E-Library» (12.10.2021).

2. Колюшин Е. И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов [Электронный ресурс] / Е. И. Колюшин // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – №9 (61). – С. 103-113. – Электрон. журн. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41351269>, доступ из НЭБ «E-Library» (10.10.2021).

3. Дроздова В. Г. Использование современных избирательных технологий для обеспечения реализации активного избирательного права граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] / В. Г. Дроздова // Избирательное право. – 2019. – № 2 (40). – С. 2-4. – Электрон. журн. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41602706>, доступ из НЭБ «E-Library» (09.10.2021).

4. Матвейчев М. Ю. Зарубежный опыт реализации системы электронного голосования как одного из важнейших механизмов электронной демократии [Электронный ресурс] / М. Ю. Матвейчев // Право и государство: теория и практика. – 2019. – 8 (176). – С. 16-19. – Электрон. журн. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41038374&>, доступ из НЭБ «E-Library» (29.10.2021).

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]:
Элла Памфилова - об особенностях избирательной кампании-2021. URL:
<http://www.cikrf.ru/news/cec/50491>

Полгар М.А.

Научный руководитель - Курабцева А.П., к.ю.н., доцент
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь

**УЧАСТИЕ НАРОДА В КОНСТИТУЦИОННОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы участия народа в процессе внесения поправок в Конституцию РФ, принимая во внимание процессы деглобализации и цифровизации правовой среды.

Annotation. This article considers the issues of participation of the people in the process of amending the Constitution of the Russian Federation, taking into account the processes of deglobalization and digitalization of the legal environment.

Конституционно-правовая норма является центральным звеном национальной правовой системы. Следовательно, конституционное нормотворчество по своему содержанию должно являться строго формализованным процессом, с чем не всегда можно столкнуться на практике. Издание «однодневных» законов, пренебрежение народом как основным субъектом нормотворчества, существенные несовершенства законодательной техники - это лишь часть проблем, преследующих государственно-правовую реальность РФ на протяжении существования ее как конституционной державы. Данные положения указывают на актуальность исследуемой темы, в особенности в условиях происходящих законом и закономерностей развития российского общества.

Народ - основной субъект конституционного нормотворчества и единственный источник власти в РФ, что находит отражение в ст.3 Конституции РФ [1, Ст.3]. В результате демократического перехода, которое осуществила РФ, как и большинство постсоветских стран, был задекларирован социально-ценностный характер Конституции, предполагающий, помимо концентрации власти в руках народа, установление взаимной ответственности государства, как источника опосредованной власти, и народа, как источника непосредственной власти. Референдум, в соответствии с Конституцией РФ является высшим

непосредственным выражением власти. Однако стоит отметить некоторые правовые неточности законодательного регламентирования правового статуса референдума. Проведем сравнение с Конституцией Республики Беларусь, которая закрепляет верховенство референдума путем установления нормы, в соответствии с которой решение, принятое на референдуме, может быть отменено исключительно таким же способом, если сам референдум не устанавливал иное [2, Гл. 2]. Представляется, что регламентирование статуса волеизъявления народа и процедуры принятия решений должно быть предметом регулирования не Федеральным конституционным законом (далее - ФКЗ), а именно Конституции РФ в силу содержания правовой нормы.

Прежде чем говорить о характере внесения изменений в конституционные положения и, что самое важное, участия народа как субъекта конституционного нормотворчества, представляется необходимым обратить внимание на идеологическую ценность конституционной нормы как структурного элемента системы законодательства любой страны. Конституция РФ в силу ее социально-ценностного характера, должна иметь двойное кольцо защит, подразумевающее особый статус внесения изменений в наиболее значимые разделы. Задекларированная законодательством РФ модель внесения поправок в Главы 1-2, 9 Конституции РФ необходима для обеспечения фундаментального характера общественного строя государства. Данная процедура обуславливается тем, что содержательный аспект всей нормативной правовой базы подразумевает ориентир на указанные положения. Особенностью конституционно-правовой нормы является факт ее идеологического характера. Конституционные положения должны не закреплять существующие законы и закономерности общественного развития, а всегда служить неким ориентиром, формируя модель идеального состояния, поэтому можно с уверенностью утверждать, что конституционализм выполняет идеологическую функцию в системе правового регулирования РФ.

Говоря о народе, как об основном субъекте конституционного нормотворчества, представляется необходимым провести анализ процедурного аспекта конституционного нормотворчества, порядок имплементации изменяемой нормы в систему национального законодательства и участие народа в данной процедуре. В соответствии с ФЗ от 4 марта 1998 г. N 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», для внесения изменений в Конституцию РФ непосредственное участие народа не есть необходимым, как это было в ходе конституционной реформы 2008, 2014 годов [3, Гл. 3]. Однако опыт конституционной реформы 2020 года декларирует совершенно иной вывод, подтвердить или опровергнуть который представляется возможным после проведения

аналитического обзора процедуры принятия конституционных поправок 2020 на предмет выявления статуса народа в данном процессе.

Во-первых, представляется некорректным объединение разнородных по содержанию поправок в один федеральный закон. Следуя логике законотворческого процесса, объединенные поправки должны быть текстуально и тематически едиными. Данный прием используется с целью возможность выразить субъективную позицию электоральной единицы касательно конкретного блока, а не полностью всех изменений. При подобном раскладе, на наш взгляд, народ имеет возможность не в искаженном виде выразить собственное мнение.

Во-вторых, поскольку законодательство РФ, как это было сказано ранее, не устанавливает обязательное участие народа в процедуре внесения изменений в Конституцию РФ, можно сделать вывод о том, что конституционный референдум 2020 года, с точки зрения влияния итогового решения голосования на принимаемый результат, является в большей степени плебисцитом, то есть опросом народа с целью выяснить его отношения к происходящим событиям. Представляется, что подобная форма взаимодействия народа и органов государственной власти является весьма корректной, однако в таком случае необходимо коренным образом усовершенствовать законодательную базу в части анализируемого вопроса.

Подводя итог проведенного анализа, следует сделать вывод о доминирующем положении народа как субъекта конституционного нормотворчества в силу указанного в Преамбуле к Конституции РФ и Главе 1 статуса народа как единственного источника власти в Российской Федерации. Тенденция цифровизации правовых процессов, на наш взгляд, ставит под вопрос ряд фундаментальных положений, как доктринальных, так и законодательных. Цифровой след, оставляемым каждым субъектом правоотношений, повышает уровень транспарентности правовой действительности, однако, одновременно с этим, увеличивает надзорную составляющую со стороны государственного аппарата, при этом подвергая некому ущемлению личное волеизъявление субъекта. Те законодательные пробелы, которые были выявлены нами при проведении анализа нормативной правовой базы, подлежат скорейшему преобразованию для того, чтобы процедура внесения поправок в Конституцию РФ стала более гласной, публичной и социально-ориентированной.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

2. Конституция Республики Беларусь. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). - Минск: Амалфея, 2008. – 48 с.

3. О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 04.03.1998 № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 10. — Ст. 1146.

Полякова А.С.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Клименко Е.П.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,

Российская Федерация, г. Симферополь

СПЕЦИФИКА И МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация: В данной статье проводится анализ существующих в XXI веке механизмов обеспечения права граждан на тайну переписки, закрепленного в статье 23 Конституции Российской Федерации, а также выделяются новеллы защиты, обусловленные эпохой информатизации и компьютеризации общества.

Abstract: This article is devoted to analyze the mechanisms that exist in the 21st century to ensure the right of citizens to privacy of correspondence, enshrined in Article 23 of the Constitution of the Russian Federation, and highlights the novelties of protection caused by the era of society's soinformization and computerization.

Процесс информатизации общества, начавшийся в прошлом столетии, повлек и продолжает увлекать за собой различные изменения в жизни общества. Прогрессивное развитие информационных технологий, становление социальных медиа значительно ускорили процесс обмена информацией и коммуникации, что неизбежно влечет за собой как возможность глобальной весьма быстрой межличностной коммуникации посредством сети «Интернет», но так и уязвимость информации, обусловленная недостаточно развитым механизмом защиты сохранения конфиденциальности отправляемых различных сведений через разнообразные мессенджеры, тем самым может иметь место угроза неприкосновенности частной жизни граждан именно в Интернет-пространстве.

Одним из важнейших прав человека и гражданина, которое Российская Федерация как правовое государство закрепила на конституционном уровне (ч. 2 ст. 23 Конституция РФ)

[1], стало право на тайну переписки. Безусловно, информатизация общества не могла обойти стороной его, поставив новые задачи для законодателя. В дальнейшем их решение отразилось в федеральных законах № 176-ФЗ «О почтовой связи» [2] и № 126-ФЗ «О связи» [3].

С появлением сети «Интернет» и разнообразных мессенджеров большая часть переписок лиц стала проводиться в онлайн-пространстве, вызывая к необходимости законодателю предусмотреть детальную правовую регламентацию и разработку качественного механизма правовой защиты переписок, как от третьих лиц, так и от неправомерного обнародования электронной корреспонденции одним из его участников.

В первую очередь, наиболее серьёзным элементом механизма обеспечения права на тайну переписки в современном обществе стала возможность привлечения третьего лица, нарушившего данное конституционное право, к уголовной ответственности по статье 138 действующего Уголовного Кодекса РФ [4]. Более того, ч. 2 ст. 138 УК РФ содержит квалифицированный состав, где специальным субъектом выступает должностное лицо, наказание за такое деяние может состоять в лишении свободы до 4 лет, что позволяет отнести данное преступление к преступлению средней тяжести. Верховный Суд РФ разъяснил, что незаконный доступ к содержанию переписки, переговоров, сообщений в целом может состоять в ознакомлении с текстом и (или) материалами переписки, сообщений, звуковых сообщений, их копировании, записывании с помощью различных технических устройств; а под сообщениями в целом следует понимать сообщения граждан, передаваемые по сетям электрической связи, например СМС- и ММС-сообщения, факсимильные сообщения, передаваемые посредством сети "Интернет" мгновенные сообщения, электронные письма [5].

Исключением, когда данные деяния третьих лиц не будут считаться преступлением, является ситуация, когда наличествуют законные основания для нарушения тайны переписки, которыми выступают индивидуальные судебные постановления, издающиеся только при наличии информации о противоправных преступных деяниях. Так, в вышеупомянутом ФЗ № 126-ФЗ к одной из основных обязанностей оператора связи, является хранение на территории РФ текстовых и голосовых сообщений, изображений и видео в течение 6 месяцев и предоставить при правомерном требовании органов, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [3]. Именно на основании данного факта уже более полутора лет ведутся споры и предпринимаются попытки блокировки мессенджера «Telegram», поскольку его основатель Павел Дуров отказался предоставить возможность ознакомления с содержанием переписок пользователей, что вызвало негодование со стороны органов государственной власти. Более того, развивая тему значения содержания переписки

в уголовно-процессуальной сфере, стоит отметить, что информация, полученная неправомерно из переписки, не может быть использована как доказательство по делу и судом не рассматривается.

В переписках все чаще встречается обмен различными персональными данными, например, по просьбе работодателя, при оформлении кредитов-онлайн и т.д. На обеспечение их сохранности направлен ФЗ «О персональных данных» [6]. Указанный нормативно-правовой акт содержит в себе легальное определение данной правовой категории, а также порядок обработки персональных данных и оформление соглашения с субъектом.

В контексте трудовых правоотношений ни работодатель, ни работники не имеют право разглашать, в том числе и в сети «Интернет», то есть пересылать в иной интернет-диалог без ведома лица, узнанные персональные данные. За это работники могут быть уволены в соответствии с пп. "в" п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [7].

Также немаловажной является гражданско-правовая ответственность, имеющая два основных проявления: компенсация морального вреда за разглашение сведений, которая становится возможной в соответствии со ст. 24 ФЗ № 152-ФЗ, а также возмещение причиненных разглашением убытков [6].

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что информатизация общества действительно приносит обществу разного рода новеллы, а главная задача законодателя в этот момент суметь наиболее эффективно сконструировать механизм правовой защиты уже имеющихся прав и свобод граждан, подстраивая его под различные изменения общественного порядка. Подытоживая механизм обеспечения права на тайну переписки на современном этапе его становления, хотелось бы отметить важность дальнейшего его совершенствования, к примеру, предоставления возможности отслеживания участником переписки переотправлений сообщений иным лицам, чтобы быть уверенным, что без его согласия никакие данные не получают дальнейшего распространения.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Режим доступа : свободный – Текст : электронный.
2. О почтовой связи : Федеральный закон № 176-ФЗ от 17.07.1999 : последняя редакция – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6719/. – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

Ульянов А.Ю.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сибилева А. Ю.

*ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Российская Федерация, г. Симферополь.*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу внедрения новых технологий в избирательный процесс Российской Федерации. Автором рассмотрены основные нормативно-правовые акты и мнения учёных по теме исследования, а также выделены правовые проблемы цифровизации избирательного процесса и пути их решения.

Annotation: The article is devoted to the analysis of the introduction of new technologies in the electoral process of the Russian Federation. The author examines the main regulatory legal acts and opinions of scientists on the research topic, and also highlights the problems of digitalization of the electoral process and ways to solve them.

Возникновение самого понятия «цифровизация» связано с активным развитием информационных технологий и распространением использования сети Интернет. Как отмечает доктор юридических наук А. А. Саурин, под цифровизацией следует понимать комплекс отношений по генерации, обработке и передаче информации, основанный на принципах двоичного кода [8, с. 28]. Однако следует отметить, что цифровизация затрагивает не только общественные отношения, возникающие в сфере использования информации, но и другие конституционные права человека. Поэтому более верной представляется позиция доктора юридических наук и заслуженного деятеля науки Российской Федерации П. П. Баранова, согласно которой цифровизация рассматривается как процесс конкретизации основополагающих прав и свобод в цифровом виртуальном пространстве [6, с. 64].

Согласно статье 1 Конституции, Российская Федерация провозглашается правовым демократическим государством с республиканской формой правления. Данная норма подтверждается конституционным закреплением права граждан на участие в управлении делами государства и её обеспечением на практике [1]. Одним из направлений деятельности государственной власти, обеспечивающих реализацию права граждан на непосредственное участие в жизни государства, выступает развитие и модернизация организационно-правовой

основы проведения выборов и референдумов, в том числе с помощью разработки автоматизированных информационных систем.

Стоит отметить, что в отечественной практике первым шагом к цифровизации избирательного процесса можно считать Указ Президента РФ от 23 августа 1994 года №1723 «О разработке и создании государственной системы Российской Федерации «Выборы», целью которой было уменьшение финансовых и временных затрат на проведение избирательных комиссий» [5]. Позже был принят Федеральный закон №124-ФЗ от 19 сентября 1997 года, согласно которому участковые избирательные комиссии (УИК) могли использовать технические средства подсчёта голосов для определения только предварительных результатов на выборах. В рамках данного периода использовался лишь Сканирующий избирательных бюллетеней, который считывал информацию с привычных бумажных бюллетеней. Таким образом, использование технических средств являлось лишь вспомогательной процедурой, не имеющей детальной законодательной регламентации, а полученные в ходе её реализации результаты голосования не имели юридической силы [7, с. 3].

Качественно новый этап в развитии цифровизации выборов в России начался с принятием Федерального закона от 10 января 2003 года №20-ФЗ «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы», который значительно детализировал возможности и порядок применения технических средств при проведении избирательных комиссий [4]. Возможность применения ГАС «Выборы» теперь также была предусмотрена в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 года №5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» и многих других нормативно-правовых актах, касающихся избирательного процесса [2]. В 2005 году в статью 2 Федерального закона от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» было введено понятие «электронное голосование», т.е. голосование с помощью электронного бюллетеня ГАС «Выборы» [3].

Как справедливо отмечает член ЦИК Российской Федерации и доктор юридических наук Е. И. Колюшин, цифровизация такого сложного и важного процесса, как выборы, не может быть быстрой и происходить за рамками правового поля, которое и определяет порядок реализации права граждан на участие в выборах и референдумах. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что даже на сегодняшний день существуют определенные проблемы в данной сфере, на которые хотелось бы обратить особое внимание [7, с. 5].

Во-первых, Е. И. Колюшин указывает, что установленный статьей 18 ФЗ от 12 июня 2002 года №67-ФЗ перечень лиц, имеющих доступ к информации ГАС «Выборы», нарушает

гарантии равноправия кандидатов и избирательных объединений, поскольку на сегодняшний день часто встречаются случаи, когда кандидаты-должностные лица имеют доступ к данной информации и активно её используют (например, распространяя агитационные материалы по адресам проживания избирателей). Учёный также считает, что предоставление доступа к информации ГАС «Выборы» об избирателях (без полных паспортных данных) кандидатам и избирательным объединениям имело бы многогранный позитивный эффект: обеспечение принципа равноправия, обеспечение общественного контроля функционирования системы и, как следствие, повышение доверия к выборам со стороны избирателей [7, с. 6].

Во-вторых, Евгений Иванович отмечает проблемы реализации «дистанционного голосования», которое проводилось в соответствии с Федеральным законом от 29 мая 2019 года №103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» и имело юридически обязательные итоги. Колюшин обращает внимание на то, что главными проблемами дистанционного голосования выступают обеспечение тайны и правильного учёта воли избирателя в итогах избирательной кампании.

При дистанционном электронном голосовании непосредственных отношений между избирателем и избирательной комиссией не возникает, что приводит их к попаданию в условия, заданные программным обеспечением и не урегулированные избирательным законодательством. Данная проблема возникает вследствие того, что ФЗ от 12 июня 2002 года №67-ФЗ не регламентирует понятия «дистанционное голосование», которое основывается совсем на другом понятийном аппарате [7, с. 8].

Подводя итог, хочется также отметить, что в ходе цифровизации избирательного процесса общество и государство могут столкнуться и с другими проблемами. Например, в связи с большой и неоднородной территорией Российской Федерации достаточно сложно добиться принципа всеобщего участия в выборах при проведении дистанционного голосования, так как интернет в малых городах и селах обладает низкой скоростью обмена данными и менее востребован, чем в крупных городах. Также проблемой могут служить различного рода сбои в работе системы. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что цифровизация избирательного процесса напрямую свидетельствует о демократическом развитии Российской Федерации, однако она не может протекать быстро ввиду сложности институтов выборов и референдумов.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. – 2021. – № 7.

2. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года №5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы Гарант // URL: <https://base.garant.ru/12135919/>
3. Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы Гарант // URL: <https://base.garant.ru/184566/>
4. Федеральный закон от 10 января 2003 года №20-ФЗ «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы Гарант // URL: <https://base.garant.ru/185412/>
5. Указ Президента РФ от 23 августа 1994 года №1723 «О разработке и создании государственной системы Российской Федерации «Выборы» [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы Гарант // URL: <https://base.garant.ru/6334543/>
6. Баранов, П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 63–69.
7. Колюшин, Е. И. Правовые проблемы цифровизации выборов [Электронный ресурс] – Доступ из научной электронной библиотеки КиберЛенинка / / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-elektronizatsii-tsifrovizatsii-vyborov/viewer>
8. Саурин, А.А. Цифровизация как фактор трансформации права / А.А. Саурин // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 26–31.

СЕКЦИЯ 3

Права человека и цифровые права как новое поколение прав в цифровую эпоху

Евтушенко И.И.

к.ю.н., доцент

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Симферополь*

**О СООТНОШЕНИИ «ЦИФРОВОГО ПРАВА» И «ЦИФРОВЫХ ПРАВ» В
ФИНАНСОВОМ, ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ**

Аннотация: автором рассматриваются ключевые для современной цифровой экономики правовые понятия, используемые в таких отраслях права как финансовое, конституционное, гражданское, уголовное. Делается вывод о несовпадении понятий «цифровое право» и «цифровые права», которые приводят к коллизиям в правоприменении, в квалификации действий финансовых мошенников. Последние, используя несовершенство российского законодательства могут быть освобождены от уголовной ответственности за мошенничество.

Abstract: the author considers the basic legal concepts for the modern digital economy that are used in such branches of law as financial, constitutional, civil, criminal. The conclusion is made about the discrepancy between the concepts of "digital law" and "digital rights", which lead to conflicts in law enforcement, in the qualification of the actions of financial fraudsters. They using the imperfection of Russian legislation, can be released from criminal liability for fraud.

Развитие информационных технологий, появление в гражданском обороте все новых форм и способов совершения сделок, в том числе с использованием различных технических устройств (программных средств, смартфонов, картридеров, платежных терминалов и пр.), технологии «блокчейна», привело к появлению новых видов имущественных прав и прав требования, правовая природа которых и среди практиков, и среди ученых вызывает дискуссии. Нет четкого понимания, что такое «цифровое право» и «цифровые права», «цифровые активы», «цифровая валюта», «виртуальное имущество», «виртуальные права» и пр.[1]

Вместе с тем, отсутствие единой терминологии в финансовом и гражданском праве, использование одноименных терминов в уголовном законодательстве, приводит следователей и других участников уголовной юстиции в состояние фрустрации.

Ученые предостерегают от отождествления понятий «цифровое право» и «цифровые права». Цифровое право, как только еще формирующаяся в России отрасль права, не имеет четкого предмета регулирования и поэтому данный термин в том числе в законодательстве, используется без его единого понимания. Также этот термин обозначает права человека и гарантии его безопасности в цифровом пространстве. В западной правовой реальности под цифровым правом понимается именно особая разновидность прав человека (digital rights) относящаяся в большей степени не к гражданскому или уголовному праву, а скорее к конституционному.

Поэтому один и тот же термин – цифровое право в России имеет различное значение в зависимости от того, в какой отрасли права оно используется.

Внесенные изменения в ст. 128 ГК РФ позволяют выделить такие смежные понятия как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права.

При чем все имущественные права возникают так или иначе через посредничество реального имущества – денег, которые выступают как средства платежа и инструмент возникновения имущественных прав, выступая одновременно и имуществом, но существующим в особой, цифровой форме.

Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введены понятия «цифровые финансовые активы», «цифровые права» и «цифровая валюта». Под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, (в том числе права требования исполнения по ним в виде денег), которые создаются на основе распределенного реестра (блокчейна) и существуют исключительно в информационной системе (распределенном реестре).

То есть, законодатель выделил в понятии «цифровые права» именно особый способ их возникновения (изменения) с помощью технологии распределенного реестра, правообладание которыми подтверждается только возможностью доступа определенного лица к ним с помощью электронного ключа. При этом ни какие записи в бумажном виде не ведутся, реестры существуют в распределенном виде на различных серверах (в связи с чем возникают закономерные вопросы о подтверждении права или принудительном исполнении решений судов об истребовании этих цифровых прав).

В ст. 141.1 ГК РФ под цифровыми правами понимаются «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с

правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Как следует из указанных определений, цифровые права и цифровые активы, цифровая валюта соотносятся как целое и часть, не исчерпывая этими разновидностями цифровые права. При этом в научной литературе ставится закономерный вопрос об их правовой природе, относятся ли эти цифровые права к вещным или обязательственным правам, дают ли они абсолютную защиту правообладателю, или это только права требования к информационной системе...[2]

Таким образом, гражданское законодательство под цифровыми правами понимает субъективное имущественное право конкретного субъекта, выраженное в цифровой форме в виде кода. То есть это тоже право на имущество, но выраженное в особой форме.[3] В связи с чем представляется справедливым замечание С.В. Сарбаша о том, «...что в действительности никаких цифровых прав не существует, а Проект (*поправок в ГК РФ*) вводит юридическую фикцию, необходимость которой не обоснована фундаментальными исследованиями».[4]

Указанные доктринальные коллизии приводят к затруднениям в судебно-следственной практике при квалификации действий финансовых мошенников, которые активно предлагают потерпевшим зарабатывать миллионы на биржах криптовалюты, вводят собственные расчетные единицы (токены), учет которых оказывается крайне затруднен.

Список использованных источников:

1. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3
2. Урошлева А. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1220358/>
3. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym
4. Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса

Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf>

Кузьмин А.В.

к.ю.н., доцент,

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Россия, г. Санкт-Петербург

Коваленко Е.А.

Менеджер по качеству, ООО «НТЦ СОТСБИ»,

Россия, г. Санкт-Петербург

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ПО СТ. 141.1 ГК РФ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕВОСТРЕБОВАННОСТЬ

Аннотация: Рассматриваются особенности применения гражданского права в условиях цифровой реальности. Проведен сравнительный анализ терминологии, связанной с цифровыми правами и цифровизацией. Проанализирована судебная практика по рассматриваемым вопросам.

Annotation: The features of the application of civil law in the context of digital reality are considered. A comparative analysis of terminology related to digital rights and digitalization has been carried out. The article analyzes the judicial practice on the issues under consideration.

XXI век ознаменовался окончательным переходом в цифровую реальность, существенно ускорившись с началом пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Очевидно, что «перед юриспруденцией в целом, и гражданским правом в частности, встала как никогда серьезная задача по важности урегулирования новых цифровых отношений» [1, с. 130]. В этой связи проблема терминологической определенности и практической применимости категории «цифровое право» приобретает важное значение.

Легальное определение понятия «цифровые права» приведено в пункте 1 статьи 141.1 ГК РФ: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Если говорить о научном понимании термина «цифровое право», то можно констатировать поливариантность подходов [См., например: 2, с. 117; 3, с. 19, 40, 67; 4, с. 39;

5, с. 14; 6, с. 46 и др.], обобщив которые представляется логичным понимать под цифровым правом скорее формат выражения имущественных прав, а не отраслевой или подотраслевой массив правовых норм. В основном речь идет о цифровизации, то есть о переходе на «цифру» в рамках реализации уже существующих субъективных прав.

Анализ судебной практики применения статьи 141.1 ГК РФ, осуществленный посредством изучения открытых источников, продемонстрировал следующее: Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции, а также мировые судьи не выносили решений с применением указанной статьи. При поиске по решениям арбитражных судов было найдено одно постановление, в котором статья 141.1 ГК РФ фигурирует, однако суд посчитал, что положения статьи не могут повлиять на выводы: «исходя из даты возникновения спорных правоотношений, данная норма не подлежит применению» (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 августа 2020 г. по делу № А43-34718/2017).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о непопулярности статьи 141.1 ГК РФ как основания правоприменительного решения, причиной чему, возможно, служит либо сравнительно недавнее введение настоящей статьи в гражданское законодательство, либо её регулятивной несостоятельностью. Представляется, что именно эти вопросы требуют обсуждения в ближайшие несколько лет.

Однако очевидно и то, что в рамках исследования цифрового права нельзя ограничиваться лишь указанной нормой.

Так, в определениях Верховного Суда РФ (от 3 ноября 2015 г. по делу № А04-6287/2014 и от 25 января 2016 г. по делу № А70-14339/2014) наиболее близко к рассматриваемой тематике (а именно ссылка на статью 160 ГК РФ) фигурируют корпоративные дела, одним из ключевых вопросов которых является «лишение пользователя системы права подписывать документы электронной цифровой подписью». Но и это не вполне попадает под понятие цифровое право. Единственным исключением могло бы послужить использование цифровых финансовых активов в качестве активов компании – по этому вопросу судебная практика (Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 29 сентября 2021 г. по делу № А38-4554/2021) весьма однозначна: акции непубличного общества могут быть выпущены в виде цифровых финансовых активов с учетом особенностей и условий, определенных Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Остальная судебная практика, в той или иной степени касающаяся цифровых прав или цифровизации, сводится именно к установлению юридического факта и по своей сути не отличается от решений относительно «аналоговых прав».

Так, например, при подписании документа электронной цифровой подписью применяются такие же инструменты доказывания, как при установлении факта рукописной подписи, а именно – принадлежность конкретной подписи конкретному человеку. То есть, по сути, факта совершения юридического действия.

К области применения цифровых прав также часто относят криптовалюту. Если рассмотреть судебную практику, то с момента появления такого понятия, было вынесено всего 21 решение по делам в той или иной степени связанных с криптовалютой. При этом на 2019 год приходится 67% от общего числа решений, на 2020 – 19%, а с января по начало ноября 2021 – остальные 14%. При этом порядка 2/3 решений связаны не с добычей и реализацией биткоинов, а с защитой деловой репутации, что не имеет непосредственного отношения ни к цифровому праву, ни к цифровизации. Подавляющее большинство остальных решений основывается на нарушениях, связанных с договорным правом: использование арендованного оборудования, неучтенное потребление электрической энергии – все это также регулируется стандартными нормами: отсутствует специфика, связанная именно с цифровыми правами.

Таким образом, исходя из мнений отечественных цивилистов и сложившейся судебной практики, следует признать, что цифровое право как самостоятельная отрасль права существует, в лучшем случае, в теоретической юриспруденции. Нормативные акты, регулирующие права, относящиеся к «цифре», лишь уточняют некоторые особенности взаимодействия при реализации прав, но ввиду отсутствия специфики, связанной с цифровыми правами, не несут в себе принципиальной нормативной регулятивной нагрузки.

Список использованных источников:

1. Коваленко Е.А. Вопросы безопасности персональных данных в эпоху цифровизации. // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбУТУиЭ, 2020. С. 130-137.
2. Кузьмин А.В. К вопросу о цифровизации права. // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы. Сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2021. С. 117-120.
3. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
4. Городов О.А. Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 36-43.

5. Козырев Н.А. Цифровая экономика и цифровизация в исторической перспективе // Цифровая экономика и право. 2018. № 3 (1). С. 5-19.

6. Акинфиева В.В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex iure. 2021. № 1. С. 46-55.

Шармоянц А.Н.

к.ю.н., доцент

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь

О ПОКОЛЕНИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Работа посвящена вопросу эволюции прав человека в современную цифровую эпоху. В работе рассматривается классическая классификация поколений прав человека, состоящая из трех поколений и сложившаяся, по мнению ученых, концепция о четвертом поколении прав человека. Кроме того, автор считает, что в сложившихся современных условиях назрела необходимость проработать вопрос об обеспечении прав человека в цифровой эпохе, посвященной обеспечению прав человека в современной информационной среде, выделить комплекс таких прав и вытекающих из них мер в отдельное пятое поколение.

Annotation. The work is devoted to the issue of the evolution of human rights in the modern digital age. The work examines the classical classification of human rights generations, consisting of three generations and the concept of the fourth generation of human rights that has developed, according to scientists. In addition, the author believes that in the current conditions there is a need to work out the issue of ensuring human rights in the digital era, dedicated to ensuring human rights in the modern information environment, to single out a set of such rights and the measures arising from them into a separate fifth generation.

Вместе с развитием общества, общественных отношений, государства и права, в целом, постоянно развиваются и прав человека, это постоянный не останавливающийся ни на мгновение процесс. Однако, в современном мире, развитом демократическом обществе, вопросы обеспечения прав человека играют чрезвычайно важную роль. В отдельных случаях, нарушения прав и свобод человека, закрепленных во многих международных договорах, в частности, в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 6 Международной

конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, статье 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и многих других, служат поводом для силового международного вмешательства или, как это принято называть, «гуманитарной интервенцией» в суверенные государства (Сомали в 1993 году, Союзной Республики Югославия в 1999 году, Ирак в 2003 году, Ливия в 2011 году и др.). Вместе с тем, в цифровую эпоху, когда жизнь и работа многих людей перешла в онлайн, выяснилось, что личные права недостаточно защищены и традиционные подходы, предусмотренные в рамках классической концепции поколений прав человека, в информационном обществе нуждаются в анализе и существенном дополнении.

Вопросами поколений прав человека прямо или косвенно касались в своих работах такие ученые как С. С. Алексеев, Л. И. Глухарева, Е. А. Лукашева, О.Ф. Скаун и др.

Термин «права человека» получил широкое распространение в научном обороте после Второй мировой войны и образования Организации Объединенных Наций. Автором классической концепции трех поколений прав человека является чешский юрист Карел Васак, директор отдела прав человека при Юнеско. В концепции, которую он представил в 1977 году, он разбил прав человека на три поколения. Предложенные им поколения прав человека он отождествлял с идеалами Французской революции: свободой, равенством, богатством.

Таким образом, к первому поколению прав человека он относил личные и политические права, которые брали начало в естественном и позитивном праве. Эти права нашли свое закрепление во Всемирной декларации прав человека (ст. 2–21). Среди ключевых необходимо отметить такие, как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, право на свободу передвижения и выбора места жительства, на свободу мысли, совести и религии, свободу убеждений и на свободное выражение их, право иметь собственность, право на гражданство и убежище, в случае преследование, запрет на произвольный арест и задержание, право считаться невиновным до тех пор, пока вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке. Кроме того, в рамках прав первого поколения, в декларации предусматривается право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или посредством свободно избранных представителей, равного доступа к государственной службе и др. В целом, права первого поколения предусматривали не вмешательство государства в сферу личной свободы личности, призваны были уберечь его от произвола политической власти в государстве.

Несмотря на то, что свое начала эти права берут как минимум со времен Великой хартии вольностей 1215 года, но только после Второй мировой войны необходимость соблюдения этих прав была признана большинством стран мира, что выразилось в закреплении их на конституционном уровне. В настоящее время нет такого

демократического государства в мире, в главном законе которого не были бы закреплены права первого поколения.

Второе поколение прав человека сформировалось в процессе борьбы людей за улучшение своего социально-экономического положения и прав в сфере культуры. Основные усилия в рамках второго поколения прав человека были направлены на формирование социально-ориентированного государства и обеспечения достойного социально-экономического и культурного уровня жизни людей. Начало этот процесс берет с формирования социалистических взглядов и традиций сенсимонистов во Франции в начале XIX века, но общемировое признание и закрепление на международном уровне в договорах, декларациях и соглашениях получило, так же как и первое поколение, после Второй мировой войны. Решающий вклад как в формировании концепции, так и в закреплении и признании прав второго поколения в 60-х годах XX века сыграл, будучи самым влиятельным и крупным социалистическим государством в мире, Советский Союз [1].

В отличие от прав первого поколения, где для их обеспечения в целом от государства требовалось «самоограничение и не вмешательство» т.е. скорее пассивное поведение, обеспечение прав второго поколения не возможно было реализовать без позитивной роли государства, направленной на помощь и активное содействие в реализации закрепленных прав.

Ко второму поколению прав человека относятся права на социальное обеспечение и осуществление необходимых для поддержания достоинства и свободного развития личности прав в экономической, социальной и культурной областях, право на труд и справедливое и достойное вознаграждение за него, защиту от безработицы, право на отдых и досуг, на достойный уровень жизни, соответствующий здоровью и благополучию самого лица и его семьи, право на образование и защиту научной, литературной и художественной продукции деятельности человека и др.

На международно-правовом уровне права человека второго поколения получили закрепление в таких ключевых правовых актах, как Всеобщей декларации прав человека 1948 года (ст. 22–27) и международных пактах по гражданским, политическим правам и экономическим, социальным, культурным правам 1966 года [2, 3, 4].

Возникновение третьего поколения прав человека связывают с обострением глобальных, международных проблем человечества после Второй мировой войны. Основывается оно на первых двух поколениях и обладает своей уникальной спецификой. Права этого поколения – коллективные, и не смотря на то, что они направлены на благо каждого человека и обеспечение его прав и интересов, но реализовать их в одиночку, индивидуально невозможно, а только сообща вместе, коллективно (общностью). К таим коллективным правам относят право на мир, независимость, самоопределение,

территориальную целостность и благоприятную природную среду. В общем виде права человека третьего поколения также получили закрепление в 28 статье Всеобщей декларации прав человека [2].

Некоторые ученые считают, что в конце XX, начале XXI века, в контексте научных открытий в области микробиологии, медицины, генетики можно говорить о становлении и четвертого поколения прав человек. Эти права являются результатом вмешательства в психофизиологическую сферу человеческой жизни человека и затрагивают вопросы эфтаназии, искусственного оплодотворения, клонирования человека и вмешательства в его генетику и др. [6. С. 63]

В то же время, в современном мире, когда жизнь и работа многих людей перешла в онлайн, в новой информационной среде границы государств стали иллюзорны и человек в новой среде остался предоставлен сам себе, лишившись привычной защиты. Под угрозой оказалась персональные данные и личная конфиденциальная информация участников цифровой среды. К сожалению, угрозы с раскрытием таких данных возникают не только в результате утечек по халатности ответственных сотрудников компаний [7], но и в результате осознанных действий самих компаний, которые используют данные как товар, на котором можно заработать. Именно так произошло в 2016 году, когда крупнейшая социальная сеть в мире с 2 миллиардами пользователей была обвинена в передаче компании Cambridge Analytica данных 50 миллионов пользователей для того, чтобы составить «психологические портреты» пользователей и повлиять на исход президентских выборов в США [8]. Нередки случаи дискриминации по национальному признаку или политическим соображениям пользователей и СМИ со стороны сервисов, через блокировки и удаления аккаунтов, тем самым грубо нарушая личные права пользователей в том числе и на свободу информации [9]. Привлечь же к ответственности за такие нарушения или потребовать, оказалось, что не с кого или крайне затруднительно.

Очевидно, что новые угрозы цифровой эпохи, связанные с правовой неопределенностью и отсутствием четко обозначенных правил для участников отношений, ставит под угрозу не только достижения общества в сфере прав человека, достигнутых в рамках рассмотренных поколений, но и в целом несет угрозы более масштабного характера, связанных с политическим суверенитетом государств во всем мире. Перед научным сообществом в настоящее время, стоят сложные задачи, решение которых возможно только совместными усилиями всего мирового сообщества по выработке и установлению для всех общих стандартов и правил, как это было с правами человека в рассмотренных поколениях. Решение сложившегося комплекса проблем, обусловленного цифровой эпохой, целесообразно было бы рассматривать как один из этапов становления пятого поколения прав человека.

Список использованных источников:

1. Лукашева Е. А. Права человека: Учебник / Е. А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2003. – 573 с.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
3. Международный пакт по гражданским и политическим правам от 16.12.1966 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/
4. Международный пакт по экономическим, социальным и культурным правам от 16.12.1966 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/
5. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире: социально-философские основы и государственно-правовое регулирование / Л. И. Глухарева. – М.: Юристъ, 2003. – 303 с.
6. Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник / О. Ф. Скакун. – К.: Алерта; КНТ, 2009. – 520 с.
7. Эксперты обнаружили утечку данных полумиллиарда пользователей Facebook. Режим доступа: http://www.rbc.ru/technology_and_media/03/04/2021/60688ff99a7947cac2a65f28
8. Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-43475612>
9. Роскомнадзор пригрозил заблокировать YouTube за удаление двух каналов RT. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2021/61540aa29a7947ec5811f34f>

Дмитриенко А.Я.

Старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права
 ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
 Российская Федерация, г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Аннотация: Цифровые права – относительно новое явление в отечественном законодательстве. В данной статье рассматривается вопрос о сущности и содержании понятия «цифровые права», а также их правовой природе.

Annotation: Digital rights are a relatively new phenomenon in domestic legislation. The paper examines the essence and content of the concept of "digital rights", as well as their legal nature.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных сетей породило огромный пласт общественных отношений, которые затрагивают разные сферы жизни и деятельности, при этом реализуются частично либо исключительно в цифровом пространстве. Нельзя не упомянуть здесь трансграничный характер использования интернет-пространства, а также непостоянство данных, размещаемых в сети (свободная возможность удалять и размещать контент, огромное количество источников данных). Регулирование отношений, возникающих в сети, осуществлялось изначально теми же нормами законодательства, что и любые другие отношения.

Однако отношения в интернет-пространстве требовали и требуют введения специализированных норм, которые учитывают специфику таких отношений, а также позволяют соблюдать правовой режим информации (конфиденциальной информации, коммерческой тайны, защиты персональных данных и пр.), пресекать существующие нарушения и эффективно защищать права и интересы граждан.

На решение этих задач были направлены изменения, установленные Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Данным актом, в частности, предприняты попытки модернизации гражданско-правового законодательства для цифровой среды: возможность выражения воли на совершение сделки с помощью электронных или технических средств (например, совершаемые путем заполнения формы в сети Интернет или путем отправки СМС-сообщения); возможность заключения договора путем составления единого электронного документа или обмена документами, что приравнивается к простой письменной форме; предоставления электронных чеков. В то же время законом было запрещено составление завещания с использованием электронных либо технических средств [1].

Также данным законом введено понятие «цифровых прав». Появление данной нормы вызвало многочисленные дискуссии в науке, поскольку, с одной стороны, признавая наличие цифровых прав, законодатель не обозначил, что выступает в качестве объектов таких прав, оставляя поле для размышлений и неоднозначного толкования.

С другой стороны, будучи закрепленным в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), понятие цифровых прав приобретает характер имущественного, оставляя за пределами толкования публично-правовой аспект содержания данных прав. А во

многих зарубежных правовых порядках данный термин касается публично-правовых отношений, связанных с признанием за человеком таких принципиально новых видов прав, как право на доступ к интернету, свобода получения и распространения информации, право на забвение, право на защиту данных (в том числе персональных) от несанкционированного копирования, хранения, распространения и пр.

Согласно ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ под «цифровыми правами» понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [2]. Таким образом, определение, закрепленное в гражданском законодательстве, трактуется не столь широко, как в сложившейся зарубежной и, пожалуй, отечественной доктрине, что вызывает необходимость дальнейшего совершенствования понятийного аппарата и отграничения от смежных понятий.

В данном контексте интересно рассмотреть, что же входит в категорию цифровых прав, установленных нормой статьи 141.1 ГК РФ, или, иначе, какие категории объектов гражданского оборота могут фиксироваться посредством цифрового права. Во-первых, это различные криптовалюты и иные неклассические средства платежа (баллы, бонусы), которые могут использоваться для оплаты товаров, работ и услуг. Во-вторых, к цифровым правам можно отнести имущественные или корпоративные права на товары, услуги, результаты интеллектуальной деятельности или долю в прибыли компании, которые фиксируются с помощью блокчейн-технологии. В-третьих, есть категория цифровых прав, служащих для аутентификации в приложениях либо предоставляющих доступ к услугам на основе блокчейна.

Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, давая заключение на проект рассматриваемого федерального закона № 34-ФЗ, указал, что «цифровое право – это не какой-то новый особый объект прав, а лишь новая форма удостоверения имущественных прав» [3, с. 166]. К такому выводу позволила прийти формулировка определения, сходная по своему построению с формулировкой понятия бездокументарной ценной бумаги (ст. 142 ГК РФ).

Л. Г. Ефимова также указывает на недостатки формулировки статьи 141.1 ГК РФ, отмечая сложности в определении объектов цифровых прав, которые выявляются при системном толковании данной нормы с положениями статьи 128 ГК РФ. И предлагает свой вариант решения проблемы путем внесения в законодательство такого объекта гражданских прав, как «цифровое имущество (цифровые активы)». Соответственно, цифровые права определяются ею как «абсолютные и относительные права на цифровое имущество,

содержание и условия осуществления которых определяются законом и правилами информационной системы» [4].

Закон устанавливает, что осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу [2]. Из этого следует, что правовой режим цифровых прав определяется самой информационной системой, а точнее – операторами такой системы. В случае изменения правил информационной системы меняется содержание и механизм реализации размещенных в ней цифровых прав.

Таким образом, цифровые права, помимо прав на криптовалюты и иные суррогатные денежные знаки, позволяют зафиксировать факт наличия прав на традиционные объекты гражданского оборота (товары, работы, услуги, объекты интеллектуальных прав и т.д.). Но при этом стоит иметь в виду, что за пределами информационной системы, в которую они были внесены как цифровое право, объем, содержание и способы осуществления имущественных прав устанавливаются и гарантируются государством и никак зависят от правил, установленных операторами этих систем.

Более того, по ряду споров (например, споров об интеллектуальных правах) фиксация с помощью блокчейн-технологии может служить в качестве доказательства прав на то или иное имущество, поскольку в информационной системе фиксируется факт наличия права у лица на определенную дату.

Список использованных источников:

1. «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // СЗ РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.

2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2019 г. // Материалы IX международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». – Москва, 2019. – 662 с.

4. Л.Г. Ефимова. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. – № 8. – 2021. – с. 52-62.

Анциферова Э.Ю.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Бакун А.С.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,

Республика Беларусь, г. Минск

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ И УБЕЖДЕНИЙ

Аннотация. Права человека приобретают юридическую форму и выступают в качестве всеобщего масштаба и равной меры свободы и ответственности человека и гражданина. Обеспечение максимально возможной реализации прав и свобод человека не теряет своей актуальности на протяжении всего существования независимого белорусского государства. Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение. Никто не может быть также принужден к выражению своих убеждений или отказу от них. Однако, расширение границ этого права или необоснованное правовое суждение может привести к хаосу и серьезным последствиям.

Annotation. Human rights acquire a legal form and act as a universal scale and equal measure of freedom and responsibility of man and citizen. Ensuring the maximum possible realization of human rights and freedoms does not lose its relevance throughout the entire existence of the independent Belarusian state. Everyone is guaranteed freedom of opinion, opinion and expression. No one can also be forced to express or renounce their beliefs. However, expanding the boundaries of this right or unfounded legal judgment can lead to chaos and serious consequences.

С дальнейших времен наблюдается процесс изучения основополагающих прав и свобод гражданина, свидетельствующий об уровне развития того или иного общества, степени его зрелости. Категория свободы выражения мнения претерпела существенные изменения и трансформации в процессе исторического развития и информационного разнообразия. Процесс глобализации и сопутствующие ему факторы оказывают непосредственное воздействие на права человека. Социальные и правовые условия функционирования общества изменчивы, что, в свою очередь, приводит к трансформации данных прав и свобод человека, изменению условий их реализации, дополнению их содержания, появлению ранее не существовавших правовых возможностей. Изменение экономических, политических, этических, геополитических, социальных условий жизнедеятельности определили современную концепцию прав и свобод человека, которая радикально отличается от изначального содержания. Наблюдается тенденция сохранения

базовых ценностей гуманизма, демократизма, придания личности центрального значения в функционировании правовой системы государства.

Права и свободы человека и гражданина имеют сложную структуру и в соответствии с этим принято осуществлять их классификацию по различным критериям. Необходимо указать на общепризнанную конституционную линию свободы выражения мнений и убеждений, раскрывающую естественное состояние свободы. Под конституционными правами и свободами понимаются «наиболее важные права и свободы человека и гражданина, выявляющие закономерную принадлежность свободы и получающие высшую юридическую защиту» [2, с. 153]. Так, категория свободы выражения мнений являясь также и не исчерпываемой конституционной свободой имеет ряд признаков: значимость данного права для человека и общества в целом, изначальный, прирожденный и неотчуждаемый характер, содержание и объем конституционных прав и свобод одинаков для всех индивидов, верховенство конституционных (основных) прав и свобод, делающее все иные права и свободы в той или иной сфере жизни (трудовые, социальные и т. д.) производными, принадлежность основных прав и свобод каждому человеку и гражданину либо каждому гражданину, всеобщность основных прав, свобод и обязанностей, т. е. они равны и едины для всех без исключения, соответственно для каждого человека или для каждого гражданина, основные права, свободы и обязанности не приобретаются и не отчуждаются по воле гражданина, непосредственное действие, действие на всей территории государства [2, с. 186].

Именно от вкладываемого смысла в понятие свобода выражения мнений зависит фактическое состояние демократии в обществе. Свободное изложение взглядов и убеждений является естественным правом для человека, без которого невозможна нормальная жизнедеятельность общества.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2021. – 64 с.
2. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2007. – 784 с.

Емельяненко А.В.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Танимов О.В.

Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина,

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА И ЦИФРОВЫМИ ПРАВАМИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В статье выделены виды противоречий между правами человека первого поколения и цифровыми правами как разновидностью прав четвертого поколения. Намечены пути их разрешения – усиление контроля за ИТ-технологиями, развитие законодательства, рост ответственности за ИТ-преступления, развитие мировоззренческой сферы человека.

Annotation: The article highlights the types of contradictions between the human rights of the first generations and digital rights as a kind of rights of the fourth generation. The ways of their resolution are outlined – strengthening control over IT technologies, the development of legislation, the growth of responsibility for IT crimes, the development of the ideological sphere of a person.

Важный показатель прогресса общества - развитие института прав человека. В XXI веке формируется четвертое поколение прав человека; к нему относятся и цифровые права. Возможность их осуществления возникает с появлением сети Интернет. Реализация цифровых прав позволяет полнее осуществлять «классические» права, относящиеся к предыдущим поколениям прав человека. Однако реализация цифровых прав может вступать в противоречие с другими правами человека. Актуальная задача - изучение противоречий между цифровыми правами (последнего поколения) и правами человека других поколений. Цифровые права включают право на доступ и использование телекоммуникационной сети, цифровых медиа и цифровой мобильной связи, цифровых технологий с помощью программированных компьютеров, цифровых услуг и искусственного интеллекта, право на обмен информацией, свободное общение и выражение мнения в коммуникационных сетях [1, ст. 3,5, 7]. Это также права на конфиденциальность и анонимность оцифрованной персональной информации, на создание, публикацию и защиту цифровых произведений.

В узком понимании понятие цифровых прав человека выступает как гражданско-правовое. В этом случае под ними понимаются общеобязательные права (а также иные права), реализация которых происходит по правилам информационной системы, отвечающей признакам, установленным законом [2]. Согласно узкому пониманию цифровых прав, они являются теми же самыми имущественными правами, но только реализуемыми в цифровой реальности [3]. Законодательное закрепление данных прав сугубо гражданско-правовое (ст.

1411 ГК РФ) и «не охватывает всей совокупности прав в рамках института прав человека» [3, с.169]. Понятие «цифровые права» закреплено юридически в ГК РФ с 1 октября 2019 г. [4].

Плодотворным является вывод О.В.Танимова и А.Р.Шевченко о том, что цифровое право «выступает в качестве подотрасли информационного права» [5, с.8]. Опираясь на него, можно расширить понимание цифровых прав и рассмотреть их как разновидность прав человека четвертого поколения. В этом контексте цифровые права - разновидность субъективных прав, сущность которых в возможности субъекта иметь доступ к информации, электронным устройствам, информационно-коммуникационным сетям, совершать действия в информационной среде [6, с.1028]. В отличие от других субъективных прав, объектом цифровых прав является информация, выраженная в цифровой форме; они реализуются через цифровые технологии и принадлежат лишь участникам цифрового общения. Цифровые права не выражаются в материальной форме, их объектом является информация, к которой неприменимы известные физические величины и способы измерения. Правда, информация может иметь материальную форму в виде файла на компьютере, который можно измерить, но он «является лишь выражением информации в цифровом мире» [6, там же].

Во-первых, противоречия между цифровыми правами и другими правами человека возникает на основе умышленных правонарушений одних граждан против других в ИТ-среде. Преступники используют возможности ИТ-технологий, злоупотребляя своими правами. Количество правонарушений в информационной сфере растет (в 11 раз за 5 лет, до 510,4 тыс. в 2020 году). 320 тысяч киберпреступлений произошло за 7 месяцев 2021 года [7].

Во-вторых, в результате незлонамеренной реализации гражданами своих цифровых прав могут быть нарушены как индивидуальные, так и коллективные права других членов общества. Так, распространение ложной, недостоверной информации, выдаваемой за достоверную, с целью ввести в заблуждение (т.н. фейковой) вредит адекватной реализации права граждан на участие в социальной и политической жизни. В конечном итоге, некоторые реалии Интернета, скажем, возможность стать известным, могут вести к преступлениям. Скажем, приобретение известности в результате массового расстрела ни в чем не повинных людей – это осуществление в извращенной форме права на самовыражение в Сети.

В-третьих, значительная часть правонарушений в ИТ-сфере связана с неправильным использованием цифровых прав самими гражданами. На личность в современной цифровой среде обрушиваются информационные потоки, часто содержащие пагубно влияющие на ее духовный мир сведения. Не все люди могут правильно распорядиться своими цифровыми правами, например, адекватно использовать свободу выбора и потребления информации или же реализовать свои «классические» права через ИТ-технологии. Так мошенничество в Сети построено на приемах психологического воздействия на пользователей, причем Интернет

дает для этого широкие возможности. Не у всех людей есть мировоззренческие основания, позволяющие им ответственно относиться к реализации своих прав в цифровой среде. Так, это способность анализировать информацию, критически относиться к ней. При развитии мировоззренческих оснований личности (в сфере образования, путем культурно-просветительской работы, социальной рекламы и т.п.) можно надеяться, что при реализации своих цифровых прав человеком не будут нарушены его права в других областях.

Киберпреступность базируется либо на возможности злоупотребления цифровыми правами, либо на неправильном их использовании, что угрожает правам человека всех поколений. Следует усилить контроль за технологиями, уточнив и технические правила их использования для снижения возможности нарушения цифровых прав в коммуникационной сфере (скажем, ограничить анонимность). Нужно увеличить ответственность за технически легко совершаемые информационные правонарушения. Следует принять меры по повышению способности граждан ответственно реализовывать свои права в информационной среде. Нужно принять законодательный акт, уточняющий порядок реализации и защиты прав, свобод и обязанностей граждан РФ в Интернете (например, ФЗ «О реализации и гарантиях правах и свободах граждан РФ в Интернете»). Все это позволит защитить и цифровые права, и права человека и гражданина предшествующих поколений.

Список использованных источников:

1. Окинавская хартия Глобального информационного общества // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=8382# 007623742668632194>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г., № 32, ст. 3301.
3. Тишаков М.П., Сафронова Д.В. Цифровые права человека // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. - 2020. - С.168 – 172.
4. О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2019 г., № 12, ст. 1224.
5. Танимов О.В., Шевченко А.Р. Цифровое право: основные сущностные аспекты // Российская юстиция. – 2019. - №10. - С.6 – 9.
6. Жемеров В.В. Цифровые права человека: теоретические и практические проблемы // Вопросы российской юстиции. – 2019. - №3. – С.1026 – 1036.

7. Киберпреступность в 2021 году выросла на 25% // <https://pravo.ru/news/232676/>

Спиваченко Д.В.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Иксанов И.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

Россия, г. Москва

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена предотвращению технологических и правовых конфликтов, а в частности, связи между конституциями и общественным благополучием. В статье делается акцент на соотношении прав личности и государства как на основном вопросе демократии в целом и конституционного права в частности. Интерес представляет то, что вопросы, касающиеся избирательного права и противодействию киберпреступности должны эффективно решаться государством без вторжения в традиционное понимание содержания прав человека и гражданина.

Abstract: The article is devoted to the prevention of technological links, in particular, between constitutional and public welfare. The article focuses on the personal law of the individual and the state as the main issue of democracy in general and constitutional law in particular. It is of interest that issues related to electoral law and countering cybercrime can be effectively resolved without intruding on the traditional understanding of the content of human and civil rights.

Права человека и гражданина всегда находились в приграничной зоне между государственно-правовыми и личностными интересами. О правах человека мы говорим издревле. Впервые они нашли законодательное закрепление во французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. Непосредственное взаимодействие оказала Великая хартия вольностей 1215 г. (Англия), Билль о правах 1689 г. (Англия), Билль о правах 1791 г. (США) [1]. Права человека – незастывшее явление, постоянно развивающееся и прогрессирующее. В Декларации XVIII века не содержались все те права, которые присущи современному обществу. В частности, речь о цифровых правах. В связи с этим проблема обеспечения прав человека в эпоху цифровизации является актуальной.

Деятельность Президента РФ, правоохранительных, судебных и иных органов в области обеспечения прав человека велика, так как в соответствии с Конституцией РФ

человек, его права и свободы – высшая ценность. В качестве способов защиты прав и свобод выступает защита со стороны органов публичной власти, общественных объединений и со стороны самих граждан в качестве самозащиты – обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Однако в условиях сегодняшних реалий этого обеспечения прав недостаточно. Развитие киберпреступности, электронного мошенничества денежных и других ценных средств, взлом программного обеспечения принуждают государство в лице государственных органов и органов местного самоуправления усиливать контроль в области цифровизации, нагружая при этом деятельность компетентных органов. Государство должно гарантировать безопасности и в условиях цифрового мира, чтобы не допустить нарушения прав и свобод человека и гражданина. Поэтому, сегодня все более и более усиливается контроль и надзор в этой области. В уголовном кодексе РФ содержится отдельная глава, посвященная преступлениям в сфере компьютерной информации. Буквально недавно известные социальные сети – Instagram, Facebook, WhatsApp оказались в руках мошенников, которыми были проданы данные на сумму более 1 млрд. долларов. Были нарушены человеческие права – право на личную и семейную тайну, тайну переписки, социальных сообщений. Большое значение имеют и цифровые права – доступ, использование, создание и публикация цифровых произведений, доступ на использование компьютерных и электронных устройств, коммуникационных сетей, в частности сети Интернет. В этой связи ситуация обретает глобальный, общемировой характер.

Обеспечение избирательных прав в дистанционных условиях возрастает и становится все более актуальным [2, с. 96-100] Защита избирательских прав является одной из важной задачей социально-политического и культурно-экономического общества и государства. Особенно значима защита избирателей в период пандемии COVID-19. Техническая трансформация методов и средств компьютерной сферы ставят вопрос о качестве избирательного процесса в России. Высока вероятность сбоя системы при обработке избирательных бюллетеней, при формировании комплексного электронного голосования, QR-кодов, средств фото- и видеонаблюдения. Обеспечение идентификации, анонимности, защита от мошенничества граждан страны ставит вопрос об эффективном обеспечении избирательного права. Согласно постановлению ЦИК РФ [3], дистанционное голосование проводилось в семи субъектах России. При голосовании необходимо было доверие граждан к данному виду голосования, и оно было оказано путем дистанционной явки более 70% на выборах в депутаты Государственной Думы Российской Федерации. Следовательно, государством был проработан механизм дистанционного электронного голосования,

предусмотрена степень безопасности голосов избирателей и обеспечения избирательного права.

В области международного сотрудничества Российской Федерации в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в цифровую эпоху была провозглашена Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. Среди правил Хартии основными являются: внедрение и полноценное использование дистанционной идентификации, электронной подписи и иных средств, направленных на установление безопасного функционирования информационного оборота; при обработке персональных данных – создание и обеспечение развития эффективных механизмов защиты частной жизни граждан вместе с предоставлением доступного потока информации [4]. Граждане должны быть защищены от неправомерного информационного вмешательства со стороны государства, кроме случаев и в порядке, нарушающих закон. Поэтому, важное значение имеет международный обмен опытом в области цифровизации, надзор за деятельностью сотрудников внутренних дел по предотвращению компьютерных преступлений.

Необходимо обеспечивать права человека в социальных сетях. Многие пользователи используют социальные сети в качестве платформы для заработка. Но тогда возникает и другая проблема: как регулировать эту ситуацию и защищать права других граждан. По мнению автора, законодателю стоит разработать нормативную базу, регулиющую права и обязанности, способы защиты и гарантии в социальных сетях. На примере разъясним мысль: сегодня некоторые пользователи являются блогерами, осуществляющие рекламу для своих коллег с целью привлечения аудитории, следовательно, и прибыли. Но при этом рекламодатель не деликтоспособен в отношении своей пропаганды. А если это несовершеннолетний гражданин, не обладающий дееспособностью. Тогда договор на совершение рекламы признается ничтожным. Для дееспособных нами предлагается возможность приобретения статуса «Индивидуального предпринимателя». Следовательно, данные граждане будут обладать большими обязанностями и ответственностью (например, обязанность платить налог). Важно предусмотреть ненадлежащую рекламу для защиты потребителя, а из этого и вытекает реализация обеспечения прав в социальных сетях.

Подводя итог, следует отметить, что современный этап социально-политического развития Российского государства претерпевает изменения, в сфере реализации прав человека в том числе. Цифровые технологии сегодня позволяют приобретать новые права (например, право участия в дистанционном электронном голосовании, агитации в социальных сетях, право выдвижения гражданской (общественной) инициативы и пр.) и исполнять приобретенные обязанности [5].

Ввиду сказанного, сегодня как никогда требуется научный анализ защиты прав человека в цифровой индустрии, что позволит в будущем регулировать ситуацию для исключения негативных моментов, связанных с коллапсом органов государственной власти и местного самоуправления в области защиты прав в цифровизации. Конституционно-правовое регулирование деятельности надлежащих органов требует дальнейшего развития и совершенствования в процессе государственных реформ. Изучение правовых и организационных основ реализации прав человека в «диджитал» индустрии позволит выявить проблемы и внести предложения по совершенствованию системы цифрового развития в рассматриваемой сфере.

Список использованных источников:

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран под ред. М.М. Борисевич. т.1 с. 122-127
2. А.К. Тлехатук, С.А. Кувыева. Конституционные цифровые права граждан в условиях информационного общества // Теория и практика общественного развития.2021. №8.С. 96-100.
3. Постановление ЦИК России от 25.05.2021 N 7/49-8 О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года // <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49340/>
4. Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // <http://www.kremlin.ru/supplement/3170>.
5. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «российская общественная инициатива»: Указ президента РФ от 04.03.2013 г. // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

СЕКЦИЯ 4

Использование цифровых технологий в отраслях права в РФ и за рубежом: традиции и инновации

Горбенко Т.В., Гусев А.В.

доктор юридических наук, доцент

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Российская Федерация, г. Симферополь*

**ДИСТАНЦИОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация: Статья посвящена анализу организации (планирования) дистанционного проведения следственных действий. Подчеркивается важность планирования следственных действий, о чем свидетельствует качество, результативность, информационная насыщенность следственного действия. Обосновывается мысль о том, что организация (планирование) следственного действия – это интеллектуальный процесс, направленный на получение криминалистически значимой информации и повышение качества расследования преступлений. Определены и раскрыты аспекты, которые необходимо учитывать при планировании дистанционного проведения следственных действий, а также основные этапы следственного действия, что придает работе и практический характер. Проведенное исследование позволяет заключить, что организация дистанционного проведения следственных действий – это процесс упорядочения расследования преступлений. Определены нюансы процессуальной реализации организационного аспекта дистанционного производства следственных действий, а также сформулированы предложения, определяющие направления оптимизации и повышения эффективности расследования.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the organization (planning) of remote investigative actions. The importance of planning investigative actions is emphasized, as evidenced by the quality, effectiveness, and information saturation of the investigative action. The author substantiates the idea that the organization (planning) of an investigative action is an intellectual process aimed at obtaining criminally significant information and improving the quality of crime investigation. The aspects that need to be taken into account when planning remote investigative actions are identified and disclosed, as well as the main stages of the investigative action, which gives the work a practical character. The conducted research allows us to conclude that the

organization of remote investigative actions is a process of streamlining the investigation of crimes. Certain nuances of the procedural implementation of the organizational aspect of the remote production of investigative actions, as well as proposals are formulated that determine the directions for optimizing and improving the effectiveness of the investigation.

Определяя следственные действия как средство получения доказательственной информации (получение показаний, изучение обстановки места совершения преступления, установление мотива и способов совершения преступления и пр.) и как средство, непосредственно обеспечивающее расследование и определяющее его дальнейший ход (использование криминалистически значимой информации, полученной в ходе их производства; идентификация следов преступления, изъятых на месте преступления; изучение вещественных доказательств и др.), стоит обозначить, что они являются специфической категорией уголовного процесса и криминалистики. Ввиду чего обладают определенной структурой (цели, задачи, этапы, действия, субъекты и участники их производства). Для учета всех обстоятельств произошедшего и полноценного проведения следственные действия требуют тщательного планирования, организации, подготовки, что исходит из их цели и собственно говоря, назначения.

От того, насколько продуманно и организовано следственное действие зависит его качество, результативность, информационная насыщенность и, в конечном итоге, расследование преступления в целом.

Названный аспект дистанционного проведения следственных действий избран в качестве предмета настоящего исследования неспроста. Освещение организационного аспекта дистанционного проведения следственных действий обусловлено вышеуказанными обстоятельствами, а также тем постулатом, что организация производства следственных действий представляет собой сложный процесс, требующий серьезных мыслительных операций от лица, ведущего расследование и детального планирования этапов его проведения с учетом условий и обстоятельств, при которых оно будет проводиться.

В рассматриваемом контексте организация носит, во многом, обеспечивающий характер для тактики действия лица, ведущего расследование. Иными словами, организация, в большинстве своем, состоит в организационно-подготовительных действиях. Стоит отметить, что значение следственного действия для расследования и информация, которой располагает лицо, ведущее расследование, определяют объем подготовки к нему. Имеет значение и сложность планируемого следственного действия, а также информация о возможном противодействии его проведению. Безусловно, следственные действия значительно различаются по объему их организации, что обусловлено их содержанием,

однако для каждого из них важное значение приобретают организационно-подготовительные действия, направленные на собирание ориентирующей информации [1, с. 38].

Как показывает следственная практика, то планирование следственных действий, в основном, не сопровождается оставлением письменного плана, а представляет собой умственный процесс. Согласимся с тем, что действительно, для преступлений, не представляющих сложности для расследования, скорее уместно планирование следственных действий без составления письменного плана, однако для преступлений, отличающихся сложным и непредсказуемым характером – составление письменного плана необходимо. Так или иначе, планирование обязательно для всех следственных действий. Сказанное находит свое подтверждение в том, что лицо, ведущее расследование, никаким образом не застраховано от непредсказуемых, а зачастую, негативных обстоятельств, что может привести к тому, что цель и задачи следственного действия не увенчаются успехом.

Что касается дистанционного проведения следственных действий, то здесь не может идти речи о не составлении письменного плана, поскольку применение технических средств, позволяющих удаленно проводить следственные действия, уже вносят свои коррективы и некоторую сложность в порядок их проведения. Ввиду сказанного, полагаем, что составление письменного плана обеспечивает возможность максимального сосредоточения на следственном действии, тактике его производства, позволяет соблюсти последовательность, не упустить деталей и быстро среагировать на внезапно возникшие обстоятельства.

Так, организация дистанционного проведения следственных действий предполагает учет следующих нюансов.

Во-первых, определение целей и задач, а более того, их понимание является первостепенным при принятии решения о необходимости производства конкретного следственного действия, поскольку от правильного понимания последних зависит успех поисково-познавательной деятельности (совершение необходимых логических и фактических действий, принятие правильного решения) субъектов предварительного расследования.

Получение криминалистически значимой информации о событии преступления, обстоятельствах, мотивах и способах его совершения, о лицах, его совершивших и иных обстоятельствах, имеющих значение для расследования, является целью любого следственного действия будь то осмотр места происшествия либо допрос. Задачи следственных действий не ограничиваются лишь получением новых доказательств либо проверкой уже имеющихся при материалах уголовного дела, поскольку они направлены также и на выявление признаков нового преступления, розыск лица, совершившего

преступление и др. [2], [3] Безусловно, каждое следственное действие характеризуется наличием своих частных целей и задач, обусловленных формой и условиями их существования и вытекающих из сущности соответствующих уголовно-процессуальных норм. Более того, техническое сопровождение следственных действий также придает им индивидуальный и, зачастую, неординарный характер.

Во-вторых, дистанционное проведение следственных действий, как и традиционный порядок их производства, подразумевает его структуру, состоящую из этапов, тщательное продумывание которых оказывает влияние на итоговый результат. Так организация дистанционного проведения следственных действий включает три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Для уяснения прядка организации следственного действия в дистанционном формате, полагаем уместным кратко рассмотреть каждый из них в отдельности.

Подготовительный этап дистанционного проведения следственного действия характеризуется принятием решения о необходимости проведения конкретного следственного действия, которое подразумевает ряд организационных моментов, среди которых следующие:

- принятие лицом, ведущим расследование, решения о проведении конкретного следственного действия (изучение материалов уголовного дела, иной информации, относящейся к расследованию);

- согласование необходимости проведения следственного действия с непосредственным руководителем в случае, если его проведение может повлечь некоторые последствия (противодействие участников; отказ от дачи показаний в присутствии определенных лиц; попытки побега лиц, виновных в совершении преступлений и др.);

- постановку цели проведения следственного действия;

- определение его задач;

- определение перечня обстоятельств, подлежащих выяснению или доказыванию, в том числе формулирование вопросов для этих целей, определение алгоритма его проведения; подготовка вещественных доказательств для предъявления в ходе следственного действия (если это необходимо);

- определение благоприятного времени для его проведения (в том числе учет погодных условий, продолжительности следственного действия и условий, в которых оно будет проводиться);

- установление точного места его проведения (если следственное действие связано с необходимостью нахождения на открытой местности, территории предприятия или организации и др.);

– определение участников и субъектов следственного действия (целесообразно ли привлечение понятых, педагога, психолога, специалиста, кинолога, эксперта, переводчика и иных специалистов);

– уведомление субъектов и предполагаемых участников о проведении следственного действия с обозначением даты, времени и места его производства (направление повесток лицам, о вызове их для участия в следственном действии, а в случае их уклонения от явки в орган расследования – осуществление их привода);

– определение порядка проведения следственного действия и действий (роли) каждого участника, привлеченного к его проведению, а также руководство проведением следственного действия [4];

– определение технических средств, которые будут применяться для проведения следственного действия (фотоаппарат; видеокамера; видео-конференц-связь; технологии дополненной реальности; устройства, позволяющие фиксировать ход проведения следственного действия с воздуха (квадрокоптеры, мультикоптеры и пр.), тепловизоры и др.) [5, с. 3], а также подготовка технических средств к использованию (проверка исправности, подзарядка, подготовка накопительных устройств и пр.);

– определение перечня тактических приемов, которые надлежит использовать при применении технических средств [6];

– подготовка материалов для фиксации хода и результатов следственного действия [7] (распечатка бланка протокола следственного действия, подготовка чернил для его заполнения; подготовка и распечатка иных бланков процессуальных документов, которые могут понадобиться при проведении следственного действия (например, бланк дактилоскопической карты, бланки допроса дополнительных свидетелей и очевидцев преступления; конверты для упаковки, обнаруженных вещественных доказательств и т.д.).

Приведенный перечень подготовительных мероприятий к дистанционному проведению следственных действий не является исчерпывающим, поскольку в зависимости от обстоятельств конкретного преступления, используемых технических средств он может быть несколько изменен либо в сторону расширения, либо в сторону сужения. Объем организационных мероприятий зависит также и от характера следственной ситуации.

Рабочий этап дистанционного проведения следственного действия определяется конкретными действиями лиц по его проведению и фиксации. На этом этапе лицо, осуществляющее расследование озвучивает дату, время, место, вид следственного действия, его цели и задачи, участников (с удостоверением их личности), разъясняет последним их права и обязанности (свидетеля, потерпевшего и специалиста дополнительно предупреждает об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных

показаний по ст. 307-308 УПК РФ, а эксперта и переводчика – за дачу заведомо ложного заключения и заведомо неправильный перевод по ст. 307 УК РФ) [8], оговаривает порядок проведения следственного действия. После чего приступает к непосредственному проведению следственного действия (задает вопросы, уточняет порядок совершения преступления, его мотивы и способы; принимает меры к обнаружению и изъятию следов преступлений, вещественных доказательств и пр.) [9]. При этом, все действия лица, осуществляющего расследование (от начала и до конца) фиксируются с помощью видеокамеры.

Заключительный этап дистанционного проведения следственного действия предполагает фиксацию хода и результатов следственного действия. На этом этапе лицо, осуществляющее расследование, принимает меры к фиксации полученной информации с отражением ее в протоколе следственного действия, затем уточняет у участников следственного действия о наличии вопросов и замечаний к порядку его проведения (в случае наличия таковых – дает ответы на вопросы либо предоставляет комментарии относительно порядка его проведения), после чего озвучивает время и дату завершения следственного действия. Эти действия также фиксируются с помощью видеокамеры, а материалы, полученные посредством использования технических средств, прикладываются к протоколу следственного действия точно также, как и изъятые в ходе его проведения следы преступления и вещественные доказательства.

Основные положения организации некоторых следственных действий в дистанционном режиме в настоящей работе рассмотрены не будут в виду большого объема информации и многоаспектности указанного вопроса. Представляется, что организация дистанционного проведения отдельных следственных действий является самостоятельным научным исследованием.

Подводя итог изложенному стоит отметить, что организация дистанционного проведения следственных действий представляет собой процесс упорядочения расследования преступлений, поскольку предполагает определение и конкретизацию их целей и задач, создание условий для качественного их проведения, а также ряд сопутствующих этому моментов.

Организационную деятельность (планирование), с нашей позиции, целесообразно определять, как интеллектуальный процесс определения сил и средств, необходимых для достижения целей расследования [9], определения и конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

С учетом изложенного, разрешение теоретических вопросов дистанционного проведения следственных действий направлено на совершенствование практики

деятельности правоохранительных органов, повышению эффективности и качества борьбы с преступностью [10, с. 99].

В этой связи предлагается уместным уточнение процесса организации и планирования дистанционного производства следственных действий, поскольку данный формат проведения следственных действий требует тщательной подготовки, выражающейся в учете множества важных процессуальных нюансов, что позволит правильно и оперативно отреагировать на различные нарушения порядка их производства либо и вовсе на противодействие их производству со стороны заинтересованных лиц.

Таким образом, по нашему мнению, важными процессуальными нюансами, требующие проработки при дистанционном производстве следственных действий являются следующие.

Во-первых, убедиться в том, что избранное следственное действие, производимое в дистанционном формате, преследует своей целью получение вербальной или визуальной информация, носителем которой является конкретное лицо (участник уголовного процесса) либо поиск, обнаружение и изъятие следов преступления. Думается, что наиболее целесообразно производить следственные действия дистанционно для указанных целей, нежели для исследования следов преступлений либо же проверки имеющихся материалов по базам данных. Последнее, представляется, процессуальным действием, сопутствующим расследованию, а никак не следственным.

Во-вторых, удостоверившись в правильности выбора того или иного следственного действия, необходимо тщательно его продумать и спланировать, для чего составить план дистанционного производства следственного действия, отразив дату, время, место его производства; участников следственного действия и привлекаемых лиц для его реализации; действия и роль каждого участника следственного действия; права и обязанности, а в некоторых случаях, и ответственность участников следственного действия; порядок взаимодействия с удаленными участниками следственного действия; условия, при которых допустимо или благоприятно проведение следственного действия; перечень технических средств, использование которых необходимо для его производства; места установки технических средств (точки установки с указанием координат); возможность перемещения технических средств; необходимый ракурс съемки; необходимость демонстрации вещественных доказательств и иных предметов; проявление возможных нарушений и противодействия со стороны участников следственного действия; меры по устранению нарушений, противодействия и иных негативных обстоятельств, создающих невозможным проведение следственного действия; вопросы и детали, требующие уточнения в ходе следственного действия; порядок фиксации следственного действия; способ удостоверения

протокола следственного действия подписями участников следственного действия, которые территориально удалены (например, направление по факсимильной связи, подписание электронно-цифровой подписью, идентификация с использованием биометрических данных участников следственных действий и др.) и пр.

В-третьих, для того, чтобы организация дистанционного производства следственного действия не только соответствовала принципам и требованиям законодательства, но и предопределила достижение положительного результата, полагаем, что, как место, в котором осуществляется предварительное расследование, так и место, в котором дистанционно производится следственное действие равным образом должны признаваться местом дистанционного производства следственного действия. Сказанное, представляется более чем оправданным, как минимум, по двум причинам:

– дистанционное производство следственного действия будет находится на более высоком организационном и тактическом уровнях, поскольку будет сопровождаться деятельностью одновременно нескольких лиц, ведущих расследование (следователями, дознавателями), обеспеченной их тесным взаимодействием при его подготовке и проведении;

– отражение в протоколе следственного действия расширенной информации о месте его производства (с указанием обоих мест его производства) будет наиболее информативным, полным и обоснованным, что придаст легитимность производимому следственному действию и протоколу, в котором отражен его ход и результаты. Более того, такое положение вещей будет гарантией того, что дистанционное производство следственного действия, будучи громоздким и организационно сложным, тщательно спланировано, а не проведено спонтанно в условиях дефицита времени расследования.

Приведенные предложения по организации дистанционного производства следственных действий, по нашему мнению, призваны обеспечить учет важных нюансов при ее процессуальной реализации, что исходит из целей оптимизации и эффективности расследования.

Список использованных источников:

1. Криминалистика. Учебник / Ищенко Е.П., Филиппов А.Г. – М., 2007. – 743 с. – URL: <https://mayalleng.org/d/jur/jur374.html>
2. Гутерман М.П. Организационные мероприятия следователя в процессе расследования преступлений. – М., 1983.
3. Головин М.В. Понятие целеопределения в расследовании. – Краснодар, 2005.

4. Организация следственных действий. – 2017. – URL: https://studopedia.ru/19_233316_organizatsiya-sledstvennih-deystviy.html
5. Родивилина В.А., Шаевич А.А. Оптимизация условий предварительного расследования посредством использования систем видео-конференц-связи // Пролог: журнал о праве. Право. – 2018. – С. 1-8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-usloviy-predvaritelnogo-rassledovaniya-posredstvom-ispolzovaniya-sistem-video-konferents-svyazi>
6. Алмаз М.Э. Организационные и правовые аспекты деятельности следственных групп (бригад). – URL: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/8/yurisprudentsiya/almaz.pdf
7. Резник Г.М. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 2 2-е изд., пер. и доп. Учебник для академического бакалавриата. – Юрайт. – 2016. – URL: <https://avidreaders.ru/book/ugolovno-processualnoe-pravo-rossiyskoy-federacii-v-1.html>
8. Мельников В.Ю., Джамалова Б.Б., Саидов М.О. Проблемы доказывания по уголовным делам. Учебник / Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Ростов-на-Дону, 2020.
9. Основные положения организации расследования преступлений. – URL: https://www.kubsau.ru/upload/iblock/a15/a15709f43341f8f1972bb776778_cee09.docx
10. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Монография. – Краснодар: КубГАУ, 2011. – 156 с.

Скобелев В.П.

к.ю.н., доцент

Белорусский государственный университет

Республика Беларусь, г. Минск

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

Аннотация. Рассмотрены проблемы, связанные с использованием в апелляционном производстве современных информационных технологий для целей фиксации хода процесса, а также дистанционного участия в судебном заседании.

Annotation. The problems associated with the use of modern information technologies in the appeal proceedings for the purpose of recording the course of the process, as well as remote participation in the court session are considered.

Законом Республики Беларусь от 17 июля 2020 г. №45-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон №45-З) в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) закреплены новые подходы к фиксированию хода судебных процессов. Суть новых подходов заключается в том, что теперь согласно ч.1 ст. 113 ГПК ход каждого судебного заседания суда первой инстанции и ход совершения отдельного процессуального действия суда первой инстанции вне заседания подлежат фиксированию путем использования средств звуко- или видеозаписи с одновременным составлением в письменной форме краткого протокола. Фиксирование хода судебных заседаний (хода отдельных процессуальных действий) «старым» способом, т.е. составлением традиционного (полного) протокола без применения средств звуко- или видеозаписи, предусмотрено только для ситуаций, когда в судебное заседание не явились все участники гражданского судопроизводства (ч.2 ст. 113 ГПК) или отсутствует техническая возможность ведения звуко- или видеозаписи (ч.3 ст. 113 ГПК).

Использование средств звуко- или видеозаписи оговорено и для целей фиксирования хода судебных заседаний в апелляционном производстве (ч.4 ст. 113, ч.3 ст. 174, ст. 420 ГПК). Вместе с тем само фиксирование хода судебного заседания суда апелляционной инстанции по-прежнему допускается законодателем только в ограниченном и строго определенном числе случаев: если в судебном заседании нужно допросить свидетелей, экспертов, специалистов; при участии в судебном заседании переводчика; когда суд апелляционной инстанции сам сочтен необходимым фиксирование хода процесса (ч.1, 2 ст. 420 ГПК).

Однако, по нашему мнению, фиксировать ход судебного заседания апелляционной инстанции целесообразно абсолютно во всех случаях, потому что с учетом расширения полномочий судов второй инстанции (при замене в 2018 г. кассации на апелляцию) проводимые ими судебные заседания становятся (и будут становиться) все более насыщенными, информативными и разнообразными [1, с. 30-31]. Тем более теперь при использовании средств звуко- и видеозаписи это делать будет значительно проще (думается, что правило о выборочном фиксировании хода судебного заседания апелляционной инстанции во многом было рассчитано на старый способ фиксирования процесса – полный, громоздкий протокол, составление которого, соответственно, не во всех случаях было удобно).

Как указано в ч.3 ст. 174, ч.3 ст. 420 ГПК, содержание краткого протокола, протокола судебного заседания, порядок их составления, ознакомления со звуко- или видеозаписью, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания, принесения замечаний на них и

рассмотрения таких замечаний регулируются правилами, установленными главой 20 «Протоколы» ГПК, с учетом сущности апелляционного производства. Вместе с тем ряд проблем, имеющих отношение к фиксации судебного заседания апелляционной инстанции, Закон №45-З так и не решил.

Например, остается нерегулированным вопрос о моменте объявления судом второй инстанции информации о сроках составления краткого протокола, протокола и о праве заинтересованных лиц на ознакомление с ними. Согласно ч.3 ст. 175 ГПК эта информация должна объявляться «при оглашении решения по делу», но суд апелляционной инстанции по итогам рассмотрения дела выносит определение, а не решение (см. §4 главы 32 ГПК).

В ч.5 ст. 176 ГПК сохранено прежнее правило о коллегиальном рассмотрении судом второй инстанции замечаний на звуко- или видеозапись, краткий протокол, протокол судебного заседания суда. Однако законодателем опять (как и в прежней редакции данной нормы) упущено из виду то обстоятельство, что определения суда первой инстанции, которыми дело не разрешено по существу, пересматриваются апелляционной инстанцией в единоличном составе (ч.3 ст. 10 ГПК), соответственно здесь коллегиальный состав суда при рассмотрении замечаний обеспечить в принципе невозможно [2, с. 14].

Точно так в ч.5 ст. 176 ГПК сохранилось и другое далеко не самое лучшее правило: при коллегиальном рассмотрении замечаний «председательствующий и хотя бы один из судей должны входить в состав суда, рассматривавшего дело». Другими словами, данное правило допускает участие в коллегиальном рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания судьи, который не входил в состав разрешившей дело апелляционной коллегии. Подобное регулирование является более чем странным. Разве сможет этот «новый» судья объективно оценить замечания на протокол судебного заседания, если в самом заседании он не присутствовал? Не будет иметь возможности этот судья и «пролоббировать» свою собственную (независимую) точку зрения на обсуждаемые замечания, т.к. остальные судьи при голосовании составят большинство. В итоге получается, что указанный судья будет привлекаться к участию в рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания, выражаясь образным языком, для массовки [2, с. 14-15].

Заметим, что разъяснения по отмеченным проблемам (касающимся применения в апелляционном производстве положений ч.3, 5 ст. 175 ГПК) не были включены и в недавно принятое постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. №1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – Постановление №1). Более того, Постановление №1 еще больше запутало вопросы использования некоторых информационных технологий в апелляционном производстве.

Так, продублировав в первом предложении ч.1 п.15 Постановления №1 предписания ч.1, 2 ст. 419 ГПК (согласно которым участники гражданского судопроизводства могут участвовать в заседании суда апелляционной инстанции путем использования систем видеоконференцсвязи), во втором предложении ч.1 п.15 Постановления №1 Пленум Верховного Суда указал: «В исключительных случаях при наличии технической возможности и зафиксированного согласия юридически заинтересованных в исходе дела лиц в открытом судебном заседании также могут использоваться и другие незапрещенные программные и аппаратные средства видеосвязи, позволяющие дистанционно участвовать в судопроизводстве». Давая подобное разъяснение, высшая судебная инстанция явно вышла за пределы своей компетенции, поскольку ввела в процессуальную сферу совершенно новую норму, т.к. дистанционно участвовать в судебном заседании ГПК позволяет только посредством систем видеоконференцсвязи. Кроме того, данную правовую норму ввиду несовершенства ее содержания будет весьма проблематично на практике применить. Ведь непонятно, что подразумевают такие выражения, как «исключительные случаи», «техническая возможность», «незапрещенные программные и аппаратные средства видеосвязи», как должно быть зафиксировано согласие юридически заинтересованных в исходе дела лиц, почему применение соответствующих средств видеосвязи допустимо только в открытом судебном заседании.

Список использованных источников

1. Скобелев, В. Апелляционная форма проверки судебных постановлений по гражданским делам: еще раз о новеллах // Юстиция Беларуси. 2018. №7. С. 27-34.
2. Скобелев, В. Новеллы гражданского судопроизводства и вопросы эффективности нормотворчества // Юридический мир. 2018. №4. С. 11-21.

Бахриева З.Р.

к.ю.н., доцент,

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Российская Федерация, г. Симферополь*

Павленко И.Г.

к.э.н., доцент

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Российская Федерация, г. Симферополь*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА БРОНИРОВАНИЯ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ

Аннотация: В статье исследуются особенности заключения договора бронирования гостиничных услуг с использованием цифровых технологий. При этом авторы приходят к выводу о квалификации такого договора в качестве предварительного, предшествующего заключению основного договора, а предварительную оплату услуг по нему в сети Интернет – авансом.

Abstract: The article examines the features of concluding a contract for the reservation of hotel services using digital technologies. At the same time, the authors come to the conclusion that such an agreement is qualified as a preliminary one, preceding the conclusion of the main agreement, and prepayment for services on it on the Internet is a prepayment.

На сегодняшний день в Российской Федерации нормативно-правовую базу гостиничной деятельности представляют документы различной юридической силы, основная роль которых состоит в регулировании экономических отношений между субъектами гостиничного рынка. Они призваны контролировать обеспечение баланса интересов, соблюдение прав и обязанностей между исполнителем (объектом) и заказчиком (потребителем гостиничной услуги) в соответствии с социальным, экономическим и политическим укладом, в котором функционирует правовая система. При этом в ст. 1 ФЗ № 132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» указывается, что гостиницей является средство размещения, предоставляющее гостиничные услуги [3].

Исследование гражданско-правового регулирования отношений в сфере предоставления гостиничных услуг вызывает необходимость обращения к процедуре бронирования соответствующих услуг, так как перед тем, как заключить договор гостиничного обслуживания, этому обычно предшествует бронирование номера, что, в свою очередь, осуществляется, в большинстве случаев, с использованием различных информационных и цифровых технологий. Оформление договора о предоставлении гостиничных услуг способом составления единого документа, очевидно, является наиболее понятным и простым способом заключения данного договора и не требует детального анализа. Поэтому больше внимания следует уделить таким способам подачи заявки на бронирование посредством почтовой, телефонной или иной связи, а именно - бронированию через Интернет.

Так, прежде всего, следует выяснить содержание термина «бронирование». Понятие «бронирование», в основном, используется в сфере услуг, в частности при перевозке,

туристических и гостиничных услугах и т.п. В литературе поясняется, что под бронированием принято понимать сохранение, подтверждение наличия определенных прав отдельных лиц в случаях, установленных законодательством [6, с. 90]. Согласно Правил предоставления гостиничных услуг, бронирование — это процесс заказа заказчиком гостиницы основных и/или дополнительных услуг в определенном объеме, с целью использования услуг в оговоренные сроки конкретным потребителем или группой потребителей [4].

Исходя из буквального содержания приведенного определения, под бронированием понимается не что иное, как процесс заказа заказчиком гостиничных услуг, то есть, по сути, это - процедура заключения договора. Подобный подход применяется и в международной практике. Так, согласно ст. 9 Международной гостиничной конвенции [1] о заключении контрактов владельцами гостиниц и турагентами определено, что началом заключения гостиничного контракта признается направление турагентом в адрес владельца отеля запроса на бронирование гостиничных услуг. Процедура бронирования представляет собой формирование партнерства среди уполномоченных сотрудников отеля и посетителями, процесс заказа мест и номеров в гостинице; на этапе бронирования начинается технологический цикл технологического обслуживания гостей.

Непосредственно от результативной организации бронирования зависит впечатление покупателя об отеле, по этой причине оператор по бронированию обязательно должен иметь профессиональную подготовку, телемаркетинговые навыки общения по телефону, показать высокий профессионализм и компетентность гостеприимства [5, с. 231].

На наш взгляд, «бронирование» следует рассматривать, скорее, как способ заключения договора о предоставлении гостиничных услуг. При этом мы согласны с мнением М. Б. Цаликовой, которая рассматривает договор на бронирование мест в гостинице как предварительный, поскольку «...исполнитель как бы гарантирует тем самым заказчику, что соответствующий номер не будет сдан другим клиентам. Следовательно, договор на бронирование мест в гостинице должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также другие существенные условия основного договора на гостиничное обслуживание» [7, с. 92]. Обоснованием для такого утверждения является указание в п. 1 ст. 429 ГК РФ о том, что по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор в том числе, и об оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. При этом согласно данному правовому положению, такой договор заключается в форме, установленной для основного договора (письменной), должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также иные

условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора [2].

Таким образом, рассматривая договор бронирования гостиничных услуг как предварительный договор, при его заключении с использованием цифровых технологий важно указать все необходимые данные, в том числе, срока заключения основного договора, то есть дату непосредственного заезда в номер. Нельзя не отметить удобство заключения договора бронирования гостиничных услуг и для исполнителя, так как это позволяет предусмотреть ориентировочное количество гостей, которые останутся в отеле в определенный период, а также аккумулировать оборотные средства в период небольшого спроса (гость осуществляет предоплату, в том числе и полную, то есть имеет место кредитование гостем исполнителя).

При бронировании гостиничного номера через Интернет, как правило, отмечается конкретно дата заезда и выезда, цена, вид номера, другие условия, а также уплачивается стоимость номера (с помощью банковских карт и т.д.). При заказе номера посредством почтовой связи или факса заказчиком также указывается вид номера, желаемая дата заезда и выезда, а исполнителем указывается в подтверждении цена и способ оплаты, то есть, по сути, в обоих случаях достигается согласие по всем существенным условиям договора. На практике для резервирования используются самые различные технические средства: телефон, информационная система Интернет, факс, телеграмма, письмо.

Использование средств мобильной связи и социальных сетей Интернет являются распространенными способами, применяемыми при бронировании. На наш взгляд, бронирование по телефону имеет определенные преимущества по сравнению с другими видами, так как в процессе общения с оператором клиент имеет возможность уточнить интересующую его информацию. В то же время, и сотрудник гостиницы, общаясь с клиентом, может подсказать ему интересующие его дополнительные услуги отеля. Современные интернет-системы бронирования, например <http://www.booking.com/>, или непосредственно веб-сайты отелей позволяют быстро и удобно забронировать нужный номер, при этом, осуществляя бронирование, согласовываются все существенные условия договора. Подавляющее большинство веб-сайтов содержат фотографии номеров и отелей, позволяют оставлять комментарии (в них гости отеля могут отразить свое впечатление от полученных услуг), в свою очередь позволяет составить у будущего гостя определенное впечатление об отеле, качество гостиничных услуг.

Достаточно часто бронирование гостиничных услуг, особенно в сети Интернет, сопровождается требованием о предварительной оплате услуг, исполнение которых подпадает под содержание конклюдентных действий, свидетельствующих о принятии

заказчиком публичной оферты исполнителя. Однако данный факт может ставить под сомнение квалификацию договора бронирования в качестве предварительного договора, так как по предварительному договору не возникают обязанности по основному договору, в том числе, по оплате услуг, а возникает лишь обязательство по заключению основного договора, следовательно, внесенную плату следует считать авансом, который, впрочем, не гарантирует совершение сделки в будущем со стороны заказчика.

Список использованных источников:

1. Международная гостиничная конвенция. [Электронный ресурс] – . – URL: <http://www.consultant.ru>. – Текст : электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон N 51-ФЗ [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
3. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон № 132-ФЗ от 24.11.1996 (ред. от 08.06.2020) // [Электронный ресурс] – . – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/. – Текст : электронный.
4. Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации № 1853 от 18.11.2020 – . – URL: <https://base.garant.ru/74929324/>. – Текст : электронный.
5. Мальская, М. П. Гостиничный бизнес: теория и практика : учебник. 2 изд. перераб. и доп. / М. М. Мальская, И. Г. Пандяк. - М.: Центр учебной литературы, 2012. – 472 с. – Текст : непосредственный.
6. Федорченко, Н. В. Общая характеристика договора на гостиничное обслуживание / Н. В. Федорченко. – Текст : непосредственный // Юридический вестник. Воздушное и космическое право. – 2012. – № 4. – С. 93-98.
7. Цаликова, М. Б. Правовое регулирование деятельности по оказанию гостиничных услуг : дис. на соиск. ... к-та юрид. наук / М.Б. Цаликова. - Краснодар, 2007. – 171 с. – Текст : непосредственный.

Заброда Д.Г.

к.ю.н., доцент

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Россия, г. Симферополь

Цындра В.Н.

к.ю.н., доцент

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Симферополь*

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВНЕДРЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация: Актуализируются потребность в изучение проблематики цифровизации производства по делам об административных правонарушениях. Приведены отдельные показатели внедрения информационно-телекоммуникационных системы в деятельность судов и других субъектов административной юрисдикции. Выделены группы проблемы, которые сопутствуют внедрению ИТКС в процессы государственного управления: характерные для цифровизации правосудия в целом, связанные с использованием ИТКС на отдельных стадиях производства по делам об административных правонарушениях, возникающие при применении отдельных информационно-телекоммуникационных технологий.

Abstract: The need to study the problems of digitalization of production in cases of administrative offenses is actualized. Some indicators of the implementation of information and telecommunication systems in the activities of courts and other subjects of administrative jurisdiction are given. The groups of problems that accompany the implementation of ITCS in public administration processes are identified: typical for the digitalization of justice in general, associated with the use of ITCS at certain stages of proceedings in cases of administrative offenses, arising from the use of certain information and telecommunication technologies.

Достижения научно-технического прогресса, основанные на цифровизации, сегодня активно внедряются во все сферы общественной жизни. Современные информационно-телекоммуникационные системы (далее – ИТКС) становятся основой для совершенствования государственного управления, экономики, образования.

Важную роль они играют и в реформировании судебной системы как важнейшей составляющей государства и общества. В частности, функционирование единого информационного пространства федеральных и арбитражных судов обеспечивается Государственной автоматизированной системой «Правосудие» и комплексом интегрированных программно-технических средств, включающих системы автоматизации судопроизводства, информационные системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел» и «Банк решений арбитражных судов»; гражданам обеспечена возможность направления в суд через личный кабинет процессуального обращения и документов в электронном виде,

получения ответов по существу своего обращения либо вынесенного по делу судебного акта; активно используются системы видео-конференц-связи, аудио-форма протоколирования судебных заседаний, электронное планирование и система документооборота и др.[1]

Наиболее полно возможности цифровизации используются в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, что обусловлено процессом доказывания и, преимущественно, документальными источниками доказательств. Однако, несмотря на уточнения порядка применения электронных ресурсов в судопроизводстве в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», полностью их использование в производстве по делам об административных правонарушениях ограничено как в связи с несовершенством действующего законодательства, так и рядом проблем организационного и технического характера [2].

Эпидемия коронавируса активизировала необходимость расширения дистанционных способов рассмотрения дел об административных правонарушениях. Так, в 2020 г. увеличилось число судебных заседаний по делам об административных правонарушениях, проводимых в режиме видеоконференцсвязи (далее – ВКС) на 27,9 % (с 49 398 до 64 358), а рассмотрение материалов в порядке исполнения постановлений об административных правонарушениях в 2 раза (с 15 до 30) [3]. Однако, такая возможность предоставлена судьям на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении (ст. 29.14 КоАП РФ). При этом имеется ряд требований, которые свидетельствуют, что электронный формат в этой ситуации используется в усеченном виде (не во всех случаях, а лишь когда обязательный участник производства не может прибыть в судебное заседание, находится в под стражей или в местах лишения свободы, а также когда имеется техническая возможность для ВКС; необходимость предоставления в суд документов, полученных в ходе ВКС, в течение следующего рабочего дня; невозможность использование такого способа в закрытом судебном заседании).

Максимальный охват цифровыми инструментами обеспечен в ходе производства по делам об административных правонарушениях, фиксируемых работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи: электронная процессуальная форма реализуется на всех основных стадиях производства (от фиксации до исполнения постановления о назначении административного наказания) по делам о ряде административных правонарушений в области дорожного движения.

Например, полицией в 2020 г. выявлено – 167,2 млн. (+15,7%) правонарушений, 87% из них – с использованием специальных технических средств. При этом, около 80% административных штрафов, назначенных за данные правонарушения, оплачены добровольно, из которых до 20 дней в размере половины суммы – 73%, с использованием различных электронных сервисов – 84% [4]. В тоже время, для других административных правонарушений, несмотря на назревшую потребность, такая процессуальная форма не предусмотрена.

Следует отметить, что сегодня значительно активизированы научные исследования, посвященные проблематике использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях. Такая активность обусловлено разработкой новых Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, окончание которой ожидается до 31.12.2021 г.

Обобщая изученные материалы, нами предлагается выделять следующие группы проблем, связанных с внедрением информационно-телекоммуникационных технологий в производство по делам об административных правонарушениях:

– общие проблемы, которые присущи внедрению ИТКС в процессы государственного управления: недостатки в реализации общегосударственной и ведомственных систем информатизации управленческих процессов (например, отсутствие общего интерфейса обмена данными, единых подходов к переводу документов в электронный формат, стандартам электронного делопроизводства, межведомственному информационному взаимодействию, защите данных и т.п.); «цифровой» разрыв в обеспечении внедрения ИТКС в регионах субъектов Российской Федерации, а также несовершенство отечественной компьютерной техники и программного обеспечения; низкий уровень компьютерной грамотности большинства населения России и фактическое его отсутствие у значительного числа граждан; ограничение (отсутствие) у отдельных категорий граждан (например, маломобильных групп (инвалидов, престарелых) возможности использовать цифровые сервисы (для подачи заявлений, обжалования решений) в связи с процедурой непосредственного подтверждения личности в специальных офисах «Ростелекома» или МФЦ, а также в связи самоизоляцией отдельных категорий граждан и др.;

– основные проблемы, характерные для цифровизации правосудия: неопределённость статуса российского электронного правосудия, а также урегулирование процессов внедрения ИТКС и порядка их использования исключительно нормативными решениями Верховного Суда Российской Федерации; наличие рисков обеспечения прав

участников «электронного судопроизводства» (например, в сфере персональных данных), уничтожения или искажения информации, хранящейся в электронном виде, техническими средствами; подконтрольность ИТКС операторам связи и администраторам сетей, снижающая конфиденциальность; зависимость качества доказательств, полученных в ходе конференцсвязи, от качества звуко- и видеопередачи; недостаточный уровень подготовки судей и персонала судов к использованию компьютерных технологий в судопроизводстве, в том числе и в ходе различных технических сбоев; сложности, присущие видам судопроизводства, основанные непосредственное рассмотрение материалов дела уполномоченными должностными лицами, общении с его участниками;

– проблемы, связанные с использованием ИТКС на отдельных стадиях производства по делам об административных правонарушениях: отсутствие в КоАП РФ общих положений, предусматривающих применение данных систем; использование в полном объеме ИТКС преимущественно при осуществлении производства в упрощенной форме; не урегулированность порядка использования ИТКС (в первую очередь, сервисов конференцсвязи) другими, кроме судей, должностными лицами, устарелость традиционных форм получения доказательств по делам об «информационных» административных правонарушениях и других правонарушений, выявление и фиксация которых возможна с применением ИТКС (например, в общественных местах, оборудованных системами видеоконтроля); ограничение в реализации принципа индивидуализации административного наказания при назначении отдельных из них (например, в отношении административного штрафа, назначаемого собственникам (владельцам) транспортного средства); неполнота реализации электронной формы представления «электронной» жалобы на решения должностных лиц; «мнимая» простота исполнения административного штрафа, возможность его деления, путем использования электронных платёжных систем и сервисов, ведущая к нивелированию карательного, предупредительного и воспитательного характера наказания и др.;

– проблемы, возникающие при применении отдельных информационно-телекоммуникационных технологий: качество конференцсвязи, влияющее на оценку представляемых доказательств, проверку объективности показаний участников процесса; несовершенство отечественного программного обеспечения и зависимость от программных продуктов иностранного производства; отсутствие действенных механизмов контроля за согласием лица при использовании СМС-уведомлений, фиксации факта получения такого уведомления; низкая защищенность государственных телекоммуникационных сетей и др.

Подытоживая, отметим, что систематизация проблем, связанных с внедрением ИТКС в производство по делам об административных правонарушениях, не только позволит

выявить круг вопросов, требующих проведения комплексных исследований, но и сосредоточить внимание административистов на наиболее сложных из них, определить пробелы в текущем административно-деликтном законодательстве и практике его применения в целом в России и её регионах, а также очертить направления использования позитивного зарубежного опыта в этой области. Такие исследования будут содействовать завершению очередного этапа реформы законодательства Российской Федерации об административной ответственности.

Список использованных источников:

1. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина по теме: «Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42272>

2. Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321

3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2019, 2020 гг.: форма № 1 АП [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>

4. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021, 75 с.

Заброда Д.Г.

к.ю.н., доцент

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Россия, г. Симферополь

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

Аннотация: Актуализируются потребность в изучение проблематики цифровизации деятельности участковых уполномоченных полиции. Выявлены факторы, которые

необходимо учитывать в процессе внедрения цифровых технологий в работу участковых уполномоченных полиции. Предложен перечень основных направлений цифровизации деятельности участковых уполномоченных полиции в современных условиях.

Abstract: The need to study the problems of digitalization of the activities of district police officers is actualized. The factors that need to be taken into account in the process of introducing digital technologies into the work of district police officers have been identified. A list of the main directions of digitalization of the activities of district police officers in modern conditions is proposed.

Стремительное развитие научно-технического прогресса во всех отраслях человеческой жизни, основанное на внедрении современных информационно-телекоммуникационных технологий, обуславливает необходимость использования их возможностей для повышения уровня обеспечения прав и свобод человека, их защиты от потенциальных угроз, связанных с цифровизацией социальных процессов, повышения эффективности функционирования органов публичной власти.

Внедрение цифровых технологий в правоохранительную деятельность, сегодня признается одним из приоритетных направлений развития Министерства внутренних дел России и подчиненных ему подразделений.

В частности, задачи по совершенствованию деятельности органов внутренних дел в процессе формирования цифровой экономики в России поставлены перед ведомством руководством российского государства. Так, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 03.03.2021 г. В. Путин констатировал, что «...технологии быстро развиваются, мы за ними, к сожалению, не успеваем», создавая «...поле для преступлений, для разного рода аферистов», а задача МВД России «...эффективно ответить на этот криминальный вызов, защитить граждан и добросовестный бизнес, который активно осваивает цифровое пространство». Кроме этого, важно «...своевременно информировать людей о способах защиты от мошенников, повышать профессиональную подготовку и техническое оснащение органов внутренних дел» [1].

В первую очередь, внедрение информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТК) должно быть направлено на: поиск лиц, находящихся в розыске; фиксацию правонарушений, совершаемых в общественных местах; информирование населения о криминогенных угрозах и способах предупреждения правонарушений; упрощение поиска и получения данных, оставляющих оперативно-профилактический интерес, работы с обращениями граждан; повышение качества государственных услуг.

Среди подразделений полиции, которые комплексно реализуют большинство функций этого правоохранительного органа выступает служба участковых уполномоченных полиции (далее – УУП). Являясь наиболее приближенной к населению, УУП ориентированы на осуществление профилактик правонарушений и оказание помощи лицам, проживающим на соответствующей территории (административном участке). При этом эффективность их работы напрямую зависит от владения информацией, характеризующей состояние охраны правопорядка на административном участке, лицах, которые на нем проживают, а также факторах, влияющих на стабильность оперативной обстановки.

В связи с этим, использование ИТК становится для УУП повседневной необходимостью. Например, УУП: ежедневно используют возможности модуля «Участковый» программного обеспечения Сервиса обеспечения охраны общественного порядка Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации; размещает информацию, в рамках правового информирования, на официальных сайтах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» территориального органа или органа местного самоуправления; могут инструктироваться с использованием средств подвижной радиотелефонной, радио- и проводной связи; пользуются служебными электронными планшетами для получения и внесения в базы данных необходимой информации; применяют цифровые регистраторы для контроля и фиксации окружающей обстановки; используют социальные сети для поиска информации о конкретных лицах, их образе жизни и др.

Несмотря на значимость проблемы совершенствования информационного обеспечения, в Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020 - 2023 годы отмечается лишь задача «...обеспечения в установленном порядке мероприятий для бесперебойной и эффективной эксплуатации модуля «Участковый»» [2].

Дальнейшее внедрение цифровых технологий в работу УУП является частью процессов, осуществляемых в системе МВД России. При этом, необходимо учитывать, что деятельность УУП имеет свою специфику, которая проявляется в необходимости: ежедневного общения с гражданами различных категорий, посещения жилищ, других объектов в ходе профилактического обхода, предусматривающего фиксацию и размещение определённой информации в ведомственных базах данных; участия в организации охраны общественного порядка на административном участке на основе анализа оперативной обстановки; участия в поисковых мероприятиях в процессе розыска различных категорий граждан, могущих находиться на территории административного участка; оперативной проверки информации, содержащейся в обращениях граждан, подготовки по результатам их рассмотрения ответов, а

также промежуточного информирования о ходе рассмотрения обращения; подготовки информационно-аналитических документов, являющихся основой для отчета УУП перед населением административного участка; учета особенностей несения службы в городах и других населенных пунктах (в первую очередь, сельской и отдаленной). Также следует учитывать, что, для УУП выполняющего служебные обязанности преимущественно единолично, актуальными являются вопросы личной безопасности и контроля со стороны руководителей ОВД. Данная ситуация требует использование средств, обеспечивающих удаленный контроль за состоянием сотрудника полиции и местом его пребывания.

Основываясь на анализе содержания нормативных правовых актов, научных публикаций и эмпирических данных к основным направлениям цифровизации деятельности УУП предлагается относить: выявление потребностей УУП в использовании цифровых ресурсов, современных технических средств и средств связи; разработку технических средств, программных продуктов, автоматизированных рабочих мест УУП, учитывающих его «цифровые» потребности, а также обеспечение возможности их интеграции в уже имеющиеся ведомственные и межведомственные системы электронного взаимодействия; экспериментальную проверку цифровых комплексов в типовых подразделениях УУП (в условиях города, сельского и отдаленного населенных пунктов) и определение дальнейшего порядка их использования; разработку и внедрение в деятельность образовательных организаций системы МВД России учебных дисциплин, формирующих «цифровые» компетенции УУП и других сотрудников полиции; подготовку педагогических кадров, способных обеспечить необходимый уровень цифровой грамотности УУП; закрепление порядка использования современных технических средств в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельности УУП; разработку учебно-методических и инструктивных материалов, облегчающих использование цифровых технологий УУП.

Список использованных источников:

1. Путин В. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД России (03.03.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090#sel=11:47:hWh,11:49:hWh>
2. Приказ МВД России от 30.03.2020 № 191 «Об утверждении Концепция развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020 - 2023 годы» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

Клименко Е.П.

к.ю.н., доцент

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В МОРСКОМ ПРАВЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросу применения новых цифровых технологий, таких как смарт-контракты, технология блокчейн, искусственный интеллект и автоматизированные суда в морском праве. На основе изучения международно-правовых актов, автором определены правовые основы применения цифровых технологий в отрасли, а также указаны их достоинства и недостатки.

Annotation. This research is devoted to the application of new digital technologies, such as smart contracts, blockchain technology, artificial intelligence and automated vessels in maritime law. Based on the study of international legal acts, the author defines the legal basis for the use of digital technologies in the industry, as well as their advantages and disadvantages.

Поскольку суда перевозят более 90% товаров для торговли, морской транспорт является важным, но уязвимым компонентом мировой экономики. Новый доклад Всемирного банка и Международной ассоциации портов и гаваней [1] показывает, что цифровые технологии могут значительно повысить производительность и устойчивость морских поставок.

Автоматизация, искусственный интеллект, энергоэффективность, связь и «зеленое судоходство» будут занимать видное место в морской отрасли в будущем.

Однако, как и во всех инновациях, цифровизация и автоматизация ставят перед морской отраслью ряд проблем, в том числе киберриски, проблемы с трудоустройством работников морской сферы, отсутствие единых стандартов, например, в технологии блокчейн, и вопросы регулирования, включая эффективное применение существующих правил к новым процессам и системам.

В июле 2020 г. сообщалось, что кибератаки на морскую отрасль увеличились на 400% всего за 12 месяцев, а атаки на операционные технологии увеличились на 900% за три года. При этом не учитывались незарегистрированные инциденты [2].

Законодательство

«Руководящие принципы Международной морской организации по управлению кибербезопасностью» 2017 г. [3] остаются ключевым руководством для морской отрасли.

Кроме того, резолюция Комитета по безопасности Международной морской организации 2017 г. «Управление морскими киберрисками в системах управления безопасностью» [4] призывает компании обеспечить, чтобы киберриски надлежащим образом учитывались в существующих системах управления безопасностью, как того требует Международный кодекс по управлению безопасностью (ISM) [5], не позднее первой ежегодной проверки Документа о соответствии компании после 1 января 2021 года. Владельцы, которые не соблюдают требования, рискуют быть задержанными контрольными органами государства порта, которые будут стремиться обеспечить единообразное соблюдение требований Международной морской организации.

Электронная коммерция и блокчейн

Использование смарт-контрактов растет, особенно электронных коносаментов. Технология блокчейн и электронная коммерция стали преобладающей темой в международной торговле. Блокчейн – это технология, в которой происходит передача информации посредством цепочек блоков, где каждый из них содержит информацию о предыдущем блоке.

Следует отметить, что блокчейн позволяет упрощать и улучшать различные процессы компаний по обмену и хранению информации, имеющей отношение к деятельности этих организаций [6].

Искусственный интеллект и автоматизированные суда

Автономное судоходство – это будущее морской отрасли. По словам Микаэля Мякинена, Президента «Rolls-Royce Marine», мирового лидера в области проектирования судов, судовых двигателей и др.: «Столь же разрушительный, как и смартфон, умный корабль произведет революцию в дизайне и эксплуатации судов».

Эксплуатация удаленных и автономных судов должна быть по меньшей мере такой же безопасной, как и существующих судов, если они хотят получить одобрение контролирующих органов, поддержку судовладельцев, операторов, моряков и более широкое общественное признание.

Удаленные и автономные суда обладают потенциалом для уменьшения ошибок, связанных с человеческим фактором, но в то же время могут изменять некоторые существующие риски, а также создавать новые типы рисков. Эти обстоятельства и возможные средства правовой защиты необходимо будет изучить.

Морская отрасль имеет некоторый опыт в области систематической и всеобъемлющей оценки рисков. Однако, когда вовлекаются новые технологии, необходимы новые знания, более широкое и глубокое понимание новых опасностей. Следует руководствоваться научными исследованиями, которые приведут к новым подходам [7].

Так, например, путем своих продолжающихся усилий по противодействию всем формам автоматизации в морском мире, мощная Международная ассоциация грузчиков США объявила, что ее члены не будут обслуживать автоматизированные суда, работающие без экипажей. Ссылаясь на вопросы безопасности и защиты, профсоюз долгое время боролся с автоматизацией, а еще до этого сопротивлялся переходу к контейнеризации.

Международная ассоциация грузчиков США организовала ожесточенное сопротивление всем формам автоматизации. В 2018 году профсоюз заключил новый шестилетний генеральный договор, охватывающий десятки тысяч работников. Одним из основных аспектов окончательного соглашения были ограничительные положения для портов внедрять технологии автоматизации или оборудования [8].

Суммируя вышеизложенное, необходимо отметить, что на сегодняшний день цифровые технологии активно используются в морской отрасли. Однако, стоит заметить, что это не всегда положительно оценивается персоналом морских портов и судов. Во многом это связано с тем, что вследствие цифровизации сокращаются рабочие места в морской сфере по всему миру. Тем более, что компании, разрабатывающие автоматизированные суда, также планируют автоматическую погрузку и выгрузку грузов с судов без рабочих. Реальным решением все же будет, совмещение новых цифровых технологий и человеческих ресурсов.

Список использованных источников:

1. Review of Maritime Transport 2020. United Nations Conference on Trade and Development's (UNCTAD) [Электронный ресурс]. URL: Review of Maritime Transport 2020 (unctad.org)
2. The Changing Face of Maritime Law and Risk – Cyber, E – Commerce, Automation of Vessels: Shipping Laws and Regulations 2021 [Электронный ресурс]. URL: Shipping Law 2021 | The Changing Face of Maritime Law and Risk – Cyber, E-Commerce, Automation of Vessels | ICLG
3. Guidelines on maritime cyber risk management 5 July 2017. International Maritime organization [Электронный ресурс]. URL: MSC-FAL.1-Circ.3 - Guidelines On Maritime Cyber Risk Management (Secretariat).pdf (imo.org)
4. Resolution MSC.428(98) (adopted on 16 June 2017) Maritime cyber risk management in safety management systems [Электронный ресурс]. URL: MSC 98-23-Add.1 - Report Of The Maritime Safety Committee OnIts Ninety-Eighth Session (Secretariat).pdf (imo.org)
5. International management code for the safe operation of ships and for pollution prevention (international safety management (ISM) code) [Электронный ресурс]. URL: ISM-Code-e.pdf (classnk.or.jp)

6. В. Прохоров, П. Васильев, Е. Жгулёва. Применение технологий блокчейн и смарт-контракт в морских перевозках // ЛОГИСТИКА. – № 3, 2020. – С. 44 – 48.

7. Autonomous ships. The next step [Электронный ресурс]. URL: [rr-ship-intel-aawa-8pg.pdf](https://www.rolls-royce.com/roll-royce-marine/autonomous-ships) (rolls-royce.com)

8. ILA Says Union Will Not Service Automated Ships Without Crews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.maritime-executive.com/article/ila-says-union-will-not-service-automated-ships-without-crews>

Солдатова Л.В.

к.ю.н., доцент,

НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация. В докладе характеризуются способы применения цифровых технологий в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Проведенный анализ позволил определить основные возможности применения цифровых технологий с точки зрения функциональности и эффективности. При этом исследование было направлено на оценку нормативно-правового закрепления требований по применению цифровых технологий.

В целом тенденция цифровизации в сфере охране окружающей среды может рассматриваться как позитивная, в силу обеспечения доступа к получению более качественную информацию о состоянии как отдельных природных ресурсов и объектов, так и о состоянии окружающей среды в целом. Отдельные лаборатории перестают быть монопольными владельцами данных сведений. Однако, при этом необходимо проводить качественную предварительную работу по обоснованию методов и характеристик внедряемой цифровой технологии, а также оценке ее эффективности.

Annotation. The report describes the ways in which digital technologies are applied in the field of environmental protection and the use of natural resources. The analysis made it possible to determine the main possibilities of using digital technologies in terms of functionality and efficiency. At the same time, the study was aimed at assessing the regulatory and legal consolidation of requirements for the use of digital technologies.

In general, the trend of digitalization in environmental protection can be considered as positive, due to the provision of access to obtaining better information about the state of both individual natural resources and objects, and about the state of the environment as a whole.

Individual laboratories cease to be the exclusive owners of this information. However, at the same time, it is necessary to carry out high-quality preliminary work to substantiate the methods and characteristics of the implemented digital technology, as well as to assess its effectiveness.

Цифровые технологии проникли в различные сферы жизни общества, в связи с тем, что они лучше подходят для хранения и передачи больших массивов данных, обеспечивают высокую скорость вычислений. При этом информация может передаваться максимально точно, без искажений. Однако не следует забывать, что сами по себе они характеризуются высокой энергоемкостью и могут оказывать негативное воздействие на окружающую среду.

Их применение, как и использование многих других инструментов неоднозначно, наряду с явными преимуществами отмечаются побочные негативные эффекты. В связи с этим возникает необходимость соотнесения цели внедрения той или иной цифровой технологии, достигаемого результата и затрат на ее внедрение и функционирование.

Следует заметить, что в отрасли информационных технологий на центры обработки данных приходится 0,5% от общих выбросов углерода. Ключевые факторы, определяющие такой объем выбросов – это значительное количество серверов, устройств для хранения данных, систем вентиляции и др. [1]

Крупные компании постоянно исследуют эту проблему и строят энергоэффективные центры обработки данных, в том числе в рамках реализации политики декарбонизации.

Большое значение цифровые технологии имеют для реализации мероприятий по мониторингу состояния окружающей среды. Их развитие позволяет оборудовать не только стационарные лаборатории, эффективность которых во многом зависит от конкретного местоположения лаборатории, но и создавать специальные автономные мобильные устройства. Так, например, в Австралии департамент защиты окружающей среды запустил проект по сбору данных об окружающей среде с помощью специальных сенсоров. Они передают информацию о состоянии атмосферы и уровне загрязнения воздуха, оценивают содержание в нём озона, двуокиси азота, угарного газа, твёрдых частиц, а также измеряют показатели видимости. Данные с четырнадцати разных типов датчиков направляются в центр по мониторингу и прогнозированию, где рассчитывается AQI — индекс качества воздуха. Получаемые данные позволяют определить степень загрязненности воздуха, сравнить результаты, полученные в разных районах штата, а также предпринять меры для снижения уровня загрязнения. Ознакомиться с показателями качества воздуха можно с любого мобильного устройства. Это особенно удобно для крупных промышленных предприятий, которые считаются главными источниками вредных выбросов в атмосферу [2].

Компания Microsoft запустила проект «Планетарный компьютер». Это открытая вычислительная платформа с искусственным интеллектом на базе облака Microsoft Azure, предназначенная для отслеживания данных о состоянии Земли, которая позаимствовала у поисковых систем некоторые подходы к обработке данных, добавив ряд своих «фишек». В итоге получился «геопространственный механизм принятия решений» [3], который умеет находить проблемы и предлагать решения по оптимизации состояния планеты. Задача компьютера будет заключаться не только в том, чтобы выделить виды, биоразнообразие и экосистемы, жизненно важные для здоровья и процветания Земли, но и в оценке различных факторов, которые могут положительно или отрицательно влиять на них.

Другим интересным примером применения подобных технологий выступает проект по предупреждению лесных пожаров. От других похожих решений его отличает интеллектуальная составляющая, которая занимается прогнозированием в режиме реального времени. О наличии возгорания, как правило, узнают по задымлению, и чем раньше обнаружен дым, тем легче ликвидировать пожар. В рамках проекта за распознавание дыма отвечают специальные камеры, которые передают информацию на облачные сервисы. Анализируя данные с видеокамер, можно делать точные прогнозы о возникновении лесных пожаров и своевременно определять их локацию. Система максимально автоматизирована и не требует участия большого количества людей — например, в китайской провинции Гуандун работу почти тысячи камер контролирует один оператор.

Устанавливаются датчики для измерения наполняемости мусорных контейнеров с отдельным сбором отходов. Все датчики будут подключены к автоматизированной системе управления «Управление отходами». Кроме того, к системе «Управление отходами» подключат и все мусоровозы. Таким образом, в единой системе будут объединены все машины, осуществляющие вывоз мусора, и площадки для сбора твердых коммунальных отходов, оборудованные датчиками, что позволит в режиме реального времени формировать наиболее удобные маршруты и отслеживать проблемные ситуации.

При этом отмечается, что параллельно с процессом фактического создания и внедрения цифровых технологий происходит интеграция требований к данным технологиям и регламентация их применения в нормативные правовые акты в области охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования. Так, статья 53.2. ЛК РФ в рамках мониторинга пожарной опасности в лесах и лесных пожаров предусматривает организацию системы обнаружения и учета лесных пожаров, системы наблюдения за их развитием с использованием наземных, авиационных или космических средств.

Постановление Правительства РФ от 10.04.2007 N 219 "Об утверждении Положения об осуществлении государственного мониторинга водных объектов" направлено на

обеспечение разработки автоматизированных информационных систем мониторинга. Статья 25 Федерального закона от 04.05.1999 N 96-ФЗ "Об охране атмосферного воздуха" включает норму, в соответствии с которой на объектах I категории стационарные источники выбросов загрязняющих веществ должны быть оснащены автоматическими средствами измерения и учета показателей выбросов загрязняющих веществ, а также техническими средствами фиксации и передачи информации о показателях выбросов загрязняющих веществ в государственный реестр объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, в соответствии с законодательством в области охраны окружающей среды. Предусматривается сбор, обработка данных сведений с использованием цифровых технологий и применительно к передвижным источникам воздействия на окружающую среду.

Список использованных источников:

1. Digital technologies will deliver more efficient waste management in Europe // HTML - TH-AM-20-026-EN-Q - ISBN 978-92-9480-316-0 - ISSN 2467-3196 - doi: 10.2800/194366
2. Babinet Gilles. The Environmental Impact and Potential of Digital Technology // <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/environmental-impact-and-potential-digital-technology> MARCH 2021
3. Huwei Wen, Chien-Chiang Lee, Ziyu Song. How Does Industrial Digitalization Affect Enterprise Environmental Performance? // Research Square. 2021. [https://doi.org/ 10.21203/rs.3.rs-310270/v1](https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-310270/v1).

Лескина Э.И.

к.ю.н., доцент

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

Россия, г. Саратов

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: Распространение информационных технологий, внедрение их практически во все сферы жизнедеятельности порождает опасения у людей, которые рискуют в массовом порядке лишиться рабочих мест. В настоящей работе рассматриваются основные понятия (цифровизация, Индустрия 4.0.), основные направления цифровизации (Big Data, блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, интернет вещей) в аспекте управления трудовыми ресурсами.

Abstract: The dissemination of information technologies, their introduction into almost all spheres of activity gives rise to fears among people who risk losing their jobs en masse. This paper discusses the basic concepts (digitalization, Industry 4.0.), The main directions of digitalization (Big Data, blockchain, artificial intelligence, virtual and augmented reality, the Internet of things) in terms of human resources management.

Необходимость цифровизации правовых отношений не вызывает сомнения и диктуется развитием общественных отношений. В отраслях права, где личный фактор отношений превалирует, процесс цифровизации может происходить весьма болезненно. Вместе с тем, задачей правотворческих органов, научного сообщества является гармоничная имплементация информационных технологий в правовое русло, а не отказ от цифровизации во избежание возможных волнений.

Особенно наглядно указанное противоречие между необходимостью цифровизации, с одной стороны, и ожидаемым негативным восприятием субъектов правоотношений, с другой стороны, проявляется в сфере труда. Но можно ли остановить эти процессы как результат научной мысли, открытий, развития? По словам К. Шваба Четвёртая индустриальная революция способна в разы увеличить уровень жизни людей, но в тоже время и создать много проблем [1]. Естественно, передача исполнения типовых заданий технике приведет к потере рабочих мест, но с другой стороны, высоко интеллектуальная и творческая деятельность будут еще более востребованы. Как же справиться с невостребованностью низко и среднеквалифицированного труда, - вот что необходимо решить при правовом определении роботизации, цифровизации трудовых отношений.

Ученое сообщество совместно с законодателем должно не препятствовать, а помогать цифровизации внедряться в трудовые отношения, всячески создавая подходящие правовые нормы и институты. Мы согласны с Ю.П. Орловским в том, что тезис о необходимости избежать реформ в сфере рынка труда не выдерживает никакой критики, что необходимо создание институтов трудового права, отвечающих действию цифровой экономики, что обязательное наличие социальных потрясений при изменении рынка труда – это миф [2, с.35].

Таким образом, модернизация правового регулирования трудовых отношений с учетом глобализационных процессов, внедрения цифровой экономики, а возможно, и роботизации в трудовые отношения является наиважнейшим моментом, без которого трудовое право не сможет отвечать современным реалиям.

Цифровизация трудовых отношений в различных аспектах способствовала бы большей интеграции трудовправовых норм, ресурсов и т.д. в международные отношения, соответствию существующих трудовых отношений современному развитию технологий.

Вместе с тем, говоря о цифровизации необходимо четко определить понятие данного термина, отграничение его от смежных терминов, а также выделять основные направления цифровизации применительно к сфере труда вообще и к управлению трудовыми ресурсами, в частности.

Термин «Индустрия 4.0.» может использоваться как в широком, так и в узком смыслах. В широком смысле Индустрия 4.0. понимается в качестве промышленной революции. В узком смысле Индустрия 4.0. понимается в качестве сферы использования цифровых средств, как производственная сторона для интернет-пользователей. Большинство стран понимают Индустрию 4.0. именно в широком смысле.

Необходимо помнить, что при процессах, характерных для Индустрии 4.0., происходит цифровизация всех активов компаний, для чего выделяют следующие основные наиболее востребованные технологии: искусственный интеллект (нейросети, машинное обучение), Big Data, распределенный реестр данных (блокчейн), интернет вещей, роботизация, виртуальная и дополненная реальность.

ключевыми последствиями и сферами влияния цифровизации на систему управления трудовыми ресурсами в России являются:

1. Рынок труда, поскольку наибольшие страхи и сопротивление внедрению цифровых технологий связано именно с опасностью сокращения рабочих мест.
2. Вопросы оплаты труда с применением блокчейн-технологий.
3. Решение вопросов дисциплинарной ответственности о повышении качества работы сотрудников при помощи интернета вещей.
4. Применения цифровых технологий для организации электронного документооборота компаний.
5. Цифровизация в области контроля и надзора в сфере труда.
6. Влияние цифровых технологий как на внешнюю сторону образования (включая подготовку и переподготовку специалистов), так и на содержание образовательных программ.
7. Цифровизация процесса трудоустройства. К этой группе относятся такие инструменты, как социальные сети, мобильные приложения, специализированные электронные базы вакансий [3, с.65], а также новейшие разработки на основе искусственного интеллекта.

В каждой профессии и при каждой задаче работодатели вбирают свой уровень применения цифровых технологий. Возможно и появление новых должностей.

Таким образом, повсеместное внедрение цифровых технологий меняет рынки и потребительские модели. Сегодня основная часть новаций лежит в области цифровизации процессов, причем речь идет о коренной диджиталтрансформации всей корпоративной структуры. Здесь необходимо учитывать все большее вовлечение искусственного интеллекта в сферу труда, замещение выполнения искусственным интеллектом не только рутинных задач, но и интеллектуальной деятельности. Цифровизация коснется всех отраслей и всех стран. Но лишь те государства, которые будут наиболее оперативным образом реагировать на меняющуюся ситуацию смогут быть более конкурентоспособным на мировой арене.

Список использованных источников:

1. Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond // Foreign Affairs. December 12, 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution>.
2. Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики: монография / под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. КОНТРАКТ, 2018.
3. Серова А.В. Внедрение цифровых технологий в практику взаимодействия субъектов отношений по трудоустройству у данного работодателя // Электронное приложение к "Российскому юридическому журналу". 2019. № 5. С. 65 - 71.

Радковская М.-А.Ю., Шкурова П.Д.

к.ю.н., старший преподаватель,

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Аннотация: В статье поднимается проблема обеспечения несовершеннолетних детей при неисполнении родителями алиментных обязательств в Российской Федерации. В качестве ее решения предлагается создать институт алиментного фонда, о котором уже в доктрине упоминалось. Анализируется и раскрывается сущность настоящего института на основе опыта ряда зарубежных стран, таких как Швеция и Испания. Статья также посвящена рассмотрению проблемы выплаты алиментных обязательств родителями

несовершеннолетним детям. Рассматриваются отдельные законопроекты, которые в разные периоды времени были предложены законодательной властью, а также предлагается принятие отдельного Федерального закона и внесения изменений в семейное законодательство, которые будут являться основой правового регулирования деятельности данных фондов.

Abstract: The article raises the problem of providing minor children with non-fulfillment of alimony obligations by parents in the Russian Federation. As its solution, it is proposed to create an institution of an alimony fund, which has already been mentioned in the doctrine. The essence of this institute is analyzed and revealed based on the experience of a number of foreign countries, such as Sweden and Spain. The article is also devoted to the consideration of the problem of payment of alimony obligations by parents to minor children. Separate bills that have been proposed by the legislature in different periods of time are being considered, as well as the adoption of a separate Federal law and amendments to family legislation that will be the basis for the legal regulation of the activities of these funds.

В сегодняшних реалиях обеспечение прав и свобод граждан как способ реализации одной из главных задач правового, социального, демократического государства происходит под влиянием внедрения цифровых технологий практически во все институты современного общества, в том числе в правовую сферу. Особая роль цифровизации в семейном праве отражается на обеспечении прав, свобод и законных интересов в первую очередь ребенка.

Анализируя послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 г., следует отметить намерение власти не останавливаться и продолжать в дальнейшем работу по переходу к дистанционному формату использования правовых процедур, минуя многие бюрократические моменты, поскольку опыт с пандемией, вызванной распространением коронавирусной инфекцией «COVID-19, показал, что это вполне реализуемо на практике [1].

Отдельное внимание Президентом РФ обращено на тему алиментных обязательств. Как отмечает Президент РФ, эту проблему следует решать преимущественно удаленно и с вовлечением банков. Одним из вариантов достижения поставленной задачи можно выделить давно обсуждаемую инициативу создания Государственного алиментного фонда в России как государственного учреждения, главным образом осуществляющего финансовое содержание детей, родители которых не выполняют алиментные обязательства [2].

Кроме того, в 2017 году был разработан законопроект № 489583-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части усиления гарантий прав ребенка на получение алиментов» [3], согласно которому предусматривались выплаты денежных средств на содержание несовершеннолетних детей в период осуществления розыска

уклоняющихся от выполнения алиментных обязательств родителей. Однако данный закон остался всего лишь проектом.

На сегодняшний день в ходе обсуждений создания алиментного фонда в России существует немало дискуссионных вопросов относительно организации деятельности такого института, а также вопрос о его финансировании. В ряде иностранных государств такие институты уже существуют и имеют успех в своей деятельности. Так, например, алиментные фонды созданы в Испании, Швеции, США и др.

Анализируя, например, опыт Швеции, полномочиями алиментного фонда в данном государстве наделено Агентство социального страхования (Försäkringskassan). Согласно Кодексу социального страхования Швеции, родитель, уклоняющийся от алиментных обязательств намерено или вследствие тяжелого финансового положения, должен возместить в государственный бюджет средства, выделенные государством на содержание ребенка [2]. Аналогичная система возмещения средств родителем выстроена в Испании. В силу Королевского указа № 1618/2007 предоставление Фондом гарантий выплаты алиментов (Fondo de Garantía del Pago de Alimentos), находящимся в управлении Министерства экономики и финансов, такой помощи осуществляется в установленные законом сроки [2].

На сегодняшний день в рамках обсуждений создания алиментного фонда в России планируется введение данного института на базе Фонда социального страхования или Пенсионного фонда.

Отпечаток цифровизации на правовой сфере находит свое отражение и в части использования различных интернет-ресурсов для реализации задач, поставленных перед правовым государством. Так, обращаясь к официальному сайту российской общественной инициативы отметим следующие важные положения инициативы № 21Ф80612 с предложением разработать законопроект о реформе Семейного кодекса РФ [4]: автоматическое ежемесячное перечисление денежных средств в размере одного прожиточного минимума по региону; открытие специального детского счета в банке; создание единой информационной системы по учету расходов на детей, в результате чего родители смогут иметь доступ к финансовым отчетам по обеспечению своего ребенка.

По состоянию на сентябрь 2021 года (дата окончания голосования – 02.08.2022 г.) за инициативу подано более 7 000 голосов и лишь около 500 голосов против.

Возвращаясь к применению санкций к неплательщикам алиментов, следует также обратить внимание на выступление с инициативой летом 2020 года Уполномоченного при Президенте России по правам ребенка Анны Кузнецовой о создании реестра неплательщиков алиментов, что повлечет за собой принятие определенных государственных мер в отношении не исполняющих алиментные обязательства родителей [5].

Таким образом, все вышеперечисленное свидетельствует о влиянии цифровой эпохи на развитие автоматизированных систем семейного права в части обеспечения прав, свобод и законных интересов соответствующих лиц.

Список использованных источников:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 «Послание Президента Федеральному Собранию» // РГ. 2021. № 87.
2. Чекулаев С.С., Гордеев К.В., Леонов М.Р. К вопросу об алиментных фондах как способе обеспечения детей: зарубежный опыт // Вестник Костромского государственного университета. 2020. С. 184-189.
3. Законопроект № 489583-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части усиления гарантий прав ребенка на получение алиментов» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489583-6>
4. Инициатива № 21Ф80612 с предложением разработать законопроект о реформе Семейного кодекса РФ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.roi.ru/80612/>
5. Детский омбудсмен предложила создать реестр должников по алиментам // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1035966/2020-07-15/detskii-ombudsmen-predlozhila-sozdat-reestr-dolzhnikov-po-alimentam>

Скворцова О.В., Елисеева А.Е.

к.ю.н., доцент

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Россия, Симферополь

обучающаяся 3-го курса бакалавриата юридического факультета

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Россия, Симферополь

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация: Рассматриваются вопросы важности цифровизации в контексте уголовно-правовой сферы, анализируются проблемы модернизации уголовного права в цифровом пространстве и необходимые этапы последовательной цифровизации материалов уголовного права, а также положительные и отрицательные тенденции (характеристики) цифровизации.

Annotation: The article examines the issues of the importance of digitalization in the context of the criminal law sphere are considered, the problems of modernization of criminal law in the digital space and the necessary stages of sequential digitalization of criminal law materials, as well as positive and negative trends (characteristics) of digitalization are analyzed.

Электронные технологии активно внедряются в России в последние годы, оказывая свое влияние, в том числе, на все юридические отрасли. Взаимодействие технологий и права в условиях общемирового развития и глобализации становится все более интенсивным. В результате проблема реформирования законодательства и подстраивания права под электронные технологии приобретает особую важность. Актуально это и для уголовного права, поскольку на данный момент мнение о необходимости модернизации столь консервативной юридической отрасли в цифровую эпоху пользуется популярностью, чтобы привести уголовный закон в формат, обеспечивающий возможность его машинной обработки.

В первую очередь, необходимо отметить позитивные тенденции данного процесса. Стоит начать с того, что цифровизация – это способ избавиться от уголовно-правовых конфликтов, создать конструктивный механизм борьбы с преступностью, способный повысить качество институтов уголовного права, обеспечить исчислимость целей уголовного права, а также повысить эффективность уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление. Благодаря цифровизации будет решена задача стандартизации уголовно-правовых норм, описания элементов состава преступления, форм уголовной ответственности, размера и формы наказания [1, с.100]. Также произойдет обновление регулятивного потенциала права, усиление его эффективности и социальной направленности [2, с.97].

Несмотря на столь положительное воздействие цифрового пространства на уголовно-правовую сферу, существуют и спорные, а в некоторой степени негативные тенденции взаимовлияния данных дефиниций.

Итак, глобальная оцифровка законов и внедрение цифровых технологий в сферу правоприменения поднимает вопрос о злоупотреблении цифровизированным законом, а также о возможности манипулирования поведением людей и тех, кто осуществляет деятельность по криминализации общественно опасных девиаций, а также организации прямого контроля за разработкой и применением наказания. Более того, оцифровка неизбежно влечет за собой усиление контроля над человеком, вмешательство в личные права человека и гражданина.

Также важно отметить маловероятность того, что правоприменение в сфере уголовного права с внедрением цифровых технологий может исключать человеческий фактор, который является неотъемлемым в процессе применения уголовных норм, ведь оно осуществляется с помощью программы, а, следовательно, исключается обоснованность лица для привлечения к уголовной ответственности, поскольку рациональный аспект исключен. Компьютер является лишь вспомогательным инструментом для человека, у которого отсутствует чувственный и духовный опыт, и он, скорее всего, сможет оценить лишь конкретные правоприменительные ситуации (в том числе, на основе имеющихся запрограммированных в базе данных возможных решений выхода из ситуации) с учетом уже имеющегося жизненного опыта лиц, а, исходя из существующих прецедентов, иметь возможность для установления характера и степени общественной опасности совершенного деяния.

К тому же, в часто встречающихся ситуациях правовой неопределенности специалистам периодически доводится обращаться к различным видам толкования, а также использовать основополагающие принципы уголовного права: законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость, гуманизм. Безусловно, данные правовые категории будет невозможно описать каким-либо правовым кодом с целью их грамотного использования компьютером, что подчеркивает значимость использования естественного интеллекта в уголовно-правовой науке.

Мы согласны с позицией, что необходимыми аспектами (этапами) модернизации содержания уголовно-правового характера в цифровой сфере являются:

1) предварительный сбор и оценка криминологической информации о состоянии преступности и использовании существующих цифровых технологий для обработки больших данных;

2) цифровизация данных по уголовным делам, материалов об административных правонарушениях, материалов об отказе в возбуждении уголовного дела и т.д. с целью их отправки в единую базу данных о киберпреступности;

3) оцифровка правовой информации, базы данных в сфере уголовного права, создание онлайн-баз уголовного права;

4) проведение цифрового анализа текста действующего уголовного закона и с помощью разработанных программ искусственного интеллекта выявление и устранение в нем несоответствия, логических ошибок и т.д.;

5) алгоритмизация существующей системы правил квалификации преступлений и разработка цифровой, теоретической модели квалификации противоправных действий со

стороны правоохранительных органов, а также пошаговых действий сотрудников прокуратуры и следствия;

б) описание противоправности совершенного деяния и определение его общественной опасности, классификация системы наказаний, штрафов и правил наказания [3; 4].

Таким образом, вопрос цифровизации является достаточно спорным и все еще не решенным. Для оцифровки всего уголовно-правового материала потребуется немало времени и усилий. Как именно будет происходить взаимовлияние данных дефиниций на практике, нам только предстоит узнать.

Список использованных источников:

1. Турышев А.А. Цифровизация уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Мат. XVII Междунар. науч.-практ. конф. / А.И. Парог (отв. ред.) [и др.]. М., 2020.
2. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А.А. Васильева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020.
3. Некрасов В.Н. Выделение подотраслей уголовного права с позиции направлений инновационной деятельности // Сетевой электронный научно-практический журнал частного и публичного права: Ius Publicum et Privatum., 2019.
4. Лебедев С.Я., Джафарли В.Ф. Цифровизация уголовно-правового ресурса – неизбежная перспектива инновационно-технологического обеспечения криминологической безопасности в эпоху 6-го технологического уклада // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Мат. XVII Междунар. науч.-практ. конф. / А.И. Парог (отв. ред.) [и др.]. М., 2020.

Шинкарук Д.А.

к.ю.н., доцент

Белорусский государственный экономический университет,

Республика Беларусь, г. Минск

О ПРОБЛЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Работа посвящена актуальным вопросам уголовно-правовой охраны персональных данных несовершеннолетних лиц в условиях цифровизации общества. В статье нами проведен сравнительно-правовой анализ уголовно-правовой защиты

персональных данных и внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Беларусь.

Annotation. The work is devoted to typical issues of criminal and legal protection of personal data of minors in the context of digitalization of society. In the article we conducted a comparative legal analysis of the criminal law protection of personal data and made proposals to improve criminal legislation.

В настоящее время цифровые технологии стали частью обыденной жизни каждого человека. Сегодня мы не представляем ее без использования смартфонов и ноутбуков. Каждый день мы проверяем электронную почту, посещаем социальные сети и мессенджеры для общения с родными и друзьями. По нашему мнению, следует согласиться с профессором В. В. Хилютой в том, что «глобализация общественно-политической и социальной жизни выдвинула на передний план идею тотальной цифровизации, которая по сути представляет собой глобальный процесс трансформации общества в масштабах всего человечества» [1, с. 30]. Белорусский ученый В. В. Вабищевич отмечает, что «приоритетными целями для передовых государств являются создание электронного правительства; широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий во все отрасли экономики, в том числе технологий сбора и обработки массивных данных, включая персональные» [2, с. 74]. Также согласимся с В. В. Вабищевичем, что «внедрение вышеперечисленных технологий и их использование во вредительских целях может повлечь значительный ущерб как отдельно взятому человеку, так обществу, государству и трансграничным интеграционным объединениям в целом [2, с. 74].

Четвертая промышленная революция имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Так, в эпоху бурного развития информационных технологий актуальным является вопрос об уголовно-правовой охране персональных данных несовершеннолетних лиц. На наш взгляд, верным представляется тезис белорусского ученого Т. Г. Хатеневич, что «с одной стороны, интернет предоставляет детям больше свободы учиться, делиться и взаимодействовать с обществом, чем когда-либо прежде. С другой стороны, интернет как всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации может быть средством совершения многих видов преступлений против детей, а также распространения «вредной информации» среди подрастающего поколения» [3, с. 40]. В своей работе В.С. Гальцов оценивая положительные моменты развития цифровых технологий, обращает внимание на обратную, негативную сторону развития цифровых технологий, а именно на криминалистические аспекты деструктивного воздействия на несовершеннолетних лиц по средствам информационного пространства сети Интернет

приводящее к их криминальному поведению [4]. Нам видится, что предметом таких преступлений выступают различные данные, в частности, как указывалось выше, и персональные.

В этой связи в Республике Беларусь 7 мая 2021 г. был принят Закон «О защите персональных данных» (далее – Закон о персональных данных). Под персональными данными в указанном законе понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано [5]. В соответствии с ч. 1 ст. 19 Закона о персональных данных лица, виновные в нарушении данного Закона, несут ответственность, установленную законодательством. Так, в уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) содержится статья 203¹, предусматривающая ответственность за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных [6]. Однако данная норма не содержит никаких положений относительно уголовно-правовой защиты персональных данных несовершеннолетних лиц. По нашему мнению, здесь имеет место правовой пробел. Таким образом полагаем, что его необходимо восполнить

Необходимо отметить, что ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в Уголовном кодексе Республики Казахстан нет норм, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный сбор персональных данных, включая несовершеннолетних.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы и предложения:

Во-первых, в условия тотальной глобализации общественно-политической жизни неизбежным шагом является правовая регламентация новых общественных отношений. Здесь не является исключением и уголовное право.

Во-вторых, научно-технический прогресс имеет как положительную, так и отрицательную сторону.

– с одной стороны, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий существенно облегчает социальные, экономические и другие процессы общественной жизни. С другой стороны, сеть Интернет является специфическим средством совершения различных преступлений. В качестве предмета таких преступлений являются различного рода данные, в том числе персональные.

В- третьих, наиболее уязвимыми лицами в таких преступлениях являются дети. В уголовном законодательстве Республики Беларусь отсутствуют нормы, предусматривающие уголовную ответственность за незаконные действия в отношении несовершеннолетних. Такая структура ст. 203¹ УК свидетельствует о наличии правового пробела и требует корректировки. В связи с этим считаем необходимым ввести в гл. 21 УК дополнительную

норму, устанавливающую ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных несовершеннолетних лиц. Полагая, что такая мера, принятая белорусским законодателем устранил имеющийся пробел и обеспечит надлежащую уголовно-правовую защиту персональных данных лиц, не достигших 18 лет, в цифровую эпоху.

Список использованных источников:

1. Хилюта, В. В. Цифровое переформатирование уголовного права / В. В. Хилюта // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 2. – С. 30–34.
2. Вабищевич, В. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в контексте обеспечения информационной безопасности / В. В. Вабищевич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 4. – 74 – 77.
3. Хатеневич, Т. Г. Совершенствование средств уголовно-правовой охраны прав ребенка в условиях цифровизации общественных отношений / Т. Г. Хатеневич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 9. – С. 40–45.
4. Гальцов, В. С. Криминалистические аспекты воздействия информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних лиц / В. С. Гальцов // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / науч. ред. Г. З. Мансуров ; отв. за вып. М. А. Задорина ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. отд-ние Вольного экон. о-ва России, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. — С. 25-29.
5. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26 мая 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Прудникова Т.А.

доцент

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, Могилевский филиал,

Республика Беларусь, г. Могилев

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы защиты интеллектуальной собственности на международном уровне. Предложены подходы, учитывающие международный опыт в этой области права в национальном законодательстве.

Annotation: The article deals with problematic issues of intellectual property protection at the international level. Approaches that take into account international experience in this area of law in national legislation are proposed.

На современном этапе развития общественных отношений на международном уровне защиту прав интеллектуальной собственности осуществляет Всемирная организация интеллектуальной собственности ВОИС (англ. World Intellectual Property Organization), а также международные акты, в частности, Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (далее – Соглашение ТРИПС), принятое Всемирной торговой организацией (далее – ВТО).

Соглашение ТРИПС выгодно отличается от других международных договоров комплексностью урегулированных отношений, поскольку устанавливает стандарты защиты прав интеллектуальной собственности для полного жизненного цикла существования объектов интеллектуальной собственности, начиная от материальных норм признание результатов интеллектуальной деятельности объектами интеллектуальной собственности и заканчивая процедурными нормами по восстановлению нарушенных прав и мер принуждения для обеспечения соблюдения закона.

Соглашение ТРИПС обязывает членов ВТО соблюдать существенные положения Парижской конвенции по охране промышленной собственности, Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, Международной конвенции об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций и Договора об интеллектуальной собственности на интегральные схемы, независимо от статуса стран-участниц. Дополнительно к этим положениям Соглашение ТРИПС устанавливает другие обязательные для применения минимальные материально-правовые стандарты объектов авторского права и смежных прав, торговых марок, географических указаний, промышленных образцов, изобретений, компоновок интегральных схем и коммерческих тайн. Такими стандартами, в частности, являются требования к объектам, которые подлежат правовой охране; сроки правовой охраны указанных объектов; права, которые должны

предоставляться авторам, их правопреемникам и другим владельцам прав на эти объекты, а также исключения из прав, предоставляемых услуг [1, с. 56].

Процедурные стандарты Соглашения ТРИПС устанавливают такие общие требования по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности:

- нормы национального законодательства должны предусматривать эффективные меры против любых нарушений прав интеллектуальной собственности, включая срочные меры, направленные на предотвращение нарушений и меры, предупреждающие дальнейшие нарушения (эти процедуры должны применяться таким образом, чтобы избежать создания барьеров для законной торговли и обеспечить гарантии против злоупотреблений);

- процедуры защиты прав интеллектуальной собственности должны быть справедливыми и равными для всех (они не должны быть излишне сложными, стоимость их осуществления не должна быть высокой, они не должны сопровождаться значительными материальными затратами, содержать безосновательные временные ограничения или неоправданные задержки);

- решения по существу дела желательно излагать в письменной форме и обоснованно (они должны быть доступными по крайней мере для сторон судопроизводства без неоправданных задержек и базироваться лишь на доказательствах, по которым сторонам была предоставлена возможность быть услышанными);

- стороны судопроизводства должны иметь возможность пересмотра судом окончательных административных решений и по крайней мере юридических аспектов первого судебного решения по существу дела [2, с. 7].

Соглашением ТРИПС установлены также специальные минимальные стандарты процедур гражданского судопроизводства и административных процедур, а также средств обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности. В частности, требуется: обеспечить честность и справедливость процедур; предоставить судам право: а) требовать от сторон предоставления доказательств; б) принимать решения при отсутствии необходимой информации; в) требовать от виновного лица прекратить нарушение прав интеллектуальной собственности; г) требовать от виновного лица возмещения владельцу прав нанесенного ущерба, в том числе судебных расходов; д) требовать вывода из коммерческих каналов без какой-либо компенсации товаров, являющихся предметом нарушения, и уничтожение их, если это не нанесет вреда владельцу прав, а также материалов и оборудования, которые были в значительной мере использованы для производства таких товаров.

Особое внимание в Соглашении ТРИПС уделяется процедурным стандартам, которые призваны обеспечить немедленное и эффективное предотвращение нарушений прав

интеллектуальной собственности, в том числе импорта товаров, являющихся предметом таких нарушений [3, с. 11].

Следует обратить внимание на то, что ряд установленных Соглашением ТРИПС международных стандартов защиты прав интеллектуальной собственности не являются нормами прямого действия. Поэтому они могут быть реализованы только в рамках национальной законодательной системы и практики через имплементацию в нормы национальных актов. В первую очередь это касается процедурных стандартов обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности, поскольку внедрение их по лежит от системы судостройства страны.

Важной особенностью Соглашения ТРИПС является еще и то, что она позволяет государству предусматривать в своем законодательстве более высокий уровень защиты, чем того требуют стандарты указанного Соглашения, при условии, что такая защита не нарушает этих стандартов. Это дает возможность имплементировать в национальные акты законодательства прогрессивные положения законодательства Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки, других государств, а также специфические требования международных спортивных и других организаций об условиях проведения организуемых ими массовых международных мероприятий и тому подобное.

Сейчас практически все международные стандарты защиты прав интеллектуальной собственности, установленные Соглашением ТРИПС и указанными выше договорами, правильно перенесены в плоскость национальных законодательных.

Список использованных источников:

1. Калятин, В. О. Законодательство об интеллектуальной собственности XXI века : тенденции развития / В. О. Калятин // Право. Журнал Высшей. школы экономики. – 2011. – № 3. – С. 55–65.
2. Касьянов, А. С. Договорные способы распоряжения исключительным правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. С. Касьянов. – Москва, 2011. – 26 с.
3. Зенин, И. А. Право интеллектуальной собственности : учебник / И. А. Зенин. – М. : Изд-во «Юрайт», 2011. – 567 с.

Березюк Л.А.

ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин
Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

РАЗНОВИДНОСТИ РАБОТЫ ПО ВЫЗОВУ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Настоящая статья содержит анализ разновидностей работы по вызову; выделяются преимущества и недостатки такой работы; определяются направления для дальнейших исследований.

Annotation. This article contains an analysis of the varieties of call work; the advantages and disadvantages of such work are highlighted; directions for further research are identified.

Работа по вызову. С начала XX в. в научной литературе помимо различных гибких графиков работы стали анализироваться и иные режимы работы, рабочее время при которых является основным показателем занятости работника. Одним из наименее изученных режимов работы в Республике Беларусь является «работа по вызову» (англ. on-call work).

Научных исследований, посвященных работе по вызову, в Республике Беларусь практически нет, как отсутствует и правовая регламентация такого труда. Некоторые исследования, затрагивающие работу по вызову, принадлежат Л.Я. Островскому, В. Самосейко, Е.В. Гадлевской и некоторым другим. В Российской Федерации данный вопрос разработан А.Е. Коркиным и А.Н. Тарасенковой. Отдельные аспекты затрагивались М.А. Шабановой, Никитиной, А.М. Лушниковым и М.В. Лушниковой, И.Я. Киселевым, В.С. Козловым и некоторыми другими учеными.

Одним из наиболее распространенных в мировой практике видом работы по вызову является заключение трудового договора с указанием минимальной и максимальной продолжительности рабочего времени. При этом в российской юридической литературе отмечается, что «примеры заключения подобных договоров уже есть <...> если работодатель привлекает работника к работе менее установленного минимума, работнику должно быть выплачено вознаграждение, как если бы он отработал оговоренный минимум времени» [1, с. 53].

В такой ситуации в целом организация труда работников по вызову схожа с режимом неполного рабочего времени. Разница заключается лишь в том, что при режиме неполного рабочего времени работник имеет постоянную продолжительность рабочего времени и график работы. При работе по вызову, в свою очередь, работнику устанавливается интервал продолжительности его рабочего времени в трудовом договоре, а график работы определяется во время уведомления нанимателем работника о необходимости выполнить работу. В такой ситуации, с учетом того, что работа по вызову осуществляется в рамках трудовых правоотношений, полагаем, при таком режиме рабочего времени ограничивать

какие-либо права работников недопустимо, аналогично закреплённому в ст. 291 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) правилу, применимому к работникам с неполным рабочим временем.

Еще одной формой работы по вызову является работа без указания продолжительности рабочего времени работника (нулевые трудовые контракты [2, с. 25]). А.Н. Тарасенкова в своем исследовании указывает, что «в зарубежной практике такие трудовые договоры не редкость, в Россию они только проникают и вызывают массу вопросов» [1, с. 53]. В научной литературе выделяется две разновидности трудовых договоров с нулевой продолжительностью: с обязанностью работника выполнять работу по вызову работодателя, и с правом работника отказаться от работы. При этом, справедливой видится точка зрения А.Е. Коркина, который определяет предмет такого трудового договора как определение условий возможного сотрудничества сторон в дальнейшем, что не соответствует правовой природе трудового правоотношения. При этом отсутствует обязанность работодателя предоставить работу в обоих видах трудовых договоров [3, с. 64].

Кроме названных форм, работой по вызову может называться работа, при которой часть своего рабочего времени работник обязан оставаться доступным для нанимателя и быть готовым приступить к исполнению своих трудовых обязанностей [3, с. 61]. В данном случае, как видится, речь идет о так называемом времени дежурства, применяемом на практике и в Республике Беларусь. Вместе с тем, несмотря на активное использование данной формы организации труда, ТК не содержит определения понятия «дежурство», что требует обращения к нормативным правовым актам отраслевых органов государственного управления. В частности, различные формы дежурств используются в труде отдельных категорий работников железнодорожного транспорта, в организациях электроэнергетики, спасателей профессиональных аварийно-спасательных служб, членов экипажей воздушных судов коммерческой гражданской авиации Республики Беларусь, медицинских работников и др. В целом, в юридической литературе Республики Беларусь выделяют три основных вида дежурств: разновидность (часть) трудовой функции, выполняемой в пределах нормальной продолжительности рабочего времени; режим ожидания работы (по трудовой функции) на дому и (или) на специальном объекте нанимателя; привлечение к работе вне рамок трудовой функции работника [4].

Таким образом, работа по вызову согласно мировой практике и практике Республики Беларусь может быть организована следующими способами. Во-первых, это заключение трудового договора с условием о минимальной и максимально возможной продолжительностью рабочего времени. Такое условие трудового договора, по нашему мнению, требует организации рабочего времени, сочетая в себе черты режима неполного

рабочего времени (если максимальная продолжительность рабочего времени ниже нормальной продолжительности рабочего времени, установленной законодательством о труде или на его основе, а также по причине оплаты труда пропорционально отработанному времени), режима гибкого рабочего времени (т.к. может меняться время начала и (или) окончания рабочего дня или его общая продолжительность), а также режима с суммированным учетом рабочего времени (в связи с разными режимами рабочего дня и (или) рабочей недели, но необходимостью отработать установленную трудовым договором продолжительность рабочего времени).

Такой режим работы содержит в себе как преимущества (защищенность по сравнению с гражданско-правовым договором), так и недостатки (низкий доход в связи с низкой продолжительностью рабочего времени, непредсказуемость графика работы) для работников. Как видится, рассматриваемую разновидность работы по вызову следует ввести в законодательство о труде Республики Беларусь, позволив нанимателям и работникам делать режим неполного рабочего времени более гибким. При этом обязательными условиями такого трудового договора должны являться оплата времени ожидания вызова, а также предварительное уведомление о необходимости выполнения работы.

Во-вторых, заключение трудового договора с нулевой продолжительностью рабочего времени. Представляется, что заключение такого трудового договора удобно только нанимателям, которые могут оплачивать то рабочее время, которое было потрачено на получение результата работы, а также в течение короткого времени заменять временно отсутствующего работника. Данная разновидность работы по вызову наиболее схожа с гражданско-правовыми отношениями, но даже в последних заказчик обеспечивает определенный объем работы исполнителю.

В-третьих, заключение трудового договора с условием об отработке части установленного рабочего времени в виде дежурств. Работа в таком режиме практикуется в Республике Беларусь. Основным недостатком при этом является отсутствие централизованного регулирования понятия «дежурства» и подходов к его применению. Представляется, вопрос о регламентации дежурств и необходимости закрепления в ТК возможности работать по вызову, должен стать объектом детального научного исследования в ближайшее время, особенно, учитывая тенденции к развитию дистанционного труда в Республике Беларусь.

Список использованных источников:

1. Тарасенкова, А.Н. Особенности работы вне офиса: надомный труд, дистанционная работа, фриланс. –М. : ЗАО «Библиотечка РГ», 2013. Вып. 23 – 128 с.

2. Пилипенко, Н.С. Изменяющиеся формы занятости, проблемы миграции и социальная роль профсоюзов в трудовых отношениях / Н.С. Пилипенко, Г.Б. Шишко, А.В. Ясинская-Казаченко // Трудовое и социальное право. – 2017. - № 2. – С. 23-27.

3. Коркин, А.Е. Нетипичные трудовые отношения: заемный труд, телеработа и работа по вызову: правовая природа, зарубежное законодательство и российские перспективы / А.Е. Коркин. – М. : Инфотропик Медиа, 2013. – 208 с.

4. Самосейко, В. Дежурный и дежурство. алгоритм действий по оформлению дежурств [Электронный ресурс] / В. Самосейко // Бизнес-Инфо. - Режим доступа: <http://bii.by/tx.dll?d=276177&a=1>. – Дата доступа: 02.02.2021.

Кошкин А.С.

Ассистент,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь

ЦИФРОВЫЕ БЛИЗНЕЦЫ КАК МЕТОД ОПТИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИКИ ПРИ МОРСКИХ ФРАХТОВЫХ ПЕРЕВОЗКАХ

Аннотация. В статье проанализирована роль технологии цифровых близнецов в торговом судоходстве. Выделены существенные преимущества ее использования, как для административного аппарата, так и для судовладельцев и производителей судов в частности. Отмечается возможность внедрения технологии на постоянной основе в рамках морских фрахтовых перевозок.

Annotation. The article analyzes the role of digital twin technology in merchant shipping. The essential advantages of its use are highlighted, both for the administrative apparatus and for shipowners and ship manufacturers in particular. The possibility of introducing the technology on an ongoing basis within the framework of sea freight transportation is noted.

Цифровизация стала ключевым фактором, позволяющим сделать морскую отрасль более инновационной, эффективной и пригодной для функционирования в будущем. Более широкое использование передовых инструментов для проектирования и оценки системы производительности, безопасности и структурной целостности создают целый ряд цифровых моделей судна и его оборудования.

Морская отрасль имеет множество заинтересованных сторон и зависит от их эффективного взаимодействия.

Технологию цифровых близнецов можно рассматривать как инструмент, способствующий системному подходу в рамках деятельности всех заинтересованных сторон в области морских перевозок.

Цифровой близнец дает возможность обмениваться информацией, системными данными и результатами анализа через платформы для управления информацией и сотрудничества, где эксперты могут работать вместе, чтобы предотвратить дорогостоящие ошибки и недоработки. Доступ к данным датчиков, удаленный мониторинг и аналитика стали возможны благодаря цифровым близнецам, что обеспечивает более прибыльные, безопасные и устойчивые операции.

По мере того как современные судовые системы становятся более сложными и интегрированными, оптимальная производительность зависит от всех субъектов системы для оптимальной работы, как по отдельности, так и в совокупности [1, с. 81].

Для начала все же необходимо дать определения понятию «цифровой близнец». Цифрового близнеца можно определить как цифровое представление физического актива, связанных с ним процессов, систем и информации. Цифровые двойники сочетают в себе современные инженерные модели и аналитику с эксплуатационными данными по конкретным активам для создания цифровых имитационных моделей и информационных моделей, которые обновляются и изменяются на протяжении всего жизненного цикла своих физических аналогов. Цифровой двойник непрерывно обучается и обновляется через данные датчиков, которые измеряют различные рабочие аспекты, через ввод от экспертов, обладающих соответствующими отраслевыми знаниями, с использованием данных из аналогичных активов и взаимодействия с окружающей средой.

Многие заинтересованные стороны в морской отрасли уже имеют методы и инструменты, которые можно рассматривать как цифровых близнецов, поддерживающих свои продукты и услуги. Следующий естественный шаг - объединить и интегрировать эти инструменты в контексте цифрового близнеца, и тем самым максимизировать выгоды и оптимизацию торгового судоходства [2, с. 451].

Далее приведем примеры того, какую ценность несет технология цифровых близнецов для ряда заинтересованных сторон в морских торговых перевозках.

Для судовладельцев цифровые близнецы их активов предоставляют собой инструмент для:

- визуализации корабля и подсистемы;
- квалификации и аналитики эксплуатационных данных;
- оптимизации работы судна;
- улучшенной внутренней и внешней связи.

Производителям оригинального оборудования для судов платформа цифрового близнеца предоставит инструмент для:

- облегчения системной интеграции;
- демонстрации производительности;
- обеспечения качества системы;
- продвижение дополнительных услуг для мониторинга.

Причем благодаря разработке стандартизированных интерфейсов моделей и соответствующих платформ для совместной работы, компонентные модели и системная информация могут быть переданы без раскрытия интеллектуальной собственности [3, с. 130].

В рамках правового регулирования и административного контроля цифровой близнец составит систематизированную основу, которая может быть создана с приложениями для автоматической загрузки информации и генерации необходимых отчетов по каждому судну. Это может обеспечить более высокое качество отчетности с меньшими трудозатратами для экипажа, а также повышение ее прозрачности.

Информация о судне в реальном времени (данные AIS) о местоположении и пункте назначения уже доступна в Интернете для соответствующих органов контроля, и благодаря цифровым близнецам, эти службы могут быть расширены и содержать информацию, например, о команде, грузе, наличии сертификатов и зеленых паспортов. Эта информация может быть использована для более эффективного государственного контроля, а также для оптимизации деятельности конкретных торговых портов.

Рассматриваемые с точки зрения государства флага приложения, генерирующие информацию, например, о безопасности, навигации, проблемах окружающей среды и безопасности труда могут использоваться для нацеливания на критические проблемы для соответствующего корабля.

Таким же образом оперативные данные о работе могут использоваться для контроля выбросов. Аналогичные данные могут быть включены в режимы государственного портового контроля [3, с. 133].

Более сложные приложения также могут быть доступны на основе данных о реальных судах. Недавно Прибрежная администрация Норвегии ввела в действие инструмент, который создает живые модели риска несчастных случаев для движения в национальных водах [4, с. 112].

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что на данный момент существует множество предпосылок для внедрения технологии цифровых близнецов в отрасль морского торгового судоходства. При создании платформ для цифровых близнецов, где имитационные

модели, судовая документация и эксплуатационные данные могут быть переданы и проанализированы, морская отрасль получит мощный инструмент, поддерживающий проектирование, производство, эксплуатацию, модернизацию, а также вывод из эксплуатации, как отдельных судов, так и флота в целом.

Список использованной литературы:

1. Standardisation as an Enabler for Digitalisation, DNV GL Group Technology & Research, Position Paper, 2017, p. 77-93.
 2. Digital Twins for Design, Testing and Verification Throughout a Vessel's Life Cycle, Kristine Bruun Ludvigsen et.al., COMPIT 2016, p. 448-457.
 3. Ship Connectivity, DNV GL Strategic Research & Innovation, Position Paper, 2015, p. 130-134.
- Digital Twins for System Integration and Testing, Øyvind Smogeli, MECON 2017, p. 111-118.

Буйнов Д.О.

аспирант кафедры судебных экспертиз

Научный руководитель: д.ю.н., профессор Зинин А.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.

Кутафина (МГЮА)»,

Россия, г. Симферополь

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к понятию «цифровые следы»; выделяются наиболее часто встречающиеся виды цифровых следов при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности; определяются способы получения данных видов цифровых следов; приводится анализ примеров судебной практики по уголовным делам в сфере экономической деятельности, в рамках которых проводилось исследование цифровых следов.

Annotation. The article analyzes various approaches to the concept of "digital traces"; highlights the most common types of digital traces in case of investigation of crimes in the field of economic activity; identifies ways to capture these types of digital traces; provides an analysis of

examples of judicial practice in criminal cases in the field of economic activity, in which the examination of digital traces was conducted.

С внедрением новейших цифровых технологий различные сферы общественной жизни претерпевают глубокие изменения. Пожалуй, наиболее стремительно цифровизация протекает в сфере экономических отношений. К сожалению, данный процесс несёт как положительные результаты в виде создания более эффективных бизнес-моделей, упрощения документооборота, удешевления производства за счет внедрения информационных технологий, так и негативные последствия.

Так согласно данным ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ за январь-сентябрь 2021 года, количество преступлений экономической направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выросло на 68% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [1, с. 42]. Такой стремительный рост преступлений вышеуказанной категории представляет серьёзный вызов для правоохранительных органов. Одним из наиболее важных аспектов при расследовании подобных экономических преступлений является собирание и исследование цифровых следов.

Прежде всего необходимо определиться с понятием «цифровые следы». Пожалуй, наиболее распространенным является подход к цифровому следу, как совокупности информации, размещаемой пользователем о себе в сети Интернет [2, с. 79]. Данное определение можно назвать общеизвестным, ведь именно таким образом цифровой след понимается в повседневной жизни пользователей глобальной сети, и в первую очередь под такой информацией подразумеваются те сведения, которые пользователь оставляет в социальных сетях, мессенджерах, почтовых серверах, интернет-магазинах, иных используемых приложениях и посещаемых сайтах.

Некоторыми исследователями выделяется также активный и пассивный цифровые следы [3, с. 136]. Согласно «Концепции комплексного регулирования (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики» подготовленной на основе отчета Института Законодательства и Сравнительного Правоведения при Правительстве РФ, активный цифровой след формируется самим пользователем, который намеренно оставляет в информационных сетях о себе различную информацию, а пассивный цифровой след образуют данные, которые оставляются ненамеренно или вследствие работы программного обеспечения [4, с. 17].

Приведенные выше определения цифрового следа акцентируют внимание на данных, возникающих в ходе совершения действий в информационно-коммуникационных сетях.

Однако, например, в рамках расследования преступлений в сфере экономической деятельности необходимо также исследование и различных электронных бухгалтерских документов, а также иных цифровых следов, которые могут быть образованы и без применения информационно-коммуникационных сетей.

Исходя из криминалистического понимания цифровых следов наиболее подходящее определение, на наш взгляд, было дано Е.Р. Россинской и И.А. Рядовским, согласно мнению которых «цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [5, с. 8]. Данный подход не сужает сферу возможного возникновения цифровых следов до информационно-коммуникационных сетей, а предусматривает лишь компьютерную природу информации. Для целей криминалистики такая формулировка более оправдана, так как позволяет отнести к цифровым следам и те компьютерные файлы, которые были созданы, обработаны, изменены и без применения сети Интернет.

При расследовании преступлений экономической направленности наибольший интерес представляют цифровые следы, содержащие информацию о совершении экономических операций. Это прежде всего электронные бухгалтерские документы и электронные образы таких документов. Стоит отметить, что в отличие от электронного документа, который создается в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе и подписывается электронной подписью, электронный образ представляет собой переведенную в электронную форму с помощью средств сканирования копию документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенную электронной подписью.

Обязательной характеристикой некоторых видов преступлений в сфере экономической деятельности является причинение в результате противоправного деяния крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере, что позволяет квалифицировать деяние как уголовное преступление, а не аналогичное административное правонарушение. В связи с этим при расследовании подобных преступлений требуется применение специальных бухгалтерских знаний для установления суммы дохода, полученного в результате незаконных действий.

Так, например, согласно Приговору № 1-208/2019 от 28 июня 2019 г. по делу № 1-208/2019 в рамках расследования дела о незаконном предпринимательстве была назначена судебная бухгалтерская экспертиза для определения суммы дохода, полученного в результате оказания услуг по теплоснабжению без получения лицензии на данную деятельность. Эксперту на исследование были представлены оптические CD-R диски,

содержащие файлы формата «.xls» и др. с банковскими выписками по операциям и счетам общества с ограниченной ответственностью, отражающие получение денежных средств на счета общества в крупном размере. Данные бухгалтерские документы были предоставлены по запросу следствия.

Ориентирующая и доказательственная информация о совершении преступления в сфере экономической деятельности может быть получена не только в результате анализа электронных бухгалтерских документов, но также и при анализе информации содержащейся в браузере, а также соц. сетях, мессенджеров и иных приложений на изъятых у злоумышленников носителях. Это могут быть реквизиты банковских счетов и электронных кошельков, переписка о противоправных транзакциях, фотографии чеков и иных документов.

Согласно Приговору № 1-1-93/2016 1-93/2016 от 19 мая 2016 г. по делу № 1-1-93/2016 осужденные совершали продажу наркотических веществ, причем общение с покупателями происходило посредством мессенджера Telegram. Оплату за данные операции злоумышленники принимали на электронный Qiwi-кошелек, в качестве подтверждения покупатели предоставляли фотографию чека с суммой транзакции. При изучении носителя были также обнаружены документы с электронной таблицей, представляющей план продаж запрещенных веществ. Полученные в результате преступной деятельности средства были обналичены посредством терминалов Qiwi, что подтверждается историей платежей электронного кошелька. В данном случае, с помощью специалиста удалось изъять цифровые следы, содержащие информацию о проведении транзакций с денежными средствами, добытыми преступным путем.

Очевидно, что с дальнейшим внедрением цифровых технологий в сферу экономки, распространением среди хозяйствующих субъектов использования цифровых инструментов, цифровых валют и электронных средств платежа в России будет возрастать и необходимость исследования цифровых следов в рамках расследования преступлений экономической направленности.

Список использованных источников:

1. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2021 года // МВД РФ ФКУ «ГЛАВНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР» // URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2245929>
2. Бояркина Л.А., Бояркин В.В. Цифровой след и цифровая тень как производные персональных данных // Safety of a person and society as a problem of social sciences and

humanities. Materials of the III international scientific conference on December 5–6, 2016 (Prague), 78-81.

3. Никишин В.Д. Соотношение понятий «речевой след» и «цифровой след» в судебном речеведении // Цифровой след как объект судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 153-159.

4. Концепция комплексного регулирования(правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики // URL:https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:ZUfngxYZ6X0J:https://sk.ru/documents/358/10.06.2020_%2D0%259A%2D0%259D%2D0%259F%2D0%25A0_%2D0%25B4%2D0%25BE%2D1%2580%2D0%25B0%2D0%25B1%2D0%25BE%2D1%2582%2D0%25B0%2D0%25BD%2D0%25BD%2D0%25B0%2D1%258F_%2D0%25BF%2D0%25BE%2D1%2581%2D0%25BB%2D0%25B5_%2D0%25A0%2D0%2593.pdf+%&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=nl

5. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). — Алматы: Қазақстан Республикасы ПМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗЖРБЖҰБ, 4. — С. 6—8.

Киров А.А.

Аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь

СПЕЦИФИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО СУДОХОДСТВА

Аннотация. В докладе рассмотрены основные этапы становления и развития основных средств и направлений цифровизации, на основе современных компьютерных технологий, глобальных средств позиционирования, комплекса береговых служб и радиоэлектронных устройств обеспечения безопасности судовождения в зоне лоцманской проводки. Установлено, что последующее расширение применения СУДС и ее функций возможно, в том числе и с использованием беспилотных лоцманских судов, законодательство о регламентации деятельности которых сегодня находится на стадии разработки и принятия, в том числе и в наиболее заинтересованных странах, к примеру, в

Великобритании. В России начало данного процесса может быть положено в связи с успешной реализацией проекта «Пионер-М».

Annotation. The report discusses the main stages of the formation and development of fixed assets and areas of digitalization, based on modern computer technologies, global positioning tools, a complex of coastal services and electronic devices for ensuring the safety of navigation in the pilotage area. It has been established that the subsequent expansion of the use of the VTS and its functions is possible, including with the use of unmanned pilot ships, the legislation on the regulation of whose activities is currently being developed and adopted, including in the most interested countries, for example, in the UK. In Russia, the beginning of this process can be laid in connection with the successful implementation of the Pioneer-M project.

Эволюция средств обеспечения безопасности мореплавания основанных на радиосвязи началась достаточно давно, еще в 1920-1930-х гг., что сегодня достаточно подробно изучено, в том числе и отечественными исследователями [1, с. 71-77]. В 1930-х гг. свершившимся фактом стало появление автоматических систем судовождения – прообраза СУДС (систем управления движения судов).

Большим шагом с момента изобретения радиосвязи в этом направлении стало появление эхолотов и иных устройств, способных определять рельеф дна, а также РЛС. Их развитие существенно активизировалось после 2-й Мировой войны в результате применения разработанных и внедренных для военных целей более совершенных приборов (1948 г. порт Дуглас, Австралия). Впрочем, как известно, важнейшую роль здесь сыграли ученые Европы.

Так, как отмечает О. Причкин, «В странах ЕС с развитой портовой инфраструктурой СУДС традиционно уделяется повышенное внимание, начиная от реализации первых проектов в конце 40-х – середине 50-х годов прошлого столетия» [2], что, в последующем, позволило существенно упростить труд и задачи морских и портовых лоцманов.

Все эти начиная подготовили почву для нового этапа, который наступил лишь с началом космической эры, а вместе с ней и возникновения систем позиционирования на базе сети искусственных спутников, что предопределило разработку и появление современных СУДС.

Страны ЕС внесли основной вклад в учреждение МАМС и в работу Комитета по VTS/СУДС в составе МАМС. В последние десятилетия ЕС обеспечил финансирование большого числа исследовательских и научно-практических проектов в сфере безопасности мореплавания, непосредственно связанных с СУДС. Первым таким проектом был COST 301 (середина 80-х годов), в котором выполнен анализ современных возможностей СУДС и намечены перспективы их развития с расширением зон действия и функционала. Развитием

проекта COST 301 стали проекты TAIE, RTIS и APAS, выполняемые в конце 80-х и начале 90-х годов, в результате которых была выдвинута концепция VTMS (Vessel Traffic Management and Information Services – Службы управления движением судов и информации)» [2].

На международный уровень проблема урегулирования деятельности СУДС вышла относительно недавно усилиями ООН. Резолюция A.857(20) «Руководство по службам управления движением судов» была принята ИМО 27 ноября 1997 г. с учетом также резолюций A.158(ES.IV) [3] – «Рекомендация по услугам портов», A.851(20) [4] — «Общие принципы систем судовых сообщений и требований к судовым сообщениям, включая руководство по сообщениям при инцидентах с опасными грузами, вредными веществами и/или поллютантами», и MSC.43(64) [5] — «Руководство и критерии для систем судовых сообщений» и, безусловно, с отменой резолюцию A.578(14).

Данная резолюция скомпонована из 2-х частей: 1) руководство по службам управления движением судов и 2) руководство по найму, квалификации и подготовке операторов СУДС. Ход ее реализации на практике можно проследить во «Всемирном справочнике по СУДС» [6].

Однако, принятие и внедрение данного документа было лишь частью пути. В последние годы научная мысль активно занята развитием беспилотных (безэкипажных) судов и непосредственным их внедрением на практике. Не отстает в данном вопросе и Российская Федерация, в том числе и ученые из Крыма. Так, при активном участии Севастопольского государственного университета создано первое в России беспилотное судно проекта «Пионер-М», которое, как планируется, будет действовать в Черном море [7].

С целью урегулирования различных правовых норм и проблем, стоящих в ходе внедрения и эксплуатации беспилотных судов во многих странах мира идет весьма непростой процесс разработки и согласования различных норм их непосредственной деятельности, который, правда, еще не приобрел международный уровень, хотя существенные усилия в этом направлении производятся, к примеру, в Великобритании [8].

Таким образом, можно указать на то, что в XX – начале XXI в. на основе развития средств связи и цифровых технологий осуществлен качественно новый шаг в вопросах обеспечения безопасности судоходства, который международному сообществу еще необходимо осмыслить и необходимым образом оформить на уровне конвенций, резолюций, договоров и нормативных актов, с учетом перспективности развития данного направления.

Список использованных источников:

1. Шармоянц А. Н. Правовое регулирование радиосвязи в 3-е годы XX века в СССР для обеспечения безопасности мореплавания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 2. – С. 71-77.
2. Олег Причкин (главный специалист, ФГУП «Росморпорт») СУДС в странах Европы // Морские вести России. №17 (2020). morvesti.ru
3. IMCO. Recommendation on port advisory services. Resolution A.158(ES.IV) adopted on 27 November 1968. URL: [http://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/Assembly/Documents/A.158\(ES.IV\).pdf](http://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/Assembly/Documents/A.158(ES.IV).pdf)
4. Резолюция А.851(20), принята 27 ноября 1997 Г. Общие принципы систем судовых сообщений и требований к судовым сообщениям, включая руководство по сообщениям об инцидентах с опасными грузами, вредными веществами и/или поллютантами URL: [http://www.rosmorport.ru/media/File/filials/Kaliningradsky/\[ИМО%20Резолюция%20А.851\(20\)\]%20RUS.pdf](http://www.rosmorport.ru/media/File/filials/Kaliningradsky/[ИМО%20Резолюция%20А.851(20)]%20RUS.pdf)
5. Resolution MSC.43(64) adopted on 9 December 1994 «Guidelines and criteria for ship reporting systems». URL: <http://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/Maritime-Safety-Committee-%28MSC%29/Documents/MSC.43%2864%29.pdf>
6. MSC/Circ.586 - МАМС/МАПГ/ИМПА “Всемирный справочник по СУДС”.
7. Проект «Пионер-М». ПИОНЕР-М (sevsu.ru).
8. *"Maritime Autonomous Surface Ship UK Industry Conduct Principles and Code of Practice 2020"*.

Айжарова Р.В.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Смагина Т. А.,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
Россия, г. Саратов

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В АДМИНИСТРАТИВНО ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается электронный документ через призму доказательства в административном судопроизводстве. Освещается проблематика законодательного регулирования и практического применения электронного

документооборота при рассмотрении административного дела в судебном порядке. Затрагивается вопрос отсутствия правового закрепления электронного документа в КАС РФ и степень важности электронной подписи в определении достоверности.

Annotation. This article examines an electronic document through the prism of evidence in administrative proceedings. The problems of legislative regulation and practical application of electronic document management in the consideration of an administrative case in court are highlighted. The issue of the lack of legal confirmation of the electronic document in the CAS of the Russian Federation and the degree of importance of the electronic signature in determining the reliability are touched upon.

В современных реалиях уровень технического прогресса диктует скорейшее перестроение всех сфер жизнедеятельности на рельсы автоматизации и цифровизации всех процессов, включая правовую систему, которая должна нормотворчески обеспечить законность данных технических нововведений не только в организационных структурах деятельности общества, но и в собственной внутренней системе, а именно в порядке судопроизводства всех отраслей права, включая административное право.

Существуют прения о необходимости внесения в КАС РФ дефинитивной нормы электронного документа, его главных признаков, которые являются главными условиями в определении его юридической силы. Понятие электронного документа законодательно определяется п.11.1 ст. 2 ФЗ №149 "Об информации, информационных технологиях и о защите информации": электронный документ - документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [1]. На мой взгляд, достаточно бланкетного метода при определении электронного документа, так как данный элемент цифровой документации является достаточно распространенным в применении не только различными отраслями права, но и вне правового поля, именно поэтому необходим отдельный федеральный закон.

Дискуссионной темой является отнесение электронного документа к письменному виду доказательства, как это регламентировано в ст. 70 КАС РФ [2]. Данная правовая норма обоснована со стороны того, что электронный документ отличается от письменного только внешними свойствами, но в них содержатся одинаковые символы, которые передают одинаковую информацию. Тем не менее некоторые ученые, такие как А.Н. Балашов и И.Н. Балашова полагают, что электронные документы не могут считаться лишь письменными документами в силу своего смешанного характера и должны считаться как некая комбинация

двух видов доказывания - письменного и вещественного [3, с.23-29]. Однако, в связи с растущими темпами цифровизации в дальнейшем можно будет рассмотреть возможность введения нового вида доказательства - электронного, в перечень которого будут входить не только документы, но и переписки в сети Интернет, скриншоты сайтов, аудио и видео доказательства.

На современном этапе регламентации юридической силы электронного документооборота, главным является вопрос о достоверности информации, что является главным критерием при вынесении решения о приобщении данного доказательства к конкретному делу. Электронная подпись в данной ситуации выступает обязательным реквизитом, который обеспечивает защиту данных электронного документа от фальсификации и придает ему неоспариваемую юридическую силу. Согласно ст 2 ФЗ №63 "Об электронной подписи": электронная подпись - информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию [4]. Данный закон также указывает на виды электронной подписи, которые различаются степенью защиты информации. Так, электронные документы, подписанные квалифицированной электронной подписью, которая выдается специальным аккредитованным удостоверяющим центром и к которой прилагается квалифицированный сертификат ключа проверки ЭП, приравниваются по юридической силе к письменным документам, согласно ст. 6 вышеуказанного закона.

Для унификации и уменьшения громоздкости законодательства возможно рассмотреть вариант консолидации ФЗ №149 "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и ФЗ №63 "Об электронной подписи", так как в роли доказательной базы электронный документ теряет свою юридическую силу без электронной подписи, которая выступает его обязательным реквизитом в данном случае.

Подводя итог всему вышесказанному, возможно определить главные направления в работе законодателя по стандартизации применения электронного документа, как способа доказывания в административном процессе.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/

2. "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/c4ce456b6c3cc05dd9989526634ac305d9178eca/

3. Балашов А. Н., Балашова И. Н. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Администратор суда. 2015. № 3.

4. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021)"Об электронной подписи"//URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/

Азарова А.С., Гейченко Д.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Галицкая Н. В.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

Россия, г. Саратов

ЦИФРОВОЕ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР

Аннотация: В статье анализируется процесс цифровизации административных процедур. Рассматриваются преимущества и недостатки электронного документооборота как важного шага на пути к автоматизации административных процедур. Делается вывод о необходимости разработки кодифицированного законодательства об административных процедурах.

Abstract: In the article, the authors analyze the process of digitalization of administrative procedures. The authors consider the advantages and disadvantages of electronic document management as an important step towards the automation of administrative procedures. It is concluded that it is necessary to develop codified legislation on administrative procedures.

Цифровизация проникла во все сферы государственного управления и развивается в различных направлениях. Российская Федерация не может игнорировать данный факт и обязана модернизировать и усовершенствовать административные процедуры, внедряя новые технологии и цифровые данные в публичное управление. Рассматриваемый процесс стал еще более актуальным в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Так, весной 2020 года Правительство РФ обязало проводить дистанционные, за некоторыми

исключениями, внеплановые проверки субъектов малого и среднего предпринимательства [8].

Основным прогрессирующим направлением деятельности в сфере государственного управления является предоставление услуг посредством информационных технологий и совершенствование информационно-технологической инфраструктуры для достижения этой цели. В 2011 году Правительством РФ были приняты положения об информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг [7]. Помимо этого, в числе задач национального проекта «Жилье и городская среда» значится осуществление перехода к прохождению административных процедур по принципу «одного окна» к 1 июля 2022 года [3]. Данный принцип уже успешно реализуется в Беларуси, где в упрощенном порядке осуществляются процедуры, охватывающие практически все сферы жизни: здравоохранение, связь, природопользование, труд и социальную защиту, транспорт и т.д.

Отметим, что аналогичной международной практики, когда все административные процедуры были бы систематизированы в едином правовом акте, не существует. На наш взгляд, отечественному законодателю следует обратить внимание на опыт соседей, поскольку в России в настоящий момент ввиду отсутствия единого законодательства об административных процедурах внедрение электронных форм осуществляется в различных сферах государственного управления неравномерно. Так, наиболее успешной цифровизации подвергся порядок предоставления государственных и муниципальных услуг, в то время как другие административные процедуры (контрольно-надзорная деятельность, лицензирование и пр.) пока отстают. Вне всякого сомнения, цифровизация положительно отразится на организационно-правовых аспектах контрольно-надзорной деятельности в области безопасности [1, с. 29].

В связи с продолжающейся пандемией COVID-19, которая во многом продемонстрировала преимущества «дистанционного» выполнения работ, эксперты считают практичным и целесообразным переход к электронному документообороту во всех сферах деятельности. Согласно параграфу 3а Закона ФРГ об административных процедурах, при осуществлении административных процедур допускается электронный документооборот между гражданином и административным органом [4, с. 758].

В области оказания государственных услуг в электронной форме необходимо выделить следующие преимущества: получение заявителем результата услуги в электронной форме; обращение за получением услуги с использованием электронных документов и дистанционных технологий; внутриорганизационное электронное взаимодействие поставщиков услуг, организаций, участвующих в предоставлении услуг.

Однако остро стоит вопрос об обеспечении цифровой безопасности, видится правильным проработать механизмы регулирования цифровой безопасности и внедрить их в законодательство [2, с. 78]. Другая проблема связана с тем, что в России доступ к интернету не имеет 19% населения [5], а некоторые граждане попросту обладают низким уровнем освоения современных средств массовой коммуникации, что может стать препятствием для реализации ими права на надлежащее государственное управление. Во Франции на этот случай создали службу специальных помощников при оказании публичных услуг [6, с. 41].

Хочется верить, что в ближайшем будущем на свет появится кодифицированное законодательство об административных процедурах, а искусственный интеллект станет их основным исполнителем. Вместе с тем автоматизация процессов принятия властных решений, несомненно, должна сопровождаться сохранением, наряду с электронными, альтернативных форм коммуникации с административными органами. Поэтому законодателю надлежит позаботиться о предоставлении дополнительных гарантий в части работы с обращениями граждан служб технической поддержки. Помимо этого, детальной проработке должны быть подвергнуты вопросы определения стандартов юридической квалификации технических сбоев, а также механизмов обжалования автоматически принятых решений.

Список использованных источников:

1. Братановский С.Н., Галицкая Н.В. Понятие и содержание государственного контроля и надзора в области обеспечения безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3. С. 29-33.
2. Галицкая Н.В. Административно-правовые механизмы обеспечения цифровой безопасности в России // Публичная власть: реальность и перспективы. Сборник научных трудов по материалам второй ежегодной Международной научно-практической конференции. 2015. С. 28-30.
3. Национальный проект «Жилье и городская среда» // Сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/>
4. Крамер У., Мицкевич Л.А., Васильева А.Ф. Электронные формы в административном процессе России и Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 4. С. 756-780.
5. Интернет 2020 в России и мире: статистика и тренды // vc.ru. URL: <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy>

6. Гриценко Е.В., Курындин П.А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности: опыт России и Франции // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 25-45.

7. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 (ред. от 01.09.2021) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 44. Ст. 6274.

8. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 438 (ред. от 14.09.2020) «Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 15 (ч. 4). Ст. 2292; 2020. № 38. Ст. 5896.

Сибилев Я.И.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сибилева А.Ю.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Россия, г. Симферополь

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПЛАТЕЖНЫЕ СРЕДСТВА В РОССИИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение нормативно-правовых актов, принятых по вопросу применения технологии блокчейн, а также анализ экономической деятельности, формируемой на ее(технологии блокчейн) основе. Также исследуется будущее цифрового рубля.

Материалы и методы исследования. В представленном исследовании проведена оценка рынка криптовалютных активов, анализ правовой практики, связанной с криптовалютой. В исследовании использовались материалы интернет-ресурсов, а также учебных пособий

Результаты исследования. В статье сделан вывод о положении рынка криптовалютных активов на сегодняшний день, а также подведен итог деятельности правительства и Центробанка РФ в рамках разработки цифрового рубля

Annotation. The purpose of this article is to review the regulatory legal acts adopted on the use of blockchain technology, as well as the analysis of economic activity formed on its (blockchain technology) basis. The future of the digital ruble is also being explored.

Materials and methods of research. In the presented study, an assessment of the market of cryptocurrency assets, an analysis of legal practice related to cryptocurrency was carried out. The study used materials from Internet resources, as well as textbooks

The results of the study. The article concludes about the current state of the cryptocurrency assets market, and summarizes the activities of the government and the Central Bank of the Russian Federation in the development of the digital ruble

Современные исследования в области изучения вопросов возможных форм, разновидностей и специфики оборота денежных средств, а также новых социально-экономических тенденций в обществе на территории Российской Федерации позволяют говорить не только о появлении, наряду с материальными, электронных платежных средств, но и, к текущему времени, замещению ими достаточно обширного пласта от совокупного объема финансового оборота в целом. Однако, зачастую, технический прогресс по скорости распространения значительно превышает темпы законотворческого и общеправового реагирования на него. Обозначенный разрыв между формой и сущностью обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

В соответствии с внесенными в 2020 году дополнениями в статью 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161 «О национальной платежной системе», электронные денежные средства - это «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом ... другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета ..., для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа» [1]. Указанный Закон в целом, как и отмеченные поправки, сыграли огромную роль в становлении правового статуса электронных денег, впервые законодательно определив порядок оказания соответствующих платежных услуг, субъектов всей платежной системы, специфики осуществления надзора и т.д. Ввиду определения электронных денежных средств и электронных средств платежа (соотносящихся как деньги и способы их оборота соответственно) в качестве новой формы безналичной оплаты, основой для проводимого законодательного реформирования послужили положения Гражданского кодекса РФ.

Электронные денежные средства не могут быть использованы без соответствующих электронных средств платежа. На сегодняшний день таких «финансовых электронных площадок» существует большое количество, в частности: WebMoney, Яндекс деньги, PayPal, Qiwi, Capitalist и многие другие. Использование данных платежных организаций характеризуется наличием как положительных сторон, среди которых отмечается удобство и быстрота использования, использование современных методов защиты электронного счета и т.д., так и отрицательных, с которыми неоднократно сталкивался практически каждый пользователь, а именно - наличие обязанности по уплате комиссии, возможные сбои, необходимость наличия Интернет соединения, без которого осуществление транзакций не представляется возможным. Все они, в основном, носят технический характер и исправляются при помощи специалистов в соответствующей области.

Настоящая проблема возникает в тех ситуациях, когда потенциальный пользователь сталкивается со случаями незаконного ограничения в пользовании собственными денежными средствами, их краже, блокировке электронного счета в условиях, когда сфера указанного денежного оборота еще не урегулирована законодательно должным образом. Ярким примером подобного рода ситуаций выступают отношения по обороту криптовалют, токенов и т.д.

На сегодняшний день на территории РФ действует вновь принятый Федеральный закон от 31.07.2020 N 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ознакомление с его положениями позволяет отметить ряд неточностей и недоработок со стороны законодателя. Так, конченный вариант Закона определил, что цифровая валюта - это «совокупность электронных данных ..., содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций ...» [2]. Ключевой момент: исходя из содержания данной нормы цифровая валюта может быть средством платежа. В свою очередь, статья 14 того же Закона говорит о запрете на территории РФ «распространять информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления» [2]. Таким образом, цифровая валюта, по сути, не только получает значительный комплекс ограничений со стороны законодателя по ее использованию в России, но и не соответствует категории «средство платежа».

На наш взгляд, первоначально очевидное решение по внесению изменений в статью 14 данного Закона, в конечном итоге, не принесет никакого положительного эффекта.

Причиной тому явная «сырость» всего Закона, а не только его отдельных положений. Помимо указанного взаимопротиворечащего критерия, нормативный акт, при условии урегулирования действительно сложной и многоаспектной сферы общественных отношений, к тому же достаточно новой, не уделил внимания даже базовой и такой необходимой статье, как основные понятия, используемые в Законе. За рамками правового оборота остались такие широко известные и уже применимые во всем мире термины, как криптовалюта, майнинг, токен и т.д.

При том, решение указанной проблемы видится достаточно простым и реальным. Ввиду тех обстоятельств, что изначально «от закона ожидали введения единого аппарата и понятийной правовой базы для всего криптовалютного рынка в целом» [3], проект нормативного акта - Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» от 25.01.2018 года оказался весьма удачным в плане построения норм - дефиниций. Так, например, в соответствии с ним, криптовалюта – это «вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций» [4]. К сожалению, он так и не нашел своего отражения в действующем законе. В связи с чем, считаем необходимым обратить внимание на более успешный с точки зрения логичности и удовлетворения нынешних потребностей общества Закон от 25.01.2018 года с последующим заимствованием дефиниционных определений таких явлений, как: цифровая транзакция, майнинг, криптовалюта, токен, смарт-контракт и т.д.

Список использованных источников:

1. О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.07.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/. – Текст: электронный.

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/. – Текст: электронный.

3. Сарафанова, Д.Д. Пробелы в правовом регулировании цифровых финансовых активов / Д.Д. Сарафанова // Вопросы российской юстиции. –2021. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probely-v-pravovom-regulirovanii-tsifrovyyh-finansovyh-aktivov>. – Текст: электронный.

4. О цифровых финансовых активах : Проект федерального закона от 25.01.2018 года.

– URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovykh_finansovykh_aktivakh. – Текст: электронный.

Глинда А.И.

Научный руководитель: д.ю.н., профессор Сильченко Н.В.

Белорусский государственный университет,

Республика Беларусь, г. Минск

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. На основании анализа норм налогового и административно-деликтного законодательства Республики Беларусь, предлагается рассмотреть вопросы влияния развития электронных способов взаимодействия плательщиков с налоговыми органами на особенности применения юридической ответственности за некоторые правонарушения в сфере налогообложения.

Annotation. Based on the analysis of the norms of the tax and tort administrative legislation of the Republic of Belarus, it is proposed to consider the impact of the development of electronic methods of interaction between taxpayers and tax authorities on the specifics of the application of legal liability for certain offenses in the field of taxation.

Общественные отношения в сфере налогообложения, не будучи техническими по своему содержанию, объективно испытывают влияние техники и технологий, или, как обозначает профессор Н.В. Сильченко, «технической компоненты» [1, с. 129].

На примере наиболее распространенных составов правонарушений против порядка налогообложения – нарушение срока представления налоговой декларации (расчета); неуплата или неполная уплата суммы налога, сбора (пошлины), – рассмотрим варианты улучшения положения налогоплательщика, а также угрозы наступления ответственности в связи с расширением процессов цифровизации во взаимоотношениях с налоговыми органами.

С 1 января 2020 года в Республике Беларусь введена в эксплуатацию автоматизированная информационная система исполнения денежных обязательств (АИС ИДО), разработанная во исполнение Указа Президента Республики Беларусь от 16.10.2018 №

414 «О совершенствовании безналичных расчетов», который направлен на упрощение процедуры исполнения денежных обязательств.

Система используется как для бесспорного взыскания контрагентами по гражданско-правовым договорам долгов на основании имеющихся у них исполнительных документов, так и органами взыскания для принудительного погашения задолженности, а также самими плательщиками для осуществления платежей в бюджет при невозможности исполнить обязательство в полном объеме.

В силу абзаца второй части 2 примечания к ст. 14.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) [2], с учетом механизма исполнения денежных обязательств посредством АИС ИДО, во избежание ответственности за неуплату или неполную уплату сумм налога, сбора (пошлины) (за исключением совершенных умышленно или повторно) плательщику, не имеющему к моменту наступления срока уплаты налога достаточных финансовых ресурсов, достаточно своевременно направить платежное поручение на исполнение налогового обязательства в полном объеме к одному из счетов в любом обслуживаемом банке.

Соответствующая норма существовала в КоАП и ранее. Однако до 2020 года требовалось направить платежные поручения на полную сумму подлежащего уплате налога ко всем плательщика счетов плательщика в банках.

Таким образом, применение новых технических возможностей осуществления платежей существенно облегчает процедуру формального соблюдения установленного порядка исполнения налогового обязательства, а также снимает риск понести ответственность за неуплату налога «пропустив» при направлении в банки платежных поручений один из имеющихся и, например, редко используемый счет.

Рассмотрим ситуацию менее «выгодного» с точки зрения налогоплательщика влияния процессов цифровизации на его положение во взаимодействии с налоговыми органами.

Для отдельных категорий плательщиков Налоговым кодексом Республики Беларусь (НК) предусмотрена обязанность представления налоговых деклараций (расчетов) в электронной форме.

Так, по общему правилу, установленному частью первой пункта 4 статьи 40 НК, налоговые декларации (расчеты) по установленным форматам в виде электронного документа обязаны представлять: организации, обязанные в соответствии с НК представлять годовую индивидуальную отчетность; другие плательщики, если среднесписочная численность работников за предшествующий календарный год составляет 15 и более человек; плательщики налога на добавленную стоимость.

При представлении такими плательщиками налоговой декларации (расчета) в письменной форме налоговая декларация (расчет) не считается представленной.

Данное положение также не ново. Впервые обязанность представления электронных деклараций, но для более узкого круга субъектов хозяйствования, была введена с 1 января 2012 года [3, п. 23 ст. 1]. С 1 июля 2016 года возможность подачи обязанными лицами декларации на бумажном носителе была окончательно исключена [4, п. 28 ст. 2]. С 1 января 2021 года список субъектов сугубо электронного декларирования дополнен плательщиками, представляющими в соответствии с НК годовую индивидуальную отчетность.

Нарушение срока представления налоговой декларации (расчета) влечет ответственность, предусмотренную статьей 14.2 КоАП [2].

Таким образом, появившаяся в НК техническая норма, определяющая для ряда плательщиков исключительно цифровую форму обмена сведениями, необходимыми для исчисления налогов, сборов (пошлин), запустила механизм административной ответственности, даже если фактически сама обязанность по представлению таких сведений в налоговый орган ими соблюдена.

Проведенный анализ на примере отношений по исполнению налогового обязательства позволяет наблюдать сразу два вида системных связей института юридической ответственности внешнего типа – связи с социальной действительностью и связи с техническими регуляторами общественных отношений. Изменения в жизни общества, которые вызваны процессами цифровизации, стремительное развитие информационных технологий неизбежно отражаются на способах взаимодействия с фискальными органами, упрощается механизм уплаты налогов, но также возникают новые риски совершения правонарушений в сфере налогообложения.

Список использованных источников:

1. Сильченко, Н.В. Источники права: сб. науч. статей / Н.В. Сильченко. – Минск: Право и экономика, 2021. – 294 с.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 91-3: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь Закон Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 330-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предпринимательской деятельности и налогообложения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 343-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Бальский А.В.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Мухамедова Э. Э.

ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского»,

Российская Федерация, г. Симферополь

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДАЖИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: В настоящее время происходит внедрение в гражданский оборот цифровых технологий, предлагающих субъектам гражданского оборота различные предложения на рынке в сети интернет, однако возникает проблема в отсутствии правового регулирования данных явлений. Законодательство не успевает за интенсивностью цифровизации общества в отдельных правоотношениях, среди которых наиболее актуальны отношения по приобретению цифровых прав на результаты интеллектуальной деятельности. Настоящая работа представляет собой изложения основных проблем и пути их решения.

Annotation: Currently, digital technologies are being introduced into civil circulation, offering various proposals to the subjects of civil turnover on the market on the Internet, however, a problem arises in the absence of legal regulation of these phenomena. Legislation does not keep pace with the intensity of the digitalization of society in certain legal relations, among which the most relevant are relations on the acquisition of digital rights to the results of intellectual activity. This work is a presentation of the main problems and ways to solve them.

В настоящее время приобретают актуальность сделки по приобретению цифровых прав в отношении результатов интеллектуальной деятельности, однако законодательство не успевает за цифровизацией общества в отдельных сферах, что требует в этой области создания специальных норм. Данная проблема обострилась недавней офертой Эрмитажа о возможности приобретения цифровых прав на объекты искусства, следует сразу отметить, что все историческое наследие искусства, находящееся в Эрмитаже представляет собой достояния всего многонационального народа Российской Федерации, а сами объекты

искусства находятся в оперативном управлении данного государственного учреждения, который не предполагает отчуждение объектов в собственность другим лицам без согласия учредителя.

Приобретение цифровых прав на носители результатов интеллектуальной деятельности (к примеру, картины, музыкальные произведения и др.) представляет собой не инновацию в области цифровизации общества. Сделки в отношении рассматриваемой категории цифровых прав представляют собой лицензионный договор, который отличается особенностью приобретения не осязаемых вещных благ, что не характерно для классического понимания вещного договора, а права, которые лицо не может чувственно ощутить. Актуальными вопросами является возможность передачи пользования цифровым правом на объект интеллектуальной собственности, для извлечения из него коммерческой выгоды или обременение с помощью залога с целью обеспечить исполнение обязательства залогодателя (титulyного собственника цифрового права). Исходя из договорной конструкции приобретения рассматриваемого цифрового права, возникает вопрос о возможности виндикации такового (в случае если титульный собственник лишился владения цифровым правом при предоставлении некоего цифрового ключа или же его кражи), применение норм о кондикции, деликтных требованиях и реституции (к примеру передача доступа к цифровому праву перешла ненадлежащему лицу).

Именно перечень рассматриваемых выше вопросов, составляет основу проблем правового регулирования продажи цифровых прав на результаты интеллектуальной деятельности. Но производной данных вопросов является юридическая природа рассматриваемой проблемы.

Согласно диспозиции статьи 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [1].

Некоторое время в гражданском обороте существовала неопределенность не только в отношении отдельных категорий цифровых прав, но и в целом цифровых прав как явления. Цивилистическое общество долгое время вело дискуссию о юридической просматриваемой проблемы и ее определение к той или иной вещной категории, но данный вопрос требовал незамедлительного решения, поскольку гражданский оборот динамичен. Вопрос был решен внесением поправки в статью 128 ГК РФ от 2019 года, которая закрепила имущественную природу цифровых прав.

Несмотря на законодательное признание, немаловажной проблемой в области цифровых прав на результаты интеллектуальной деятельности является отнесение их к категории относительных или абсолютных прав. Так, если речь идет о музыке или фильмах на материальных носителях, то в таком случае они являются объектами абсолютного права собственности пользователя. Если же музыкальные или кинематографические произведения содержатся на цифровом носителе правообладателя, то они становятся объектами относительного права пользователя, даже если последний "купил" объекты. При этом возможен третий вариант: музыка или фильмы могут находиться на цифровом носителе пользователя (например, на смартфоне), и одновременно в программе правообладателя (в специальных онлайн и оффлайн приложениях и сервисах) [2]. Однако следует не согласиться с таким разделением, ведь несмотря на способ использования цифрового права на объект интеллектуальной собственности, оно остается относительным, ведь воспроизводя музыкальные, кинематографические произведения через абсолютные вещные права (радио, телевизор и так далее) они не приобретают характеристику таковых, а остаются относительными.

Отечественное юридическое общество столкнулось с проблемой, которое в настоящее время не имеет правового регулирования не только на уровне законодательства, но и на уровне толкования Высшей Судебной инстанции. Таким образом, разрабатывая концепцию регулирования цифровых прав на результаты интеллектуальной деятельности мы видим закон не *de lege ferenda*, а необходимость здесь и сейчас.

По мнению автора, необходимо отнести цифровые права на результаты интеллектуальной деятельности на законодательном уровне в область самостоятельных относительных вещных прав, которые подвергаются распространению на них соответствующих норм и предоставить на обзрение Высшей судебной инстанции толкование определённых вопросов, возникших в практике применения рассматриваемой в настоящей работе проблемы.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994
2. Иванов А. А. «Обязательственное право: классические вопросы и новые вызовы» / Исследовательский центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ // URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/>

Басырова З.Р.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Каменева А. Н.

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Российская Федерация, г. Москва

РОЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация: Данная статья посвящена значению и роли банковской системы в противодействии легализации преступных доходов. Рассмотрены меры, применяемые, в частности, Банком России, взаимодействие банковской системы с Росфинмониторингом, а также эффективность таких мер и взаимодействия.

Annotation: This article is devoted to the importance and role of the banking system in countering the legalization of criminal proceeds. The measures applied, in particular, by the Central Bank of the Russian Federation, the interaction of the banking system with Rosfinmonitoring, as well as the effectiveness of such measures and interaction are considered.

В настоящее время актуальной мировой юридической, экономической и политической проблемой является проблема легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. В ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» закреплено, что легализация – это придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления [1]. При этом значительная часть преступлений совершается через банковскую систему.

По данным Организации Объединенных Наций, каждый год в мире легализуется порядка 450 млрд долларов. Согласно данным Банка России в 2020 году в Российской Федерации объемы вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе составили 52 млрд рублей, а объемы обналичивания денежных средств – 78 млрд рублей. По состоянию на первое полугодие 2021 года эти значения составили 20 и 31 млрд рублей соответственно [2].

Одним из органов, осуществляющим противодействие легализации преступных доходов, является Центральный Банк Российской Федерации. Банк России является надзорным органом, уполномоченным осуществлять государственный финансовый мониторинг кредитных организаций. Он ведет борьбу с сомнительными операциями

в финансовой системе во взаимодействии с Федеральной службой по финансовому мониторингу – Росфинмониторингом, Федеральной налоговой службой, правоохранительными и иными органами.

В данной сфере у Банка России две основные функции: во-первых, это разработка и принятие нормативных правовых актов в соответствии с требованиями, установленными Федеральным законом № 115-ФЗ; во-вторых, контроль и надзор за соблюдением поднадзорными организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, законодательства в сфере противодействия отмывания денежных средств и финансирования терроризма (ПОД/ФТ). Реализуя первую функцию, Банк России издает положения и указания, касающиеся, в частности, идентификации некредитными финансовыми организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев и требований к правилам внутреннего контроля некредитных финансовых организаций в целях ПОД/ФТ; порядка представления некредитными финансовыми организациями в уполномоченный орган сведений и информации; квалификационные требования к специальным должностным лицам, ответственным за реализацию правил внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ. Для реализации второй функции Банк России проводит проверки кредитных организаций и их филиалов; направляет им обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных в их деятельности нарушений законодательства. Помимо этого, Банк России вправе применить по отношению к нарушителям меры в виде ограничения проведения кредитной организацией отдельных операций на срок до шести месяцев, а также (применительно к нарушителям Федерального закона №115 и, принятых в соответствии с ним, иных актов) имеет право взыскать с кредитной организации штраф в размере до 0,1 процента размера собственных средств (капитала), но не менее 100 тысяч рублей; потребовать или ввести запрет осуществления реорганизации кредитной организацией; ввести ограничение на величину процентной ставки и некоторые иные меры [5].

В результате целенаправленной борьбы объем сомнительных операций в последние годы постоянно уменьшается. Меры, предпринятые Росфинмониторингом совместно с Банком России и правоохранительными органами, сократили примерно на 40% объем сомнительных финансовых операций, в том числе обналичивание денежных средств было снижено на 45%, и в целом вывод денежных средств за рубеж по сомнительным основаниям [4]. В рамках проводимой Банком России политики по очищению кредитно-финансовой сферы, в 2019 году были отозваны лицензии у 31 банка, при этом в 80% случаев Росфинмониторинг заранее информировал Банк о рисках вовлеченности кредитных организаций в проведение сомнительных операций.

Для эффективного функционирования банковской системы и для реализации мер, направленных на ПОД/ФТ, необходимо проведение банками внутреннего контроля. В структуре банков образуются специальные подразделения, которые и выявляют сомнительные операции и применяют меры реагирования в отношении таких операций. Кроме того, на банки возложена обязанность информировать Росфинмониторинг о таких операциях, что, по сути, делает банки звеньями, непосредственно владеющими первичной информацией о возможных схемах легализации преступных доходов [6].

Подводя итог, стоит отметить, что для самих банков выявление сомнительных операций является сложной и дорогостоящей процедурой, поэтому Банк России регулярно оказывает им методологическую поддержку. Во второй половине 2022 года Банк России готовится запустить специальную платформу для банков «Знай своего клиента» — это система, с помощью которой банки смогут получать необходимые сведения об уровне риска вовлеченности в проведении сомнительных операций возможных и обслуживаемых клиентов. Предполагается, что данная система сократит число необоснованных отказов клиентам и издержки банков.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета, № 151-152, 09.08.2001.
2. Официальный сайт Банка России. Обзор событий в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступными путем, и финансированию терроризма. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/126318/2021_1.pdf
3. Официальный сайт Банка России. Обзор событий в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступными путем, и финансированию терроризма. URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/
4. Ежегодный отчет Росфинмониторинга – итоги 4-го раунда взаимных оценок ФАТФ. С. 24. URL: <http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2020/отчет%2019.pdf>
5. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021), ст. 74-75. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. Мендрук К.С. Роль банковского сектора в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Форум молодёжной науки. 2021. №4. С.145.

Гиниятуллина Р.Р., Калинина А.В., Посталюк М.К.

Научный руководитель: преподаватель кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Привалов Сергей Александрович,
*Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА),
Россия, г. Саратов*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: МАШИНОЧИТАЕМОЕ ПРАВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Машиночитаемое право – концепция, которая развивается не только в России, но и по всему миру. Только в России она уже утверждена и находится на стадии внедрения в отрасли юриспруденции. Разработчики уже знают, какие сферы будет охватывать данная технология, что можно автоматизировать на первом этапе, и как это повлияет на работу юристов.

Annotation. Machine-readable law is a conception of law that is developed not only in Russia, but also all over the world. Only in Russia it has already been approved and it is at the implementation stage to the branches of jurisprudence. The developers have already known the areas that this law would cover, things that could be automatised at the first stage and the influence of machine readable law on lawyers' activity.

Концепция применения определённой программы, которая будет помогать в работе юриста и вообще сфере юриспруденции, давно интересует учёных. Исследованием данной проблемы на протяжении нескольких лет занимается АНО «Цифровая экономика», а их рабочая группа уже подготовила проект технологий, который и называется «Машиночитаемое право».

Машиночитаемое право состоит из норм права, которые изложены на языках программирования и разметки текста, применимых для ЭВМ [1].

Разработка подобного технологического «чуда» ведётся не только в России, но и за рубежом. Помимо Инновационного центра «Сколково», разработки в этой области осуществляют специалисты исследовательского центра CodeX при Стэнфордском университете, центра MITComputationalLaw при Массачусетском технологическом институте, центра CentreforComputationalLaw Сингапурского университета управления [2].

Но в России речь идёт не просто о разработке концепции машиночитаемого права. Данная концепция уже была утверждена Кабинетом министров 27.09.2021 г. Это

свидетельствует о том, что Правительство Российской Федерации серьёзно настроено в отношении данной разработки.

Направления, охватываемые машиночитаемым правом, обозначены в концепции Сколково: автоматическое изучение (генерация) и применение онтологий права; ручное проектирование нормативных актов; программирование конкретных правовых процессов; формирование образов (первичная оцифровка) документов и текстового цифрового документа; формирование машиночитаемого документа [3, с.14-17].

Онтология машиночитаемого права - описание на формальном языке множества объектов (сфер применения машиночитаемого права, субъектов правоотношений, сделок и т.д.) в области права и связей между ними [3, с.12].

Реализация проекта на данный момент состоит из следующих этапов:

1. Первый этап (2021-2024 годы) будет заключаться в подборе и тестировании технологий машиночитаемого права в ограниченных областях, включая реализацию пилотных проектов в обеспечении стандартизации электронного документооборота, контрольно-надзорной деятельности нормотворчества.

2. Второй этап (2024-2028 годы) – тиражирование успешного опыта использования машиночитаемого регулирования и автоматизированного правоприменения за счет создания комплексной системы перевода норм в машиночитаемый формат и их применения.

3. Третий этап (2028-2035 годы) – реформирование системы подготовки и принятия решений о необходимых и достаточных изменениях в регулировании и правоприменительной практике для создания оптимальных условий для экономического роста и развития технологий [3, с.79].

Сейчас, например, технологии машиночитаемого права отчасти применяются при работе видеорегистраторов на дорогах [4].

Пока данная концепция рассматривается как автоматизированный помощник в сфере юриспруденции. Сможет ли она стать чем-то большим можно будет понять только тогда, когда концепция начнёт свою полноценную работу, а её профессионализм и точность будут оценены дипломированными специалистами российского и международного права.

Преимуществом данной системы над человеком является то, что компьютер и его алгоритмы обладают почти безграничной памятью, а также полностью исключается влияние человеческого фактора. Однако есть и отрицательные стороны данной системы. Машина не умеет мыслить и не учится на своих ошибках, а повторяет их снова и снова, пока человек не внесёт изменение в программу. Не будет разработки каких-то новых концепций или решений, которые возможны при работе живого человека или государственного органа, останется лишь установленная концепция применения уже существующих норм.

Идеал машиночитаемого права – это нормативно правовые и судебные акты, имеющие строгую структуру, не содержащие фактических и логических ошибок [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что машиночитаемое право не просто очередная система, которая сможет облегчить жизнь всем работникам юридической сферы. Её введение в отрасль полностью оправдано, так как данная система сможет ускорить работу судопроизводства и процесс нормотворчества, уменьшив влияние человеческого фактора. Ведь это совершенно новая программа, которая своим планом реализации сможет затмить все разработки наших зарубежных коллег. Однако не стоит забывать, что машиночитаемое право не будет отдельной, самостоятельной системой, способной осуществлять свою работу без помощи человека.

Список использованных источников:

1. Концепция развития технологий машиночитаемого права // URL: <https://goo.su/7y5g>
2. Концепция развития технологий машиночитаемого права одобрена Рабочей группой «Нормативное регулирование» при АНО «Цифровая экономика» и направлена в Минэкономразвития России для подготовки к принятию // URL: <https://sk.ru/news/koncepciya-razvitiya-tehnologiy-mashinocitaemogo-prava-odobrena-rabochey-grupпой-normativnoe-regulirovanie-pri-ano-cifrovaya-ekonomika-i-napravlena-v-minekonomrazvitiya-rossii-dlya-podgotovki-k-prinyatiyu/>
3. Концепция развития технологий машиночитаемого права // URL: <https://goo.su/7xEc>
4. Кабмин утвердил концепцию развития машиночитаемого права // URL: <https://pravo.ru/news/235128/>
5. Зазулин А. Мечтает ли искусственный интеллект об идеальных правовых актах? // URL: https://zakon.ru/blog/2021/5/12/mechtaet_li_iskusstvennyj_intellekt_ob_idealnyh_pravovyh_aktah

Зотова А.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Галицкая Н. В.

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

Россия, г. Саратов

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: В работе рассматриваются вопросы правового регулирования информации о жестоком обращении с животными в условиях цифровизации. Предложены пути решения проблемы в административно – правом регулировании: введение досудебного порядка, расширение нормативной базы КоАП РФ.

Annotation: The paper discusses the issues of legal regulation of information on animal cruelty in the context of digitalization. The ways of solving the problem in administrative law regulation are proposed: the introduction of a pre-trial procedure, the expansion of the regulatory framework of the Administrative Code of the Russian Federation.

В условиях цифровизации и информатизации российского общества ежедневно увеличивается число пользователей сети – Интернет, а также растет количество информации, которую можно получить в любое удобное для человека время: различные знания, литература, а также фотографии текстовые данным, связанные с насилием, терроризмом и т.д. Не смотря на введение в действие Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который регламентировал права животных и зафиксировал основные понятия, например: жестокое обращение с животным – это обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями и др, животные продолжают подвергаться насилию, как в реальной жизни, так и в информационной сети [2]. Подтверждением этому становятся статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ: за жестокое обращение с животными в 2019 году было осуждено 135 человек (110 человек за 2018 год), при этом 70% правонарушителей публиковали свои «достижения» в информационной сети, указывая на способы и места издевательства над животными, считая это престижным и значимым [6].

Нравнодушные граждане вступают в зоозащитные общества («Животные не одежда», «Вита» и иные) и оказывают масштабную помощь правоохранительным органам в поиске информации, содержащей издевательства над животными, они подают петиции и обращаются в суд для блокировки сайтов, содержащих подобные данные. В ассоциации «Благополучие животных» волонтерские группы в результате мониторинга социальных

сетей выявили 663 случая жесткого обращения с питомцами в 75 регионах страны с сентября 2020 года по январь 2021 года [7].

Важно отметить, что в соответствии со статьей 15.1 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в целях ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет создана и ведется единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в РФ запрещено» [3]. Она включает перечень информационных данных, ограничение которых возможно во внесудебном порядке (призывы к самоубийству, распространение террористических сведений и иные), позволяющий потребителю обратиться незамедлительно в Роскомнадзор или же одно из ведомственных учреждений прокуратуры с соответствующей жалобой и в кратчайшие сроки заблокировать противоправный контент. Этот перечень не предусматривает жестокое обращение с животными и на сегодняшний день их защита возможна только в судебном порядке – эта процедура длится от 3 - х месяцев, не ограничивая доступ к такой информации до вступления в законную силу решения суда и поступления его в Роскомнадзор с целью взаимодействия с операторами связи для последующего ограничения доступа. Одним из негативных последствий несвоевременной блокировки сайтов, содержащих противоправные материалы становится доступ к этим данным детей, оказывающий негативное воздействие на психическое состояние ребенка и впоследствии способствует формированию жестокости и потребительского отношения к живым существам в сознании, подрастающего поколения.

Нормативной базой, регулирующей уголовную ответственность за издевательство над животными и информационное распространение насилия над ними выступает Уголовный кодекс РФ [1]. Он регламентирует жестокое обращение с животными в статье 245, включающей следующий перечень наказаний: штраф до 300 тысяч рублей, обязательные работы до 360 часов, исправительные работами на срок до 2 лет, ограничение свободы на срок до 1 года, арест на срок до 6 месяцев, лишение свободы на срок до 5 лет.

Многие знаменитые правоведаы в своих исследовательских работах анализировали тенденции цифровизации и последствия их влияния на неопределенный круг лиц. Так Галицкая Н. В. в своем научном труде пишет о необходимости наделяния структур государственной власти различными полномочиями (МВД РФ, ФСБ РФ, Роскомнадзор), которые позволят структурировать информацию в сети – Интернет и расширить спектр мер по предотвращению распространения неправомерного контента [5].

Для того чтобы повлиять на снижение роста правонарушений, связанных с жестоким обращением с животными, предлагаем предпринять следующие меры:

1. Дополнить статью 15.1 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» пунктом о жестоком обращении с животными – это позволит использовать досудебный порядок в урегулировании таких правонарушений, сокращая нагрузку на суды РФ и обеспечивая наиболее полную блокировку запрещенного контента.

2. Также необходимо ввести в Кодексе административных правонарушений статью об ответственности за жестокое обращение с животными, подробно регламентировав меры административной ответственности для тех лиц, размещающих неправомерный контент.

3. Ввести наказание в виде административного штрафа за размещение контента, содержащего жестокое обращение с животными на всех информационных площадках, включая социальные сети: Вконтакте, Инстаграмм, Фейсбук, Твиттер и иные платформы.

При реализации всех вышеперечисленных мер, направленных на снижение правонарушений, связанных с жестоким обращением с животными, удастся защитить животных и пресечь распространение в сети - Интернет информации, причиняющей вред психическому здоровью неограниченного круга лиц, в том числе несовершеннолетних детей.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021)// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 29 дек. 2018. № 7758.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

5. Публичная власть: реальность и перспективы : сб. науч. тр. по матер. второй ежегодной Междунар. научно-практ. конф. (Саратов, 1 ноября 2015 г.) / под ред. А.Ю. Соколова ; [редкол.: А.Ю. Соколов и др.]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2015. — 172 с.

6. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

7. Зоозащитники назвали регионы-лидеры по жестокому обращению с животными. URL: <https://www.vetandlife.ru/vizh/sobytiya/zoozashchitniki-nazvali-regiony-lidery-po-zhestokomu-obrashcheniyu-s-zhivotnymi/>

Киндеева А.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Каменева Анна Николаевна
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
Россия, г. Москва

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ С ЦЕЛЬЮ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам правового регулирования цифровой валюты и внедрения инновационных способов противодействия её использованию в противоправных целях. Автор сравнивает позиции российских и зарубежных исследователей относительно безопасности цифровой валюты, анализирует позицию международных организаций. В статье приведены современные механизмы, разрабатываемые и внедряемые с целью предупреждения и пресечения преступлений террористической направленности, а также проанализированы вопросы соотношения частных и публичных интересов в связи с их использованием.

Annotation: This article is devoted to the problems of legal regulation of digital currency and the introduction of innovative ways to counter its use for illegal purposes. The author compares the positions of Russian and foreign researchers regarding the security of digital currency, analyzes the position of international organizations. The article presents modern mechanisms being developed and implemented in order to prevent and suppress terrorist crimes, as well as analyzes the issues of the correlation of private and public interests in connection with their use.

Вопрос о привлекательности использования цифровой валюты в целях финансирования терроризма, в частности, криптовалюты является дискуссионным. Многие зарубежные авторы говорят о том, что криптовалюта не так опасна в рамках рассматриваемой темы по ряду причин. Во-первых, основные очаги террористической деятельности находятся в государствах, в которых зачастую недостаточно развит технологический сектор; во-вторых, террористы не обладают технологическими знаниями и навыками использования таких систем [1, с.128]. Однако, ежегодно количество террористических актов увеличивается, и вне зависимости от их локализации само финансирование достаточно часто осуществляется именно в государствах с передовой экономикой и обилием новейших технологий. Более того, в соответствии с исследованиями, проведенными Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), большинство террористических организаций используют финансовых управляющих,

обладающих специальными знаниями в области бухгалтерского учета, финансов и экономики [2, с.18]. По этой причине утверждение западных коллег о безопасности использования криптовалюты кажется необоснованным.

Данная проблематика вызывает особый интерес у российских законодателей, что подтверждается принятием Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Однако, такие попытки урегулирования данной сферы активно критикуются в связи с тем, что закон не содержит конкретики относительно порядка создания, размещения, оборота цифровой валюты. Положения вышеуказанного нормативно-правового акта также не решают проблему деанонимизации лиц, совершающих сделки с использованием цифровой валюты.

Вопрос идентификации пользователей, участвующих в обращении цифровой валюты, на данный момент активно разрабатывается Росфинмониторингом совместно с Министерством цифрового развития, посредством внедрения технологий искусственного интеллекта в цепочку производимых финансовых операций. Такой технологией является система «Прозрачный блокчейн» [4]. Она позволяет отслеживать и анализировать транзакции, а также оперативно выявлять в них признаки противоправных деяний. «Прозрачный блокчейн» направлен на деанонимизацию лиц, использующих цифровую валюту, что достигается благодаря формированию статистических данных и установлению отличительных признаков совершенных операций. На основе полученной информации формируются профили участников, производится оценка их роли в экономической деятельности, а также выявление вероятности их участия в противоправной деятельности. Учет лиц, чьи транзакции содержат признаки отмывания денежных средств или финансирования терроризма, происходит посредством создания и ведения базы данных криптовалютных кошельков.

Также необходимо рассмотреть вопрос о законности мониторинга таких транзакций с учетом конфиденциальности информации о пользователях. Существует два вида блокчейна: публичные и закрытые коммерческие. Публичный блокчейн строится на принципе общедоступности транзакций, то есть любое лицо может изучить любую сделку, совершенную другим лицом. Поэтому внедрение системы в такой вид блокчейна не нарушает прав пользователей. Сложнее использование «Прозрачного блокчейна» в закрытом частном блокчейне. Такие сервисы заключают соглашения с пользователями, в которых может быть прописано условие о недопустимости просмотра информации о перемещениях цифровой валюты третьими лицами [4]. В таких условиях предполагается, что доступ к частным данным правоохранительные органы смогут получать только при наличии

оснований для сомнений в наличии противоправных признаков денежной операции, то есть только в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Исходя из подобных принципов внедрения системы «Прозрачный блокчейн», баланс частных и публичных интересов будет соблюден.

Среди одних из наиболее актуальных способов финансирования терроризма Росфинмониторинг также отмечает использование внутриигровой валюты и валюты, используемой в криптоиграх. Глава ведомства заявил, что подобные случаи уже известны практике, а также, что разработка мер, направленных на выявление таких операций, уже ведется в сотрудничестве с ФСБ [5]. Сам процесс представляет собой создание одним игроком учетной записи, содержащей в себе запасы цифровой валюты, последующую продажу такого аккаунта другому пользователю, а затем получение и вывод полученных средств и их направление на цели финансирования терроризма.

Таким образом, проблему использования цифровой валюты нельзя игнорировать. Пока она не достигла серьезных масштабов, однако в случае бездействия органов государственной власти и разработчиков систем, в которых цифровая валюта обращается, ее применение может стать одним из наиболее привлекательных способов финансирования терроризма. Поэтому необходимо заранее разработать законодательную и технологическую базы, направленные в первую очередь на предупреждение преступлений террористической направленности.

Список использованных источников:

1. Андропова И.В., Гусаков Н.П., Завьялова Е.Б. Финансирование терроризма: новые вызовы для международной безопасности. - Вестник международных организаций т. 15. №1, 2020. – 134 с.
2. Отчет ФАТФ «Новые риски финансирования терроризма». – 2015. – 80 с.
3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Официальный сайт РБК. В РФ начнут отслеживать криптовалютные транзакции [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/61094fe69a794776fd9a9a4f>
5. Росфинмониторинг: террористы используют валюту из компьютерных игр [Электронный ресурс] URL: <https://www.bfm.ru/news/484951>

Крылова В.В.

Научный руководитель: к.соц.н., доцент Черных А. Б.
*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Россия, г. Санкт-Петербург.*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ МОТ В СФЕРЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В современной системе трудовых отношений чрезвычайно важное значение имеют правовые приоритеты политики Международной организации труда (далее МОТ) в сфере труда в условиях цифровизации общества. Основными правовыми приоритетами Международной организации труда являются содействие развитию социально-трудовых отношений с направленностью на достижение и реализацию принципов достойного труда.

Annotation. In the modern system of labor relations, the legal priorities of the policy of the International Labor Organization (hereinafter the ILO) in the world of labor in the context of the digitalization of society are extremely important. The main legal priorities of the International Labor Organization are to promote the development of social and labor relations with a focus on the achievement and implementation of the principles of decent work.

На любом этапе исторического развития, в частности на этапе цифровизации общества, перед государствами встаёт важнейшая задача, нашедшая отражение в обеспечении высокого уровня трудовых отношений, социальной защиты граждан, борьбе с безработицей. В современной системе трудовых отношений чрезвычайно важное значение имеют правовые приоритеты политики Международной организации труда (далее МОТ) в сфере труда в условиях цифровизации общества. Как известно, приоритетами, в их философском значении, принято обозначать понятия и позиции, которые имеют первостепенное значение и особую важность в мире относительно других. Правовыми же приоритетами можно назвать правовые установки, положения и позиции, предопределяющие, в силу их значимости, первоочередность реализации в процессе решения конкретных задач, стоящих перед государством, и достижения общественно значимых целей. В процессе раскрытия понятия правовых приоритетов необходимо отметить их неоспоримую нормативность, проявляющуюся в том, что правовые приоритеты воздействуют на общественные отношения и различные процессы посредством создания, обеспечения и реализации ряда правил общего характера, направленных на структуризацию

отдельных сфер жизнедеятельности и придание им стабильности и чёткой программы развития и совершенствования [1, 206].

Более ста лет назад, в 1919 году с целью обозначения правовой политики в сфере труда и руководства процессами в сфере труда была создана и поныне действует Международная организация, которая также призвана к содействию в установлении всеобщего порядка и прочного мира на основе социальной справедливости. Достигается это путём совершенствования условий труда, а именно, регламентацией рабочего времени, борьбой с безработицей, защитой трудящихся от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве, обеспечением прав детей и женщин, справедливой оплаты труда, социальными гарантиями, профессиональным обучением и другим [1,205;2]. Как известно, МОТ с 1946 года является специализированным учреждением Организации Объединённых наций, она разрабатывает и принимает международные акты по социально-трудовым вопросам в форме конвенций, протоколов и рекомендаций.

В настоящее время, МОТ оказывает помощь в создании рабочих мест, улучшении условий труда, создавая условия для прочного мира, процветания, прогресса. МОТ поставила перед собой ряд стратегических приоритетов, заключающихся в: содействии установлению норм и принципов равноправия в сфере труда; создание благоприятных условий для мужчин и женщин в вопросах трудоустройства; поддержание социального диалога [3].

Справедливо предположить, что основными правовыми приоритетами Международной организации труда являются содействие развитию социально-трудовых отношений с направленностью на достижение и реализацию принципов достойного труда, посредством концентрации усилий в таких областях, как, во-первых: поддержка устойчивых предприятий, социальная защита, условия и охрана труда; во-вторых: регламентация рабочего времени, социальные гарантии, международные трудовые нормы и основные принципы и права в сфере труда [4].

В настоящий момент под влиянием цифровых технологий, кадрового голода рабочих профессий, стремительной моде к высшему образованию и частичному переводу профессиональной подготовки в дистанционный режим, перед отраслями и государством ставятся новые задачи, с которыми они прежде не сталкивались [5; 6,164]. На территории Российской Федерации была принята и действует государственная программа «Содействие занятости населения», которая имеет целью создание правовых и иных условий, способных осуществить эффективное развитие рынка труда. Приоритетными задачами данной программы являются: обеспечение реализации прав граждан на защиту от безработицы; предотвращение напряженности на рынке труда и многое другое. Отметим, что одним из

важнейших правовых приоритетов в сфере труда на современном этапе является обеспечение безопасных условий труда. В первую очередь это связано с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, которая смогла затронуть абсолютно все сферы жизнедеятельности, особенно пострадали сферы здравоохранения, занятости и бизнеса. Принятие правил, связанных с охраной и безопасностью труда позволяет значительно усиливать профилактические меры при производстве разного рода работ и способствует уменьшению количества производственных травм и заболеваний работников.

Подводя итоги следует сказать, что Международная организация труда использует накопленный на протяжении 90-летней истории опыт и знания для достижения своих целей, и в частности для разработки международных программ по содействию укреплению прав человека, улучшению условий жизни и труда, а также по расширению возможностей трудоустройства.

В условиях цифровизации общества перед сферой труда и государством ставятся всё более сложные задачи, имеющие направленность прежде всего на совершенствование условий труда, в частности, регламентацию рабочего времени, борьбу с безработицей, защиту трудящихся от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве, обеспечение прав детей и женщин, равная оплаты труда, социальные гарантии и другое.

Список использованных источников:

1. Черных А.Б. Рынок труда как среда укрепления социальной стабильности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. Т. 8. № 3. С. 205-208.
2. Международная организация труда. Справка. 02.11.2016. – Министерство иностранных дел. URL: https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-organizacia-truda-mot-/-/asset_publisher/Q247zSkyRnqS/content/id/2511842
3. Международная организация труда <http://мимо.com.ua/info/40-ilo-international-labour-organization-mezhdunarodnaya-organizaciya-truda-mot.html>
4. Программа сотрудничества между РФ и МОТ 2021-2024. 27.11.2020 RUS.FINAL.pdf URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/bc/28/Программа%20сотрудничества%20между%20РФ%20и%20МОТ%202021-2024.%20RUS.%20FINAL.pdf>
5. Изменение тенденций на рынке труда в условиях цифровой экономики // Молодой ученый. — 2019. — № 52 (290). — С. 420-424. — 30.12.2019 URL: <https://moluch.ru/archive/290/65921/>. URL: <https://moluch.ru/archive/290/65921/>

6. Kostin G.A., Chernykh A.B., Andronov I.S., Pryakhin N.G. Perception and interpretation of general humanistic values through communication technologies in the digital transformation of society // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021. 2021. С. 162-165.

Куцык В.П.

Научный руководитель: к.ю.н., Азаренкова Е.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

Российская Федерация, г. Москва

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Аннотация: В эпоху интеграции цифровой среды во все сферы общества особого внимания заслуживает защита персональных данных, в связи с чем существует необходимость совершенствования уголовного законодательства в данной области. В статье выявлены проблемы применения ст. 137 УК РФ в отношении персональных данных и предложены пути совершенствования рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Annotation: In the era of integration of the digital environment into all spheres of society, the protection of personal data deserves special attention, in connection with which there is a need to improve the criminal legislation in this area. The article identifies the problems of applying Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to personal data and suggests ways to improve the criminal law norm under consideration.

В современных условиях процессы цифровизации интенсивно захватывают все сферы жизнедеятельности. Цифровая трансформация общественных отношений определяет переход большого объема информации в цифровую среду, что обуславливает существование определенных рисков, связанных с незаконным получением таких данных и их последующим использованием. Слабая информационная защищенность или же относительно простая доступность к таким данным при наличии определенных умений и навыков являются условием, благоприятствующем для осуществления противоправной деятельности. В последние годы произошло немало случаев утечек персональных данных. Так, 9 декабря 2020 г. в СМИ появилась информация о том, что произошла утечка данных пациентов медицинских учреждений города Москвы, заболевших COVID-19, вследствие чего в сеть «Интернет» попало более 350 файлов с информацией о данных пациентах [1].

Существует множество подобных ситуаций, когда персональные данные граждан становятся общедоступными и достаточно часто такие персональные сведения используются в преступных целях, что также обуславливает необходимость существования эффективных уголовно-правовых средств защиты такой информации.

Персональные данные представляют собой любые сведения, прямо или косвенно относящиеся к субъекту персональных данных [5]. Следует отметить, что законодатель достаточно абстрактно установил рассматриваемую дефиницию. По смыслу законодателя к таким сведениям может быть отнесена и информация, которая составляет личную и семейную тайну, при этом, относимость какой-либо информации к таким категориям определяется непосредственно самим лицом. Однако, по своему объему понятие «персональные данные» достаточно обширное и включает в свое содержание не только личную и семейную тайну.

В соответствии со ст. 137 УК РФ уголовная ответственность наступает за сбор и распространение информации о частной жизни лица, которая составляет его личную или семейную тайну, осуществляемые незаконно и без его согласия, а также за распространение таких данных в каких-либо публичных мероприятиях. Конституционный Суд Российской Федерации, разъясняя в своем определении значение таких сведений, определяет под частной жизнью ту сферу жизнедеятельности человека, которая относится и касается исключительно его самого, и не подконтрольна обществу или государству в случаях, если она является правомерной [6]. В соответствии с данной позицией являются не тождественными понятия «сведения о частной жизни» и «персональные данные», что также доказывает невозможность полной уголовно-правовой защиты оборота персональных данных в контексте ст. 137 УК РФ. Например, на Портале государственных услуг Российской Федерации мы вводим паспортные данные, которые нельзя приравнять к сведениям о частной жизни ввиду существования контроля государства в данной сфере.

Из представленных рассуждений вытекает необходимость расширения предмета преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ в целях устранения существующих законодательных пробелов. Мы полагаем, что наиболее эффективным решением возникшей проблемы является включение в диспозицию ст. 137 УК РФ в качестве предмета преступного посягательства персональных данных. По поводу такого пути совершенствования рассматриваемой уголовно-правовой нормы ведутся оживленные дискуссии в научном обществе. Так, И.Р. Бегишев и Д.В. Кирпичников утверждают, что нельзя формализовать в качестве предмета состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, персональные данные ввиду абстрактности данного термина [2, с.12].

В целях поиска оптимального решения по поводу обеспечения уголовно-правовой охраны персональных данных нами был проанализирован зарубежный опыт построения таких уголовно-правовых норм. Так, в соответствии с уголовным законом Республики Беларусь уголовная ответственность наступает за осуществление сбора, предоставления сведений о частной жизни и (или) персональных данных другого лица, осуществленные незаконно и без согласия, вследствие чего причиняется существенный вред правам, свободам и интересам гражданина [3]. В УК РБ разграничены между собой понятия «сведения о частной жизни лица» и «персональные данные», что является не совсем верным решением ввиду того, что «персональные данные» является родовым понятием по отношению к сведениям о частной жизни лица. Также, нами было проанализирован уголовный закон Республики Казахстан, в котором, по нашему мнению, содержится наиболее эффективное законодательное решение данного вопроса. В соответствии с ч. 2 ст. 147 УК РК запрещен сбор информации о частной жизни лица, составляющей его личную или семейную тайну, если он осуществляется незаконным путем и без согласия лица, которому принадлежит такая тайна, а также сбор и обработка иных персональных данных, вследствие чего правам и законным интересам лица причинен существенный вред [4].

Анализируя зарубежный опыт и перенимая его в отечественном законодательстве, мы полагаем, что необходимо изменить диспозицию ст. 137 УК РФ следующим образом: «Незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия или незаконное собирание и обработка иных персональных данных без согласия лица, когда оно требуется, или собирание и обработка иных персональных данных, в результате чего правам и законным интересам лица причинен существенный вред либо распространение таких сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Список использованных источников:

1. Громкие случаи утечек персональных данных в России в 2019-2020 годах. URL: <https://ria.ru/20200623/1573379104.html>
2. Бегишев И.Р., Кирпичников Д.В. Проблемные вопросы уголовно-правовой охраны персональных данных / Уголовная юстиция. 2020.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252

5. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

6. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029/

Логвенчева А.О.

Научный руководитель: д.ю.н., доцент Арзуманова Л.Л.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
Российская Федерация, г. Москва*

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. В 2020 г. функции по созданию, развитию и эксплуатации Государственной информационной системы реализации государственного имущества переданы Федеральному казначейству РФ от Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ и Министерства экономического развития РФ. Представленное исследование посвящено как анализу предшествующего и действующего правового регулирования указанного ресурса, так и определению юридических последствий передачи полномочий оператора системы.

Abstract. In 2020 the functions for the creation, development and operation of the State Information System for the Sale of State Property were transferred to the Federal Treasury of the Russian Federation from the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation and the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. This research is devoted both to the analysis of the previous and current legal regulation of the described resource, and to the determination of the legal consequences of the transfer of powers of the system operator.

Дефиниция категории «информационная система» представлена в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ [1], однако ни названный Закон, ни другие нормативные правовые акты не содержат полного перечня систем, используемых при осуществлении

государственной деятельности. Тем не менее, информацию о таких ресурсах можно обнаружить на сайтах органов государственной власти. В частности, на официальном портале Федерального казначейства РФ описаны особенности функционирования шести систем [2]. Можно предположить, что данный перечень является исчерпывающим. Однако в Итоговом докладе о результатах деятельности Федерального казначейства за 2020 г. и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу (далее – Доклад) [3] упоминается Государственная информационная система реализации государственного имущества (далее – ГИС Торги). Учитывая фрагментарность обозначенных в Докладе сведений о данном ресурсе, представляется необходимым обратиться к другим источникам. Так, основой правового регулирования функционирования ГИС Торги служат два акта.

Первый документ – Постановление Правительства РФ от 10.09.2012 г. № 909 (далее – Постановление № 909) [4], которое закрепляет обширный перечень видов информации, подлежащей размещению в системе. Помимо этого, определен орган, выступающий оператором, в частности, осуществляющий функции по созданию, развитию и эксплуатации ресурса – Федеральное казначейство РФ.

Несмотря на указанное положение, другой акт, также регулирующий особенности использования ГИС Торги – Регламент [5] – утвержден Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (далее – Минцифры России), из чего следует, что именно этот орган выполняет роль оператора. В связи с этим возникает закономерный вопрос о причинах несоответствия в определении уполномоченного субъекта, для решения которого следует обратиться к ранее действующей редакции Постановления № 909, закреплявшей два ответственных органа: Министерство экономического развития РФ (далее – Минэкономразвития России) осуществляло ведение системы, а Минцифры России – ее эксплуатацию. В связи с принятием Постановления Правительства РФ от 19.11.2020 г. № 1876 [6] функции указанных субъектов были переданы Казначейству России. При этом, единственной целью передачи полномочий считалась необходимость доработки ресурса, которая, в свою очередь, подразумевала следующие направления развития:

- совершенствование процесса обмена информацией с другими государственными информационными системами;
- учет всех юридически значимых действий;
- структурирование сведений о сделках;
- обеспечение непрерывности процесса торгов.

В то же время, несмотря на подробное описание особенностей переходного периода и установление 1 января 2022 г. в качестве окончательного срока для выполнения большинства предусмотренных процедур, в настоящее время отсутствует информация о:

– разработке Казначейством России и согласовании с Федеральной антимонопольной службой РФ нового Регламента функционирования ресурса;

– проведенных мероприятиях, обеспечивающих передачу ГИС Торги от Минэкономразвития России и Минцифры России в Казначейство России;

– поддержании ГИС Торги в состоянии, необходимом для бесперебойной реализации полномочий субъектов, участвующих в реализации государственного имущества.

Тем не менее, в октябре 2021 г. Казначейство России завершило доработку ресурса, что выразилось в создании новой технологической платформы [7], которая позволяет осуществлять регистрацию правообладателей, организаторов торгов и иных уполномоченных субъектов. Помимо этого, с 1 января 2022 г. ГИС Торги будет обеспечивать проведение некоторых видов торгов в электронной форме.

Таким образом, проанализировав нормативные правовые и иные акты, а также информацию, представленную на официальном сайте органа государственной власти, можно заключить, что в связи с передачей Казначейству России полномочий Минэкономразвития России и Минцифры России правовое регулирование функционирования ГИС Торги характеризуется двумя особенностями. С одной стороны, регулирование отличается полнотой, что объясняется действием актов, принятых органами, ранее осуществлявшими функции оператора. С другой стороны, создание новой технологической платформы обуславливает необходимость обновления соответствующих нормативных правовых актов.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

2. Государственные информационные системы / Официальный сайт Казначейства России // URL: <https://roskazna.gov.ru/gis/>

3. Итоговый доклад о результатах деятельности Федерального казначейства за 2020 год и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу // URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/1d5/Doklad-proekt-na-10.03.2021.DOCX>

4. Постановление Правительства РФ от 10.09.2012 г. № 909 «Об определении официального сайта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 38. Ст. 5121.

5. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 03.06.2015 г. № 195 «Об утверждении Регламента официального сайта Российской Федерации в информационно-

телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов по адресу www.torgi.gov.ru» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

6. Постановление Правительства РФ от 19.11.2020 г. № 1876 «Об определении адреса сайта государственной информационной системы «Официальный сайт Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7731.

7. Запуск новой платформы ГИС Торги по продаже государственного и муниципального имущества / Новости / Новости и анонсы / Официальный сайт Казначейства России // URL: <https://roskazna.gov.ru/novosti-i-soobshheniya/novosti/1517941/>

Лузгин И.И., Серeda А.Е.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Хлус А. М.

Белорусский государственный университет

Республики Беларусь, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОМПЬЮТЕРНОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы и особенности путей развития подготовки специалистов в области компьютерной криминалистики с учетом актуальных аспектов современных реалий и тенденций технологического развития.

Annotation. The article discusses the prospects and features of the development paths of training specialists in the field of computer forensics, taking into account the current aspects of modern realities and trends in technological development.

Статистические исследования демонстрируют значительное увеличение количества преступлений, с целью раскрытия которых необходимо работать с помощью методов компьютерной криминалистики и – что представляется крайне важным – недостаток компетентных сертифицированных специалистов для работы в данной области. Помимо этого, ввиду увеличения в обиходе мобильных девайсов (смартфоны и др.), исследование которых представляет свой уникальный набор вызовов и проблемных моментов, можно говорить о необходимости переименования компьютерной криминалистики в «цифровую» для дальнейшей систематизации данного направления.

Уже в 2010 году, количество смартфонов и похожих девайсов в использовании превысило количество 5 миллиардов. В 2018 году было выявлено, что концентрация

подобных девайсов была больше в развитых экономиках. В 2015 году исследователи выяснили, что возрастная группа 18-34 в 92% случаев имели смартфон или схожий девайс (возрастная группа 50+ составляла 53%). В 2018 году было установлено, что в США эти цифры составляют 95% и 67% соответственно. Использование информационных девайсов в совокупности с сетью Интернет открывает возможности для безграничного обмена информацией, а также для обширного использования методов компьютерной криминалистики [1, с. 54].

Вышеизложенное демонстрирует острую необходимость в качественной и квалифицированной подготовке специалистов в области компьютерной криминалистики. Одним из главных различий в подготовке специалистов в данной области является то, что цель может быть достигнута практически полностью дистанционно. Однако, здесь также есть свои особенности.

Задачи, которые решает компьютерная криминалистика, включают: разработка тактики оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и следственных действий, связанных с компьютерной информацией; создание методов, аппаратных и программных инструментов для сбора и исследования доказательств компьютерных преступлений; установление криминалистических характеристик правонарушений, связанных с компьютерной информацией [2, с. 15].

Главной преградой в компьютерной криминалистике может выступать цена программного и аппаратного оборудования. Как правило, производители выпускают продукт для какой-либо цели, что означает, к примеру, необходимость приобретения двух или трех продуктов чтобы качественно произвести анализ девайса на наличие вредоносных программ, восстановить стертые медиа файлы, а также полностью изучить все отправленные или полученные электронные письма [2, с. 135].

Следующим проблемным аспектом выступает языковой барьер – поскольку в компьютерной криминалистике расстояние не имеет значения, а многие производители криминалистического оборудования устанавливают системное обеспечение на родном языке, то специалист должен знать не только технологическую составляющую, но также и разбираться в языке, с которым он преимущественно работает. Не говоря уже о языках программирования [2, с. 261].

Немаловажным представляется разработка адекватного подхода к сертификации и аттестации специалистов в области компьютерной криминалистики. Это обусловлено тем, что существует большое количество так называемых «продвинутых пользователей», которые в какой-то степени владеют определенными программами. Однако, уровень эксперта предполагает полное владение и понимание той области, на которой он специализируется.

Характерной чертой программ и оборудования является то, что они регулярно обновляются. Сертификаты и квалификации должны отражать уровень осведомленности и подготовки специалиста в той или иной сфере данного направления [1, с. 5].

Дистанционная форма обучения для подготовки специалистов в данной области демонстрирует неоспоримые преимущества, так как она развивает у обучающихся такие качества как самостоятельность, усидчивость, уверенность в своих силах и отсутствие ожидания помощи. К тому же, многие кейсы в компьютерной криминалистике будут исследоваться дистанционно (через сеть – Интернет), поэтому данная форма обучения идеально подходит для подготовки специалистов. В том числе, сертификация также может быть проведена в режиме онлайн [3].

Однако, дистанционная форма может иметь и некоторые недостатки – прежде всего, речь идет о ее неоднозначном влиянии на физическое и психологическое здоровье обучающихся. Человек – это существо социальное, и долго находиться в изоляции перед монитором в одной позе он не должен. В данной связи, необходимо разработать программу, которая будет включать сбалансированную пропорцию дистанционных и аудиторных занятий. Помимо этого, нужно провести лонгитюдные исследования в отношении того, какие изменения в здоровье дистанционная форма обучения может инициировать.

В принципе, проблемные аспекты дистанционного образования могут быть локализованы в следующих сферах [3]:

1) технологический аспект. Сюда относят неполадки с техникой, отсутствие связи с Интернет, сложность используемых программ и др.;

2) организационный аспект. Материал для дистанционного образования должен быть адаптирован и приведен в соответствие с новой формой обучения. Студентам может понадобиться помощь с самоорганизацией.

3) психологический аспект. Установлено, что дистанционное образование является испытанием для дисциплины студента, которого уже сложнее контролировать преподавателю;

4) медицинский аспект. Ввиду активного использования компьютера, появляются такие симптомы как головные боли, красные глаза, и боли в спине.

В заключение, необходимо акцентировать внимание на исключительной важности в подготовке специалистов в области компьютерной криминалистики, создания системы адекватного сертифицирования специалистов и экспертов в данной области. Наиболее подходящей формой подготовки представляется дистанционная, так как, с учетом специфики направления работы, она наиболее приближена к реальным условиям.

Помимо этого, как уже ранее отмечалось, с целью систематизации данного направления и последующего разделения на подсистемы, необходимо переименовать компьютерную криминалистику в «цифровую криминалистику», так как здесь речь идет не только о компьютерах, а в равной степени о других девайсах или областях программирования и программного администрирования.

Следует также отметить, что дистанционная форма получения образования подходит для определенных групп студентов (не только в области компьютерной криминалистики) – тех, у кого нет возможности присутствовать лично на занятиях. По окончании пандемии COVID-19, необходимым представляется целесообразным оставить смешанную форму получения образования для большинства специальностей, не имеющих ремесленной направленности.

Список использованных источников:

1. Gogolin, G. Digital Forensics Explained / Greg Gogolin. – 2 ed. – Tailor & Francis Group, LLC. – 235 p.
2. Федотов, Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика / Н.Н. Федотов. – М.:Юридический мир, 2007. – 432
3. Distance Learning Statistics and Growth of online Education in 2020 [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://blog.otter.ai/distance-learning-statistics>. – Дата доступа: 25.10.2021.

Мелентьева В.В.

Научный руководитель: к.э.н. Жура С. Е.

*Северный Арктический Федеральный Университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Архангельск*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация: В статье проанализировано правовое положение информационного посредника с точки зрения отечественного гражданского законодательства, сложившейся судебной практики. В результате анализа сделан вывод о необходимости реформирования законодательства, регулирующего статус информационного посредника и условия привлечения его к юридической ответственности за нарушение интеллектуальных прав.

Annotation: The article analyzes the legal status of an information intermediary from the point of view of domestic civil legislation, established judicial practice. As a result of the analysis, it was concluded that it is necessary to reform the legislation regulating the status of an information intermediary and the conditions for bringing him to legal responsibility for violation of intellectual rights.

При использовании сети Интернет в правоотношениях в сфере авторского права к традиционным субъектам авторского права - автор или правообладатель и пользователь-добавляется и третий субъект - информационный посредник. Роль таких посредников крайне велика и заключается в том, чтобы передавать контент, в том числе объекты авторского права [1, с.38].

Существует ряд вопросов, связанных с определением содержания понятия информационный посредник и с определением его правового статуса. В первую очередь, критике подвергается само определение «информационный посредник, которое закреплено в ст. 1253.1 ГК РФ. Указывается, что под критерии информационного посредника, которые содержатся в данной статье, подпадает также и целый ряд поисковых систем и новостных агрегатов. В связи с этим высказываются идеи о том, что необходимо доработать законодательную дефиницию информационного посредника, подчеркивая, что к таковым могут быть отнесены, а следовательно, нести ответственность за нарушение авторских прав, только те информационные посредники, которые имеют полномочия регулировать доступ к контенту в силу подписания с владельцами сайтов соответствующих соглашений. Такая правовая позиция, в частности, была высказана Конституционным судом РФ в Постановлении от 9 июля 2013 года № 18-П, однако, до настоящего момента не нашла закрепления в законодательстве.

В последнее время множество научных дискуссий ведется о том, должны ли нести такие провайдеры ответственность при нарушении авторских прав и если да, то при каких условиях? Законодательно этот вопрос урегулирован в ст. 1253.1 ГК РФ. Конструкция данной нормы не учитывает наличия или отсутствия достаточных технических средств для предупреждения провайдером совершаемых правонарушений в области авторского права, а также наличие программ для удаления нелегальных объектов.

Также определенные вопросы возникают при рассмотрении положения о необходимости, достаточности и своевременности мер для прекращения нарушения интеллектуальных прав, принятых провайдером. Единого мнения по поводу критериев необходимости и достаточности принятых мер не наблюдается, равно как и для определения понятия своевременности принятия таких мер. На данный момент выводы о достаточности,

своевременности мер решаются на основе судебного усмотрения, что явно не способствует формированию единой судебной практики. В частности, по результатам рассмотрения дела № А56-8331/2014 суд пришел к выводу о том, что меры, которые принял провайдер в течение двух дней с момента получения информации являются своевременными [4]. При этом в ходе рассмотрения аналогичного дела № А40-216998/2016 суд счел восемнадцатидневный срок такого реагирования также отвечающим критерию своевременности [2].

Думается обоснованным установление срока принятия мер по прекращению нарушения авторских прав равным двадцати четырем часам с момента обращения правообладателя к провайдеру для принятия мер. Такой подход, закрепленный в ст. 15.7 ФЗ «Об информации», уже доказал свою эффективность в борьбе с незаконно размещенной информацией. Кроме того, существуют сложности в определении содержащегося в ст. 1253.1 ГК РФ принципа «не знал и не должен был знать о неправомерности используемых результатов интеллектуальной деятельности. Развивая положение, заложенное законодателем, провайдер обязан проводить постоянный мониторинг передаваемой информации, что может значительно снижать скорость его функционирования, а также может стать дорогостоящим бременем. При этом такое законодательное положение идет вразрез с правоприменительной практикой. Так, в ходе производства по делу № А40-150342/2013 судом высказана позиция, согласно которой самостоятельный анализ информации, передаваемой пользователями, в обязанности провайдера не входит [3]. Следовательно, в данном случае информационный посредник выполняет лишь посредническую функцию и не может быть субъектом ответственности за нарушение авторских прав, за исключением случая, когда он достоверно зная о незаконном использовании объектов, не предпринимает мер для его пресечения.

Поскольку обладания общими сведениями о совершении правонарушения недостаточно, необходимо, чтобы информация о совершенном неправомерном использовании объектов авторского права сообщалась самим правообладателем. Сведения должны соответствовать тем же, что заложены в ст. 15.7 Закона об информации РФ. Такой подход полностью соответствует и опыту американского законодателя. Digital Millennium Copyright Act, являющийся одним из основных актов регулирования интеллектуальных прав в цифровом пространстве, также указывает, что для принятия мер информационный посредник должен обладать информацией о нарушении, сообщенной путем письменного уведомления правообладателя [5]. Возникает вопрос, можно ли рассматривать под достоверным знанием о нарушении авторских прав, информацию, полученную из СМИ? Несколько лет назад российская судебная практика отвечала на данный вопрос

положительно. Так, в 2015 году в ходе рассмотрения дела о нарушении авторских прав суд вменил знание провайдеру о совершенном нарушении в силу того, что это имело громкое освещение в СМИ. На наш взгляд, такая позиция не оправдана в силу того, что постоянный мониторинг различных СМИ не входит в обязанности провайдера.

Таким образом, в результате анализа положений российского законодательства, а также правоприменительной практики, связанной с деятельностью информационного посредника, можно сделать вывод о необходимости скорейшего внесения законодательных корректировок для формирования единой судебной практики, связанной с привлечением к ответственности информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав правообладателя.

Список использованных источников:

1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. - М.: Норма, Инфра-М, 2010. 116 с.
2. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 19 апр. 2017 г. по делу № А40–216998/2016
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 апреля 2015 г. № С01-251/2015 по делу № А40-150342/2013
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февр. 2015 г. по делу № А56-8331/2014
5. Digital Millennium Copyright Act // URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf>

Муртазаева А.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Бахриева З.Р.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

Российская Федерация, г. Симферополь

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Аннотация: В статье исследуются особенности заключения гражданско-правовых договоров в электронной форме, в частности через интернет-сайты, а также посредством использования электронной почты. Автором анализируются нормы действующего гражданского законодательства Российской Федерации, регулирующие

заключение договоров в электронной форме, выделены основные проблемы, связанные с заключением договора в сети интернет, а также сформулированы рекомендации для заключения договора по электронной почте.

Annotation. The article examines the features of the conclusion of civil law contracts in electronic form, in particular through Internet sites, as well as through the use of e-mail. The author analyzes the norms of the current civil legislation of the Russian Federation governing the conclusion of contracts in electronic form, highlights the main problems associated with the conclusion of an agreement on the Internet, and formulates recommendations for concluding an agreement by e-mail.

Цифровизация, как новый этап общественного развития имеет целью улучшение качества в жизни. В узком смысле цифровизация представляет собой преобразование информации в цифровую форму [4, с. 47], что, в свою очередь, открывает новые возможности, в том числе и в сфере заключения гражданско-правовых договоров. Цифровой текст используется при заключении договоров на интернет-сайтах, через каталоги и иные дистанционные способы, что обуславливает актуальность настоящего исследования, тем более что в контексте цифровизации имеются определенные правовые особенности заключения договоров. Кроме того, различного рода риски, связанные с взаимодействием с интернет-сайтами, а также необходимость изложения личных персонафицированных данных через электронную почту также свидетельствуют о важности дальнейшего совершенствования законодательства в сфере защиты прав потребителей.

Так, наиболее популярным юридическим фактом считается сделка. В ст. 158 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] выделяются устная и письменная форма сделки. При этом из п. 1 ст. 161 ГК РФ следует, что простая письменная форма подразумевает необходимость составления документа, обязательно подписанного лицами, совершающими ее, либо также уполномоченными лицами.

Следует отметить, что в законе отсутствует понятие «электронной формы сделки», то есть позиция законодателя такова, что электронная форма сделки является разновидностью письменной формы сделки.

К числу информационных технологий, которые могут использоваться при заключении сделок, относятся: технологии удаленного обслуживания (интернет-банк, банк-клиент и т.п.); обмен письмами по электронной почте; использование кодов, паролей, логинов, смс-сообщений. Техническими устройствами, в частности, могут быть: компьютер; планшет для формирования факсимильной подписи; сканер отпечатков пальцев для формирования ключей электронной подписи; смартфон; терминал оплаты и т.п.

В частности, анализируя особенности заключения договоров через Интернет, следует выделить целый ряд проблем, связанных, во-первых, со сложностью установления места заключения договора, во-вторых, возникает проблема доказывания факта заключения договора. В-третьих, возникают проблемы установления факта того, что документ исходит от контрагента. В-четвертых, нельзя забывать и о том, что существует возможность проникновения в конфиденциальную информацию об условиях договора, взлома, в том числе.

Кроме того, не вдаваясь в технические подробности, интернет-сайт (веб-сайт) можно определить, как логически связанные веб-страницы, содержащие определённые данные. Так, на различных веб-сайтах предлагаются услуги, товары и т.п. При этом распространены интернет-магазины, предлагающие определенные товары. К деятельности веб-сайтов применяется ст. 497 ГК РФ, так как договор розничной купли-продажи может быть заключен на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством способов, исключающих возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (дистанционный способ продажи товара).

Суть такого рода договоров, - в создании публичной оферты, что означает «содержащее все существенные условия договора предложение, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется, признается офертой (публичная оферта)» (п. 2 ст. 437 ГК РФ). При этом в п. 2 ст. 494 ГК РФ прямо указывается на то, что сведения о продаваемых товарах являются публичной офертой товара, вне зависимости от того, указаны ли существенные условия договора купли-продажи. Акцептом на публичную оферту считается нажатие кнопки «Согласен», либо также заполнение анкеты, регистрация на соответствующем сайте.

Так как в законодательстве не определен момент заключения договора купли-продажи на веб-сайте, считаем, что таковым можно считать момент совершения обусловленного конклюдентного действия, например, отправка заполненной формы на покупку товара, хотя некоторые авторы считают таковым момент непосредственного получения товара [3, с. 144].

Также, как и определение интернет-сайта, понятие электронной почты в действующем законодательстве не закреплено. Исходя из п. 2 ст. 434 ГК РФ, законодатель признает обмен письмами и иными файлами в качестве способа заключения договора в простой письменной форме. С целью соблюдения всех требований, предъявляемых к простой письменной форме сделки, законом предусмотрено использование так называемой электронной подписи (п. 2 ст. 160 ГК РФ). В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об

электронной подписи» [2] для подписи сторон может быть использована электронная подпись (простая или квалифицированная). Электронной подписью признается «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию». В ст. 6 данного Закона установлено положение о том, что информация в электронной форме и подписанная электронной подписью признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью.

На практике стороны договора сталкиваются со многими проблемами, связанными с заключением договора в интернете, в том числе, такой договор не может быть заключен в нотариальной форме.

Считаем, что наиболее надежным способом заключения договора по электронной почте является создание электронного документа, подписанного при помощи электронной подписи, так как квалифицированная электронная подпись помогает персонифицировать сторону договора. Обмен фотографиями или сканами документов также признается договором, заключенным в простой письменной форме. Однако этот способ, на наш взгляд, менее надежен. В целом, на основании вышеизложенного, следует признать наличие многих проблемных аспектов в сфере заключения договоров в Интернет-сети, связанных с необходимостью устранения, в том числе и озвученных в настоящей работе законодательных пробелов, что, в свою очередь, повысит безопасность и надежность заключаемых сделок.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ, 2011. - № 15. - Ст. 2036.
3. Жарова А. К. Правовые аспекты торговли в сети Интернет / А.К. Жарова, В.М. Елин // Право и государство: теория и практика, 2012. – № 10 (94). – С. 139-151.
4. Халин В.Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. - С. 45-52.

Фролова О. А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Курабцева А. П.
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Российская Федерация, г. Симферополь

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается понятие цифровизации и особенности ее влияния на правовую сферу. Подчеркивается, что цифровизация представляет собой новую форму реализации прав. Автор обращает внимание на стремительную трансформацию общественной и государственной жизни, которая невозможна без использования достижений цифровизации, искусственного интеллекта. Однако данная трансформация не предполагает правового закрепления роботов в качестве отдельных субъектов права. Раскрываются вопросы внедрения искусственного интеллекта в правоохранительную, надзорную деятельность, сферу правосудия.

Annotation. The article discusses the concept of digitalization and the features of its impact on the legal sphere. It is determined that digitalization is a new form of realization of rights. The author draws attention to the rapid transformation of public and state life, which is impossible without the use of the achievements of digitalization, of artificial intelligence. However, this transformation does not imply the legal consolidation of robots as separate subjects of law. The issues of the introduction of artificial intelligence into law enforcement, supervisory activities, and the sphere of justice are revealed.

В теории государства и права давно разработаны теоретические основы функционирования государства. Однако современное общество диктует новый формат коммуникаций не только между его членами, но и в публично-правовой сфере. Одним из приоритетных направлений государственной политики сегодня является цифровизация экономической и правовой систем.

Цифровизация правовой системы Российской Федерации проявляется в появлении еще одной, сопутствующей традиционной, формы реализации правоотношений. При этом, теоретические основы права остаются прежними, но использование информационно-коммуникационных ресурсов, робототехнических устройств, цифровых площадок приводит к переосмыслению способов реализации функций государства. В области права цифровизация представляется инструментом систематизации, анализа, обобщения правовых норм и практики их применения [1, с. 9]. Это создаёт необходимость актуализации

действующего законодательства в части урегулирования им применения цифровых технологий в правовой системе страны.

Основные законодательные акты как Российской Федерации, так и многих других государств сконструированы в основном без учета возможности использования цифровых технологий [2, с. 257]: так, не предусматривается порядок определения ответственного лица за вред, причиненный источником повышенной опасности (например, автомобилем) в случае, если он управляется электронным устройством (автопилот); не обозначены вид и мера юридической ответственности разработчика и обладателя прав интеллектуальной собственности на робототехническое устройство в случае причинения организациям или гражданам имущественного вреда при сбое или технической ошибке данного устройства; не определяется ответственность обладателей прав на цифровые платформы или домены в ситуации размещения на них противоправной, клеветнической информации и т. д. Все это свидетельствует о необходимости модернизации и актуализации отечественного законодательства.

В связи с этим, важным представляется рассмотрение проблемы правового регулирования статуса искусственного интеллекта.

Уже несколько десятилетий длится процесс интенсивной интеграции разработок искусственного интеллекта и цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Роботизация упрощает жизнь общества. В большинстве стран роботы в той или иной степени становятся прямыми или косвенными участниками правовых отношений [3, с. 401]. Однако уже известны случаи, когда технологии искусственного интеллекта являлись причиной вреда жизни и здоровья человека, ставили под угрозу другие общественные интересы. Это стало предпосылкой для обсуждения возможности привлечения робота к юридической ответственности.

Существует точка зрения, согласно которой уже в конце этого десятилетия искусственный интеллект будет наделён статусом субъекта права, а, следовательно, и возможностью самостоятельно вступать в различные правоотношения. При этом, рассматривается его возможность быть субъектом правоотношений как на стороне частных лиц, так и при реализации им государственных полномочий [4, с. 36].

Нам представляется невозможным признание роботов в качестве субъектов правоотношений в настоящее время. Так как искусственный интеллект не обладает теми признаками, которыми должен обладать субъект права. К примеру, предпосылкой правосубъектности служит свобода воли лица. Под волей принято понимать способность лица руководить своими действиями. Может ли искусственный интеллект руководить своими действиями (бездействием) самостоятельно? Нет. По крайней мере, на той стадии

развития, на которой он находится сейчас. Робот не способен вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю. Совершаемые им операции всегда предопределены конкретным человеком. Следовательно, и к юридической ответственности мы должны привлекать не роботов, а ответственных за их разработку/производство/функционирование людей.

Сейчас, особенно в условиях стремительного распространения новой инфекции COVID-19, повсеместно осуществляется замена человеческого труда. Это также открывает простор для новых видов преступлений. Ведь робототехника – это такая же область человеческой жизнедеятельности, а их разработчиками, производителями и распространителями являются граждане, которым свойственен мотив корысти. Это создает дополнительные возможности для преступных махинаций с использованием роботов и цифровых технологий. Признание за роботами статуса субъекта права создает опасность нивелирования ответственности производителя, его безнаказанности. Это еще раз подчеркивает целесообразность четкого определения ответственного лица в случае совершения правонарушения в следствие производимых роботом операций.

Особо недопустимым считаем определение главной роли роботов в таких сферах деятельности, как: судопроизводство, законотворчество, надзорная деятельность, национальная безопасность государства и других смежных областях. Например, одним из ключевых принципов судопроизводства является непосредственность. Согласно которому, суд, рассматривающий дело, должен лично, непосредственно, изучить все доказательства в деле. Этот принцип появился в российском законодательстве неслучайно. Те же доказательства судья может рассмотреть и без вызова сторон, однако заслушивая объяснения, возражения, ответы на вопросы, он составляет психологический портрет их представителей и на основании своего профессионального опыта и знаний делает выводы об их искренности, добросовестности, осознании каких-либо обстоятельств и т. д. Это помогает суду принять не формально законное, а справедливое решение.

Существует мнение, согласно которому, искусственный интеллект в будущем будет являться гарантом беспристрастного принятия решений. В противовес этому отметим, что роботы руководствуются теми программами и положениями, которые в них закладывают их авторы – конкретные люди. Робот – лишь озвучка тех императивов, которыми располагает его программа [5, с. 389]. Он не способен самостоятельно делать оценку юридической ситуации.

Это же следует сказать и об отправлении надзорных функций. Цифровой прокурорский надзор, как и электронное правосудие, – путь к формализму в правоприменительной деятельности, венцом которого будет уничтожение гуманизма и

справедливости. Такой подход увеличит риск технократического отношения к правам и свободам человека.

Наделение искусственного интеллекта правосубъектностью в сфере законотворчества может привести к простому перенесению существующего правопорядка, отображению складывающихся в обществе правоотношений в тексте законов. Однако практики поведения бывают не только положительными, но и очень отрицательными. Поэтому зеркальное отображение существующих правоотношений в законе может привести к легализации асоциальных моделей поведения. Следовательно, для создания правовых актов нужно творческое, критическое мышление, направленное не просто на достижение компромисса между обществом и государством, но и на создание благоприятных условий для жизни и развития социума [5, с. 390]. Как объяснить искусственному интеллекту что есть благоприятные условия для жизни и развития социума? У сторонников концепции признания роботов в качестве субъектов права ответа на этот вопрос нет.

Не менее опасными являются последствия, с которыми может столкнуться государство, наделив искусственный интеллект правосубъектностью в сфере осуществления функций национальной безопасности.

В заключение подчеркнем, что, по нашему мнению, прогрессивные цифровые разработки на современном этапе могут иметь лишь статус средства, орудия, но не субъекта права. Как справедливо отметил А.В. Габов: «право создано человеком и для человека, оно антропоцентрично» [6, с. 97]. Конечно, глобализация навязывает цифровизацию как безальтернативную форму социального взаимодействия. Однако в силах государства - создать правовую основу для того, чтобы общество могло противостоять современным вызовам; и, не ущемляя свои права, наиболее эффективно реализовывать демократические процедуры, используя современные технологии и возможности искусственного интеллекта.

Список использованных источников

1. Холопов А.В. Человек в условиях цифровизации права: проблемы и пути развития // Юридическая наука. 2020. № 6. С. 8–12.
2. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.
3. Теория государства и права : учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.] ; под редакцией В. К. Бабаева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 582 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-12003-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/448911>

4. Гандалоев Р.Б., Грудцына Л.Ю. Цифровизация и право // Образование и право. 2020. № 11. С. 36–41.
5. Сорокин В.В. Теория права и государства : учебник. – Москва : Проспект, 2021. – 584 с.
6. Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 96–113.

Поляков А.А., Мишустина С.В.

Научный руководитель: к.ю.н., старший преподаватель Голубитченко М.А.

Саратовская государственная юридическая академия,

Российская Федерация, г. Саратов

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО НАЛОГА

Аннотация: Тезисы доклада посвящены изучению нового вида налога. Определены перспективы введения цифрового глобального налога. Проведен анализ практики одностороннего установления цифрового налога в европейских странах. Выявлены задачи и перспективы глобального налога. Выявлены позитивные стороны новеллы международной системы налогообложения.

Annotation: The theses of the report are devoted to the study of a new type of tax. The prospects for the introduction of a digital global tax have been determined. The analysis of the practice of unilateral establishment of a digital tax in European countries is carried out. The tasks and prospects of the global tax are revealed. The positive aspects of the novel of the international taxation system are revealed.

Цифровизация - неотъемлемый процесс во многих сферах жизни человека. Например, в Российской Федерации (далее-РФ) стратегия цифровизации – есть совместная деятельность как государства, так и бизнеса, в которой цифровые данные являются центральными и ключевыми факторами производства при их обработке и использовании в крупных объемах.

С 2013-го года страны Организации экономического сотрудничества и развития (далее-ОЭСР), с которой Россия продолжает взаимодействие в формате технического сотрудничество, активно обсуждали введение цифрового налога, который будут выплачивать транснациональные корпорации, причём не только цифровые. Уже в июне 2021-го года эти страны договорились ввести налог в 15% на международные компании с 2023 года.

Транснациональными компаниями признаются компании, являющиеся субъектами мировой экономики, владеющие филиалами или производствами в двух и более странах [1]. Например, к таким корпорациям можно отнести «Google», «Apple» и другие. Стоит отметить, что под глобальным цифровым налогом понимается обязательный взимаемый платёж с прибыли транснациональных корпораций в размере 15%. Считается, что данная мера позволит повысить ежегодную собираемость налогов на 100-200 млрд. долларов. Одной из причин введения данного вида налога стало существование различных компаний, в первую очередь цифровых, которые извлекали супердоходы с мирового присутствия, но при этом там фактически не находясь, а лишь представляя свои сервисы. В сентябре этого года глава ФНС РФ Д.В. Егоров заявил, что данное нововведение касается всех компаний, а не только цифровых, с оборотом более 20 млрд. евро в год, но за исключением компаний банковского сектора и ресурсодобывающих организаций в том числе. Основная задача этого налога – более справедливое налогообложение тех корпораций, которые физически не присутствуют в странах, однако оказывают там свои услуги или продают товары, получая прибыль. Также налоговая база в таком случае будет определяться исходя из размеров рынка, то есть потребителей, которые там находятся. Такую налоговую реформу уже поддержали 136 стран, на долю которых приходится 90% экономики мира, в рамках ОЭСР. Стоит отметить, что глобальным налогом будут облагаться транснациональные компании во всех экономических секторах, с глобальным оборотом не менее 24 млрд. долларов, с прибылью не менее 10%. 11-го июля 2021-го года страны G20, членом которой является Россия, договорились ввести с 2023-го года данный налог для глобально активных компаний [2]. Данные изменения в международной налоговой системе можно считать историческими, так как они создают более справедливую и стабильную международную налоговую систему. На данный момент крупнейшие компании, например в сфере IT-технологий, такие как «Amazon», «Facebook» и другие платят налог только лишь по месту своей регистрации, но не в тех странах, где они также получают доход, это создаёт налоговый дисбаланс и несправедливость [3]. Такая ситуация ведёт к тому, что многие компании зарегистрировали свои штаб-квартиры в странах с более низким налогообложением. Однако в некоторых странах существует сопротивление введению подобного налога. Например, соглашение ОЭСР до сих пор не подписала Ирландия, где минимальная налоговая ставка составляет 12,5%, это и привлекает в страну филиалы американских крупных технологических компаний. Так как такой глобальный налог будет касаться не только цифровых компаний, то цифровым его можно назвать исторически [4].

Для РФ введение глобального цифрового налога является новеллой и выступает позитивным фактором в части формирования бюджета, так как от такого обязательного

платежа, страна сможет получать десятки миллиардов рублей ежегодно. С юридической точки зрения законодателям РФ придётся подготовить соответствующую нормативно-правовую базу, внести изменения в налоговое законодательство, например, установлением новой нормы в НК РФ. Введение наднационального налогообложения приведёт к появлению глобального налогового администрирования.

Также неотъемлемой задачей нового вида налога является справедливое распределение налогов между самими странами. Само установление глобальной минимальной ставки налога в рамках более обширного пересмотра правил налогообложения международных корпораций является самым радикальным и коренным изменением в международном налогообложении. Ведь, если раньше правительства стран ежегодно теряли более 100 млрд. долларов в год из-за недополучение налогов, то теперь ситуация изменится в обратном направлении, и бюджет будет пополняться за счёт такого налога.

Отдельно хотелось бы уделить внимание примерам из зарубежного опыта по одностороннему введению цифрового налога. Изначально, первой страной, которая ввела данный вид налога, стала Франция. В 2019-ом году в этой стране установили налог по ставке 3% от валютного дохода Международных групп компаний (далее-МГК). Конечно, такая процентная ставка будет привлекать в страну различные крупные транснациональные компании. С апреля 2020-го года цифровой налог был введён в Великобритании по ставке 2% от валового дохода, что поможет устранить несправедливость налогообложения цифровых компаний, которые, как отмечалось ранее, получают прибыль в одной юрисдикции, а уплачиваются с неё налоги в другой [5]. Однако важно отметить, что в данных странах такой вид налога касается лишь цифровых (IT) компаний, тогда как глобальный цифровой налог имеет своё предназначение для всех корпораций, оборот которых более 20 млрд. евро в год.

Таким образом, выведение глобального цифрового налога является актуальным, так как на протяжении долгих лет налогообложение крупнейших компаний было несправедливым. Данное решение изменит международную систему налогообложения, когда все компании будут в равном положении, а между стран будет объективное распределение налогов. А подписание многосторонней конвенции в 2022-ом году даст новый виток в развитии международной системы налогообложения.

Список использованных источников:

1. Глава ФНС рассказал принцип работы глобального цифрового налога – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10952810>

2. Страны G20 договорились ввести глобальный цифровой налог – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/634067/>
3. Корпорации управляют миром. Зачем нужны «цифровой» и углеродный налоги? – [Электронный ресурс] – URL: <https://regnum.ru/news/economy/3365609.html>
4. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.economy.gov.ru/>

Подзноев А.И.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Мухамедова Э.Э.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Российская Федерация, г. Симферополь.*

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ
ОБЪЕКТОВ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ**

Аннотация: Статья посвящена отдельным вопросам, связанным с правовым определением виртуальных объектов в компьютерных играх, рассмотрению правовых режимов, регулирующих эту сферу. Автором рассмотрены основные законы по данному вопросу, а также практика судов РФ и зарубежных юрисдикций.

Annotation: The article is devoted to certain issues related to the legal definition of virtual objects in computer games, consideration of legal regimes regulating this area. The author considers the basic laws on this issue, as well as the practice of the courts of the Russian Federation and foreign jurisdictions.

Цифровая среда и игровая индустрия в частности получают все большее распространение и все большую долю в экономике. Сейчас бюджеты игровых флагманов все чаще имеют куда выше финансирование, чем многие фильмы. К примеру, по словам аналитиков, на разработку недавно вышедшей игры Cyberpunk 2077 было потрачено 315 миллионов долларов, чуть меньше, чем было выделено на создание фильма Мстители: Финал — одной из самых кассовых картин за всю историю кинематографа [2, 6]. Все это говорит об объективной важности игровой индустрии как для общества, так и для юриспруденции. В связи с глобальным развитием технологий, рынка и платежных систем, виртуальные объекты в компьютерных играх приобретают все большее количество аспектов и проблем, требующих правовой конкретизации.

Итак, для начала стоит определить понятие виртуальных игровых объектов. Точной дефиниции ни в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ), ни в Федеральном законе "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ нет, что вынуждает путем логического толкования дать определение понятию виртуальных игровых объектов — это нематериальные предметы виртуального мира, выраженные в компьютерной программе, которая путем компьютерного кода и графического дизайна моделирует объект, задает ему внешние статические(дизайн) и динамические характеристики(функции или способности персонажа) [4, 10].

Поскольку практически во всех современных играх есть опция покупки виртуального объекта (танка, персонажа, уникального скина, оружия и т.д.), многие ученые-правоведы задаются вопросом о целесообразности и возможности отнесения данного понятия в статью 128 Гражданского Кодекса РФ, которая устанавливает перечень объектов гражданских прав [3]. Как следует из диспозиции статьи: к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Как видно, указания на виртуальный игровой объект здесь нет, что сильно усложнило бы задачу, ведь многие ученые, как, к примеру, С.А. Степанов, причисляют данную статью к *numeros clausus*, то есть статью с закрытым перечнем объектов [7]. Однако прибегнув к систематическому толкованию, можно отнести виртуальные объекты компьютерных игр в категорию результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, поскольку согласно ст. 1225 ГК РФ программы для ЭВМ относятся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации [4]. Согласно определению, данному выше, компьютерная программа является необходимым атрибутом при определении виртуального игрового объекта, что подтверждает применимость данной статьи.

Особенно интересна судебная практика в данном ключе. Суды общей юрисдикции очень часто применяли к спорам насчет виртуальных игровых объектов правовой режим игр и пари (ст. 1062 ГК РФ). К примеру, в деле № 2-3379/2011, рассматривавшемся в Лефортовском суде города Москвы, истец настаивал на признании недействительными договоров купли-продажи предметов в игре Lineage 2. Однако суд отказал в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на то, что заявленное требование не входит в установленный статьей 1062 ГК РФ (ч.2) перечень, а следовательно не подлежит судебной защите [5]. Как

представляется, такой подход неправильный, поскольку в ГК РФ понятия «игра» отсутствует, а согласно статье 4 Федерального закона "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" от 29.12.2006 № 244-ФЗ, азартная игра - основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры [9]. Компьютерные игры вряд ли можно отнести к этой категории, ведь соглашения о выигрыше в подавляющем большинстве игр нет, игроков в большей степени интересует само прибывание в виртуальном мире, игра на личные результаты и статистику, а также эстетическое удовольствие от графики и сопровождающей музыки. Поэтому в данном ключе рассматривать игры в контексте статьи 1062 ГК РФ представляется неправильным подходом, с чем согласны ведущие цивилисты.

Интересным вопросом в данной связи является так же право собственности на объекты виртуального игрового мира. В зарубежной практике азиатских стран за объектами виртуальной реальности признаются права собственности, на которые распространяется право владения, пользования и распоряжения. Так, только в Южной Корее было рассмотрено в районе 22000 дел, связанных с собственностью на объекты виртуальной реальности [1]. Однако в СНГ регионе все чаще начинает преобладать иной подход, согласно которому игрок за определенную плату, указанную в оферте для конкретного объекта, становится обладателем неисключительной лицензии (ст. 1236 ГК РФ). В таком случае собственник игры(компания или иное лицо) является лицензиаром, сохраняя за собой право выдавать неисключительную лицензию иным лицам, а пользователь выступает лицензиатом. Подтверждение такой позиции можно найти в пункте 7.1.4 Лицензионного соглашения игры World of Tanks от компании Wargaming [8]. У такой системы есть ряд аспектов. С одной стороны, подобные отношения можно рассматривать как договор присоединения. В таком случае правообладатель, то есть владелец игры имеет право в одностороннем порядке изменять условия лицензии, что может обратиться как в лучшую, так и в худшую сторону лицензиата(с оговорками ч.2 статьи 428 ГК РФ) [3]. С другой стороны, игрок, покупающий лицензию, сам определяет желание вступить в правоотношения с лицензиаром, что обусловлено автономией воли и свободой договора — фундаментом частного права.

Подводя итог, стоит отметить, что абстрагирование российского права от законодательного определения предметов виртуальной реальности нельзя назвать положительным явлением, поскольку движение индустрии в сторону интернет технологий все очевиднее. Хорошим подспорьем в данной ситуации могут послужить правовые порядки

других стран, особенно азиатских, которые заметно продвинулись в этом направлении, что лишь дополнительно подчеркивает вектор движения современного права.

Список использованной литературы:

1. Does virtual crime need real justice? // BBC News URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/3138456.stm>
2. Аналитики оценили бюджет Cyberpunk 2077 в \$315 миллионов // playground.ru URL: https://www.playground.ru/cyberpunk_2077/news/analitiki_otse_nili_byudzhet_cyberpunk_2077_v_315_millionov-1076226
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, N 238-239, 08.12.1994.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон N 230-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года : Одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года (последняя редакция)]. - URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
5. Дело № 2-3379/2011 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=№+2-3379%2F2011®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=#searchResult
6. Какой бюджет фильма «Мстители 4: Финал»? // Plugged In URL: <https://pluggedin.ru/open/kakoy-byudzhet-filyma-mstiteli-4:-final-16466>
7. "Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая" (постатейный) (2-е издание, переработанное и дополненное) (Алексеев С.С., Васильев А.С., Голофаев В.В., Гонгало Б.М. и др.) (под ред. С.А. Степанова) ("Перспектив", "Институт частного права", 2009)
8. Лицензионное соглашение // Wargaming.net URL: <https://legal.ru.wargaming.net/ru/eula/>
9. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон N 244-ФЗ : [принят Государственной Думой 20 декабря 2006 года : Одобрен Советом Федерации 27 декабря 2006 года (последняя редакция)]. - URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон N 149-ФЗ : [принят Принят Государственной Думой 8 июля 2006 года :

Одобен Советом Федерации 14 июля 2006 года (последняя редакция)]. - URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

Смирнова А.Г.

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры гражданского процесса

Ковалева А.В.,

Юридический институт Сибирского федерального университета,

Россия, г. Красноярск

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В рамках данной статьи рассмотрены актуальные вопросы, связанные с проблемой применения электронного доказательства в арбитражном процессе, с учетом признания его допустимым в теоретическом и практическом контексте, исходя из положений нормативно-правовых актов и судебной практики.

Annotation. Within the framework of this article, topical issues related to the problem of using electronic evidence in the arbitration process are considered, taking into account the recognition of it as permissible in a theoretical and practical context, based on the provisions of regulatory legal acts and judicial practice.

В 2021 году сложно представить мир без интернета, гаджетов, различных электронных приложений и других всевозможных информационно-коммуникационных технологий, количество и разновидности которых растут с каждым годом. В этом содержится много положительных моментов для жизни человека и общества. Однако если погрузиться в правовую сферу, а именно в сферу судопроизводства, то очевидно, что появление столь большого спектра технологий ставит массу вопросов перед судом. Ведь в наше время всё больше письменных собственноручно написанных документов заменяется на электронные документы, всё больше отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную экономическую деятельность, протекает виртуально, с помощью использования переписки по электронной почте и в различных мессенджерах (WhatsApp, Telegram и др.). Поэтому перед судом ставится вопрос: «Будут ли данные документы достоверны в качестве доказательства?». Такой вопрос поставлен неслучайно, т.к. вслед за развитием технологий повышается рост преступлений в информационной сфере,

связанный с хакерством и подделкой данных. Об этом и не только мы попытаемся рассказать в данной статье, учитывая специфику данного вида доказательств.

Начнем с того, что абз. 1 ч. 1 ст. 41 АПК РФ наделяет лиц, участвующих в деле, правом представлять доказательства [1]. Что касается вида, к которым относятся непосредственно электронные доказательства, то законодатель относит их к письменным доказательствам. Так, согласно ч. 3 ст. 75 АПК РФ «документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ, допускаются в качестве письменных доказательств» [2].

Кроме того, положения ч. 3 ст. 75 АПК РФ дают право на выделение двух видов электронных документов. К первой группе относятся простые документы, например, электронная переписка. Ко второй группе относятся документы, подписанные электронной подписью, например, у субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, есть документы, отражающие разного рода отчетность.

Если рассмотреть, что является электронным документом, то в п. 11. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сказано, что «электронный документ - документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»[3]. Определение документа закреплено также в п. 1.3 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», где сказано, что «электронный документ - документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации»[4]. Помимо этого определения в данном вышеупомянутом приказе содержится определение электронного образа документа, под которым понимается «переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная в соответствии с Порядком подачи документов простой электронной подписью или усиленной квалифицированной электронной подписью»[5].

Как мы успели заметить, вопросов конкретно терминологии в данной сфере достаточно много, поэтому зачастую стороны в процессе путают понятия и относят к тому или иному виду документов совершенно не относящиеся документы.

Хочется отметить, что в науке также вызывает дискуссию положение об отнесении электронных доказательств к письменным доказательствам. Это связано с тем, что одни ученые, например, А. Т. Темергалиева считают верным позицию законодателя об отнесении электронных доказательств к письменным доказательствам [6]. Другие ученые, например, А. Т. Боннер с этим полностью не согласен, по его мнению, электронные доказательства это самостоятельный вид доказательств, поэтому требуется разграничивать письменные и электронные доказательства исходя из особенностей носителя информации [7]. Что касается нашего мнения, то мы считаем, что электронные доказательства обладают смешанной природой и включают черты как письменных, так и вещественных доказательств. Общим является то, что электронные доказательства, как и любые другие доказательства, являются носителем информации, а отличие кроется в форме закрепления этой информации и представления суду.

Если обратиться к конкретным проблемам применения электронного доказательства в арбитражном процессе, то целесообразно начать с того, что:

Во-первых, согласно ч. 2 ст. 71 АПК РФ «арбитражный суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности» [8]. С относимостью и допустимостью возникает не так много вопросов, как с достоверностью. Потому что в настоящий момент ни в АПК РФ, ни в судебной практике арбитражных судов не существует каких-то определенных критериев проверки достоверности информации, содержащейся в электронном документе. Ответ на этот вопрос дает ГПК РФ. В ч. 1 ст. 71 ГПК РФ сказано, что при создании документа необходимо использовать способ, позволяющий установить его достоверность [9]. Но всегда ли можно с полной уверенностью утверждать, что электронный документ достоверен? Мы, как и многие авторы, считаем, что с электронными документами не все так просто. Допустим, как можно удостоверить содержание сайта в сети «Интернет» на данный момент? Для этого надо обратиться к нотариусу за обеспечением доказательства. В соответствии со ст. 102 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11.02.1993 N 4462-1 «по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным» [10]. Процедура по обеспечению доказательств нотариусом определена в ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о

нотариате" от 11.02.1993 N 4462-1. Тем не менее, многие ученые считают, что требуется более детальная проработка данной процедуры. Так, Е. С. Иванова и А. А. Яковлева приводят точку зрения В. Наумова, который высказался на этот счет, что «отсутствие регламентированной процедуры нотариального обеспечения электронных доказательств порождает проблемы практического плана, в частности сторона в процессе может ссылаться на то, данное доказательство не удовлетворяет принципам относимости и допустимости, т.к, несмотря на название протокола, указывающее на одно нотариальное действие – осмотр доказательств, в нем описываются два действия: получение этих доказательств, а затем их последующий осмотр»[11]. Стоит также заметить, что даже при помощи нотариуса не всегда удается установить достоверность такого электронного документа как сайт в сети «Интернет», т.к., обладая определенными навыками программирования любой сайт можно изменить либо вовсе удалить. Следовательно, утверждать, что достоверность электронного документа легко проверить не всегда возможно.

Во-вторых, ч. 1 ст. 71 АПК РФ гласит о том, что «арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств»[12]. В данном случае на чашу весов ставится внутреннее убеждение суда, что является достаточно неоднозначной категорией. Поскольку здесь большее значение имеет уверенность судьи в правильности применения норм, а также его профессионализм в оценке электронных доказательств.

В-третьих, ч. 8 ст. 75 АПК РФ предполагает, что «письменные доказательства представляются в арбитражный суд в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии»[13]. Сразу же возникает вопрос, какой может быть подлинник или надлежаще заверенная копия у электронного сообщения? Ответ на этот вопрос, на сегодняшний день является неразрешенным. Судам приходится самостоятельно его разрешать. Однако практика складывается так, что можно использовать распечатку электронного сообщения или же суд может рассмотреть предъявленные на рассмотрение доказательства сам с помощью технического устройства[14].

Обобщая вышесказанное можно сказать о том, что электронные доказательства стали нашей реальностью. Несмотря на обильное количество проблем с применением электронных доказательств в арбитражном процессе, электронные доказательства все равно применяются и с каждым годом весьма успешно. Поэтому мы абсолютно уверены, что со временем мы увидим плоды серьезной проработки данной проблемы с точки зрения терминологии и законодательства.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ. – Москва : Проспект, 2021. – 334 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ. – Москва : Проспект, 2021. – 334 с.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru>.
4. Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Пункт 1.3. [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 №252 // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru>.
5. Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Пункт 1.3. [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 №252 // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru>.
6. Электронные документы как доказательства в суде [Электронный ресурс] : школа судебного юриста. – Режим доступа: <http://194.226.171.105/material/article/169>.
7. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета [Электронный ресурс] : юридический портал Center Bereg. – Режим доступа: <https://center-bereg.ru>.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ. – Москва : Проспект, 2021. – 334 с.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ. – Москва : Проспект, 2020. – 288 с.

Тенюга Е.С.

Научный руководитель: д.ю.н., профессор Сильченко Н.В.

ГГУ им. Ф.Скорины,

Республика Беларусь, г. Гомель

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ОСНОВАНИЯ» И «УСЛОВИЯ»
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Аннотация: В статье автор акцентирует внимание на существующем подходе к определению понятий «основания» и «условия» юридической ответственности. Основное содержание настоящей работы составляет анализ теоретических источников, посвященных основаниям и условиям юридической ответственности, а также законодательных актов Республики Беларусь, регламентирующих данный вопрос. В заключении выделены и охарактеризованы признаки, позволяющие провести разграничение между основаниями и условиями юридической ответственности.

Annotation: In the article the author focuses on the existing approach to the definition of the concepts of "grounds" and "conditions" of legal responsibility. The analysis of theoretical sources devoted to the issues of grounds and conditions of legal responsibility as well as the legislative acts of the Republic of Belarus regulating this issue constitute the main content of the present work. The conclusion identifies and characterises the characteristics that enable the distinction between the grounds and conditions of legal liability.

Для возникновения юридической ответственности необходимо наличие определённых оснований ее возникновения. В юридической науке понятие «основание юридической ответственности» рассматривается в двух аспектах. Первый аспект – правовое основание, под которым понимается совокупность правовых норм, в соответствии с которыми устанавливается и применяется юридическая ответственность [1]. Вторым аспектом является то, что «юридическая ответственность недопустима за что-либо иное, кроме правонарушения. Состав правонарушения является сложным юридическим фактом (фактическим составом), который служит основанием возникновения ответственности».

«Важно установить, – как пишет Ковалев В.А., – является ли совершенное деяние правонарушением, содержит ли оно все необходимые элементы юридического состава правонарушения для того, чтобы наступило последствие в виде юридической ответственности» [2]. Правонарушение как основание юридической ответственности должно обладать четырьмя элементами, образующими его состав (логическую структуру): объектом, субъектом, объективной стороной, субъективной стороной, – являющимися совокупностью признаков, характеризующих деяние в качестве правонарушения.

Важность наличия состава правонарушения как основания для привлечения к юридической ответственности, подчеркивается тем, что процессуальное законодательство, исключает возможность производства по делу в случае установления факта – отсутствие состава правонарушения. Так, статья 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики

Беларусь определяет, что отсутствие в деянии состава преступления является обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу.

*Следует отметить, что сформировавшийся в юридической науке подход к определению оснований юридической ответственности нашел свое отражение в нормативно-правовых актах Республики Беларусь. В белорусском законодательстве понятия «основания юридической ответственности» можно характеризовать как **контекстуальное (неявное) определение**, поскольку содержание данного понятия прямо не раскрывается, но может быть установлено на основании статьи или нормативно-правового акта в целом. Так, статья 10 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) определяет, что основанием уголовной ответственности является совершение виновного запрещенного Уголовным кодексом деяния (преступления).*

В статье 1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) указано, что КоАП определяет «основания и условия административной ответственности». В кодексе отсутствует норма, которая конкретно содержит дефиницию основания административной ответственности. Однако основания ее наступления являются логическим выводом из содержания статьи 4.1. КоАП: «Административная ответственность выражается в порицании лица, совершившего административное правонарушение, и наложении административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение...».

Если говорить о гражданско-правовой ответственности, то статья 933 Гражданского кодекса Республики Беларусь определяет общие основания ее наступления за причинение вреда. К ним относятся: противоправное действие (бездействие); наличие ущерба (убытков); причинная связь между противоправным действием (бездействием) и ущербом (убытками); вина правонарушителя.

Вышеуказанные нормы законодательства подтверждают, что для возникновения юридической ответственности необходим юридический факт – совершение правонарушения, а также наличие нормы, устанавливающей ответственность за совершенное правонарушение.

*В настоящее время в юридической науке многие авторы наравне с понятием «основание юридической ответственности» уделяют внимание понятию «условия юридической ответственности». Это обусловлено тем, что деяние, содержащее все признаки правонарушения (наличие состава правонарушения), может быть фактическим основанием юридической ответственности лишь при наличии **условий привлечения к юридической ответственности**.*

В юридической науке «условия» представляют собой нормативные требования, которым должно отвечать основание. При их отсутствии соответствующий факт (основание)

не приобретает юридического значения. В настоящее время в научной литературе расходятся точки зрения по поводу соотношения понятий основания и условия юридической ответственности. Такие ученые как В.Т. Смирнов, А.А. Собчак и Т.В. Шепель в своих работах указывали, что термины «основание» и «условия» ответственности следует различать, поскольку они обладают разным смысловым и юридическим значением.

Под условиями юридической ответственности следует рассматривать обстоятельства, необходимые для наступления юридической ответственности, содействующие ее порождению, но сами по себе ее не порождающие [3].

Условиями наступления уголовной ответственности в соответствии с УК являются: достижение установленного возраста; вменяемость виновного лица; наличие выраженного в установленном законом порядке требования лица, пострадавшего от преступления, о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности; наличие административной преюдиции; ответственность за совершение деяния в состоянии аффекта при наступлении определенных последствий и др.

КоАП (редакция, действующая до 2021г.) содержал главу «Принципы и условия административной ответственности», в соответствии с которой к условиям наступления административной ответственности относились: наличие требования потерпевшего привлечь к ответственности лицо, совершившее правонарушение; привлечение к ответственности индивидуального предпринимателя допускается, если совершенное правонарушение было связано с осуществляемой предпринимательской им деятельностью, размер причиненного вреда, стоимость предмета административного правонарушения более сорока базовых величин и др. Действующая редакция КоАП также содержит вышеизложенные условия.

Заключение. Анализ законодательства Республики Беларусь и рассмотренные теоретические подходы к определению понятий «основание» и «условие» юридической ответственности позволяют сделать следующие выводы о соотношении и взаимосвязи данных понятий. Основания ответственности являются первичными, их отсутствие делает наступление юридической ответственности невозможным. В то время как условия юридической ответственности являются дополнительными факторами, необходимыми для возникновения юридической ответственности. Они не представляют собой единой совокупности, в отличие от оснований, поскольку в некоторых случаях отсутствие одного из условий ответственности, предусмотренных законодательством, может не препятствовать возникновению юридической ответственности, в то время как одновременное наличие двух (юридического или фактического) оснований является обязательным.

Список использованных источников:

1. Агульная тэорыя права: навуч. дапам. / Сильченко Н.В., Седельник В.В., Жевнерович С.А., Шупицкая О.Н., Чебуранова С.Е. – Гродно: ГрГУ. 2004. С. 299 с.
2. Ковалев, В.А. К вопросу о правонарушении как основании юридической ответственности // Актуальные проблемы российского права. - М.: Изд-во МГЮА, 2010, № 3 (16). - С. 27-36
3. Марченко, Ю. О. Основания и условия возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности / Ю. О. Марченко // Проблемы защиты прав: история и современность: Материалы XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 октября 2019 года / Отв. редактор Е.Б. Гоголевская. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 222-226.

Цгоева А.В.

Научный руководитель: к.ю.н., старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин С.В. Кисс

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Российская Федерация, г. Симферополь*

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЮРИДИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Анализируются подходы к пониманию представительства как универсальной формы гражданско-правового посредничества; обосновывается правомерность и целесообразность трактовки представительства, его сущности как юридической фикции.

Annotation. Approaches to understanding representation as a universal form of civil mediation are analyzed; the legitimacy and appropriateness of the interpretation of representation, its essence as a legal fiction are substantiated.

Институт представительства в юридическом процессе выступает эффективным средством реализации права на правовую помощь при защите субъективных прав и охраняемых законом интересов при осуществлении судопроизводства по гражданским делам органами судебной власти.

Анализируя взгляды отечественных ученых относительно проблем процессуального представительства, наблюдается тенденция неоднозначного понимания со стороны

последних отдельных характеристик и особенностей этого вопроса юридического процесса, вследствие чего, исследуя понятие представительства, следует исходить из двух основных концепций относительно его сущности: как деятельности и как правоотношения.

Концепция понимания процессуального представительства как деятельности нашла свое отображение и распространение на страницах юридической литературы. Научные деятели, понимая представительство сквозь призму деятельности приводят отличные друг от друга точки зрения. Достойной внимания является точка зрения Д.Г. Поповой, по мнению которой представительство дает возможность при помощи представителей осуществлять свою юридическую деятельность тем лицам, которые сами не в состоянии этого сделать вследствие любых природных, юридических или моральных преград (болезнь, недееспособность, неумение защищать свои права в суде и т.д.) [1, с. 86].

Несколько другой точки зрения придерживается Э.С. Алоян, который указывает, что термин «процессуальное представительство» стоит отличать от понятия «институт процессуального представительства». Научный деятель рассматривает процессуальное представительство как процессуальную деятельность, осуществляемую в рамках закона, сущность которой заключается в представлении одним лицом интересов другого лица в судебном производстве. Что касается института процессуального представительства, Э.С.Алоян отмечает, что под данным термином следует понимать совокупность материально-процессуальных норм, регулирующих отношения между судом и представителем [2, с. 163].

Вместе с тем, в научной статье А.В. Исаковой представительство в юридическом процессе понимается как процессуальная деятельность представителя на основании имеющихся у него полномочий, направленная на защиту субъективных прав, свобод и законных интересов лица, которое он представляет, и на содействие суду в принятии законного и обоснованного решения [3, с. 364].

Принимая во внимание вышеуказанные точки зрения ученых относительно концепции понимания процессуального представительства как деятельности, по нашему мнению, понятие представительства в юридическом процессе неразрывно связано с деятельностью специфического субъекта – представителя. Эта связь состоит в том, что непосредственно деятельность представителя как участника процесса позволяет говорить о действенном механизме правоотношений по представлению последним интересов другого лица в суде.

В научной литературе так же распространенной является концепция относительно понимания процессуального представительства как правоотношения. Н.А. Косолапова отмечает, что процессуальное представительство – это юридические отношения, при

которых одно лицо – представитель исполняет на основании предоставленных ему законом или договором полномочий процессуальные действия в судопроизводстве по защите прав и законных интересов другого лица, государственных и общественных интересов [4, с. 90].

Представляется интересной точка зрения, которая приводится в другой правовой литературе, где предлагается понимать договорные правоотношения, при которых представитель в силу его юридической компетентности берет на себя обязанность относительно осуществления процессуальной деятельности, которая направлена на защиту нарушенных, оспариваемых, непризнанных прав и законных интересов личности в суде в границах предоставленных ему полномочий и в интересах этого лица [5, с. 8].

Принимая во внимание вышеуказанные точки зрения относительно концепции понимания процессуального представительства как вида правоотношений, по нашему мнению, представительство в юридическом процессе как правоотношения стоит рассматривать как особый вид юридических отношений, в которых реализуется процессуальная правосубъектность специального субъекта, представителя, по представлению другого лица, представляемого, при рассмотрении и разрешении дел в органах судебной власти.

Продолжая вышеизложенное, стоит отметить, что в научной литературе по юридическому процессу отсутствует однозначность взглядов со стороны некоторых авторов относительно понимания концепции сущности процессуального представительства как исключительно деятельности или исключительно правоотношения.

В связи с этим, Н.Н. Миняйленко и А.Ю.Кеклис, например, отмечают, что представительство в юридическом процессе можно определить, как:

- правоотношения, так как деятельность участников правоотношений в соответствии с правами и обязанностями является одним из структурных элементов правоотношений;
- деятельность одного лица, представителя, от имени и в интересах другого лица, осуществляется в рамках определённого правоотношения, что не изменяет сути исследуемого явления [6, с. 7].

Вместе с тем существует ряд авторов, которые придерживаются другой позиции, освещая её на страницах юридической литературе по процессу. По их убеждению, судебное представительство необходимо рассматривать одновременно и как правоотношения, вследствие которых у представителя и представляемого возникают определенные права и обязанности, и как процессуальную деятельность, не основываясь лишь на одном подходе понимания сущности представительства [7, с. 163].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы считаем, что процессуальное представительство стоит понимать как определённый вид процессуальных правоотношений,

при которых специальное лицо, процессуальный представитель, совершает от имени заинтересованного в этом представляемого лица определённые действия юридического характера во время осуществления судопроизводства по гражданским административным и уголовным делам органами судебной власти, целью которых является достижение соответствующий поставленной представляемым процессуальной и материальной цели в рамках процессуального законодательства.

Список использованных источников:

1. Попова Д.Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 84-91.
2. Алоян Э.С. Институт представительства в цивилистическом процессе: теоретико-практические аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 160-168.
3. Исакова А.В. Некоторые проблемы судебного представительства в гражданском процессе // Современное научное знание: приоритеты и тенденции. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 363-367.
4. Косолапова Н.А. Представительство как форма реализации права на квалифицированную юридическую помощь в российском конституционном судопроизводстве // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). С. 88-92.
5. Салихова С.М. Представительство как вид адвокатской деятельности // Студенческий вестник. 2018. № 26-2 (46). С. 5-9.
6. Миняйленко Н.Н., Кеклис А.Ю. Судебное представительство в гражданском судопроизводстве России (историко-теоретический аспект) // Пролог: журнал о праве. 2020. № 2 (26). С. 3-9.
7. Неверов А.Я., Колесникова Я.А. Представительство в гражданском процессе: актуальные проблемы и пути решения // Аспирант. 2021. № 1 (58). С. 161-164.

Шутьева А.О.

Научный руководитель: д.ю.н., профессор Костюк М. Ф.

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва.

ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: поднимается вопрос о внедрении инновационных технологий в осуществлении правосудия. Анализируются тенденции изменения законодательства, на основе рассмотрения судом относимости и допустимости доказательств, полученных с помощью новейших технологий, в сфере административных правонарушений.

Annotation: the question is raised about the introduction of innovative technologies in the administration of justice. The trends of changes in legislation are analyzed on the basis of the court's consideration of the relevance and admissibility of evidence obtained with the help of the latest technologies in the field of administrative offenses.

Современное информационное общество ставит перед государством новые задачи, для решения которых приходится искать принципиально новые пути. Человечество шагнуло в цифровую эпоху, важное место в которой занимают инновационные технологии. В настоящее время именно технологии определяют уровень развития страны, ее положение в мировом сообществе.

Инновационные технологии применяются во всех сферах жизни. Не является исключением и судебная система. Она играет основополагающую роль в обществе, так как наделена полномочиями по разрешению конфликтов между людьми и сохранению общественного порядка путем установления наказаний за его нарушение. Поэтому внедрение технологий в эту сферу должно происходить постепенно и последовательно, чтобы предотвратить нарушение прав и свобод человека.

Инновационные технологии претворяют в жизнь мечты о создании искусственного интеллекта, являющегося машинным интеллектом, который станет наравне с человеческим. В распоряжении Правительства РФ от 19.08.2020 года [1] было отмечено, что технологии искусственного интеллекта являются вызовом для правовой системы, государственного управления и общества. Автономность этого вида интеллекта рассматривается в правовом аспекте как одна из серьезных угроз. Поэтому возможность его применения в системе правосудия становится одним из самых обсуждаемых вопросов.

В США была разработана программа, способная определить, какое решение будет вынесено судом с точностью до 70%. Эта программа основана на базе решений Верховного суда и учитывает около двухсот параметров, на основе которых дает результат [2]. Из этого видно, что уже существуют технологии, способные вынести правомерное решение на основе фактических обстоятельств дела, поэтому возникает вопрос о замене судей искусственным

интеллектом. Но на данном этапе невозможно с уверенностью говорить об этом, потому что остается большое количество ситуаций, в которых невозможно с помощью алгоритма учесть особенности конкретного дела и вынести справедливое решение. Поэтому не представляется возможным заменить судей.

При разрешении спора большое значение имеет принятие и оценка судом доказательств, представленных в деле. На данном этапе одним из насущных вопросов является оценка доказательств, полученных с использованием инновационных технологий. Использование таких доказательств сопряжено с проблемами в части оценки их достоверности и допустимости. В связи с этим, хочется отметить, что рассмотрение положений ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3], ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ [4], ст. 59 Кодекса административного судопроизводства РФ [5], ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ [6] позволяет сделать вывод, что законодатель в указанных правовых актах определяет доказательства как сведения. Во-первых, эти сведения могут быть цифровыми носителями информации, которые также имеют материальную форму. Во-вторых, рассматриваемые доказательства могут существовать только в электронном виде и быть полученными с помощью информационных технологий [7]. И если первый их вид принимается судом без проблем, то со вторым возникают трудности.

В качестве одного из особо ярких примеров использования инновационных технологий можно назвать внедрение специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, работающие в автоматическом режиме (дорожные камеры), которые с помощью заложенных в них программ получают и обрабатывают информацию. Эти устройства следят за скоростью движения транспортных средств, и их показания являются доказательством при рассмотрении дел о совершении правонарушений, которые могут по-разному рассматриваться административными органами и судами. Проблема, возникшая в последние годы, связана с тем, что эти камеры, стоящие на расстоянии, сначала фиксируют скорость движения автомобилей, а уже потом программа считает среднюю скорость движения транспортного средства на участке между камерами, которая может быть допустимой на камерах, но превышенной на участке между камерами. Затем данные направляются в центр видеофиксации, где уполномоченные лица выносят постановления о назначении наказания. Это вызывает правовую неопределенность, потому что фактически программа фиксирует нарушение правил дорожного движения в части превышения скоростного режима, и на основании этого выносятся постановления о признании лица виновным с назначением наказания в виде штрафа. Но с точки зрения административного права данный вид нарушения является противоречащим закону. Такие

постановления обжалуются с точки зрения законности в суде, и суды, учитывая Постановление Верховного Суда РФ от 07.10.2019 года N 36-АД19-3, признают, что при рассмотрении данного вопроса следует учитывать, что к событию административного правонарушения относится время и место совершения административного правонарушения. Данные обстоятельства входят в предмет доказывания и подлежат выяснению в деле об административном правонарушении [8]. Это значит, что административное правонарушение, совершенное на участке между камерами фиксации не имеет точного времени и места, а также нельзя установить, точный размер превышения скорости, что влияет на квалификацию деяния, предусмотренного ст. 12.9 КоАП РФ [9], поэтому данное деяние нельзя признать правонарушением. Но до сих пор за данное правонарушение автовладельцев штрафуют, и немногие из них обращаются в суд за защитой. Действительно, с одной стороны правильно, что назначаются штрафы за данные правонарушения, ведь превышение скоростного режима может повлечь страшные аварии, но с учетом позиции судебной практики и законодательства это не правомерно.

Для решения этой проблемы, связанной с развитием технологий и отсутствием возможности правомерного регулирования, разработан проект Федерального закона о внесении изменений в КоАП [10], который был одобрен в первом чтении, но не был принят. В нем установлено, что не является доказательством административного правонарушения фиксация превышения установленной скорости движения транспортного средства на участке проезжей части дороги на основании расчета средней скорости движения транспортного средства на данном участке, а также фиксация нарушения правил расположения транспортного средства на участке проезжей части дороги на основании фиксации расположения транспортного средства в начале и в конце данного участка, без фиксации правонарушения в конкретно установленном месте и в конкретно установленное время. Таким образом, законодатель не признает доказательства правонарушений, полученных с помощью инновационных технологий, и идет по пути сохранения существующих правоотношений, не пытаясь их модернизировать в соответствии с возможностями, предоставляемыми современными технологиями. Суды в свою очередь не могут идти вразрез с действующим законом, поэтому данная правовая неопределенность является показателем того, насколько Российское законодательство готово к правовому оформлению доказательств, которые добываются или могут быть добыты с помощью новейших технологий. На данном примере видно, что если сложно однозначно урегулировать столь простое и, на первый взгляд, не очень существенное нарушение, то что будет, когда подобные доказательства будут рассматриваться в уголовном процессе, где цена вопроса не

штраф в размере от пятисот до пяти тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами (ст. 12.9 КоАП), а свобода человека?

В заключении хочется отметить, что инновационные технологии будут все стремительнее проникать в повседневную жизнь, поэтому будет возникать все больше пробелов в праве. Вот почему важно, чтобы законодатель своевременно реагировал на текущие изменения и учитывал достижения современной науки при регулировании возникающих отношений.

Список использованных источников:

1. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.08.2020
2. В США разработали программу, угадывающую 7 из 10 решений Верховного суда // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/124329/>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // "Парламентская газета", N 241-242, 22.12.2001
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // "СЗ РФ", 18.11.2002, N 46, ст. 4532
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // "Собрание законодательства РФ", 09.03.2015, N 10, ст. 1391
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // "Парламентская газета", N 140-141, 27.07.2002
7. Журкина О.В. Электронные доказательства: понятие и признаки // "Российская юстиция", 2020, N 9
8. Постановление Верховного Суда РФ от 07.10.2019 N 36-АД19-3 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07102019-n-36-ad19-3/>
9. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // "Российская газета", N 256, 31.12.2001
10. Проект Федерального закона N 494136-7 "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части уточнения условий привлечения к административной ответственности" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 11.12.2019) // Электронный ресурс. Режим доступа:

<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=1C4D15288387BEF3173292B39FC26970&base=PRJ&n=190071&stat=srcfld%3D134%26src%3D100010%26fld%3D134%26code%3D16876%26page%3Dtext%26p%3D16%26base%3DPBI%26doc%3D259951#yTkZAlSawwyk9CiF4>

Шалберкина М.Н.

Научный руководитель: д.ю.н, профессор Нарутто С.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

Россия, г. Москва

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ

Аннотация: Автор рассматривает проблемы применения цифровых инноваций в области медицины. Использование цифровых инноваций в медицинской практике - это современная тенденция в сфере здравоохранения. Определенные правовые барьеры препятствуют внедрению телемедицинских технологий и технологий искусственного интеллекта. С авторской точки зрения, одним из возможных решений данной проблематики может быть установление экспериментального правового режима

Abstract: The author addresses the problems of the application of artificial intelligence technologies in the field of medicine. The use of digital innovations in medical practice is a modern trend in the healthcare sector. Certain legal barriers contribute to the implementation of artificial intelligence technologies. From the author's point of view, one of the possible solutions can be considered by the participants of the experimental legal regime

Т.Я. Хабриева, отмечает, что «в развитии социального законодательства отчетливо проявляется и тенденция к юридикации - постоянному расширению сферы его воздействия. Оно охватывает как новые явления (генная инженерия, биотехнологии, социальные интернет-услуги и т.д.), так и давно существующие, но не регулируемые правом семейные, жилищные, иные общественные отношения» [2, с.3]. Цифровые инновации безусловный атрибут значимых социальных сфер жизни общества. Внедряясь в реалии общественной жизни, они попадают в поле зрения законодателя и выступают новым направлениями по созданию правовой основы их регулирования. Область медицины не является исключением из общего правила. Безусловными трендами современной медицинской науки являются телемедицинские технологии и технологии искусственного

интеллекта. В базовом Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ) [3] дефиниция телемедицинских технологий нашла отражение в ст. 36.2, к системам искусственного интеллекта можно отнести высокотехнологичную медицинскую помощь, которая на основании ст. 34 включает применение новых сложных и (или) уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, информационных технологий и методов геномной инженерии, разработанных на основе достижений медицинской науки и смежных отраслей науки и техники. Бесспорно, при оказании высокотехнологичной медицинской помощи происходит использование элементов системы искусственного интеллекта [1, с.10]. Использование цифровых инноваций в медицинской практике способствует устранению ряда социальных проблем, начиная от территориальной доступности медицинской помощи и заканчивая постановкой диагнозов, без прохождения дополнительных процедур диагностики. Точность работы создаваемых электронных моделей существенно облегчает труд медицинских работников, повышает пропускную способность пациентов и качество медицинских услуг. До недавнего времени сложности использования цифровых инноваций в медицинской деятельности сохранялись.

Расширение сферы цифровых технологий в медицинской практике наметилось с принятием в июле 2020 г. специального Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее - Закон № 258-ФЗ) [4] и Федерального закона от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»» [5]. В юридических кругах этот закон известен под названием «цифровой песочницы». Экспериментальный правовой режим способствует применению в отношении его участников временного специального регулирования направлений разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций. Суть применения экспериментальных правовых режимов в том, что механизм «специального регулирования» создает некое правовое «вакуумное» пространство для развития инноваций в отечественной науке, существующее вне рамок сложившихся правовых и организационных барьеров. Постановлением Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 [7] утвержден перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов, в медицинской области специальное регулирование распространяется на направления нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта. Под искусственным интеллектом в Национальной стратегии развития искусственного

интеллекта до 2030 года предложено понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений[6]. Искусственный интеллект создается человеком, является программным продуктом с заложенным алгоритмом отработанных механических операций, внедрение его позволяет содействовать врачам при диагностике заболеваний, выявлению патологий, мониторинге состояния пациентов, лечению и хирургическим вмешательствам. Отметим, что в рамках общего регулирования технологии искусственного интеллекта применяемого в медицинских целях, обладают статусом медицинских изделий, утвержденных Приказом Минздрава России от 06.06.2012 № 4н[8]. Следовательно, на них распространяются общие требования к маркировке, регистрации, качества, безопасности медицинских изделий, а специфика технологий искусственного интеллекта не учитывается.

Применение экспериментального правового режима существенным образом позволит изменить подходы, при тестировании телемедицинских технологий и технологий искусственного интеллекта, например, базовые понятия ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (здоровье, медицинская помощь, лечение и пр.) могут интерпретироваться в другом смысловом значении, для целей, предусмотренных программой экспериментального правового режима; в рамках клинической апробации возможны варианты оказания медицинской помощи, с особенностями, изложенными в программе экспериментального правового режима; устанавливаются особенности обращения медицинских изделий, в том числе без прохождения порядка их регистрации, и использования для тестирования цифровых инноваций.

В настоящее время обнародованы семь проектов в сфере цифровых инноваций, три из них в сфере здравоохранения: телемедицинский проект «ПАО МТС», проект внедрения систем поддержки принятия врачебных решений «Ассоциация Национальная база медицинских знаний», проект исследований рутинной клинической практики на основе обезличенных данных из электронных медицинских карт оператор «Дата матрикс».

Полагаем, что, применение потенциально нового подхода в медицинской действительности, в виде экспериментальных правовых режимов будет способствовать улучшению доступности качества медицинской помощи для российских граждан,

минимизации возможных рисков установления ошибочных диагнозов, конкурентоспособности и переходу на «цифру» отечественного здравоохранения.

Список использованных источников:

1. Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 78 - 96.
2. Хабриева Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 5 - 15.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.
5. Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»// СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5159.
6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
7. Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»// СЗ РФ.2020. № 44. Ст. 7003.
8. Приказ Минздрава России от 06.06.2012 № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» (вместе с «Номенклатурной классификацией медицинских изделий по видам», «Номенклатурной классификацией медицинских изделий по классам в зависимости от потенциального риска их применения»// Российская газета. № 245.2012.

СЕКЦИЯ 5

Развитие юридического образования в условиях цифровизации. Концепция Distant & Digital

Васильев С.А.

к.ю.н., доцент

*Севастопольский государственный университет,**Россия, г. Севастополь***ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ХОДЕ РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ**

Аннотация. Настоящая работа посвящена проблеме применения современных технологий в процессе аттестации кадров высшей квалификации. На протяжении пяти лет в России проходит реформа, связанная с предоставлением отдельным организациям права самостоятельного присуждения ученых степеней, которая также сопряжена с процессами цифровизации, на фоне чего выявлены определенные правовые вопросы, предложены варианты их разрешения.

Annotation. This work is devoted to the problem of using modern technologies in the process of certification of highly qualified personnel. For five years, Russia has been undergoing a reform related to granting individual organizations the right to independently award academic degrees, which is also associated with digitalization processes, against the background of which certain legal issues have been identified, and options for their resolution have been proposed

Цифровизация современного общества затрагивает самые разные сферы общественной жизни, порой даже те, которые традиционно считались максимально абстрагированными от современных технологий. Так, научная аттестация постепенно включала в себя элементы использования Интернета [1], а после пандемии коронавируса и вовсе допустила защиту диссертации частично в дистанционном формате [2].

С Федерального закона от 23 мая 2016 года № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике"» [3] началась большая реформа данных процессов, связанная с предоставлением отдельным наиболее авторитетным организациям права самостоятельного присуждения ученых степеней. На первых порах казалось, что именно они явят собой оплот всего прорывного,

нового, повысят качество научных исследований [4], выведут Россию на лидирующие позиции по всем направлениям, а также внесут новшества в части цифровизации государственной системы научной аттестации. Во многом это реализуется на практике, однако, в некоторых случаях процессы использования современных технологий вызывают определенные опасения с точки зрения объективности проведения аттестационных процедур, коррупционных составляющих и правовой защищенности соискателей ученых степеней и иных заинтересованных субъектов.

Так, отдельные организации предусматривают проведение заседания диссертационного совета полностью в интерактивном режиме, когда все, включая соискателя, проводят заседание дистанционно. В настоящее время существует большое количество технических средств для разного рода фальсификаций в ходе видеоконференцсвязи [5], что создает определенные угрозы для объективности принимаемых решений. Кроме того, дистанционный формат заседания в меньшей степени дисциплинирует его участников, не способствует внимательному усвоению озвучиваемого материала [6] членами совета, что также не на пользу развитию науки. Простые технические сбои могут стать причиной переноса заседания диссертационного совета, что закреплено в ряде локальных правовых актов организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, и тем самым нарушить правовой статус соискателя ученой степени, увеличить нагрузку на членов диссертационного совета и оппонентов.

Представляется целесообразным предусмотреть лишь частичное участие отдельных лиц в дистанционном формате по уважительным причинам или приблизить данные требования к общефедеральным для избежания правовых рисков, фальсификаций и злоупотреблений.

В других организациях не предусмотрено обязательное размещение приказов о выдаче дипломов на сайте организации, как это сделано в большинстве организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, и общей системе государственной научной аттестации. На сайтах данных вузов и НИИ размещена только информация об обладателях таких дипломов. Наличие копий приказов в открытом доступе дает более развернутую информацию, т.к. данный документ юридически фиксирует не только сам факт присуждения ученой степени, но и закрепляет некоторые процессуальные вопросы, которые могут иметь значение для заинтересованных субъектов [7] и дополнительно гарантирует правовой статус соискателей ученых степеней, а также объективность принимаемых решений организации.

Некоторые организации предусматривают электронное голосование членов диссертационных советов по вопросу присуждения ученой степени, что также не дает

гарантии объективного установления волеизъявления данного лица по аналогии с избирательным процессом в органы публичной власти [8, 9, 10]. В данном случае представляется целесообразным подробно прописать регламент осуществления данной процедуры именно с технической точки зрения.

В качестве общей рекомендации для всех организаций следует отметить необходимость тщательного администрирования электронных ресурсов, т.к. именно эти источники являются единственными для того, чтобы оценивать объективность принимаемых решений, и иных процессов, связанных с аттестационными процедурами в отличие от многообразия информационных источников Минобрнауки России и ВАК при данном органе государственной власти.

В целом рассмотренную реформу аттестации научных кадров можно оценить положительно, как некий шаг в сторону развития доктрины без существенных бюрократических препятствий. Однако в процессе осуществления любой деятельности, в том числе новой, имеют место определенные неточности, ошибки, чего избежать не удастся практически никогда. Цифровизация в нашей стране также идет далеко не без проблем. Если такого рода вопросы соединяются в двух развивающихся областях общественной жизни, то трудности, безусловно будут иметь место. В завершении хотелось бы выразить надежду на то, что данная ситуация с определенными затруднениями не станет правилом, а отечественная наука выйдет на мировое пространство со всем своим потенциалом.

Список использованных источников:

1. Порядок размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации, необходимой для обеспечения порядка присуждения ученых степеней, утвержденный Приказом Минобрнауки России от 16 апреля 2014 года № 326 (ред. от 27 ноября 2017 года) // Российская газета. 2014. 11 июня. № 130.
2. Положение о присуждении ученых степеней, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 20 марта 2021 года) // Собрание законодательства РФ. 2013. 7 октября. № 40 (часть III). Ст. 5074.
3. О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»: Федеральный закон от 23 мая 2016 года № 148-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 2016. 30 мая. № 22. Ст. 3096.
4. Нарутто С.В., Шугрина Е.С. О проекте по предоставлению университетам права самостоятельно присуждать ученые степени // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 221-225.

5. Устинов Р.А. Новые вызовы для систем обеспечения безопасности речевой информации в общедоступных каналах связи // Достижения естественных и технических наук в XXI веке. сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). 2017. С. 215-219.
6. Чеботарев А.В., Панарина М.М. Формы осуществления дистанционного правосудия в России // Адвокатская практика. 2021. № 3. С. 18-23.
7. Бачурин Б.А. О работе диссовета // Горное эхо. 2011. № 4 (46). С. 11-13.
8. Knysh V., Burshtynska D.I. Problems and prospects of introduction of electronic voting in Ukraine // Национальная Ассоциация Ученых. 2020. № 62-3 (62). С. 47-49.
9. Тихонова В.А. Проблемы и перспективы развития дистанционного электронного голосования на выборах в Российской Федерации // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XVI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. 2019. С. 60-65.
10. Зенин С.С. Применение информационных технологий в осуществлении населением местного самоуправления // Lex russica (Русский закон). 2008. Т. 67. № 5. С. 1221-1225.

Дорохова Н.А.

к.ю.н., доцент

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

Россия, г. Москва

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОНЛАЙН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В данной статье автор рассматривает новеллы российской правовой системе в сфере образования: «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии». Отдельное внимание уделяется практическим проблемам внедрения новых технологий в образовательный процесс и методам преодоления возникших технологических, психологических, социальных барьеров.

Annotation. In this article the author considers the innovations of the Russian legal system in the field of education: «e-learning» and «distance learning technologies». Particular attention is

paid to the practical problems of implementing new technologies in the educational process and methods of overcoming technological, psychological and social barriers.

Последние десятилетия в мире прослеживается устойчивая тенденция к внедрению новых цифровых технологий в образовательную сферу, но особенно актуальным этот вопрос стал в связи с Пандемией COVID-19. Как справедливо отмечают коллеги, образовательная деятельность претерпевает существенную трансформацию, преподавателями высших школ активно разрабатываются и внедряются новые актуальные методики и приемы обучения в различных формах проведения учебных занятий, которые смогут не только заинтересовать и заставить студентов думать, но и закреплять пройденный материал по изучаемой правовой дисциплине даже в условиях дистанционного обучения [1, с. 12].

Применительно к обучению в высшей школе, законодатель отреагировал на новые реалии посредством закрепления легальных определений «электронного обучения» и «дистанционных образовательных технологий» (ч. 1 ст. 16 Закона об образовании) [2], разработкой методических рекомендаций об организации учебного процесса и иными подзаконными актами. При этом конкретизация вопросов о применении дистанционных образовательных технологий передана самим образовательным учреждениям. Так, способ идентификации личности обучающихся, порядок действий студента и тех, кто проводит промежуточную аттестацию, при возникновении технических проблем и т.п. определяются в локальном нормативном акте о порядке проведения промежуточной аттестации (п. 2.1.1. Методических рекомендаций [3]). Например, в таком локальном акте МГЮА закреплено, что при проведении государственных аттестационных испытаний используемые помещения и применяемые технические средства обеспечивают визуальную идентификацию личности обучающегося (производится с предъявлением документа, удостоверяющего личность, и студенческого билета), обзор членами ГЭК процесса подготовки обучающимся ответа, видеозапись ГОСов; при этом обучающийся самостоятельно обеспечивает себя оборудованием, обеспечивающим синхронное взаимодействие студента и членов ГЭК с помощью видеокамеры, микрофона и аудиоколонок, отвечающих определенным техническим требованиям (ОС: Windows или OS X, наличие постоянного Интернет-соединения определенной скорости и др.) [4].

Законодатель верно разграничил электронное обучение, т.е. обучение без «живого преподавателя» и обучение с помощью дистанционных образовательных технологий, подразумевающее наличие взаимодействия преподавателя и студента, но только опосредованного (на расстоянии). Полагаю, что эти две категории можно объединить родовым понятием «онлайн образование».

В юридическом сообществе высказываются соображения, что обучение с применением дистанционных технологий следует выделить в отдельную форму обучения. Представляется, что онлайн образование не образует отдельную форму образования т.к. данные формы закреплены в ч.1 ст. 17 Закона об образовании исчерпывающим образом, а из ч. 1 ст. 16 данного Закона следует, что и электронное обучение и дистанционные технологии предполагают технологическую специфику, но не содержательную (объем часов, содержание занятий и т.п.).

Переход на онлайн образование в высшей школе требует внедрения и освоения профессорско-преподавательским составом новых форматов, таких как: видеолекция, вебзанятие, онлайн-конференции, подкастинг, диалоговый тренажер, цифровые симуляции и элементы геймификации практической работы юриста (например, возможно моделирование судебного процесса, устного консультирования клиента, сопровождения сделки и т.п.). В литературе отмечают следующие проблемы онлайн образования: отсутствие личного общения с преподавателем (не получится задать вопрос во время перерыва или подойти в ВУЗе); обучающийся не может сопоставить свои достижения с других студентов; технические проблемы со связью; отсутствие мотивации и самодисциплины у студентов; преподавателю сложно оценить невербальные показатели студента, степень понимания материала; обезличивание преподавателя и студента, что вызывает психологический дискомфорт и т.д. [5, с. 85]. Опыт работы профессорско-преподавательского состава МГЮА, показывает, что ряд этих проблем сильно преувеличены и могут быть разрешены. Так, например, возможность задать дополнительный вопрос у студента сохраняется и во время и после дистанционного занятия, а также в Академии практикуются еженедельные консультации преподавателей, на которые сейчас студент может попасть по ссылке. Онлайн проходят различные мастер-классы, заседания научных кружков и т.п., что наоборот повышает возможности обучающихся получить дополнительные знания и навыки по предмету. Посещаемость дистанционных лекций и семинарских занятий выше, на таких занятиях могут присутствовать даже болеющие студенты, которые не смогли бы очно быть в ВУЗе. Говоря о невербальном общении, не стоит забывать о возможностях видеосвязи, а также, что преподаватель способен по речи студента определить степень владения материалом, а равно рассказывает ли студент материал или просто его зачитывает. Полагаю, что обозначенные выше проблемы относятся скорее к электронному образованию, нежели дистанционным технологиям. Что касается электронного образования, представляется, что оно должно увеличиваться в использовании высшими школами. Так, например, возможности видеозаписи позволяют создать «золотой фонд» лекций и тогда студент получает возможность слушать лекцию не только закрепленного за курсом преподавателя, а

познакомиться с подходами и научными достижениями сразу нескольких преподавателей. Полагаю, что возможности цифровых технологий позволят обеспечить студентам больше качественного материала и простоту доступа к нему независимо от места жительства.

Список использованных источников:

1. Васильева О.Н., Надточий Ю.Б. Современные формы проведения занятий, приемы и методы обучения, используемые в преподавании преподавании правовых дисциплин в высшей школе // Юридическое образование и наука. 2020. № 8. С. 10 – 14.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2012. № 303.
3. Методические рекомендациями по применению технических средств, обеспечивающих объективность результатов при проведении промежуточной и государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры с применением дистанционных образовательных технологий», утв. Минобрнауки России 01.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ Ректора МГЮА от 30 апреля 2020г. № 148 «О внесении изменений» [Электронный ресурс] // URL: https://drive.google.com/file/d/1BVM-4l_ost2PzBvYHKteGbRm9vSg0DOv/view
5. Шевцова Г.А. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в вузах // Делопроизводство. 2021. № 1. С. 82 – 88.

Залоило М.А.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Клименко Е. П.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Российская Федерация, г. Симферополь

КОНЦЕПЦИЯ DISTANT & DIGITAL

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция DISTANT & DIGITAL как эксклюзивный международный проект, созданный для поддержания и развития интеллектуального и цифрового права, поддержки малого и среднего предпринимательства, повышения уровня юридического образования. Данная платформа имеет научно-практическое значение, поскольку возможность обмена опытом, получения

актуальной и уникальной информации, возможности обучения у высококвалифицированных спикеров представляет собой исключительную возможность для реализации как научного так и профессионального потенциала.

Annotation. This article discusses the concept of DISTANT & DIGITAL as an exclusive international project created to maintain and develop intellectual and digital law, support small and medium-sized businesses, and improve the level of legal education. This platform is of scientific and practical importance, since the opportunity to exchange experience, obtain relevant and unique information, and study with highly qualified speakers is an exceptional opportunity to realize both scientific and professional potential.

Процесс цифровизации современного общества в настоящее время стремительно развивается во всех отраслях общественной жизни, в том числе хотелось бы отметить успешные нововведения в сфере правового образования. В первую очередь, бурное развитие, к сожалению, вызвано всемирной эпидемией, которая оставила неизгладимые последствия во всех отраслях общественной жизни, однако если взглянуть на данный процесс с другой стороны, именно ограниченные условия позволили реализовать проекты, которые дали старт развитию цифровизации. Образование в целом, в период пандемии выявило слабые стороны, в частности связанные с ограниченными возможностями технического характера, и недостатком уровня квалификации в отношении компьютерной и цифровой грамотности сотрудников, что позволило стремительно устранить проблемы для дальнейшего функционирования образовательного процесса. Находя новые возможности для проведения различного рода, как научных мероприятий, так и образовательного процесса, научное сообщество показало и связало уже квалифицированных в той или иной области, «профессионалов своего дела» и только начинающих, изучающих ту или иную отрасль студентов, что по нашему мнению имеет огромное значение именно для стимулирования процесса познания и образования.

Ассоциация IPChain, Федерация интеллектуальной собственности, ВОИС и международный коммуникационный бренд «IPQuorum» создали поистине уникальный продукт, который объединил множество профессионалов и международных экспертов не только Российской Федерации, а также Великобритании, Сингапура и стран СНГ. Результатом данной деятельности стал проект DISTANT & DIGITAL, который представляет под собой крупнейшую на территории СНГ и РФ образовательную конференцию, для экспертов в сфере трансформации права, интеллектуальной собственности, креативных индустрий и цифровой экономики [1]. Конференция объединила в себе два крупнейших

публичных мероприятия РФ и СНГ по развитию интеллектуальной собственности и цифрового права: IP Академию и Skolkovo LegalTech.

IP Академия представляет собой новый формат интеллектуальной собственности, который был создан на базе Сколково. Академия является одним из лидирующих образовательно-просветительским мероприятием для большого круга специалистов в отрасли интеллектуальной собственности. В 2019 году конференция собрала 1500 участников, где состоялось 17 сессий и 74 мастер-класса, в которых выступили более 160 спикеров, в их числе директор представительства Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO, ВОИС) в РФ Павел Спицын, руководитель Роспатента Григорий Ивлиев.

В настоящее время данный формат и масштаб международной конференции является уникальным, а возможность напрямую взаимодействовать с высококвалифицированными профессионалами, «акулами» в сфере интеллектуального права, цифрового права, успешными предпринимателями и опытными спикерами позволит повысить свой профессиональный уровень не только обещающихся, а также начинающих предприниматели, владельцев малого и среднего бизнеса.

В ходе международной конференции спикеры из различных как отечественных, так и зарубежных компаний квалифицирующихся в области цифровизации юридических процессов подняли тему изменения, которые наступили после тренда «посткоронавирусной эпохи». Телекоммуникационный холдинг «Veon» отметил, что темпы роста изменений величились в 10 раз.

По прогнозам компании «ZION Market Research», к 2026 г. объем рынка LegalTech достигнет 37 млрд долл. со среднегодовым ростом 35,94%. Ожидается, что пандемия может послужить толчком к более активному внедрению LegalTech в России. Пандемия существенно трансформировала подходы и способы ведения бизнеса [2].

В ходе конференции ее участники представляют реальные кейсы из различных сфер экономики в период пандемии и оценивают влияние коронавируса на развитие интеллектуальной собственности при снижении темпов мирового экономического роста.

Управляющий партнер центра интеллектуальной собственности «Сколково» А.Пушков выразил уверенность в том, что конференция стала отправной точкой для позитивных изменений в сфере интеллектуальной собственности и LegalTech. Специалисты, по его мнению, объединились, чтобы определить, какие изменения привнесла эпоха «новой нормальности», как изменится бизнес в различных сферах креативной экономики и работа юристов [2].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что развитие юридического образования в условиях цифровизации, имеет большой потенциал, поскольку анализируя то, что за такие короткие сроки был создан такой исключительный и масштабный проект, говорит о великих открытиях. Обмен международным опытом, выступление профессионалов, привлечение международных компаний в дальнейшем может стать хорошей базой, как для системы образования, так и для развития экономики.

Список использованных источников:

1. IP Академия & Skolkovo LegalTech. DISTANT & DIGITAL [Электронный ресурс] / ООО "АЙПИКВОРУМ" – Москва. 2021 - Режим доступа: <https://dd.ipquorum.ru/#about>
2. ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ "DISTANT & DIGITAL" [Текст] : "Патенты и лицензии. Интеллектуальные права" / Учредители: ООО "Редакция "Патенты и лицензии" – журнал № 10, 2020. – 49 с.